

У 46
661

801-15
1613
XIV
3,2
СРБ

~~1870~~
~~У 46~~
~~661~~

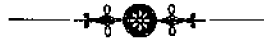
УЛЬТРАМОНТАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВЪ XIX СТОЛѢТІИ,

ДО ВАТИКАНСКАГО СОВОРА (1869—70)

ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

Священника Иоанна Арсеньева.



1895

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17.
1895.

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Вѣра и Разумъ» за 1896 годъ.



12936-44



2014142557

ВВЕДЕНІЕ.

18 іюля 1870 года на Ватиканскомъ соборѣ въ Римѣ провозглашенъ былъ новый догматъ о непогрѣшимости папы въ его опредѣленіяхъ (ex cathedra). Этимъ актомъ духовная власть римскаго первосвященника достигла наибольшей степени своего возвышенія. Отселѣ папа уже не только намѣстникъ Христа на землѣ: онъ самъ есть „видимый Христосъ вселенной“ (der Sichtbare Christus der Welt), какъ весьма характерно, за нѣсколько лѣтъ до Ватиканскаго собора, выразился въ своей рѣчи на католическомъ съѣздѣ въ Лиццѣ кѣльнскій профессоръ Крейзеръ, заранѣе изображая скорое возвеличеніе духовной власти папы ¹⁾.

Какъ всякое важное по своему внутреннему характеру и по своимъ результатамъ историческое событіе, такъ и провозглашеніе новаго догмата 1870 г. никакъ нельзя разсматривать и обсуждать внѣ связи съ предыдущими историческими явленіями. Въ томъ и заключается задача всякаго историка, чтобы установить между различными историческими событіями известную прогматическую связь, основываясь на которой, онъ могъ бы, по возможности, лучше освѣтить эти событія, вѣрнѣе и нагляднѣе представить самому себѣ и другимъ ихъ настоящее значеніе въ исторіи.

Въ исторіи новаго Ватиканскаго догмата установленіе такой

¹⁾ Friedrich, Geschichte des Vatikanischen Concils, B. I, s. 352.

связи особенно важно, потому—что провозглашение этого догмата есть конечный результат вѣковыхъ стремленій папъ сосредоточить всю церковную власть въ своихъ рукахъ и сдѣлаться чрезъ это единовластными правителями Церкви. Вотъ почему, съ точки зрѣнія историка, особенно интересно прослѣдить, какъ именно постепенно шло впередъ развитіе духовной власти папъ въ католической церкви. Въ своемъ излѣдованіи мы сосредоточимъ вниманіе читателей, собственно, на исторіи этого развитія въ настоящемъ столѣтіи и чрезъ это постараемся рѣшить тотъ интересный вопросъ, чѣмъ именно объясняется, что въ нашъ сравнительно свободолобивый (либеральный) вѣкъ папство снова возвращается къ тому идеалу, который начертанъ былъ имъ еще въ средніе вѣка, и—мало того, что возвращается къ нему—даже достигаетъ въ значительной мѣрѣ осуществленія этого идеала на Ватиканскомъ соборѣ. Отыскать и показать причину такой исторической загадки есть дѣло далеко не лишнее интереса, особенно въ виду того, что провозглашеніе новаго догмата 1870 г. совершилось сравнительно такъ недавно, какъ бы воочию всѣхъ насъ, а также и потому, что намъ суждено быть свидѣтелями ближайшихъ послѣдствій этого событія не только для самой католической церкви, но и для многихъ сторонъ европейской международной политики.

Прежде—чѣмъ переходить къ выполненію указанной задачи предлагаемаго излѣдованія, мы считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ въ краткихъ, но, по возможности, существенныхъ чертахъ, весь ходъ историческаго развитія папской власти, начиная съ IX вѣка и кончая послѣдними годами XVIII столѣтія. Предпослать своему излѣдованію такой обзоръ мы считаемъ необходимымъ по многимъ причинамъ. Прежде всего, такое обозрѣніе историческихъ судебъ папства въ теченіи цѣлыхъ девяти вѣковъ выяснитъ намъ тѣ главнѣйшія побужденія, которыми руководились папы за все это время въ своихъ стремленіяхъ къ приобрѣтенію единоличной власти въ католической церкви: а такъ какъ и Пій IX, во всемъ вѣрный средневѣковому идеалу своихъ предшественниковъ, конечно, имѣлъ въ основаніи всѣхъ своихъ условныхъ актовъ, и особенно акта 1870 г., тѣ же мотивы, что и его предшественники, то, сдѣлавши об-

зоръ папской исторіи за предыдущія нашему вѣку столѣтія, мы значительно облегчимъ себѣ пониманіе историческаго хода развитія папской власти и въ XIX вѣкѣ. Далѣе, этотъ же обзоръ покажетъ намъ, какъ различные періоды исторіи папства, начиная съ IX вѣка, противъ стремленій римскихъ первосвященниковъ къ возвышенію своей власти въ католической церкви возбуждались не только среди мірянъ, но даже и среди самого духовенства этой церкви, болѣе или менѣе сильные протесты. Обозрѣвая исторію самыхъ замѣчательныхъ изъ этихъ протестовъ, мы безъ особеннаго труда увидимъ, что они чаще всего исходили изъ лагеря тѣхъ членовъ католической церкви, которые, со стороны приверженцевъ идеи папскаго возвышенія, или ультрамонтанъ, назывались, обыкновенно, „либеральными“ католиками, но которые были, въ сущности, гораздо консервативнѣе самихъ ультрамонтанъ, такъ какъ стремились отстоять въ своей церкви тотъ порядокъ церковнаго управленія, который ближе подходилъ къ древне-церковному, православному, порядку, именно: порядокъ соборнаго управленія, при которомъ папа считался, по власти, ниже собора. Сравнивая всѣ эти протесты такъ называемыхъ *либеральныхъ* католиковъ (будемъ называть ихъ лучше *умѣренными*, что будетъ правильнѣе) въ различные періоды папской исторіи, начиная съ IX столѣтія, съ тѣми протестами, какіе пришлось встрѣтить ультрамонтанскимъ дѣятелямъ XIX столѣтія,—мы легко убѣдимся, что между тѣми и другими протестами есть въ общемъ много сходнаго, что объясняется, конечно, прежде всего и главнѣйшимъ образомъ не только сходствомъ, но даже, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и тождествомъ основной программы протестующихъ прежняго и нынѣшняго времени. Наконецъ, обозрѣніе девятивѣковой борьбы папъ и приверженцевъ папской идеи съ *умѣренными* католиками уяснитъ намъ, какова была во всѣ періоды этой борьбы тактика ультрамонтанскихъ борцовъ,—тактика, которую они, въ основныхъ ея чертахъ, мало измѣнили и въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Однимъ словомъ, посвятивши введеніе въ наше излѣдованіе обзору историческаго развитія папской власти за девять вѣковъ до нашего столѣтія, мы чрезъ это облегчимъ себѣ разрѣ-

шеніе основнаго вопроса всего нашего изслѣдованія, именно: какъ совершилось постепенное возвышеніе духовной власти папъ въ настоящемъ вѣкѣ?

IX-й вѣкъ можно считать началомъ вступленія папства на тотъ путь, ида по которому, оно, послѣ вѣковой борьбы отчасти со свѣтскою властію, отчасти съ представителями умѣреннаго католицизма,—достигло, наконецъ, того возвышенія, которое совершилось на Ватиканскомъ соборѣ 1870 года. Дѣло въ томъ, что въ IX вѣкѣ появился впервые тотъ знаменитый сборникъ папскихъ декреталій, составленіе котораго долгое время приписывали западному писателю VII вѣка, Исидору Севильскому. Значеніе этого сборника въ исторіи постепеннаго возвышенія папской власти вообще и въ частности развитія ученія о папской непогрѣшимости такъ важно, что мы не можемъ не остановить на немъ своего вниманія. Хотя прямо, въ чистомъ видѣ, въ указанномъ сборникѣ не содержится ученіе о папской непогрѣшимости, однако тѣ основныя положенія, которыя развиваются въ этомъ актѣ, прямо ведутъ къ этому ученію. Положенія эти слѣдующія: 1) всякій соборъ имѣетъ нужду въ принятіи и утвержденіи его опредѣленій папою; 2) папа имѣетъ полноту власти въ дѣлахъ вѣры и есть епископъ всей вселенской Церкви ¹⁾. Вотъ какъ развиваются и доказываются эти положенія въ произведеніи Лжеисидора: „Никто,—ни человекъ со слабымъ умомъ, ни весьма мудрый,—не сомнѣвается, что Римская Церковь есть основаніе и образецъ для церквей, и всякій изъ правовѣрующихъ знаетъ, что всѣ церкви получили начало отъ нея. Поелику, хотя избраніе всѣхъ апостоловъ было одинаково, однако блаженному Петру предоставлено имѣть превосходство предъ прочими, вслѣдствіе чего онъ и *Кифою* названъ, такъ какъ онъ есть *глава* ²⁾ и первый среди всѣхъ апостоловъ. А то, что имѣло прежде мѣсто относительно главы, то, по необходимости, должно послѣдовать и по от-

¹⁾ Папа и соборъ, Януса, перев. свщ. Ладинскаго, стр. 121—122.

²⁾ Здѣсь, очевидно, игра словъ: *Cephas* (Кифа) и *caput* (глава).

ношенію къ членамъ. По этой причинѣ святая Римская Церковь, освященная, по заслугѣ его (св. Петра), словомъ Господнимъ и утвержденная авторитетомъ свв. отцовъ, обладаетъ приматствомъ надъ всѣми церквами, и ей слѣдуетъ всегда предлагать на судъ не только важнѣйшія дѣла, сужденія и споры епископовъ, но и важнѣйшіе церковные вопросы, такъ какъ она есть глава... Сама (римская) Церковь, поелику она первая, положила въ такой мѣрѣ удѣлить остальнымъ церквамъ причастующее ей положеніе, чтобы оны призывались только къ части попеченій (о вѣрующихъ), а не къ полнотѣ власти ¹⁾. По теоріи Лжеисидора, опредѣленія папы имѣютъ значеніе всеобщаго закона, провинціальныя соборы нуждаются въ его утвержденіи, а также всѣ, такъ-называемыя *causae majores*, именно всякаго рода апелляціи, подлежатъ его верховному суду ²⁾. Такова въ общихъ, но существенныхъ чертахъ система Лжеисидоровскихъ декреталій. Какъ видно, ученіе о папской непогрѣшимости въ ней, собственно, не выражено, но все-таки легко подразумѣвается, такъ что въ одномъ мѣстѣ своего сборника Лжеисидоръ приписываетъ одному изъ древнихъ папъ даже такія слова: „римская церковь останется до конца міра чистою отъ всякаго заблужденія“ ³⁾. Хотя здѣсь говорится, собственно, о непогрѣшимости римской церкви, а не самого ея верховнаго представителя, папы, однако это, въ существѣ дѣла, сводилось къ одному и тому же. Да притомъ и самая теорія, по которой соборы лишь тогда получаютъ законный ав-

¹⁾ Nulli vel temeriter sentienti vel pleniter sapienti dubium est, quod Ecclesia Romana fundamentum et forma sit ecclesiarum, a qua omnes ecclesiae principium sumpsisse nemo recte credentium ignorat, quum, licet omnium apostolorum par esset electio, beato tamen Petro concessum est, ut ceteris praecemeret, unde et *Cephas* vocatur, quia *caput* est et primus omnium apostolorum. Et quod in capite praecessit, in membris sequi necesse est. Quamobrem S. Rom. Ecclesia, ejus merito Domini voce consecrata, et ss. patrum auctoritate roborata, primatum tenet omnium ecclesiarum, ad quam tam summa episcoporum negotia et judicia atque querelae, quam et majores Ecclesiarum quaestiones, quasi ad caput, semper referenda sunt... *Ipsa namque Ecclesia, quae prima est, ita reliquis ecclesiis vires suas credidit largiendas, ut in partem sint vocatae sollicitudinis, non in plenitudinem potestatis* (См. приложение къ сочиненію проф. Friedrich'a Tagebuch...).

²⁾ См. тамъ же, стр. 443.

³⁾ Папа и соборъ, Януса, стр. 122.

торитетъ, когда утверждаютъ папою,—очевидно, предполагала ту мысль за несомнѣнную, что папа не можетъ ошибаться въ своихъ рѣшеніяхъ.

Первый изъ папъ, который воспользовался сборникомъ Лжеисидора и постарался приложить изложенную въ немъ теорію къ практикѣ, былъ Николай I (858—867). Известна его продолжительная борьба съ Фотіемъ, по поводу изложенія патриарха Игнатія. Въ этой борьбѣ папа впервые проявляетъ относительно Восточной Церкви небывалую дотогѣ въ Церкви вселенской власть *вселенскаго епископа* (*episcopus universalis*), въ силу которой ему будто-бы подчинены даже патриархи, не говоря уже о простыхъ епископахъ. И на западѣ Николай I неоднократно проявляетъ свою верховную власть надъ епископами, причемъ прямо ссылается, въ оправданіе своихъ дѣйствій, на авторитетъ Лжеисидорова сборника. Особенно замѣчательны его столкновения съ Гинкмаромъ, архіепископомъ Реймскимъ,—изъ-за низложеннаго послѣднимъ Суассонскаго епископа Ротада,—и съ архіепископами Кельнскимъ и Трирскимъ, изъ-за дѣла о разводѣ Лотарингскаго короля Лотаря II съ своей супругой Титбергой. Въ обоихъ случаяхъ папа одержалъ верхъ надъ тремя архіепископами, которые, основываясь на томъ, что по церковнымъ правиламъ, въ дѣлахъ помѣстныхъ церквей имѣютъ рѣшающее значеніе провинціальныя соборы, старались оправдать предъ папой свои дѣйствія. Для насъ въ данномъ случаѣ, конечно, не важенъ вопросъ, справедливо-ли низложилъ Гинкмаръ Ротада, а также не важно и то, законно ли поступили архіепископы Кельнскій и Трирскій, когда одобрили разводъ Лотаря съ его законной супругой. Для насъ важно то, что, независимо отъ вопроса, на чьей сторонѣ была правда нравственная,—несомнѣнно одно, что папа Николай поступилъ противъ церковныхъ правилъ, когда, вопреки приговору провинціального (Суассонскаго) собора, самолично на Римскомъ соборѣ возстановилъ Ротада въ его санѣ; а также и въ томъ случаѣ, когда лишилъ сана архіепископовъ Кельнскаго и Трирскаго. Въ этихъ дѣйствіяхъ папы очень ясно выразилось его стремленіе проявить свою верховную власть надъ всѣми епископами, даже надъ митрополитами (которые на за-

падѣ, обыкновенно, назывались и называются архіепископами), подобно тому, какъ онъ въ дѣлѣ патриарховъ Игнатія и Фотія попытался проявить таковую же власть надъ патриархами. Возстановляя низложеннаго Ротада, папа въ особомъ, по поводу этого дѣла, декретѣ указалъ на два главныя основанія въ пользу своего образа дѣйствія и противъ протестовавшихъ французскихъ и германскихъ епископовъ. Первое основаніе указанное имъ то, что ни одинъ соборъ не можетъ будто-бы быть законно собранъ безъ согласія папы¹⁾; а другое заключалось въ томъ, что вопросъ о низложеніи епископа относится къ важнѣйшимъ церковнымъ вопросамъ (*causae majores*), которые, по причинѣ такой именно важности, подлежатъ будто-бы единственно вѣдѣнію папскаго престола, такъ—что только папа (безъ всякаго участія со стороны собора) и можетъ низложить епископа²⁾. Такая теорія, очевидно, совершенно подрывала не только всю практику древней церкви относительно созванія соборовъ и власти областныхъ митрополитовъ, но даже и ту практику, которая до папы Николая существовала собственно въ самой западной церкви. Поступокъ этого папы въ дѣлѣ возстановленія Ротада и низложенія архіепископовъ Кельнскаго и Трирскаго имѣлъ такимъ образомъ характеръ открытаго покушенія стать видимымъ главою всей Церкви.

Послѣ папы Николая, какъ известно, вскорѣ послѣдовалъ довольно продолжительный періодъ упадка папской власти, когда папскій престолъ преемственно занимали лица порочныя и слабыя. Повидимому за это время идеалъ папскаго единовластія въ церкви, за который такъ энергично ратовалъ папа Николай I,—преданъ былъ забвенію. Но это продолжалось лишь около двухсотъ лѣтъ, до папы Льва IX, при которомъ дѣло, начатое Николаемъ, вступило въ новую фазу. Взявъ на себя роль

1) «Facto Concilio generali», такъ выражался папа, «quod sine praeepto Sedis apostolicae nulli fas est vocandi, eum (т. е. еп. Ротада) damnaverunt (т. е. французскіе епископы, собравшіеся на соборѣ Суассонскомъ вмѣстѣ съ архіеписк. Гинкмаромъ)». См. Philippi, Geschichte des Papstthums, VIII B., S. 67.

2) «Quia sacra statuta et veneranda decreta Episcoporum causas, ut pote majora negotia pe finiendas censurae mandarunt». См. Philippi, цитованное соч., VIII B., S. 68.

исправителя церковныхъ нестроений и искоренителя разнаго рода беспорядковъ и злоупотреблений, укоренившихся въ западной церкви,—этотъ папа не только поставилъ папскую власть на ту высоту, какую она приобрѣла при Николаѣ, но сдѣлалъ еще болѣе для этой власти: онъ подготовилъ своею реформаторскою дѣятельностію путь къ дальнѣйшему возвышенію папства при знаменитомъ Григоріи VII, котораго можно считать отцомъ ультрамонтанской партіи. Вотъ почему мы остановимся на немъ подольше.

Личность этого папы особенно ярко выступить предъ нами, если мы обратимся къ характеристикамъ его воззрѣній на свою власть и на ея отношеніе къ власти свѣтской. Идеаль, за который и во имя котораго Григорій VII всю жизнь боролся, и который ему удалось, наконецъ, такъ блистательно осуществить,—заключался въ томъ, чтобы все мірское подчинить духовному. Исходя изъ вполне истиннаго принципа, что духовное выше мірскаго, онъ понялъ его слишкомъ односторонне и, пожалуй, слишкомъ виѣшне. Онъ свелъ весь вопросъ объ отношеніи между духовнымъ и мірскимъ единственно къ вопросу о томъ, можетъ ли свѣтская власть существовать рядомъ съ властію церковною, не подчиняясь ей. Проникнувшись духомъ Лжеисидоровыхъ декреталій, онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно и поставилъ себя главною жизненною задачею стремиться къ тому, чтобы стать единственнымъ верховнымъ властителемъ во всемъ католическомъ мірѣ. Черезъ это онъ, очевидно, переступалъ границу, отдѣляющую область духовной власти отъ области власти свѣтской, и, увлекаемый своимъ теократическимъ идеаломъ, сдѣлался не только единовластителемъ духовнымъ, но и свѣтскимъ монархомъ. Императоръ и короли невольно стали по отношенію къ нему въ ленную зависимость, такъ-какъ, подъ страхомъ интердикта, въ большинствѣ случаевъ не дерзали ослушаться его распоряженій. Известно, какъ неудачно для императорской власти окончилась борьба съ Григоріемъ Генриха IV. Собственно для нашей задачи важно и интересно, какъ смотрѣлъ этотъ папа на свою власть въ самой церкви, въ какое отношеніе онъ ставилъ себя къ архіепископамъ и епископамъ, а также къ областнымъ

соборамъ. До насъ сохранились письма Григорія VII, въ которыхъ онъ, между прочимъ, съ особенною силою выражаетъ свои верховныя права надъ отдѣльными епископами. Такъ по поводу обвиненія епископа Орлеанскаго, Реньэ, въ незаконномъ занятіи епископскаго престола и въ симоніи, папа пишетъ архіепископамъ Санскому (Sens) и Буржскому (Bourges) слѣдующее: „Я три раза призывалъ его (т. е. Реньэ), чтобы „выслушать отъ него оправданіе во взводимыхъ на него обвиненіяхъ; между тѣмъ, онъ и не думалъ извиняться въ нихъ. „А послѣ того, какъ я его низложилъ и отлучилъ, онъ, однако, не переставалъ исправлять обязанности епископскія. Онъ „даже позволилъ своимъ слугамъ долго держать въ заключеніи того, кого я послалъ съ своими письмами. Вотъ почему „я предписываю вамъ (т. е. архіепископамъ Санскому и Буржскому) собраться въ какое угодно мѣсто, куда бы вы могли „призвать его (Реньэ) для отвѣта по этимъ обвиненіямъ. Если „въ теченіи сорока дней онъ не явится или не оправдается на „основаніи каноновъ, то я объявляю его совершенно и окончательно низложеннымъ. Вы обнародуете этотъ приговоръ и поставите на мѣсто Реньэ Сансона, о которомъ вы мнѣ писали 1)“ Уже самый тонъ, съ какимъ написаны эти строки, ясно обнаруживаетъ, въ какія именно отношенія сталъ папа къ архіепископамъ, не говоря уже о епископахъ. Онъ категорически предписываетъ первымъ созывать соборы и изрекать на нихъ такой или иной приговоръ надъ виновными епископами. Въ случаѣ ослушанія, онъ грозитъ и низложеніемъ, и отлученіемъ. Вообще тонъ его рѣчи таковъ, что достаточно немногихъ словъ его письма, чтобы придти къ убѣжденію, что онъ — абсолютный монархъ въ Церкви, которому всѣ архіепископы и епископы должны безусловно покоряться. Еще ярче проявилась такая неограниченная власть Григорія VII надъ всѣми архіепископами и епископами по вопросу о всеобщемъ целибатѣ духовенства. По поводу этого вопроса, папа созвалъ въ Римѣ особый соборъ, по окончаніи котораго онъ разослалъ нѣсколько писемъ германскимъ епископамъ. Въ этихъ пись-

1) Кн. V, письмо 8—е. См. Fleury, Hist. Ecclésiastique, L. LXII, c. 49.

махъ онъ настоятельно требуетъ отъ нихъ, чтобы они немедленно принудили всѣхъ тѣхъ священниковъ своихъ епархій, которые имѣютъ женъ, развестись съ ними, подь страхомъ низложенія и отлученія отъ церкви. Несмотря на сильныя протесты и возраженія, которые поднялись со всѣхъ сторонъ противъ такого распоряженія римскаго первосвященника, онъ все-таки настоялъ на своемъ. Онъ написалъ нѣсколько посланій священникамъ и даже мирянамъ въ Германію, чтобы они отложились отъ своихъ епископовъ, въ случаѣ, если бы послѣдніе позволили членамъ своего клира пребывать въ брачномъ состояніи ¹⁾.

Высказать подобную угрозу и быть увѣреннымъ, что она подействуетъ, могъ только такой папа, какъ Григорій VII, предъ силой энергіи котораго все неволью преклонялось. Тѣмъ не менѣе нельзя не назвать его дѣйствій по отношенію къ архіепископамъ и епископамъ узурпаторскими, небывалыми въ древней вселенской церкви. Знаменательнымъ признакомъ новыхъ отношеній его къ іерархіи можно считать то, что при немъ установлена была, собственно для итальянскихъ епископовъ, особая форма присяги, въ которой эти послѣдніе должны были выражать свою ленную зависимость по отношенію къ папѣ. Вскорѣ такая форма стала обязательною для всѣхъ вообще католическихъ епископовъ и даже архіепископовъ ²⁾. Давая такого рода присягу, прелаты, между—прочимъ, торжественно обязывались непременно являться на всѣ тѣ соборы, на которые вызоветъ ихъ папа; кромѣ того, они давали обѣщаніе держать въ строгой тайнѣ всѣ тѣ частныя сообщенія, какія сдѣлаетъ имъ папа устно или письменно ³⁾. Въ эту же формулу епископской присяги входилъ и весьма характерный пунктъ, по которому епископы обѣщались съ уваженіемъ относиться къ папскимъ легатамъ и всячески заботиться о ихъ продовольствіи ⁴⁾. Изъ всего этого видно, что уже при Григоріи VII

¹⁾ Fleury, Hist. Ecclesiastique, L. LXII, c. 12, 13.

²⁾ Neander, Allgemeine Gesch. d. christ. Religion u. Kirche, B. VII, s. 257, IV-е изданіе, 1864 года.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

римскій первосвященникъ поставилъ себя по отношенію ко всѣмъ членамъ католической іерархіи на степень неограниченнаго монарха и такая неограниченная власть всегда составляла главный идеаль приверженцевъ ультрамонтанской партіи, не исключая и нашего столѣтія, когда эта партія въ значительной мѣрѣ явилась побѣдительницей, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Въ этомъ именно и заключается историческое значеніе папы Григорія VII. Не даромъ современные намъ германскіе ультрамонтане, сообщая съ ультрамонтанами другихъ западно-европейскихъ государствъ, съ особенною торжественностію отпраздновали въ 1885 г. восемьсотъ лѣтъ со времени кончины этого знаменитаго поборника ихъ ученія.

Обозрѣвая историческій ходъ развитія ультрамонтанскаго вліянія въ католической церкви въ теченіи среднихъ вѣковъ, никакъ нельзя оставить безъ вниманія возрѣвій на сущность и значеніе папской власти извѣстнаго аббата Клервосскаго, Бернарда. Вспомнимъ какимъ громаднымъ вліяніемъ во всей католической церкви пользовался въ свое время этотъ замѣчательный подвижникъ и церковный дѣятель. Не только императоръ и король, внимая его вдохновенному слову, оставляли свои государства для того, чтобы идти воевать съ невѣрными ради освобожденія святой земли отъ ихъ власти; самъ папа подчинялся авторитету этого праведнаго мужа и нерѣдко прибѣгалъ къ нему за совѣтами и наставленіями. Извѣстно, въ какихъ сыновнихъ отношеніяхъ стоялъ къ нему папа Евгений III. Понятно, что ученіе Бернарда о папской власти, въ виду всего этого, должно имѣть для насъ особенный интересъ. Вотъ, напр., что онъ пишетъ въ своемъ сочиненіи *De consideratione* (въ которомъ, обращаясь къ Евгению III, онъ изображаетъ, какимъ долженъ быть папа): „Кто ты такой?“ спрашиваетъ онъ Евгения, и самъ же отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: „Ты первосвященникъ (*sacerdos magnus*) и верховный архіерей (*summus pontifex*). Ты князь епископовъ (*princeps episcoporum*), наслѣдникъ апостоловъ (*haeres apostolorum*). Ты имѣешь приматство Авеля (*tu primatu Abel*), управленіе Ноя (*gubernatu Noe*), патриархатъ Авраама (*patriarchatu Abraham*), чинъ Мельхиседека (*ordine Melchisedech*), достоинство Аарона (*dig-*

„auctoritate Aaron), авторитетъ Моисея (auctoritate Moyses), судья Самуила (judicatu Samuel), власть Петра (potestate Petrus), помазаніе Христова (unctione Christus). Ты—тотъ, кому вручены ключи, кому вѣрены овцы. Правда, есть и другіе небесныя вратари (coeli janitores) и пастыри стада (gregum pastores), но ты настолько ихъ славнѣе, насколько ты предпочтительно предъ прочими (differentius prae ceteris) наследовалъ то и другое имя (utrumque nomen haereditasti). Каждый изъ нихъ имѣетъ свое собственное стадо. Ты одинъ—пастырь всеобщей (universi tibi crediti, т. е. greges); тебѣ одному вверено единое стадо (uni unus). И не только ты пастырь овецъ, но и единый пастырь всѣхъ пастырей (nec modo ovium, sed et pastorum tu unus omnium pastor)¹⁾.

Раскрывъ, такимъ образомъ, свой взглядъ на сущность папской власти, Бернардь нѣсколько ниже начинаетъ разсуждать о томъ, какія именно права составляютъ всегдашнюю, неотъемлемую собственность этой власти. „По церковнымъ правиламъ“, говоритъ онъ: „другіе (т. е. епископы) призваны исправлять лишь часть попеченій о Церкви (alii in partem sollicitudinis), а ты призванъ къ полнотѣ власти (tu in plenitudinem potestatis vocatus es). Власть другихъ ограничивается извѣстными предѣлами (aliorum potestas certis arctatur limitibus), а твоя власть простирается и на тѣхъ, которые получили (сами) власть надъ прочими (tua extenditur et in ipsos qui potestatem super alios acceperunt)“. Особенно смѣлы дальнѣйшія слова Клервоскаго аббата: „Въ самомъ дѣлѣ“, пишетъ онъ Евгенію: „развѣ ты не можешь если этого потребуетъ дѣло (si causa exstiterit), затворить небо для епископа, самого его низложить и даже предать сатанѣ (tu episcopo coelum claudere, tu ipsum ab episcopatu deponere, etiam et tradere Satanae potes)?“²⁾. Такого рода чисто сюзеренныя отношенія папы къ епископамъ, Бернардь далѣе сравниваетъ съ отношеніемъ моря къ плавающимъ по нему кораблямъ; при этомъ онъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что изъ всѣхъ апостоловъ одинъ Петръ

¹⁾ De consideratione, c. VIII.

²⁾ Ibidem.

пошелъ по водамъ къ Спасителю, между тѣмъ, какъ прочіе апостолы подплыли къ Нему въ своихъ лодкахъ. Изъ этого онъ выводитъ ту мысль, что въ этомъ обстоятельстве проявилась высшая власть св. Петра, именно его намѣстничество Христа и управленіе всею Церковію¹⁾. Приведенныхъ мѣстъ изъ сочиненія Бернарда *De consideratione*, думаемъ, достаточно для того, чтобы заключить, что къ 12-му вѣку зданіе, основанное папою Григоріемъ VII, не только не рушилось, но и получило новую сильную поддержку въ лицѣ одного изъ самыхъ вліятельныхъ духовныхъ лицъ западной Церкви. Это обстоятельство было тѣмъ важнѣе для ультрамонтанскаго дѣла того времени, что это лицо пользовалось тогда такимъ сильнымъ авторитетомъ, что сами папы повиновались ему и внимали его совѣтамъ. Проповѣдь о величій и важномъ значеніи папской власти, исходившая отъ такого вліятельнаго представителя іерархіи, конечно, должна была производить сильное впечатлѣніе не на однихъ духовныхъ, но и на свѣтскихъ членовъ католической церкви.

И вотъ, мы видимъ, что уже къ концу того же 12-го вѣка идеалъ папскаго величія, столь яркими чертами изображенный въ названномъ твореніи Бернарда Клервоскаго, воплотируется на дѣлѣ въ лицѣ папы Иннокентія III, котораго можно считать въ исторіи средневѣковаго папства вторымъ послѣ Григорія VII представителемъ и поборникомъ ультрамонтанской идеи. Нѣтъ нужды останавливаться подробно на изображеніи всѣхъ отдѣльныхъ побѣдъ, какія одержалъ этотъ папа надъ современными ему представителями свѣтской власти всѣхъ почти западно-европейскихъ государствъ своего времени: это прямо не входитъ въ нашу задачу. Гораздо важнѣе для насъ отмѣтить, каковы были воззрѣнія Иннокентія на свою власть и какъ приложилъ онъ эти воззрѣнія на практикѣ, при управленіи церковію. Какъ отъ Григорія VII, такъ и отъ Иннокентія III до насъ дошли, въ числѣ прочихъ тво-

¹⁾ „Mare enim saeculum est, novae ecclesiae. Inde est quod altera vice instar Domini gradens super aquas, unicum se Christi vicarium designavit, qui non uni populo, sed cunctis praeesse deberet“ (De consideratione, c. VIII).

реній, письма, въ которыхъ главнымъ образомъ и можно подчерпнуть свѣдѣніе о воззрѣніяхъ его на папскую власть.

Вотъ, между-прочимъ, что говоритъ онъ объ этомъ: „Апо-„стоольскій престоль есть всеобщая матеръ вѣрующихъ. Папа „—преемникъ Петра, но намѣстникъ не его, а Христа, на „землѣ (papa veri Dei vicem gerit in terra). Какъ можно сомнѣваться относительно того, что всѣ важныя дѣла церковныя подлежатъ его рѣшенію? Не постыдно, а славно унижаться предъ тѣмъ, который владычествуетъ во имя Того, Который есть Владыка владычущихъ и Царь царствующихъ ¹⁾“. Въ общемъ, ученіе этого папы о сущности папской власти, изложенное въ его письмахъ, можно свести къ слѣдующимъ главнымъ положеніемъ: 1) Христосъ далъ ключи царства небеснаго ап. Петру и повелѣлъ ему, чтобы Церковь была построена на немъ. 2) Онъ назвалъ его Кифою и подчинилъ ему, какъ главѣ, прочіе члены. 3) Петръ послѣдовалъ за Христомъ, когда ходилъ по водамъ моря; это значить, что Петръ долженъ владычествовать надъ всѣми народами, ибо море означаетъ всѣ страны и народы ²⁾. 4) Петръ видѣлъ, какъ чистыя и нечистыя животныя спускались къ нему съ неба въ полотнѣ... Это значить, что всѣ народы, и іудей, и язычники, чистые и нечистые, должны обратиться къ христіанской вѣрѣ ³⁾. 5) Римская церковь не только матеръ всѣхъ церквей, но, по своей чести,—матеръ всѣхъ вѣрующихъ; она всеобщая церковь не потому, чтобы она подрывала существованіе другихъ церквей, но въ томъ смыслѣ, что она надъ всеми или простираетъ свою власть. Въ этомъ она подобна Богу, владычество Котораго надъ всѣмъ міромъ не подрываетъ бытіе отдѣльныхъ предметовъ міра ⁴⁾. Особенно замѣчательно отношеніе Инно-

¹⁾ Raumer, Gesch. der Hohenstaufen und ihrer Zeit, B. VI, IX—tes Buch, S. 39.

²⁾ Мысль, заимствованная Иннокентіемъ, очевидно, у Бернарда Клервоскаго.

³⁾ Конечно, сама по себѣ эта мысль еще не заключаетъ въ себѣ ничего собственно папистическаго, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она легко могла получить такой характеръ, на томъ основаніи, что это видѣніе сообщено было именно Петру.

⁴⁾ Raumer, цитованное сочиненіе, стр. 45—46.

кентія къ прочимъ епископамъ, проявившееся на IV-мъ Латеранскомъ соборѣ (1215). Этотъ соборъ, какъ и многіе другіе того же имени, считается въ западной церкви *вселенскимъ*. Но достаточно обратить вниманіе на порядокъ веденія дѣлъ на немъ и на то положеніе, какое занималъ на немъ папа по отношенію къ прочимъ членамъ, чтобы придти къ заключенію, что этотъ соборъ слишкомъ далеко былъ отъ того, чтобы носить имя не только вселенскаго, но и собора вообще. Главнаго условія, необходимаго для всякаго соборнаго совѣщанія, здѣсь и не было, именно: свободы при обсужденіи декретовъ и при рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ. Папа, достигшій къ 1215 году высшей точки своего могущества, на этомъ соборѣ, какъ бы въ заключеніе всей своей долготѣйшей славной дѣятельности, еще разъ захотѣлъ торжественно заявить всему католическому міру, что онъ есть абсолютный монархъ въ церкви, и что всѣ архіепископы и епископы должны безусловно ему подчиняться. По словамъ Матта, онъ приказалъ прочитатъ послѣднимъ свои декреты ¹⁾, результатомъ чего было безпрекословное согласіе съ этими декретами всѣхъ членовъ собора ²⁾. Да иначе и быть не могло. Къ концу своего понтификата Иннокентій III достигъ того, что весь католическій міръ съ невольнымъ удивленіемъ и, пожалуй, съ благоговѣніемъ взиралъ на то могущественное положеніе, которое онъ занялъ въ церкви. При такомъ безмолвномъ обаяніи, конечно, всякій протестъ со стороны іерархіи противъ такого исключительнаго положенія папы былъ немислимъ. Папа хорошо это сознавалъ, и этимъ объясняется его рѣшительный образъ дѣйствій на IV Латеранскомъ соборѣ.

Продолжительное и полное блестящихъ побѣдъ и успѣховъ управленіе римскою церковію Иннокентія III настолько укрѣпило въ сознаніи большинства представителей католическаго духовенства идею величія и могущества папской власти, что подготовило собою новый весьма важный успѣхъ въ дѣлѣ постепеннаго возведенія этой власти. Мы разумѣемъ внесеніе

¹⁾ «Recitata sunt in pleno Concilio capitula 70» (Hist. Angl. ad. ann. 1215). См. Игуса, цитованное сочиненіе, стр. 227.

²⁾ Ibidem.

папской идеи въ систему школьнаго богословія, чрезъ что она получаетъ отъ себя значеніе отчасти догматическое. Этотъ великій шагъ сдѣланъ доминиканскимъ богословомъ XIII вѣка, знаменитымъ авторомъ „Суммы богословія“ (Summae theologiae), Томою Аквинатомъ. Хотя нельзя, повидимому, прямо утверждать, что у него ученіе собственно о папской непогрѣшимости съ формальной стороны изложено съ совершенной точностію, однако съ полнымъ правомъ можно считать его однимъ изъ главныхъ защитниковъ теоріи Григорія VII и Иннокентія III, на томъ основаніи, что въ своей „Суммѣ“ онъ ставитъ папскую власть высшею инстанціею въ церкви. Остановимся на разборѣ его ученія о папѣ, которое изложено у него отчасти во II-й части „Суммы“, отчасти въ дополненіи къ этому труду. Отвѣчая на вопросъ: имѣетъ ли власть папа обнаруживать новый символъ вѣры? — Тома разбираетъ, по своему обыкновенію, предполагаемые на этотъ вопросъ отрицательные отвѣты и при этомъ говоритъ слѣдующее: „Символь составленъ быль на вселенскомъ соборѣ. Но лишь верховному первосвященнику (папѣ) принадлежитъ власть созывать вселенскій соборъ¹⁾. Слѣдовательно, власти верховнаго первосвященника принадлежитъ составленіе символа“, а нѣсколько ниже прибавляетъ мысль, что и обнародовать символъ онъ вполне можетъ, подобно тому, какъ можетъ и созывать соборы²⁾. Интересно, какъ онъ доказываетъ это положеніе. „Тотъ, кто имѣетъ власть составить символъ, есть тотъ же, кто можетъ окончательно опредѣлять предметы, касающіеся вѣры, и которые обязательно должны быть принимаемы всѣми. А эта власть принадлежитъ верховному первосвященнику (папѣ), и ему именно подобаетъ рѣшать наиболее важные и трудные вопросы, возникающіе въ церкви (здѣсь у Тома опять ссылка на подложный декретъ Граціана). „И Господь, вѣдь, сказалъ Петру (Лук. 22, 32), котораго поставилъ верховнымъ первосвященникомъ: „Я молился за тебя, Петръ, да не оскудѣетъ вѣра твоя. И нѣ-

¹⁾ La somme théologique de S. Thomas, переводъ аббата Dionx, Парижъ, 1852. Томъ IV, стр. 30. Здѣсь Тома ссылается на декретъ Граціана (подложный).

²⁾ Ibidem.

„когда, обратившись, утверди братію свою“. Основаніе для сего то, что въ церкви должна быть единая вѣра, по словамъ Апостола (I Кор. 1, 10): „Говорите всѣ одно и то же, и да не будутъ среди васъ распри“. А это наставленіе нельзя было бы исполнить, если бы вопросы, касающіеся вѣры, не получали рѣшенія со стороны того, кто стоитъ во главѣ всей церкви, притомъ такъ, что его рѣшеніе должно неизменно подерживаться всю церковию. Вотъ почему только верховный первосвященникъ имѣетъ власть составлять новый символъ, такъ-какъ только онъ можетъ дѣлать все другое, касающееся всей церкви, какъ-то: созваніе вселенскаго собора и другія подобныя сему распоряженія¹⁾. Какъ легко усмотрѣть изъ этихъ словъ,—въ нихъ, въ сущности, не содержится никакого дѣйствительнаго доказательства мысли, что папа имѣетъ власть составлять и обнародовать новые символы вѣры. Авторъ „Суммы“ подтверждаетъ эту мысль ничѣмъ инымъ какъ другою мыслию, которая, въ свою очередь, еще требуетъ доказательства, именно: что папа имѣетъ власть созывать соборы и вообще рѣшать предметы вѣры. Правда, онъ приводитъ, въ видѣ основанія, слова Спасителя ап. Петру (Лук. 22, 32), но, вѣдь, слѣдовало еще доказать, правильно ли самое толкованіе этихъ словъ въ смыслѣ основанія для ученія о верховной власти въ церкви папы. А этого-то у Тома и нѣтъ. Единственная ссылка у него дѣлается на декретъ Граціана, но о немъ извѣстно теперь, что онъ былъ самымъ безсовѣстнымъ подлогомъ, о чемъ, всего вѣроятнѣе, Аквинатъ и не зналъ. Назвать автора „Суммы“ инфаллибилистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова едва ли было бы правильно. Какъ видно изъ приведенной выдержки, Тома прямо не рѣшается сказать, что папа непогрѣшимъ, хотя несомнѣнно подразумеваетъ эту мысль. Вѣдь, и впоследствии Боссюэтъ признавалъ за каведрой римскаго епископа (а не за самимъ папою лично) нѣкоторую неспособность погрѣшати (indefectibilitas), хотя извѣстно, какъ далекъ онъ былъ отъ того, чтобы допустить собственно папскую непогрѣшимость (infallibilitas). Конечно, въ сущности, допуская непогрѣшимость

¹⁾ Ibidem.

римской каведры, стоило сдѣлать лишь шагъ впередъ, чтобы признать и непогрѣшимость *ея епископа*, что, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, и случилось съ Боссюэтомъ. Такъ и Тома Аквинатъ, излагая ученіе о власти папы созывать соборы и составлять новые символы, уже очень недалеко былъ и отъ признанія ученія собственно о *папской* непогрѣшимости,—и въ этомъ главное его значеніе въ исторіи этого новаго католическаго догмата. Въ другомъ мѣстѣ своего капитальнаго труда Тома разсуждаетъ о папѣ такъ: „Папа имѣетъ полноту первосвященнической власти, какъ царь въ своемъ царствѣ. Епископы призваны раздѣлять его обязанность, какъ судьи, поставленные въ каждомъ отдѣльномъ городѣ. Вотъ почему только *изъ* папа называетъ въ своихъ посланіяхъ *братьями*, между тѣмъ, какъ ко всемъ другимъ онъ прилагаетъ имя *чадъ*“... ¹⁾ Хотя здѣсь не опредѣляется ближе, въ чемъ именно должны, по мнѣнію Тома, заключаться упомянутыя *братскія* отношенія епископовъ къ папѣ, однако все, кажется, объясняется изъ того, что Аквинатъ уподобляетъ папу свѣтскому царю: ясно, что папа, по его пониманію, есть неограниченный монархъ въ Церкви; слѣдовательно, епископы при немъ являются братьями болѣе по имени, а не на дѣлѣ...

Въ началѣ XIV столѣтія папство продолжаетъ весьма энергично заявлять о своемъ абсолютномъ владычествѣ въ Церкви, но, несмотря на всю энергію такихъ заявленій, вліяніе его начинаетъ видимо упадать. Извѣстно, какъ ожесточенно велъ борьбу съ папой Бонифаціемъ VIII французскій король Филиппъ Красивый, и какъ неутѣшительно для папы окончилась эта борьба. Для насъ интересно остановиться собственно на томъ актѣ, посредствомъ котораго Бонифацій возвѣстилъ всему католическому міру свою верховную власть не только надъ Церковію, но и надъ свѣтскими государями. Это—его знаменитая булла *Unam sanctam*, въ которой онъ категорически высказывается противъ совмѣстнаго существованія двухъ равныхъ властей, духовной и свѣтской. По его ученію, такое совмѣстное ихъ существованіе есть манихейская ересь о двухъ рав-

¹⁾ *La somme théologique*, переводъ аббата *Drionca*, томъ VIII, стр. 150.

ныхъ началахъ ¹⁾. Осуждая такую кажущуюся ему въ данномъ случаѣ ересь, папа изображаетъ самого себя имѣющимъ въ рукѣ два меча, духовный и свѣтскій, что аллегорически указывало на то, что все,—и духовное, и мірское,—безусловно подчинено ему ²⁾. Собственно говоря, это было не вполнѣ новое ученіе, но лишь окончательное развитіе ученія Григорія VII о подчиненіи всего мірскаго духовному. Важное значеніе буллы Бонифація VIII заключается въ томъ, что, въ случаѣ, если бы ученіе, изложенное въ ней, получило осуществленіе на практикѣ, весь католическій міръ представлялъ бы громадную монархію, единовластителемъ которой являлся бы римскій первосвященникъ, по отношенію къ коему всѣ свѣтскіе государи были бы не болѣе, какъ подчиненные представители власти ³⁾. Противъ такого-то покушенія на самостоятельность свѣтской власти (которая, вѣдь, также есть власть вполнѣ законная) и возсталъ французскій король, и возсталъ съ полнымъ основаніемъ: стремленіе папы подчинить себѣ все мірское явпо свидѣтельствовало о томъ, что Бонифацій забылъ ученіе Христа Спасителя о *духовности* Его царства, какъ царства благодатнаго; а поэтому такое узурпаторское стремленіе и слѣдовало ограничить.

Послѣ Бонифація VIII начинается печальная эпоха въ исторіи папства, извѣстная подъ именемъ „Вавилонскаго плѣненія

¹⁾ Guerike, Handbuch d. allgemeinen Kirchengeschichte, S. 485.

²⁾ Янусъ, Папа и соборъ, перев. священника Ладивскаго, стр. 196.

³⁾ Напрасно епископъ Фесслертъ, бывший главнымъ секретаремъ Ватиканскаго собора, въ своемъ сочиненіи о папской непогрѣшимости, направленною противъ старокатолическаго профессора Шульце (по французскому переводу, который былъ у насъ подъ руками, это сочиненіе озаглавлено такъ: «La vraie et la fausse infailibilité des papes», Paris 1873),—считается доказать своему противнику, будто вса булла *Unam sanctam*, во всемъ своемъ составѣ, не есть догматическое опредѣленіе (стр. 95—100). Если слово *definitum* и находится лишь въ концѣ буллы, то это вовсе не указываетъ на то, что только этотъ ея конецъ и есть, собственно, догматическое опредѣленіе и потому, съ точки зрѣнія всякаго ультрамонтана, обязательное во всѣ времена для всей католической Церкви. Хотя слово *definitum* и поставлено лишь въ концѣ буллы, однако оно, вѣдь, прямо основано на всемъ, что сказано въ буллѣ раньше. Слѣдовательно, имѣть никакого основанія считать ученіе о двухъ *манихейскихъ* началахъ и двухъ мечахъ не догматическимъ опредѣленіемъ папы.

папъ" и продолжавшаяся семьдесятъ лѣтъ. Палскій престолъ изъ *старого* города переносится въ Авиньонъ и чрезъ это становится какъ-бы въ прямое подчиненіе вліянію французскаго короля. Понятно, что за все это время для папъ немислимо было продолжать серьезно бороться за свое единовластіе въ Церкви: имъ не до того было. Правда, и въ Авиньонѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ папъ, которые отчасти напоминали своею энергіей времена Григорія VII и Иннокентія III, но усилія этихъ немногихъ представителей папской власти поддерживать идеалъ названныхъ двухъ папъ имѣли скорѣе характеръ отчаянныхъ попытокъ хотя бы чѣмъ-нибудь еще поддержать упавшее все ниже и ниже папство, чѣмъ характеръ дѣйствительно энергической борьбы со свѣтскою властію.

Плѣненіе папъ въ Авиньонѣ смѣнилось, какъ извѣстно, *великимъ расколомъ* въ западной Церкви, когда появилось сначала двое, а потомъ и трое папъ, которые всѣ предавали другъ друга отлученію. Въ исторіи развитія папской власти это время имѣетъ то значеніе, что съ него начались въ католической церкви особенно сильные протесты противъ стремленій римскихъ первосвященниковъ сдѣлаться единовластителями въ Церкви. Въ первый разъ такого рода протесты особенно энергично были заявлены на соборѣ, созванномъ въ Пизѣ, въ 1409 году. Самый фактъ созванія его былъ результатомъ стремленій къ преобразованію западной Церкви,—стремленій, исходившихъ изъ лагера тѣхъ лицъ, которые съ прискорбіемъ видѣли упадокъ этой Церкви и желали скорѣе устранить главную причину такого упадка. Они хорошо понимали, что, пока папская власть не будетъ ограничена властію собора, до тѣхъ поръ зло въ Церкви не уничтожится съ корнемъ. Вотъ почему они требовали скорѣйшаго созванія такого собора. Въ пользу ихъ желанія лучше всего говорило тогдашнее ненормальное положеніе всей западной Церкви, при которомъ вѣрующіе не знали, кому повиноваться и кто, собственно, законный римскій епископъ. Съ своей стороны, ни одному изъ тогдашнихъ папъ не хотѣлось дать собору ограничить папскую власть. Вотъ почему не безъ долгихъ переговоровъ со стороны папы Григорія XII и сторонниковъ созванія собора состоялось, наконецъ, рѣ-

шеніе созвать этотъ соборъ въ Пизѣ. Результатъ этого собора извѣстенъ: хотя онъ и низложилъ двухъ папъ, Григорія XII и Бенедикта XIII, и на ихъ мѣсто выбралъ Александра V, однако этотъ новый папа не допустилъ собору ограничить свою власть и чрезъ это сталъ выше него. Все таки, несмотря на такой печальный исходъ соборныхъ засѣданій, умѣренная партія въ католической Церкви достигла на этомъ соборѣ уже того важнаго успѣха, что поставила себя хотя бы на сравнительно краткое время, какъ-бы *выше папы*, сдѣлавшись судьей двухъ папъ и избравши третьяго на ихъ мѣсто. Древній православный принципъ: „соборъ есть высшая инстанція церковнаго управленія“, выражавшійся на западѣ въ формулѣ: *sanon princeps papae*,—такимъ образомъ временно восторжествовалъ, и въ этомъ великое значеніе Пизанскаго собора ¹⁾.

Вскорѣ послѣ него созванъ былъ другой, еще болѣе замѣчательный въ томъ же отношеніи соборъ,—Констанцскій (1414—1418). Какъ ни стараются ультрамонтанскіе историки умалять значеніе этого собора, однако и они не могутъ отрицать, что были на немъ такіе критическіе для папства моменты, когда явно и открыто высказывалась нѣкоторыми членами собора основная и любимая идея всѣхъ умѣренныхъ католическихъ или галликанскихъ богослововъ, что „*вселенскій*“ соборъ выше папы. Причисляя Констанцскій соборъ къ числу *вселенскихъ* ультрамонтанскіе историки лишаютъ характера „вселенскости“ IV-е и V-е его засѣданія, на которыхъ торжество галликанскаго принципа проявилось во всей силѣ ²⁾.

Вотъ какой важный декретъ постановилъ былъ на IV-мъ засѣданіи, при участіи 200 представителей іерархіи и клира ³⁾: „Сей святой соборъ“, говорилось въ этомъ декретѣ: „созванный

¹⁾ Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи рѣчь одного богослова, Петра Плаули (Pierre Plaul), произнесенная имъ во время тринадцатаго засѣданія Пизанскаго собора. Взявъ въ основаніе своей рѣчи текстъ изъ пророка Осіи: *и соберутся сынове Иудины и сынове Израилеви окупъ, и поставятъ себѣ власть едину* (Ос. 1, 11),—этотъ членъ собора примѣнилъ это пророческое мѣсто къ настоящему избранію соборомъ папы, причемъ прибавилъ, что Церковь, избравшая папу, выше послѣднего (Fleury, Hist. Ecclésiastique, I. C, c. 29).

²⁾ Напр., *Abzog* въ своей *Kirchengeschichte*.

³⁾ Fleury, Hist. Ecclés., I. CI, c. 6.

„для искорененія раскола, для единства Церкви и для ея ре-
 „формы *eo magis* и въ членахъ, повелѣваетъ и объявляетъ слѣ-
 „дующее: что сей вселенскій соборъ, представляя собою ка-
 „толическую Церковь, имѣетъ свою власть *непосредственно отъ*
 „*Иисуса Христа*; и что всякій человѣкъ, всякаго званія и со-
 „стоянія, *даже папа, обязанъ ему повиноваться* въ томъ, что
 „касается вѣры, искорененія раскола и коренной реформы
 „Церкви *et licet ea magis* и ея членовъ. Нашъ св. отецъ, па-
 „па Иоаннъ XXIII, не долженъ переносить Римскій дворъ и
 „своихъ приближенныхъ изъ этого города, Констанца, въ дру-
 „гое мѣсто *безъ согласія собора*. Если же папа сдѣлаетъ про-
 „тивное сему и обнародуетъ какое-либо постановленіе противъ
 „названныхъ приближенныхъ или противъ кого-либо изъ дру-
 „гихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ собору, *такое постанов-*
 „*леніе будетъ лишено всякаго значенія и не будетъ имѣть*
 „*никакой силы*. Всякаго рода перемѣщенія прелатовъ, лишенія
 „ихъ сана или иныхъ привиллегій, всѣ постановленія и акты,
 „сдѣланные или имѣющіе быть сдѣланными со стороны того же
 „папы, въ ущербъ власти собора и его членовъ, со времени
 „его удаленія ¹⁾,—*не имѣютъ силы, и соборъ кассируетъ изъ*
 „*своею властію...*“ ²⁾. Подобнаго же рода декреты, почти въ
 „тѣхъ же выраженіяхъ, были прочитаны и приняты единогласно
 „въ V-мъ засѣданіи собора. Главнымъ лицомъ, влиявшимъ на
 „составленіе указанныхъ декретовъ и вообще на весь ходъ дѣ-
 „лопроизводства на указанныхъ засѣданіяхъ былъ знаменитый
 „богословъ Парижскаго университета, *Иоаннъ Герсонъ* ³⁾, кото-
 „рый написалъ даже, по поводу Констанцскаго собора, особое
 „сочиненіе о томъ, какъ, по его убѣжденію, можно и должно
 „исправить всѣ недостатки и злоупотребленія, вкрапившіяся въ
 „католическую Церковь. Основныя мысли его сочиненія можно
 „свести къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) существуетъ единая
 „истинная Церковь, къ которой принадлежатъ всѣ христіане,

¹⁾ Известно, что папа Иоаннъ XXIII, между II и III засѣданіями собора, бѣжалъ изъ Констанца въ Шафгаузенъ (Fleury, I, CI, с. 4).

²⁾ Fleury, loco citato.

³⁾ Pressensé, Das vaticanische Concil, вѣнецкій переводъ Fabarius'а, стр. 13.

какъ духовные, такъ и міряне; 2) Господь Иисусъ Христосъ
 „есть единая истинная Глава этой Церкви; 3) папа, кардина-
 „лы, короли, князья и народы суть видимые члены невидимой
 „Церкви; 4) въ этой Церкви всякій можетъ получить вѣчное
 „блаженство, даже и въ томъ случаѣ, *если бы и не было папы*;
 „5) эта Церковь никогда непогрѣшала и никогда не впадала въ
 „ересь; 6) *иное дѣло—Римская церковь, которая есть только часть*
 „*Церкви вселенской: она можетъ ошибаться, обманываться и быть*
 „*обманываемою: можетъ впасть въ заблужденіе и въ ересь*; 7) она
 „является носителницей той власти, которая удѣляется ей отъ
 „вселенской Церкви; *поэтому она не можетъ пропалывать большую*
 „*власть, чѣмъ какая ей удѣлена сею послѣднею*; 8) *нѣтъ рѣ-*
 „*шительно никакого основанія утверждать, будто папа, по ка-*
 „*ноническому праву, не можетъ быть подверженъ ответствен-*
 „*ности и изложенъ...*; 9) *папа—обыкновенный человѣкъ и грѣш-*
 „*никъ, и его авторитетъ никакъ не выше Божественнаго Еван-*
 „*гелія. Если онъ грѣшитъ, то заслуживаетъ упрековъ*; 10) Хри-
 „стосъ не стремился къ свѣтской власти; онъ покорялся свѣт-
 „скому суду; *поэтому и папа обязанъ покоряться суду*; 11) пап-
 „ское достоинство не сообщаетъ святости; было бы смѣшно ут-
 „верждать, будто смертный человѣкъ имѣетъ власть вязать и
 „рѣшить на небѣ и на землѣ,—человѣкъ, который осквернился
 „всякими преступленіями... ¹⁾. Достаточно вникнуть въ сущ-
 „ность этихъ замѣчательныхъ положеній, чтобы заключить, что
 „всѣ они (кромѣ развѣ 11-го) содержатъ въ себѣ вполне пра-
 „вославные взгляды на Церковь. Въ этомъ и заключается ве-
 „λικое достоинство ученія Герсона, которое легло въ основаніе
 „ученія всѣхъ галликанскихъ богослововъ, о чемъ у насъ не-
 „однократно будетъ рѣчь впоследствии.

Базельскій соборъ (1431—1449) продолжалъ дѣло, начатое
 „соборомъ Констанцскимъ. Новый соборъ былъ еще возвышенъ
 „при папѣ Мартинѣ V, но въ дѣйствительности собрался толь-

¹⁾ Philippi, Geschichte Papstthums, B. XVI, S. 100—101.—Послѣдній, 11-й пунктъ можетъ быть признанъ, съ точки зрѣнія православнаго богослова, не со-
 „всѣмъ правильнымъ; потому—что, по православному ученію, власть вязать и рѣ-
 „шить, равно—какъ и совершать всѣ другія таинства, конечно, не уничтожается
 „тѣмъ, что носитель этой власти—человѣкъ порочный.

ко при его преемникѣ, Евгеніи IV. Главная цѣль этого собора была та же, что и цѣль предыдущаго собора, именно: реформа католической Церкви *по отношенію къ ея главамъ и къ членамъ*. Понятно, что для папы такая цѣль была вовсе не пріятна, и онъ всячески старался, въ виду этого, замедлить соборныя совѣщанія и мѣшать имъ. Замѣчательно, что, подобно Констанцскому собору, и соборъ Базельскій сталъ относительно папы въ такое самостоятельное положеніе, что послѣднему приходилось считаться съ нимъ, какъ съ опаснымъ для папской власти собраніемъ, которое неоднократно вызывало самого его какъ подсудимаго и настоятельно требовало отъ него реформы католической Церкви. Въ этомъ и заключается значеніе Базельскаго собора. Къ сожалѣнію, ни Констанцскій, ни Базельскій соборы не достигли главной своей цѣли: папы не допустили осуществиться ихъ постановленіямъ относительно церковной реформы; такъ что можно сказать, что Римская курія до поры-до времени задушила своими происками и кознями всѣ стремленія галликанскихъ богослововъ ограничить папскую власть. Тѣмъ не менѣе даже и послѣ того, какъ Базельскій соборъ, по настоянію Евгенія IV, былъ перенесенъ сначала въ Феррару, а потомъ во Флоренцію, вліяніе галликанской партіи было еще настолько сильно, что и здѣсь было допущено свободное совѣщаніе членовъ собора, не всегда пріятное папѣ ¹⁾. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы Флорентійскій соборъ въ концѣ концовъ унижилъ папскую власть. Вотъ какое опредѣленіе издано было на немъ: „Мы опредѣляемъ“, гласило оно: „что *апостольскій первопрестолъ и самъ Римскій первосвященникъ обладаютъ первенствомъ во вселенной*; что „Римскій первосвященникъ есть преемникъ св. Петра, главы „Апостоловъ; что онъ *намѣстникъ Христа, глава всей Церкви, „Отецъ и учитель всѣхъ христіанъ, и что ему дана Господомъ „нашимъ Иисусомъ Христомъ полная власть править и управлять вселенскою Церковію, какъ указано въ постановленіяхъ „вселенскихъ Соборовъ и въ свв. канонахъ“ ²⁾.*

¹⁾ Явуель, цитов. соч. и переводъ, стр. 282.

²⁾ „Исхождение Св. Духа и вселенское первосвященство“, изд. Астанкова, стр. 111.

Читая эти слова, нельзя не убѣдиться, какъ далеко стояло Флорентійское опредѣленіе отъ ученія Герсона и другихъ членовъ Констанцскаго и Базельскаго соборовъ: очевидно, папское вліяніе одержало верхъ надъ этимъ ученіемъ, столь близкимъ по духу къ православному...

Появленіе въ XVI-мъ вѣкѣ реформаціи нанесло папству сильный ударъ. Повидимому, вслѣдствіе этого, и развитіе папскаго духовнаго могущества должно было надолго пріостановиться. Но вышло совершенно обратное: реформація вызвала въ католической Церкви сильную реакцію,—такъ называемую контрреформацію, существенная задача которой (по крайней мѣрѣ, по мысли самихъ папъ) сводилась именно къ тому, чтобы еще болѣе усилить папскую власть. Для этой цѣли, со времени появленія реформаціи, въ римской церкви начинается систематическое возведеніе болѣе или менѣе крѣпкихъ оплотовъ для огражденія папства отъ его враговъ. Къ такимъ оплотамъ слѣдуетъ прежде всего и главнымъ образомъ отнести орденъ іезуитовъ, учрежденный въ 1540 году.

Что касается Тридентскаго собора, цѣль созванія котораго, какъ извѣстно, заключалась въ реформѣ католической церкви, то и онъ, несмотря на то, что на немъ папскія притязанія были сильно ограничены,—въ концѣ концовъ послужилъ также важнымъ факторомъ въ развитіи духовнаго могущества папъ. Булла, изданная Шемъ IV для утвержденія соборныхъ опредѣленій, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что, если въ теоріи указанный соборъ и ничего почти не сдѣлалъ поваго для развитія ученія о папской непогрѣшимости, тѣмъ не менѣе, по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ, онъ фактически способствовалъ этому развитію. Вотъ, что мы, читаемъ между-прочимъ, въ этой буллѣ: „Своею апостольскою властію мы всѣмъ,—какъ духовнымъ лицамъ (къ какому бы разряду, состоянію и степени они ни принадлежали), такъ и свѣтскимъ (какою бы честію и властію они ни были надѣлены), даже прелатамъ (подъ страхомъ запрещенія входить въ церковь),—запрещаемъ *отнюдь никоимъ образомъ не дерзнуть, помимо нашей власти издавать какіе-нибудь „комментаріи, поясненія, краткія толкованія и вообще всякаго „рода разъясненія по отношенію къ декретамъ самаго Собора;*

„а также не дѣлать никакихъ постановлений, ни подъ какимъ именемъ, даже подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы сообщить этимъ декретамъ бѣльшую силу, или чтобы содѣйствовать ихъ осуществленію на практикѣ, равно какъ ни подъ какимъ другимъ предлогомъ. Если же въ нихъ для кого-нибудь что-либо покажется слишкомъ неясно сказаннымъ или постановленнымъ, и по этой причинѣ сочтутъ необходимымъ сдѣлать относительно ихъ какое-нибудь поясненіе или постановленіе,—то пусть приблизится таковой человекъ къ тому мѣсту, которое избрано Господомъ, т. е. къ апостольскому престолу, который есть учитель всѣхъ вѣрующихъ и власть котораго даже сама святыя соборы признали столь почтительно. Ибо, что касается насъ, то мы предоставляемъ себѣ высказаться и дѣлать постановленія относительно недоумительныхъ вопросовъ и споровъ, какіе могли бы возникнуть при чтеніи этихъ декретовъ,—высказаться именно въ томъ духѣ, въ какомъ издалъ свои постановленія и соборъ. При этомъ мы готовы, имѣя въ виду и то, что соборъ, по справедливости, положилъ на насъ позаботиться о всѣхъ нуждахъ провинціальныхъ церквей,—позаботиться такъ, какъ покажется для насъ наиболее удобнымъ. При семъ мы признаемъ не имѣющими силы и не дѣйствительными всѣ тѣ случайныя покушенія на наши постановленія, какія кто-либо, въ силу той или другой власти, сдѣлаетъ, вольно или не вольно“¹⁾. Въ этихъ словахъ, какъ нельзя болѣе ясно, дается

¹⁾ Apostolica auctoritate inhibemus omnibus, tam ecclesiasticis personis, cujuscumque sint ordinis, conditionis et gradus, quam laicis, quocumque honore ac potestate praeditis, praelatis quidem sub interdicto ingressus ecclesiae, aliis vero, quicumque fuerint, sub excommunicationis latae sententiae poenis, ne quis sine auctoritate nostra audeat ullos commentarios, glossas, annotationes, scholia, ullumne omnino interpretationis genus super ipsius Concilii decretis quocumque modo edere, aut quidquam quocumque nomine, etiam sub praetextu majoris decretorum corroboracionis, aut executionis, aliove quaesito colore, statuere. Si cui vero in eis aliquid obscurius dictum et statutum fuisse, eamque ob causam interpretatione aut decisione aliqua egere visum fuerit, ascendat ad locum quem Dominus elegit, ad sedem videlicet Apostolicam, omnium fidelium magistrum, cujus auctoritatem etiam ipsa sancta Synodus tam reverenter agnoscit. Nos enim difficultates et controversias, si quae ex eis decretis ortae fuerint, nobis declarandas et decidendas, quemadmodum ipsa quoque sancta Synodus decrevit, reservamus, parati, sicut ea de nobis merito confisa est, omnium provinciarum necessitatibus, ea

понять, что истолкователь всѣхъ опредѣлений Тридентскаго собора есть только одинъ папа, которому предоставляется давать тотъ или иной смыслъ этимъ опредѣленіямъ, соотвѣтственно его личному усмотрѣнію (ea ratione quae commodior nobis visa fuerit). Мало того: въ буллѣ прямо высказывается и та мысль, что самъ Тридентскій соборъ призналъ такую власть за папой (cujus auctoritatem etiam ipsa sancta Synodus tam reverenter agnoscit). При этомъ, очевидно, разумѣется та глава соборныхъ опредѣлений, которая озаглавлена: *de recipiendis et observandis decretis Concilii*—и помѣщается почти въ концѣ документовъ 25-го (последняго) засѣданія. Дѣйствительно, въ этой главѣ сказано, что, въ случаѣ какого-нибудь недоразумѣнія, могущаго возникнуть при исполненіи соборныхъ декретовъ, высшій рѣшающій голосъ предоставляется папѣ, отъ усмотрѣнія котораго вполне зависитъ, призвать ли къ себѣ спорящихъ для разрѣшенія ихъ недоразумѣнія, или созвать новый вселенскій соборъ, или же прибѣгнуть къ какому-нибудь иному способу, какой ему заблагоразсудится избрать (vel evocatis ex illis praesertim provinciis unde difficultas orta fuerit, iis quos eidem negotio tractando videret expedire, vel etiam Concilii generalis celebratione, si necessarium judicaverit, vel commo-diore quacumque ratione ei visum fuerit¹⁾).

Замѣчательно здѣсь выраженіе: „vel etiam Concilii generalis celebratione“, которое какъ-будто слегка ограничиваетъ предоставляемую папѣ почти безграничную духовную власть. Оно прибавлено было, по всей вѣроятности, по настоянію оппозиціонныхъ, испанскихъ епископовъ, которые во все время собора всячески старались отстаивать права епископской власти противъ посягательствъ на нее со стороны папскихъ легатовъ.

Вотъ почему, хотя Пій IV въ своей буллѣ *super confirmatione oecumenici Concilii Tridentini* и дѣлаетъ замѣчаніе о томъ,

ratione quae commodior nobis visa fuerit providere: decernentes nihilominus irritum et inane, si secus super his a quoquam quavis auctoritate scienter vel ignoranter contigerit attentari. Sacrosancti et oecumenici Concilii Tridentini... canones et decreta, Парижское изданіе, édition diamant, p. 405—406.

¹⁾ Ibidem, p. 393.

что самъ соборъ подтвердилъ за нимъ высшій рѣшающій голосъ при истолкованіи соборныхъ опредѣленій, однако о столь характерномъ выраженіи собора, каково: „*vel etiam Concilii generalis celebratione*“, онъ тщательно умалчиваетъ, какъ-будто бы выражая чрезъ это ту мысль, что созваніе новаго вселенскаго собора, въ сущности, есть излишняя роскошь, такъ какъ его собственное, личное рѣшеніе есть важнѣйшій для всей Церкви критерій истины. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, очень важно: оно показываетъ, въ какое отношеніе къ опредѣленіямъ Тридентскаго собора поставили себя папы, тотчасъ послѣ его закрытія. Всю сущность этого отношенія можно выразить въ трехъ словахъ: *papa выше собора*. Такимъ образомъ, хотя идея папской непогрѣшимости и не была еще возведена пока на степень теоріи, однако фактически она уже проявлялась теперь во всей силѣ.

Впрочемъ, вскорѣ явилась разработка этой идеи и на теоретической почвѣ: уже въ концѣ XVI-го вѣка, слѣдовательно довольно скоро послѣ Тридентскаго собора, іезуитъ Белларминъ, впоследствии кардиналъ, написалъ въ двухъ сочиненіяхъ систематическое изложеніе ученія о папской непогрѣшимости и о главенствѣ папы даже надъ соборомъ. Главное основаніе для такого ученія онъ находилъ въ томъ, что считалъ Церковь монархіею, а папу монархомъ ¹⁾.

Можно сказать, что теперь вся дальнѣйшая программа ультрамонтанскихъ стремленій была вполне намѣчена; оставалось лишь постепенно осуществлять ее. Эту важную для папства задачу и взяли на себя іезуиты. И вотъ мы видимъ, что, со времени появленія Белларминовской теоріи, орденъ іезуитовъ все болѣе и болѣе усиливается и распространяется не только по всѣмъ почти странамъ Европы, но и въ другихъ частяхъ свѣта, особенно въ Азіи и Южной Америкѣ. Конецъ XVI-го и весь XVII-й вѣкъ представляютъ эпоху особеннаго процвѣтанія этого ордена. Іезуиты взяли въ свои руки и школу, и литературу въ разныхъ католическихъ странахъ. Сильнымъ

¹⁾ Dictionnaire de théologie, par l'abbé Bergier, изд. 1838 года, томъ II, стр. 597, слово: *jurisdiction*.

подспорьемъ въ ихъ борьбѣ за усиленіе духовной власти папы были: съ одной стороны, извѣстный *index librorum expurgandorum* (указатель запрещенныхъ книгъ), явившійся въ 1607 году, а съ другой—правильно организованная порча историческихъ и отеческихъ свидѣтельствъ, даже нерѣдко подлоги въ пользу папской идеи. Благодаря *index'у*, всякое свободное изслѣдованіе историческихъ документовъ должно было надолго прекратиться въ католической Церкви; а порча и подлоги въ этой же области способствовали тому, что папскія притязанія на непогрѣшимость получали въ глазахъ низшаго клира, по большей части, необразованнаго, и мірянъ, болѣе или менѣе авторитетную обоснованность. Однимъ словомъ, въ то время, какъ свѣтское могущество папъ, послѣ Сикста V-го, постепенно все болѣе и болѣе упало, усиленіе духовной власти Римскаго первосвященника шло впередъ, хотя и не всегда съ одинаковою скоростію, однако съ полною систематичностію, благодаря искусной тактикѣ папской милиціи—іезуитовъ.

Въ концѣ XVII-го вѣка это постепенное и систематическое развитіе идеи папской непогрѣшимости встрѣтило сильнаго и опаснаго противника въ лицѣ французскаго короля Людовика XIV-го. Подъ его вліяніемъ, большинство французскихъ епископовъ, во главѣ которыхъ стоялъ знаменитый Боссюэтъ, съѣхалось вмѣстѣ и составило важный актъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ *déclaration du clergé de France* и имѣвшій значеніе протеста Французской церкви противъ притязаній Римской курии (1682 г.). Это были тѣ четыре галликанскіе тезисы, съ которыми такъ долго пришлось считаться іезуитамъ и вообще всѣмъ ультрамонтанамъ. Сущность этихъ тезисовъ сводилась къ тому, что у папы отнималась не только вся свѣтская власть, но и духовная сильно ограничивалась: по смыслу опредѣленій Констанцскаго собора, эта власть поставлялась ниже соборной ¹⁾. Какъ ни опасенъ былъ

¹⁾ Вотъ эти тезисы: 1) «Власть, дарованная Богомъ св. Петру и его преемникамъ, наместникамъ Исуса Христа, и самой Церкви, касается только духовныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе лишь къ вѣчному спасенію. Слѣдовательно, короли и князья, по отношенію къ свѣтской власти, не подчинены, по повелѣнію Божию, никакой власти духовной и не могутъ ни прямо, ни косвенно быть низложены вла-»

для Римской курии этотъ протестъ, однако, спустя лѣтъ одиннадцать послѣ провозглашенія галликанскихъ положеній, эта опасность миновала,—по крайней мѣрѣ, на время. Дѣло въ томъ, что, ради политическихъ расчетовъ, самъ Людовикъ XIV, а съ нимъ и всѣ галликанскіе епископы, отправили одному изъ преемниковъ папы Иннокентія XI посланіе, въ которомъ просили его считать актъ 1682 года не имѣющимъ никакой силы. Такимъ образомъ, если и не фактически, то во всякомъ случаѣ формально, Французская церковь отказалась отъ своего протеста и признала за папой высшую духовную власть въ Церкви. А для Римской курии и такое, неискреннее даже, признаніе было далеко не лишено значенія: на основаніи этого признанія она всегда могла впослѣдствіи считать галликанскіе тезисы не имѣющими никакой силы.

Возникшій въ то время во Франціи споръ съ янсенистами о благодати и ея отношеніи къ человѣческой свободѣ, хотя и отторгъ отъ католической Церкви довольно много членовъ и образовалъ расколъ, однако, съ другой стороны, принесъ развитію ученіе о папской непогрѣшимости отрицательную пользу. Среди французскаго духовенства началось сильное движеніе въ пользу Рима, такъ что даже самъ авторъ галликанскихъ положеній, Боссюэтъ, сталъ теперь въ ряды поборниковъ ульт-

стію ключей, также и ихъ подданные не могутъ быть разрѣшены отъ повиновенія имъ и отъ клятвы въ вѣрности имъ. 2) Полнота власти въ предметахъ духовныхъ, которая принадлежитъ престолу папскому и преемникамъ св. Петра, не противорѣчитъ тому, чтобы декреты Константинскаго собора, имѣющіе отношеніе къ вопросу объ авторитетѣ вселенскихъ соборовъ, продолжали имѣть силу,—именно тѣ декреты, которые постановлены были въ IV-мъ и V-мъ засѣданіяхъ указаннаго собора; и церковь галликанская отнюдь не одобряетъ, чтобы подвергали сомнѣнію авторитетъ этихъ декретовъ и ограничивали ихъ единственно тѣмъ, чтобы признать ихъ къ случаю появленія раскола. 3) Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что апостольская (папская) власть должна быть ограничена церковными канонами, которые весь міръ почитаетъ; также нужно ненарушимо хрѣпить правила, обычаи и постановленія, признанные королевствомъ и Церквію во Франціи и одобренные папскимъ престоломъ и царями. 4) Въ вопросахъ вѣры папа имѣетъ высшій авторитетъ, и его опредѣленія касаются всѣхъ церквей вообще и каждой изъ нихъ въ частности; но его рѣшеніе можетъ быть исправлено въ томъ случаѣ, если съ нимъ не соглашается Церковь. (Fleury, Discours sur l'histoire ecclésiastique, discours X, chap. IV). Легко понять, что такіе тезисы никакъ не могли появиться ни папѣ, ни іезуитамъ.

трамонтанскихъ стремленій. Ближайшимъ результатомъ этого движенія было то, что французскіе епископы безпрекословно приняли даже такую крайнюю по своему направленію буллу, какова была булла *Unigenitus*, изданная Климентомъ XI ¹⁾. Однимъ словомъ, побѣда іезуитовъ была полна, и слѣдствія ея не замедлили проявиться весьма скоро: два провинціальныя французскіе собора, въ Авиньонѣ (1725 г.) и въ Эврѣ (Evreux, 1727 г.) торжественно подтвердили буллу *Unigenitus* и чрезъ это какъ бы признали и непогрѣшимость папы. Вслѣдъ затѣмъ начинается систематическая порча богословскихъ учебниковъ и катихизисовъ въ смыслѣ благопріятномъ ультрамонтанскимъ стремленіямъ.

Но торжество ультрамонтанской партіи продолжалось недолго: уже въ 1773 году папа Климентъ XIV, уступая усиленному настояніямъ всѣхъ почти европейскихъ правительствъ, уничтожилъ орденъ іезуитовъ. Съ точки зрѣнія папской политики, этотъ актъ былъ громадною ошибкою: папа чрезъ это какъ бы самъ подкопался подъ свою собственную власть, потому что душою всѣхъ ультрамонтанскихъ стремленій были всегда именно іезуиты. Правда, фактически іезуитскій орденъ не переставалъ существовать и послѣ буллы *Dominus ac Redemptor*, но теперь онъ не могъ уже дѣйствовать открыто и былъ поѣтому, такъ сказать, связанъ по рукамъ и по ногамъ. А между-тѣмъ, если когда папство вообще нуждалось въ поддержкѣ со стороны іезуитовъ, то особенно теперь, папунѣ французской революціи. Извѣстно затѣмъ, какъ унижена была католическая Церковь во Франціи въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI, а также и то, что революціонное правительство совершенно уничтожило ее,—по крайней мѣрѣ, официально. Революціонныя идеи проникли и во многія дру-

¹⁾ Впрочемъ, не всѣ французскіе епископы явились сторонниками этой буллы. Самъ Парижскій архіепископъ, кардиналъ *де-Ноайль* (de Noailles), и нѣкоторые другіе энергично возставали противъ нея. О такомъ протестѣ лучше всего можетъ свидѣтельствовать *наставное посланіе*, написанное названнымъ архіепископомъ для всего духовенства своей епархіи и изданное въ Парижѣ въ 1719 году подъ заглавіемъ: *Première instruction pastorale de son Eminence Monseigneur le cardinal de Noailles*.

гія европейскія государства, вслѣдствіе чего почти во всей Европѣ католическая Церковь испытала сильныя перевороты. Но всего опаснѣе для папства было то обстоятельство, что революція проникла и въ самый Римъ, слѣдствіемъ чего было то, что престарѣлый папа Пій VI былъ насильственно вывезенъ изъ *авиньон* города сначала во Флоренцію, а потомъ въ Валенсию, гдѣ и умеръ въ 1799 году. Бѣдствіе, которое испытала на себѣ католическая Церковь и ея видимая глава—папа за десять лѣтъ, начиная съ 1789 года, было такъ велико, и стремленіямъ ультрамонтанской партіи нанесенъ былъ чрезъ это такой сильный ударъ, что, казалось, теперь нельзя уже было ожидать возстановленія въ прежней силѣ власти римскаго первосвященника.—не только свѣтской, но и духовной. Въ самомъ дѣлѣ: едва-ли кто изъ современниковъ этого крайняго упадка папской власти могъ предвидѣть, что, чрезъ 70 лѣтъ послѣ того, духовная власть папы достигнетъ такой силы, какой она еще никогда не имѣла раньше; что осуществится, наконецъ, тотъ идеаль, по отношенію къ власти папы, который предначертанъ былъ еще Лжеисидоровскими декреталями, и къ осуществленію котораго послѣдовательно стремилась курія съ своими приверженцами, въ теченіи цѣлыхъ девяти вѣковъ. Едва-ли кто изъ числа не только враговъ папства, но и его сторонниковъ, при видѣ столь глубокаго паденія папскаго авторитета, могъ представить себѣ, что наступитъ время, когда теорія Лайнэа ¹⁾ и Беллармина о непогрѣшимости папы получить въ католической церкви значеніе догмата вѣры...

А между тѣмъ, 18 іюня 1870 года такое важное событіе въ исторіи папства совершилось...

¹⁾ Иезуитъ Лайнэа провозвѣст на Тридентскомъ соборѣ рѣчь, въ которой доказывалъ мысль о папской непогрѣшимости.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Новая ультрамонтанская школа во Франціи и ея дѣятельность въ пользу развитія ученія о папской непогрѣшимости ¹⁾.

ГЛАВА I.

Конкордатъ 1801 года и его значеніе для усиленія папской власти.

14-го марта 1800 года,—слѣдовательно, спустя шесть мѣсяцевъ съ небольшимъ послѣ смерти папы Пія VI, тридцать пять кардиналовъ скромно, безъ всякой торжественности, избрали въ монастырѣ св. Георгія (*Georgio maggiore*), въ Венеціи, новаго папу изъ рода графовъ Хіарамонти, бывшаго въ то время кардиналомъ и епископомъ города Имола. Это былъ Пій VII.

Такое неожиданное избраніе было, можно сказать, первымъ шагомъ къ возстановленію униженнаго папства, враги котораго считали, что оно уже совершенно погибло. Выборъ новаго папы сразу поднялъ духъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ католической церкви и вселилъ въ нихъ несомнѣнную надежду на скорое прекращеніе папскаго изгнанія изъ Рима. И этой надеждѣ суждено было осуществиться въ самомъ скоромъ времени: уже 3 іюля новый папа торжественно вступилъ въ *авиньон* городъ при радостныхъ привѣтствіяхъ народа.

¹⁾ Всѣ историческіе факты, излагаемые въ предлагаемой I-й части, основаны на слѣдующихъ, преимущественно, сочиненіяхъ: 1) Friedrich, Geschichte des Vatikanischen Concils, B. I; 2) Alzog, Kirchengeschichte, B. III; 3) Ranke, Die Römischen Päpste, B. III и др. сочиненія.

Нелегкая задача предлежала новоизбранному римскому первосвященнику: онъ долженъ былъ возвратитъ католической церкви ея прежнія права и привилегіи, которыя она утратила во время французской революціи. Понятно, что первая послѣ Италіи страпа, на которую должны были обратиться всѣ заботы Пія VII, была сама Франція. Здѣсь католическая церковь находилась въ состояніи крайняго упадка. Хотя въ 1795 году и появился декретъ революціоннаго правительства, въ силу котораго католичество признавалось религіею дозволенною во Франціи, однако все-таки чрезъ это оно еще далеко не возстановлялось въ своихъ прежнихъ правахъ. Надъ французскимъ духовенствомъ еще во всей силѣ господствовала, такъ называемая, *гражданская конституція клира* (constitution civile du clergé), которая обнародована была еще при жизни короля Людовика XVI, въ 1791 году. Въ силу этого законодательнаго акта, число митрополичьихъ и епископскихъ кафедръ во Франціи было значительно сокращено, всѣ имущества церковныя конфискованы, а избраніе епископовъ поставлено въ исключительную зависимость отъ избирательныхъ собраній каждаго департамента, въ числѣ членовъ которыхъ было нерѣдко много не католиковъ, невѣрующихъ и даже евреевъ. Извѣстно, что многіе представители французскаго духовенства,—не только простые священники (curés), но и епископы,—покорились этому закону и даже подписали его. Тѣ же, лучшіе представители французскаго клира, которые не согласились подписать его, были лишены своихъ кафедръ и приходоу и изгнаны за предѣлы отечества. Покорившіеся революціонному правительству и оставшіеся во Франціи епископы и священники были, по большей части, пастырями недостойными, готовыми, ради страха гоненія, измѣнить своимъ убѣжденіямъ и часто даже самому христіанству; многіе изъ нихъ сдѣлались, напр., деистами; другіе—совсѣмъ отреклись отъ религіи... Понятно, въ какомъ жалкомъ положеніи должны были находиться пасомые, имѣя такихъ пастырей. Хотя среди простаго народа, жившаго вдали отъ Парижа, еще сильно держалось истинное религіозное чувство, тѣмъ не менѣе эти искренно вѣрующіе люди представляли изъ себя жалкую картину разсѣянныхъ овецъ, не имѣвшихъ истинныхъ па-

стырей. Однимъ словомъ, положеніе французской церкви за это время было далеко не утѣшительно, тѣмъ болѣе, что само тогдашнее правительство еще такъ недавно было злѣйшимъ врагомъ христіанства и всячески притѣсняло тѣхъ, которые держались его.

Въ 1799 году,—ровно за три мѣсяца до избранія Пія VII, во Франціи учреждено было консульство, и первымъ консуломъ избранъ былъ Наполеонъ Бонапартъ. Съ того времени произошелъ рѣшительный поворотъ въ отношеніяхъ французскаго правительства къ католической Церкви: первый консулъ началъ стремиться къ ея возстановленію во Франціи. Самое избраніе Пія VII было,—болѣе, чѣмъ вѣроятно,—его дѣломъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что первый шагъ къ сближенію между той и другой стороною сдѣланъ былъ не со стороны римской курии, какъ бы скорѣе всего можно было ожидать, но со стороны самого Бонапарта. Онъ первый обратился съ просьбой къ Пію VII, чтобы тотъ прислалъ во Францію уполномоченныхъ лицъ для веденія переговоровъ съ республиканскимъ правительствомъ по поводу улаженія церковныхъ дѣлъ въ этой странѣ. Такой рѣшительный шагъ перваго консула объяснить, впрочемъ, не трудно, если припятъ во вниманіе, съ одной стороны, ту цѣль, къ которой онъ стремился, а съ другой—тѣ обстоятельства, въ которыхъ находилась тогда Франція. Цѣль Бонапарта заключалась въ томъ, чтобы возстановить въ этой странѣ монархію, но только не ту, которая существовала до революціи, но совершенно новую, на основаніи тѣхъ законовъ и учреждений, которые выработаны были революціей. Выполнить эту задачу было нелегко, такъ-какъ при этомъ приходилось одновременно считаться съ двумя совершенно противоположными партіями. Но гений Наполеона превозмогъ трудность этого дѣла. Онъ сразу понялъ, съ чего надобно начать. Онъ понялъ, что до тѣхъ поръ, пока французская церковь не получитъ болѣе прочнаго основанія, чѣмъ какое она имѣла со времени революціи, никакъ нельзя будетъ снова водворить во Франціи монархическое начало. А такимъ прочнымъ основаніемъ могла быть, въ глазахъ честолюбиваго консула, только папская власть, притомъ въ самомъ абсолют-

номъ смыслѣ, какъ власть вполнѣ неограниченная. Впрочемъ, Наполеонъ былъ далекъ отъ того, чтобы серьезно желать возстановленія папской власти по идеалу Григорія VII и Бонифація VIII: онъ былъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы навсегда допустить во Франціи иную власть, рядомъ съ собственною. Въ папѣ онъ видѣлъ не болѣе, какъ важное и необходимое средство для того, чтобы прочно утвердить свой собственный авторитетъ ¹⁾. Этимъ вполнѣ объясняется та перемѣна отношеній Наполеона къ Пію, которая послѣдовала почти непосредственно послѣ того, какъ папа короновалъ перваго консула въ императора: достигнувъ своей цѣли съ помощью римскаго первосвященника, новый императоръ поспѣшилъ ясно дать понять послѣднему, что онъ вовсе не Карлъ Великій, какъ могъ наивно думать про него до тѣхъ поръ Пій VII, и что поэтому онъ положительно не имѣетъ въ виду серьезнаго возстановленія средневѣковаго папскаго могущества. Но папа, съ самаго начала своихъ переговоровъ съ Наполеономъ, не такъ посмотрѣлъ на дѣло: въ предложеніи перваго консула вступить съ нимъ въ переговоры относительно устройства французской церкви Пій тотчасъ съ радостію увидѣлъ удобный поводъ снова усилить свою духовную власть, притомъ въ такой степени, о которой онъ едва-ли могъ помышлять при своемъ скромномъ венеціанскомъ избраніи. Предъ нимъ сразу открылась самая заманчивая перспектива: задушить окончательно то ужасное привидѣніе, которое слишкомъ сто лѣтъ угрожало папству въ видѣ галликанскихъ стремленій, и въ самомъ непродолжительномъ времени торжествовать полную побѣду надъ тою церковію, которая еще въ 1801 году, т. е. во время самыхъ жаркихъ переговоровъ между французскимъ правительствомъ и куріей,—открыто заявляла на Парижскомъ съѣздѣ, что она не нуждается въ папѣ. Понятно, что одна такая побѣда, если бы она была одержана, въ самое короткое время воротила бы папству все то, что оно потеряло со времени революціи. Но чѣмъ за-

¹⁾ Ранке говоритъ, что Наполеонъ стоялъ за декларацію 1682 г., и что Пій VII, отираясь во Францію, захватилъ съ собою письмо написанное вѣкогда, по поводу этой деклараціи, Николентіемъ XI къ Людовику XIV (Die Römischen Päpste, III B., S. 216).

манчивѣе было для папы такой исходъ дѣла, тѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе долженъ былъ онъ дѣйствовать при своихъ переговорахъ съ Наполеономъ. Надобно было тщательно наблюдать, чтобы, съ одной стороны, не оттолкнуть французское правительство слишкомъ рѣзкими условіями и требованіями, а съ другой—не дѣлать ему и слишкомъ большихъ уступокъ, которыя могли бы служить въ ущербъ развитію папской власти. Чтобы выполнить эту двойную задачу, необходимо было имѣть, въ качествѣ уполномоченнаго лица при переговорахъ, опытнаго и искуснаго дипломата. Такой и нашлся въ лицѣ кардинала Консолви, который, съ самыхъ первыхъ дней вступленія на папскій престолъ Пія VII, можно сказать, всецѣло взялъ въ свои руки этого слабохарактернаго папу и началъ править его именемъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ первымъ представителемъ тѣхъ энергичныхъ дѣятелей въ пользу возвышенія папской власти, которые вскорѣ должны были основать новую ультрамонтанскую партію, не только во Франціи и въ Германіи, но и въ другихъ странахъ Европы, съ тою цѣлію, чтобы довести идею о папской непогрѣшимости до степени догмата вѣры, на Ватиканскомъ соборѣ.

15 іюля 1801 года заключенъ былъ, чрезъ посредство Консолви, между папою и Наполеономъ извѣстный конкордатъ, который въ исторіи развитія въ текущемъ столѣтіи духовной власти римскаго первосвященника составляетъ весьма важный и рѣшительный моментъ. Давно папа такъ энергично не выступалъ съ своими посягательствами на права французской церкви, какъ при заключеніи этого договора. Въмѣсто того, чтобы предварительно выслушать мнѣніе самихъ французскихъ епископовъ и, на основаніи этихъ мнѣній, дать такое или иное рѣшеніе относительно способа возстановленія католической церкви во Франціи,—онъ поступилъ совершенно деспотически. Въ силу указаннаго конкордата, онъ, опираясь единственно на поддержку со стороны Наполеона и, слѣдовательно, имѣя на своей сторонѣ только право сильнаго,—уничтожилъ прежнесдѣленіе Франціи на епархіи и приходы и замѣнилъ его совершенно новымъ, при которомъ число епархій значительно сокращено. Но этимъ папа не ограничился въ своихъ посяга-

тельстввахъ на право французской церкви: онъ отправилъ на имя всѣхъ архіепископовъ и епископовъ этой церкви, — не только подписавшихъ въ свое время *гражданскую конституцію* *клары*, но и тѣхъ, которые не покорились тогда революціонному правительству и жили, вслѣдствіе того, въ Франціи, — циркулярное посланіе *Tam multa ac tam praecelava*, въ которомъ требовалъ отъ нихъ, чтобы всѣ они, въ теченіи десяти дней, отказались отъ своихъ прежнихъ кафедръ и съ покорностію ожидали его рѣшенія относительно новыхъ назначеній на епископскія вакансіи. Мало этого: не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ небольшимъ послѣ отправки указаннаго посланія, какъ папа объявилъ, что всѣ архіепископы и епископы, которые еще не отказались отъ своихъ кафедръ и не отдали себя въ полное его распоряженіе, считаются лишенными своихъ правъ на управленіе епархіями. Эта послѣдняя мѣра была тѣмъ болѣе несправедлива, что многіе изъ епископовъ получили циркулярное посланіе папы слишкомъ поздно, а до иныхъ оно и вовсе не доходило ¹⁾. Такой насильственный образъ дѣйствія римской куріи вызвалъ въ средѣ значительнаго большинства французскихъ епископовъ сильный протестъ ²⁾. Важнымъ и краснорѣчивымъ выраженіемъ этого протеста является довольно обширное посланіе, которое нѣкоторые изъ недовольныхъ епископовъ отправили въ 1803 году на имя Пія VII и которое озаглавлено такъ: „*Canonicae et reverentissimae expostulationes apud SS. DD. N.N. Pium VII, divina providentia Patram, de variis actis ad Ecclesiam Gallicanam spectantibus*“. Для насъ этотъ документъ тѣмъ особенно интересенъ, что въ немъ мы находимъ очень полную и всестороннюю защиту самостоятельности Галликанской церкви противъ деспотическаго акта Пія VII. Для доказательства незаконности конкордата 1801 года здѣсь дѣлается ссылка не только на авторитетъ многихъ прежнихъ папъ, равно какъ и на правила вселенскихъ и помѣст-

¹⁾ Fridrich, *итов. соч.*, I, 86. Свеса: *Expostulationes apud Pium VII... de variis actis ad Ecclesiam Gallicanam spectantibus*.

²⁾ Мэтэ (Métau) въ своемъ сочиненіи: «*A la plus grande gloire de Dieu nous portât, que число оппозиціонныхъ епископовъ доходило до 181 человека.*»

ныхъ соборовъ, но и неоднократно и съ особенною силою указываетъ на примѣръ непосредственнаго предшественника Пія VII, — Пія IV-го. Это послѣднее обстоятельство какъ нельзя болѣе ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какой важный шагъ впередъ на пути развитія духовной своей власти сдѣлалъ Пій VII, сравнительно съ своимъ предшественникомъ, когда заключилъ съ Наполеономъ конкордаты 1801 года. Вотъ почему для насъ, въ виду нашей задачи, эти ссылки на образъ дѣйствія Пія VI особенно интересны ¹⁾. Галликанскіе епископы ссылаются, между прочимъ, на посланіе, которое этотъ папа отправилъ на имя французскихъ прелатовъ въ 1791 году, отъ 10 марта, по поводу предполагававшагося въ то время, со стороны французскаго правительства, измѣненія порядка распределенія епархій французской церкви. Въ этомъ посланіи папа говоритъ слѣдующее: „Когда самъ король (т. е. Людовикъ XVI) проситъ насъ, чтобы мы убѣдили своими увѣщаніями митрополитовъ и епископовъ дать свое согласіе на раздѣленіе и упраздненіе (прежнихъ) митрополій и епархій..., то въ этой просьбѣ короля легко видѣть, что и самъ онъ признаетъ, что *въ подобномъ случаѣ слѣдуетъ заручиться (il faut requérir) мнѣніемъ епископовъ, а равно и то, что исполнить справедливо не можно намъ ничего безъ предварительнаго совѣта съ ними (sans les avoir entendus)*. Вотъ почему мы пламенно желаемъ и убѣдительно просимъ, чтобы вы прислали намъ свои мнѣнія, равно какъ и подробное изложженіе тѣхъ основаній, которыя заставляютъ васъ принимать ихъ; чтобы вы снабдили все это важными подписями, принадлежащими если не самимъ вамъ, то хотя бы большинству изъ васъ; такъ чтобы мы могли, опираясь на столь вѣскія данныя (*appuyés sur un motif d'un si grand poids*), произнести справедливое рѣшеніе, которое было бы полезно, какъ для васъ, такъ и для Франціи (*au royaume très-chrétien*)“ ²⁾. Епископы, отправившіе на имя Пія VII свои *expostulationes*, очень мѣтко сослались на эти слова его пред-

¹⁾ За невѣдѣніемъ у насъ подъ руками латинскаго текста протеста Галликанскихъ епископовъ, мы будемъ имѣть въ виду его французскій переводъ, изданный въ Лондонѣ въ 1804 году, который находится въ нашемъ распоряженіи.

²⁾ См. названный французскій переводъ *expostulationes*, стр. 16.

шественника, изъ которыхъ видно, что послѣдній не рѣшался дать свое согласіе на новое дѣленіе епархій французской церкви, не заручившись предварительно письменно изложенными мнѣніями епископовъ этой церкви. При этомъ протестующіе епископы напоминаютъ Пію VII и то не менѣе важное обстоятельство, что его предшественникъ поступилъ съ ними такъ, *смыслу совѣту своихъ кардиналовъ* (et nous ne devons pas omettre que ce sont les cardinaux de la sainte Eglise Romaine assemblés qui ont engagé Pie VI à en user de la sorte...) ¹⁾. Въ этомъ напоминаніи легко усмотрѣть тонкій намекъ на то, что главнымъ дѣятелемъ и совѣтникомъ Пія VII, при заключеніи конкордата 1801 года, былъ кардиналъ Консалви, который, къ сожалѣнію, далеко не походилъ на кардиналовъ, окружавшихъ Пія VI-го...

Случай, по поводу котораго Пій VI писалъ французскимъ епископамъ въ 1791 году посланіе,—въ сущности, очень сходенъ съ тѣмъ, который имѣлъ мѣсто при Піи VII, въ 1801 г. И теперь, какъ и тогда, дѣло шло о новомъ дѣленіи Франціи въ церковномъ отношеніи. Различіе между первымъ и вторымъ случаемъ заключалось развѣ лишь въ томъ, что мысль о такомъ передѣленіи исходила въ 1791 году не отъ папы, а отъ самого французскаго правительства; между тѣмъ, какъ въ 1801 году инициатива такой мѣры принадлежала, напротивъ, папѣ или, вѣрнѣе, римской куріи, вліятельнымъ представителемъ которой, при переговорахъ съ Наполеономъ, былъ кардиналъ Консалви. Какъ бы то ни было,—во всякомъ случаѣ и въ 1791 году, и въ 1801 году папа поставлялся по отношенію къ французской церкви въ такое положеніе, въ которомъ ему приходилось такъ или иначе проявить свою власть надъ нею. И что же мы видимъ? Въ первомъ случаѣ папа настолько охраняетъ независимыя права подчиненной ему помѣстной церкви, что не желаетъ измѣнять ея внутренняго устройства безъ согласія на это самихъ ея представителей. Напротивъ, во второмъ случаѣ его преемникъ не только не спрашиваетъ у нихъ согласія на предполагаемое внутреннее переустройство этой церкви, но и

¹⁾ Ibidem, стр. 19.

самъ, своею единоличною властію, рѣшается лишить права епископской юрисдикціи многихъ законныхъ пастырей, всѣцѣло равняя ихъ съ пастырями незаконными, получившими свои кафедры отъ революціоннаго правительства, на основаніи *гражданской конституціи клиры*. Откуда произошло такое измѣненіе въ папской политикѣ относительно французской церкви? Конечно, истинная причина тому та, что въ правленіе Пія VI папская власть была сильно парализована революціоннымъ движеніемъ, охватившимъ сначала Францію, а потомъ и многіе изъ европейскихъ государствъ; такъ что этотъ папа не могъ, еслибы даже и хотѣлъ, настаивать на усиленіи своей власти надъ французскою церковію. Напротивъ, преемнику его, Пію VII, суждено было видѣть начало возстановленія папской духовной власти въ той неожиданной поддержкѣ, которую оказалъ ему Наполеонъ. Почувствовавъ себя снова сильнымъ, папа могъ и въ своихъ дѣйствіяхъ относительно французской церкви возвратиться къ системѣ тѣхъ своихъ предшественниковъ, которые такъ успѣшно дѣйствовали противъ самостоятельности Галликанской церкви въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія. Онъ могъ даже пойти въ этомъ отношеніи гораздо дальше, такъ какъ хорошо зналъ и видѣлъ, что положеніе этой несчастной, разоренной церкви было таково, что трудно было ожидать отъ ея представителей вполне дружнаго противодѣйствія, которое могло бы серьезно воспрепятствовать его видамъ по отношенію къ ней. Вотъ почему его не пугало даже то, что число оппозиціонныхъ французскихъ епископовъ еще въ 1801 году дошло, приблизительно, до двухсотъ. Тѣмъ менѣе устрашала его письменный протестъ, отправленный на его имя со стороны нѣкоторыхъ изъ этихъ епископовъ; потому что, хотя самый этотъ документъ и написанъ былъ очень сильно и убѣдительно, однако онъ былъ подписанъ только 38 епископами,—слѣдовательно, лишь очень небольшою частію всей оппозиціи. Однимъ словомъ, теперь руки римскаго первосвященника были, можно сказать, какъ-бы снова развязаны, если пока еще и не вполне, то во всякомъ случаѣ въ значительной степени. И онъ, дѣйствительно, успѣшилъ воспользоваться этимъ счастливымъ обстоятельствомъ и положить первое начало возстановленія

прежней духовной власти римскаго престола. Конечно, при этомъ папа вовсе и не касался вопроса о томъ, законно ли онъ поступаетъ относительно французской церкви, или вѣтъ: онъ имѣлъ въ виду лишь то, что наступилъ благоприятный моментъ для усиленія его власти, которымъ необходимо воспользоваться, не теряя времени.

Какъ ни важенъ былъ по своему значенію для Пія VII конкордатъ 1801 года, однако, если обратить вниманіе на то отношеніе, въ какое сталъ вскорѣ послѣ того къ этому договору Наполеонъ,—то можно, повидимому, придти къ тому заключенію, что побѣда, которую одержалъ папа надъ французскою церковію въ 1801 году, была, въ сущности, лишь временнымъ торжествомъ папской власти, не имѣвшимъ никакихъ важныхъ послѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ: не прошло и полгода послѣ заключенія конкордата, какъ первый консулъ обнародовалъ, какъ бы въ дополненіе къ нему, — такъ называемые, — *органическіе артикулы* (articles organiques), которые сильно ограничивали ту обширную область папской юрисдикціи надъ французскимъ духовенствомъ, границы которой не совсѣмъ ясно обозначены были въ конкордатѣ. Вотъ существеннѣйшіе пункты этого законодательнаго акта: „Ни одна булла, ни одно бреве, ни бо, „обще какой-либо другой письменный документъ, исходящій отъ „папскаго престола, каково бы ни было его содержаніе, даже „и въ томъ случаѣ, если бы онъ (документъ) касался лишь „частныхъ вопросовъ,—не могутъ быть приняты, обнародованы, „напечатаны и приведены въ дѣйствіе безъ позволенія правитель- „ства.—*Профессора семинарій обязаны преподавать четыре „тезиса, которые изложены въ déclaration du clergé de France;* „епископы должны дать письменныя обязательства въ исполне- „ніи этого требованія министру исповѣданій.—Ни одинъ соборъ „не можетъ быть созванъ во Франціи безъ приказанія со сто- „роны правительства.—Религіозное преподаваніе можетъ вестись „не иначе, какъ по руководству катихизиса, одобреннаго пра- „вительствомъ.—Митрополитъ (=архіепископъ) имѣетъ право „управлять тѣми епархіями, которыя окажутся вакантными.— „Генеральные викарии (vicaires généraux) имѣютъ власть про- „должать исполненіе своихъ обязанностей и послѣ смерти сво-

„его епископа, до назначенія новаго.—Священники (curés) мо- „гутъ давать брачное благословеніе лишь тѣмъ лицамъ, кото- „рыхъ докажутъ, что ихъ бракъ утвержденъ гражданскою вла- „стію... 1)“. Нетрудно понять, что побудило Наполеона издать столь важныя ограниченія папской власти во Франціи,—не- трудно понять послѣ этого и то, что мы выше замѣтили объ истинной цѣли его сближенія съ папой. Онъ только до тѣхъ поръ готовъ былъ дѣлать всевозможныя уступки Пію, пока это необходимо было для прочнаго возстановленія церкви во Франціи изъ тѣхъ ея обломковъ, которые остались послѣ революціи. Послѣ того, какъ эта первая, предварительная, цѣль его внутренней политики была достигнута, ему уже не было надобности продолжать, по отношенію къ римской куріи, свою занесивающую тактику. Напротивъ, теперь ему необходимо было обезпечить осуществленіе своей заветной идеи собственнаго едино- властія, а также надобно было подумать и о томъ, какъ, по возможности, удовлетворить требованіямъ и національной партіи во Франціи, которая была сильно недовольна конкордатомъ 1801 года. И вотъ, Наполеонъ издаетъ въ апрѣлѣ 1802 года указанныя нами *артикулы*.

Наиболѣе характерный пунктъ этого законодательнаго акта, конечно, тотъ, по которому во французскихъ семинаріяхъ вводится обязательное преподаваніе 4-хъ Галликанскихъ тезисовъ. Повидимому, чрезъ это узаконеніе Галликанскія стремленія должны были получить во Франціи право гражданства, и всѣмъ розовымъ мечтамъ Пія VII относительно побѣды надъ ними такъ и суждено было остаться въ области мечтаній. А вслѣдствіе этого, и конкордатъ 1801 года получалъ теперь, повидимому, значеніе лишь временнаго торжества папской власти, не имѣвшаго никакихъ важныхъ для этой власти послѣдствій (какъ мы уже замѣтили выше). Но это только *повидимому*: въ дѣйствительности вышло совершенно обратное. Какъ ни значительны были эти ограниченія папской власти надъ французскою церковію, которыя обнародованы были въ *органическихъ артику-*

1) Alzog, Histoire universelle de l'Église, франц. переводъ Goschler'a в Audley, Paris, 1855, т. III, pp. 419—420.

матъ, тѣмъ не менѣе фактически они были не болѣе, какъ лишь фиктивными ограниченіями этой власти. Хотя папа и стель нужнымъ протестовать противъ нихъ, однако онъ сдѣлалъ это скорѣе по принципу,—въ силу того, что эти ограниченія формально противорѣчили конкордату, а не потому, чтобы онъ серьезно могъ опасаться ихъ. Если и не онъ самъ, то во всякомъ случаѣ кардиналъ Консальви и другіе поборники усиленія папской власти очень хорошо понимали, что конкордаты 1801 года самъ по себѣ, а также и по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ, есть слишкомъ важный шагъ на пути этого усиленія, для того, чтобы можно было такъ скоро свести его значеніе къ нулю, какъ могли наивно думать нѣкоторые Галликанскіе епископы, привѣтствуя появленіе *органическихъ артикуловъ*. Чтобы дѣйствительно лишить конкордаты всякаго значенія и всякой силы, не довольно было его *ограничить*: необходимо было его *уничтожить* и, слѣдовательно, признать всѣ папскія распоряженія, основанныя на немъ, незаконными и недѣйствительными. Лишь въ такомъ случаѣ и можно было торжествовать возстановленіе Галликанской церкви со всѣми ея вѣковыми правами и преимуществами; иначе такое торжество являлось бы не болѣе, какъ пріятною фикціею. А между тѣмъ конкордаты, если и были формально ограниченъ, то ни въ какомъ случаѣ не были уничтоженъ, такъ какъ то незаконное дѣленіе Франціи въ церковномъ отношеніи, которое совершилъ на основаніи этого акта Пій VII, продолжало существовать и послѣ изданія *органическихъ артикуловъ*; также и весь составъ новыхъ французскихъ епископовъ, явившійся вслѣдствіе деспотическаго распоряженія этого папы, продолжалъ существовать безъ всякаго измѣненія. Черезъ это французская церковь какъ-бы молчаливо покорялась совершившемуся въ 1801 году факту, а потому и всѣ протесты со стороны ея представителей, даже и самыя ограниченія папской власти со стороны правительства Наполеона,—въ дѣйствительности вовсе не достигали своей цѣли.

Лучшимъ доказательствомъ этой послѣдней мысли можетъ служить 31-й пунктъ *органическихъ артикуловъ*, въ силу котораго большая часть французскаго низшаго клира лишена была постоянныхъ приходскихъ мѣстъ и получала значеніе какъ-бы

запасныхъ приходскихъ пастырей (*curés desservants*). Мѣстный епископъ могъ во всякое время переводить этихъ *curés desservants* съ одного мѣста на другое, согласно своему усмотрѣнію. Весьма вѣроятно, что причина такого нововведенія лежитъ въ стремленіи тогдашняго французскаго правительства, насколько возможно, болѣе подчинить духовенство епископамъ. Черезъ это подчиненіе правительство надѣялось достигнуть той централизаціи власти во Франціи, при которой вся церковная іерархія могла бы находиться въ полной зависимости отъ государства. Такимъ образомъ цѣль таковой мѣры, по мысли Наполеона, сводилась снова къ тому, чтобы ограничить вліяніе папы на французскую церковь. А между тѣмъ внослѣдствіи оказалось, что учрежденіе *curés desservants*, какъ нельзя болѣе, способствовало именно тому, чего никакъ не жалалъ первый консулъ, т. е. усиленію папской власти во Франціи. Бѣдственное положеніе этихъ *curés*, которые никогда не имѣли вѣрныхъ средствъ къ своему пропитанію и потому зависѣли единственно отъ власти своихъ епископовъ (власти нѣрѣдко весьма деспотической и даже произвольной),—заставляло этихъ несчастныхъ представителей низшаго клира часто обращаться, съ апелляціонной жалобой на своихъ епископовъ, непосредственно къ самому папѣ, который черезъ это, понятно, пріобрѣлъ значительное вліяніе на дѣла французской церкви. При этомъ особенно и сказывался тотъ неутѣшительный для этой церкви фактъ, что, начиная съ 1801 года, въ ней положено было твердое основаніе новой ультрамонтанской партіи, которая, самымъ своимъ существованіемъ во Франціи, заранѣе душила и лишала поэтому значенія всякое проявленіе сочувствія къ Галликанскимъ воззрѣніямъ, не только среди французскаго духовенства, но и со стороны самого правительства. Дѣло въ томъ, что папа, получая апелляціонныя жалобы отъ *curés desservants*,—обыкновенно, иначе поступалъ въ томъ случаѣ, когда жалоба касалась епископа—ультрамонтана, и иначе, когда ее приносили ему на такого прелата, въ ультрамонтанствѣ котораго онъ не былъ увѣренъ: въ первомъ случаѣ жалоба оставалась, обыкновенно, безъ послѣдствій, а во второмъ—папа, напротивъ, заступался за угнетаемаго *curé* и черезъ это, конечно, ограничи-

валь власть надъ нимъ его епископа ¹⁾. Однимъ словомъ, учрежденіе *curés desservants*, вопреки мысли Наполеона, явилось, въ сущности, новою причиною, способствовавшею постепенному усилению папскаго вліянія во Франціи.

ГЛАВА II.

Основатели новой ультрамонтанской школы и партія во Франціи, Ламне (Lamennais) и де-Местръ (de Maistre).

Въ началѣ текущаго столѣтія, во Франціи, послѣ продолжительнаго господства въ литературѣ направленія враждебнаго христіанству, явился писатель, который поставилъ себѣ цѣлю повліять главнымъ образомъ на эстетическій вкусъ своихъ современниковъ и этимъ путемъ привести ихъ къ убѣжденію въ величіи христіанства, доказавъ имъ, что только въ этой религіи можно найти истинное удовлетвореніе чувства красоты. Это былъ *Шатобрианъ* (Chateaubriand), главное апологетическое сочиненіе котораго, появившееся въ 1802 году, было: *Le génie du christianisme*. Сами по себѣ литературные труды этого писателя не имѣютъ значенія собственно для нашей задачи, потому что онъ, по методу и характеру своихъ сочиненій, не можетъ быть отнесенъ къ представителямъ строгаго церковнаго направленія среди французскаго общества того времени. Шатобрианъ былъ совершенно свѣтскій человѣкъ, не имѣвшій глубокаго богословскаго образованія, который самъ былъ прежде невѣрующимъ и обратился къ вѣрѣ главнымъ образомъ благодаря тому, что нашелъ въ христіанствѣ удовлетвореніе эстетическихъ потребностей своей поэтической души. Тѣмъ не менѣе в его литературная дѣятельность прошла не безъ пользы для возстановленія католической церкви во Франціи. Такъ какъ онъ былъ выразителемъ той религіозной реакціи, которая охватила эту страну въ началѣ XIX столѣтія,—притомъ очень талантливымъ и изящнымъ выразителемъ,—то сочиненія его читались на расхватъ и многихъ при-

¹⁾ Friedrich, цитованное сочиненіе, т. I, стр. 136—137.

звлекли въ лоно церкви. Конечно, это не значитъ, что они способствовали и развитію папской власти во Франціи, такъ какъ въ то время понятіе о католической церкви еще далеко не совпадало съ понятіемъ объ ультрамонтанской партіи, какъ это стало впоследствии. Однако-же косвеннымъ образомъ Шатобрианъ оказалъ пѣкоторую услугу и этой, вновь возникшей тогда, партіи. Своимъ блестящимъ успѣхомъ на литературномъ поприщѣ, въ защиту религіи, онъ, можно сказать, подготовилъ путь для тѣхъ апологетовъ, которые уже открыто выступили на защиту собственно папской идеи и сдѣлались главными основателями и поборниками названной партіи. Общество французское, одѣлившее сочиненія Шатобриана, преимущественно, за ихъ изящное изложеніе и поэтическое содержаніе, весьма легко могло увлечься затѣмъ не менѣе изящнымъ и художественнымъ слогомъ и этихъ послѣднихъ писателей, наиболѣе замѣчательными представителями которыхъ были—*Ламна* (Lamennais) и *де-Местръ* (de Maistre). Вотъ въ чемъ заключалось значеніе Шатобриана въ исторіи усиленія папской власти во Франціи въ текущемъ столѣтіи. Съ точки зрѣнія нашей задачи, о немъ не остается болѣе ничего сказать. Зато та же задача требуетъ, чтобы мы подольше остановились на Ламна и де-Местрѣ.

Значеніе этихъ двухъ писателей въ исторіи ультрамонтанскаго движенія въ нашемъ вѣкѣ такъ велико, что ихъ можно смѣло назвать основателями ультрамонтанской школы и партіи не только во Франціи, но и въ другихъ европейскихъ странахъ. Они начали собою рядъ тѣхъ католическихъ,—и духовныхъ, и свѣтскихъ,—писателей, которые поставили себѣ цѣлю воскресить среди членовъ своей церкви тотъ идеалъ папскаго могущества, который выраженъ былъ на практикѣ еще Григоріемъ VII и Иннокентіемъ III, а затѣмъ возведенъ былъ на степень теоріи Белларминомъ. Особенное значеніе и Ламна, и де-Местра, въ этомъ отношеніи, заключается въ томъ, что они первые сознали всю важность примѣненія своего литературнаго таланта къ тѣмъ вкусамъ и требованіямъ, какіе предъявляло, относительно литературы, французское общество начала XIX столѣтія. Они поняли, что давно миновало то время, когда можно было, для подтвержденія папской

теоріи, ограничиваться одними тяжелыми,— и по содержанію, и по формѣ,—схоластическими доказательствами; что теперь такой вѣкъ, когда на общество можно дѣйствовать, преимущественно, легкою и эффектною рѣчью,—хотя и содержащею въ себѣ философскіе доводы и разсужденія, тѣмъ не менѣе излагающею ихъ въ самой общедоступной формѣ,—въ видѣ отдѣльныхъ статей или даже цѣлыхъ сочиненій съ публицистическимъ характеромъ. Дѣйствительно, нельзя не отдать полной справедливости и Ламна, и де-Местру въ томъ, что всѣ ихъ сочиненія читаются удивительно легко даже и теперь, хотя, со времени появленія ихъ въ печати, прошло болѣе полувѣка. Конечно, именно такимъ приспособленіемъ къ современнымъ литературнымъ вкусамъ и требованіямъ и объясняется, въ значительной степени, тотъ успѣхъ, который имѣли эти сочиненія не только во Франціи, но и въ другихъ европейскихъ странахъ, и который былъ первымъ важнымъ залогомъ будущей силы новой ультрамонтанской партіи во всемъ католическомъ мірѣ. Впрочемъ, была и другая, не менѣе важная, причина этого успѣха. Дѣло въ томъ, что оба знаменитые піонера новаго ультрамонтанскаго движенія удивительно удачно выбрали время для того, чтобы выступить на поприще литературной защиты папской власти. Мы уже замѣтили мимоходомъ, что начало нашего столѣтія было временемъ религіозной реакціи во Франціи. Но не слѣдуетъ думать, будто эта реакція была чисто религіозною. Если и не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, во многихъ представителяхъ тогдашняго французскаго общества,—въ томъ числѣ и въ самомъ Наполеонѣ,—она проявлялась съ сильною политическою окраскою. Если эти многіе и желали возстановленія во Франціи религіи и церкви, то совсѣмъ не потому, что, дѣйствительно, сознавали потребность для своего народа во всеоживляющемъ вліяніи религіи, а единственно по той причинѣ, что видѣли въ послѣдней очень полезное средство для возстановленія и сохраненія среди народныхъ массъ и среди общества того вѣшняго порядка, того *ordre moral*, который такъ сильно потрясенъ былъ въ своихъ основахъ во время революціи. Такимъ образомъ церковь или, вѣрнѣе, вся органи-

зація церковнаго управленія, являлась въ ихъ глазахъ не болѣе, какъ лишь чисто внѣшнимъ, полицейскимъ средствомъ, для водворенія этого порядка. При такомъ взглядѣ на значеніе церкви, очень легко было совершенно незамѣтно придти къ той ложной мысли, будто возстановить ее значить возстановить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и средневѣковой идеаль папской власти, какъ власти чисто монархической ¹⁾. Мы уже видѣли, какъ самъ Наполеонъ, будучи еще первымъ консуломъ, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости такого возстановленія папской власти во Франціи. Правда, онъ очень скоро и охладѣлъ къ папѣ, и пересталъ содѣйствовать усиленію его вліянія,—даже прямо началъ противодѣйствовать этому вліянію (когда помощь папы стала для него уже не пужна). Однако въ весьма многихъ представителяхъ тогдашняго французскаго общества, особенно въ тѣхъ, которые наиболѣе пострадали во время страшной години революціи,—убѣжденіе въ необходимости усиленія папской власти, — не только въ ихъ отечественной церкви, но и во всемъ католическомъ мірѣ,—продолжало упорно держаться и развиваться. Чѣмъ стариннѣе было то привидѣніе революціи, которое постоянно предносилось предъ этими людьми, тѣмъ сильнѣе становилось у нихъ сознаніе необходимости скорѣе возвести противъ него такой крѣпкій и непреодолимый, по ихъ мнѣнію, оплотъ, какимъ являлась неограниченная власть папы въ церкви. Изъ среды такихъ именно людей вышли и оба писателя, о которыхъ у насъ рѣчь. Они сами видѣли въ возстановленіи папскаго могущества своего рода *панacea* противъ всѣхъ печальныхъ слѣдствій революціи. Они являлись въ этомъ случаѣ выразителями мыслей и членівъ цѣлаго кружка, далеко не тѣснаго, которому въ самомъ скоромъ времени суждено было распространить свое вліяніе даже за предѣлы Франціи.

Литературная дѣятельность Ламне началась гораздо раньше таковой же дѣятельности де-Местра. Первое его сочиненіе, написанное въ защиту оживавшаго папства, относится еще

¹⁾ Потому что только при этомъ условіи церковь и могла получить значеніе полицейскаго учрежденія.

къ 1808 году и озаглавивается такъ: *Réflexions sur l'état de l'église en France pendant le dixhuitième siècle et sur la situation actuelle*. Оно во многихъ отношеніяхъ замѣчательно. По своему значенію, это не что иное, какъ краснорѣчивый протестъ противъ той политики, которую усвоило себѣ правительство новаго императора (Наполеона) по отношенію къ возстановленію во Франціи католической церкви, вскорѣ послѣ 1804 года. Цѣль этой политики, какъ мы видѣли, сводилась къ тому, чтобы, путемъ постепенной, систематической централизаціи, достигнуть возможно большаго подчиненія всей церковной іерархіи правительству. Къ осуществленію такой централизаціи Наполеонъ началъ стремиться еще тогда, когда сдѣлался первымъ консуломъ. Какъ мы видѣли, самое заключеніе съ папой конкордата въ 1801 году и послѣдовавшее за этимъ актомъ усиленіе папской власти во Франціи—были, въ глазахъ Наполеона, необходимымъ шагомъ къ этой централизаціи, но именно только *шагомъ*; поэтому самъ Наполеонъ никогда нескрѣпно и не желалъ возстановленія во французской церкви папскаго вліянія. Но не такъ смотрѣлъ на дѣло тотъ кружокъ, къ которому принадлежалъ Ламне: здѣсь серьезно вѣрили, что единственное спасеніе для разлагавшагося французскаго общества заключалось въ усиленіи во Франціи вполнѣ независимой отъ правительства власти церковной,—въ возвращеніи католической церкви того вліянія, какимъ она пользовалась въ этой странѣ до революціи. Это было равносильно убѣжденію въ необходимости для спасенія Франціи возстановленія прежняго папскаго могущества. Такимъ образомъ Ламне и его кружокъ существенно расходились во взглядѣ на папскую власть съ правительствомъ Наполеона: между тѣмъ, какъ послѣднее видѣло въ усиленіи этой власти не болѣе, какъ лишь *временное средство*, необходимое для утвержденія своего собственнаго владычества надъ Франціей,—новая ультрамонтанская партія, напротивъ, считала усиленіе власти римскаго первосвященника существенно *необходимую цѣль*, къ которой должна была стремиться французская церковь, чтобы спасти погибшее французское общество. Въ виду всего этого, понятно, что, уже при самомъ началѣ своей дѣятель-

ности, въ качествѣ передоваго борца за папскую идею,— Ламне долженъ былъ выступить рѣшительнымъ порицателемъ политики Наполеона по отношенію къ церкви и къ папѣ. Вотъ почему лишь только появилось въ печати указанное нами первое его сочиненіе, какъ полиція Наполеона немедленно конфисковала и прекратила его изданіе ¹⁾.

Для насъ очень важно и интересно нѣсколько остановиться на содержаніи этого сочиненія и посмотрѣть, насколько выразилось въ немъ основное воззрѣніе ультрамонтанской партіи—о необходимости усиленія папской власти въ церкви.

Если сравнивать это сочиненіе съ послѣдующими сочиненіями того же автора, то нельзя не придти къ тому заключенію, что въ немъ Ламне еще весьма умѣренно проводитъ свои ультрамонтанскія убѣжденія. Хотя онъ и очень настоятельно выражаетъ здѣсь свои *via desideria* относительно усиленія во Франціи церковнаго авторитета; однако нигдѣ еще не видно, чтобы онъ прямо ратовалъ въ названномъ сочиненіи за усиленіе собственно папской власти во французской церкви. При чтеніи нѣкоторыхъ страницъ его *Réflexions*, можно даже придти къ мысли, не сочувствуетъ ли онъ, хотя бы и отчасти, Галликанскимъ воззрѣніямъ. Такъ, онъ съ большою похвалою отзывается о Боссюэтѣ,— называетъ его *знаменитымъ прелатомъ* (*prélat illustre*), *великимъ Боссюэтомъ* (*le grand Bossuet*) и вообще всячески его превозноситъ ²⁾. Конечно, всѣ эти похвалы могли относиться къ Боссюэту настолько, насколько авторъ имѣлъ въ виду собственно вторую половину его жизни, т. е. время его болѣе или менѣе открытыя симпатіи къ ультрамонтанству. Всеаки, если принять во вниманіе тѣ слишкомъ рѣзкія сужденія, которыя высказалъ Ламне объ этомъ знаменитомъ современникѣ Людовика XIV впоследствии, то нельзя не отмѣтить съ особенною силою того сочувственнаго характера, какимъ отличается рѣчь

¹⁾ Friedrich, цитов. соч., I, 50.

²⁾ Мы имѣли подъ рукою *третье изданіе* (1821 г.) разбираемаго нами сочиненія Ламне.

нашего автора о Боссюэтѣ въ *Réflexions sur l'état de l'église en France*. Очевидно, ультрамонтанскія убѣжденія Ламне во многихъ своихъ пунктахъ находились еще пока въ процессѣ образованія. Это подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что даже и тогда, когда 25 февраля 1809 года французское правительство обнародовало четыре Галликанскіе тезиса 1682 г., въ качествѣ государственнаго закона, Ламне всеаки не выразилъ никакого особеннаго негодованія по этому поводу ¹⁾. Слѣдовательно, даже черезъ годъ послѣ изданія своихъ *Réflexions*, взглядъ его на указанные положенія былъ еще очень умѣренный.

Впрочемъ, есть въ этомъ сочиненіи и такія мѣста, изъ которыхъ достаточно ясно открывается принадлежность автора къ ультрамонтанскому лагерю; а слѣдовательно, и то, что въ глубинѣ души онъ и теперь уже не былъ сторонникомъ Галликанскихъ воззрѣній. Прежде всего укажемъ на его сужденія о конкордатѣ 1801 года и о протестѣ противъ него нѣкоторыхъ французскихъ епископовъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Ламне: „Неотразимыя обстоятельства (*des circonstances impérieuses*) требовали новой организаціи духовенства. Такъ-какъ прежнія дѣленія территоріи уже не отвѣтствовали болѣе политическимъ дѣленіямъ той же территоріи, то, казалось, что ихъ уже нельзя было оставить безъ измѣненія и безъ того, чтобы не вызвать значительныхъ затрудненій. Въ виду этого, и уничтожили прежнія епархіи и учредили новыя. Большая часть епископовъ, послушная голосу папы, добровольно отказалась отъ своихъ кафедръ. Другіе же, не менѣе ревностные по отношенію къ восстановленію церковнаго порядка, не сочли, однако же, нужнымъ содѣйствовать указаннымъ перемѣнамъ посредствомъ добровольной покорности. Они опасались за будущее, и ихъ опасенія, основанія которыхъ мы не станемъ здѣсь разбирать, завлекли ихъ, быть можетъ, за предѣлы того положенія, какое имъ слѣдовало сохранить. Конечно, они имѣли право

¹⁾ Friedrich, I, 52.

„отправить на имя папскаго престола свои возраженія ¹⁾; однако преемникъ св. Петра былъ единственнымъ судьей въ томъ, чего требовала польза церкви. Лишь только онъ произнесъ свой окончательный судъ, долгъ пастырей заключался въ томъ, что бы подать пасторъ примѣръ послушанія. Вотъ почему папа и не замедлилъ объявить епископамъ, что всякая оппозиція была бы бесполезною. Какъ верховный глава пастырей и источникъ юрисдикціи, онъ открылъ имъ новые каналы для того, чтобы оплодотворить эту древнюю церковь Галліи, основанную его предшественниками. Никогда еще намѣстники Иисуса Христа не проявляли своей власти съ такимъ блескомъ, никогда еще они не выказывали столь великаго и блестящаго авторитета. Такъ хотѣло Провидѣніе съ тою цѣлію, чтобы заглушить ученія раскола (les doctrines du schisme), которые, по слову Апостола, заражаютъ какъ импреа,—а также и для того, чтобы отомстить за богохульства, высказанныя некоторыми относительно вѣчнаго (т. е. папскаго) престола“ ²⁾. Думаемъ, что для всякаго ясно, что такъ не могъ говорить о значеніи конкордата 1801 года и его послѣдствій человѣкъ, дѣйствительно сочувствовавшій галликанству.

Другимъ доказательствомъ того, что Ламне уже въ 1803 г. былъ поборникомъ ультрамонтанства, хотя и болѣе умѣреннымъ, чѣмъ какому сдѣлался спустя нѣсколько лѣтъ,—можетъ служить то мѣсто изъ его *Réflexions*, въ которомъ онъ съ особеннымъ сочувствіемъ разсуждаетъ объ орденахъ иезуитовъ и высказываетъ мысль, что для спасенія Франціи необходимо снова возстановить его. Небезынтересно привести здѣсь его собственныя слова объ этомъ. Упомянувъ съ похвалою о траппистахъ, бенедиктинцахъ и др. монашескихъ орденахъ, Ламне продолжаетъ: „Я говорилъ о самоотверженіи (указанныхъ орденовъ) и, при этомъ словѣ, мысль со скорбію переносится на тотъ орденъ, нѣкогда цвѣтущій, все существованіе котораго было великимъ самоотверженіемъ въ поль-

¹⁾ Здѣсь замѣтна нѣкоторая неустойчивость взгляда Ламне на значеніе епископскаго протеста противъ конкордата 1801 года.

²⁾ *Réflexions sur l'état de l'église*, изданіе третіе (1821 г.), стр. 82—83.

зу челоуѣчества и религіи. Это знали тѣ, которые его уничтожили, и въ этомъ именно и заключалась причина его уничтоженія; а для насъ это есть причина того, чтобы, по крайней мѣрѣ, воздать ему ту дань сожалѣнія и благодарности, которую онъ заслужилъ столькими своими благодѣяніями. Найдется ли такой человѣкъ, который могъ бы перечислить все эти благодѣянія? Еще долго будетъ бросаться въ глаза та великая пустота, которую оставили послѣ себя въ христіанскомъ мірѣ эти люди, жаждущіе принести себя въ жертву, подобно тому, какъ другіе жаждутъ удовольствій... Кто заступитъ ихъ мѣсто на нашихъ проповѣдическихъ кафедрахъ? Кто замѣнитъ ихъ въ нашихъ коллегіяхъ? Кто, вмѣсто нихъ, возьметъ на себя подвигъ нести свѣточъ вѣры и цивилизаціи, вмѣстѣ съ любовію къ французскому имени, въ лѣса Америки или въ обширныя страны Азіи, столько разъ орошенныя ихъ кровію? Ихъ обвиняютъ въ честолюбіи. Безъ сомнѣнія, они его имѣли; но какаѣ корпораціи (corps) не имѣетъ его? Ихъ честолюбіе заключалось въ томъ, чтобы дѣлать добро, по мѣрѣ силъ своихъ; а кто не знаетъ, что за добро люди всего меньше прощаютъ?“ ¹⁾ Можно ли читать этотъ восторженный панегирикъ иезуитскому ордену и при этомъ сомнѣваться въ томъ, что авторъ этого панегирика уже въ 1808 году былъ сторонникомъ ультрамонтанскихъ идей?

Два года спустя, послѣ своихъ *Réflexions*, Ламне, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, начали трудиться надъ другимъ сочиненіемъ, озаглавленнымъ: *La tradition de l'église sur l'institution des évêques*, которое было тайно напечатано въ 1814 году и затѣмъ пушено въ свѣтъ ²⁾. Оно важно, въ ряду другихъ сочиненій Ламне, потому, что съ него начинается въ литературной дѣятельности этого писателя довольно рѣшительный поворотъ почти къ открытому ультрамонтанству. Вслѣдъ за этимъ сочиненіемъ, изъ-подъ его пера появляется цѣлый рядъ статей, въ которыхъ онъ выступаетъ уже вполне открытымъ

¹⁾ *Réflexions*, указанное изд., стр. 16—17.

²⁾ Friedrich, I, 53.

врагомъ всѣхъ посягательствъ французскаго правительства на независимость католической церкви. Изъ числа этихъ статей наиболѣе замѣчательны слѣдующія: *Influence des doctrines philosophiques sur la société* (1815 г.), *Sur un ouvrage intitulé: de la nouvelle église en France* (1816 г.), *Du clergé* (1816 г.), статья сродная по содержанию съ появившеюся еще въ 1814 г. статьею: *Dotation du clergé*. Затѣмъ: *Sur un ouvrage intitulé: principes sur la distinction du contrat et du sacrement du mariage, sur le pouvoir d'opposer des empêchements dirimants, et sur le droit d'accorder des dispenses matrimoniales* (1816 г.); *Du droit du gouvernement sur l'éducation* (1817 г.), и наконецъ: *Observations sur la promesse d'enseigner les quatre articles de la déclaration de 1682, exigée de professeurs de Théologie par le ministère de l'intérieur* (1818 г.). Мы не будемъ разсматривать содержаніе каждой изъ этихъ статей въ отдѣльности, но постараемся представить болѣе или менѣе систематическій обзоръ тѣхъ мыслей и воззрѣній ихъ автора, въ которыхъ выразилась, собственно, его принадлежность къ ультрамонтанской партіи, и которая разсѣяна почти по всѣмъ этимъ статьямъ.

Всего рельефнѣе выразилось усилившееся, съ 1810 года, ультрамонтанское направленіе Ламня—въ его воззрѣніи на Галликанскіе тезисы 1682 г. Еще такъ недавно онъ не только молчалъ даже тогда, когда правительство обнародовало эти тезисы, въ качествѣ государственнаго закона, но и самъ какъ будто склонялся отчасти къ Галликанскимъ взглядамъ. Теперь, напротивъ, онъ прямо заявляетъ, что Галликанскіе тезисы суть письменное выраженіе ученія всѣхъ сектаторовъ (le texte des déclarations de tous les sectaires). Онъ самъ указываетъ и основаніе для такой мысли въ томъ, что „въ сущности, три послѣдніе пункта Галликанской деклараціи „1682 года сводятся къ мысли о главенствѣ собора надъ папой (se réduisent à la supériorité du concile sur le pape“) ¹⁾. Разъясняя затѣмъ указанное основаніе, онъ доходитъ до того,

¹⁾ Observations sur la promesse d'enseigner les quatre articles..., изд. 1821 г., стр. 187—188.

что почти приравниваетъ Галликанскіе тезисы къ ученію революціонеровъ. „Начала Галликанскихъ мыслей“, говорятъ онъ: „надобно искать въ эпохѣ волненій (temps de troubles) „и, слѣдовательно, въ эпохѣ страстей. А основаніе ихъ не „иное, какъ владычество народа (la souveraineté du peuple). „Всѣ богословы, которые впервые (?) стали учить, что цер- „ковь имѣетъ право назначать свою главу (son chef),—вышли „изъ того именно принципа, что народъ имѣетъ право низла- „гать своего короля, даже и въ томъ случаѣ, если Богъ не- „посредственно вручилъ ему власть. Основаніемъ для такого „права они выставляютъ ту мысль, что владычество (la sou- „veraineté) находится (réside) въ средѣ общины (dans la com- „munauté), относительно которой король есть не болѣе, какъ „служебный глава (chef ministériel) и, въ силу этого, подлежа- „щій волѣ народа. Таково ученіе д'Альмана (d'Almain), Иоанна „Мажора (Jean Major) и Герсона (Gerson)“... ¹⁾. Эти слова замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, они по- казываютъ, что разбираемый нами писатель уже ясно созналъ, что Галликанскія традиціи не только не могутъ служить неза- мѣтною (для самихъ сторонниковъ ихъ) ступенью къ усилению папской власти во Франціи,—но, напротивъ, по своему основ- ному принципу, могутъ скорѣе подорвать эту власть, низведя ее на ту степень, на какой она находилась въ эпоху Констант- скаго и Базельскаго соборовъ. Во-вторыхъ, видно, что несмотря на нерасположеніе свое къ галликанству, Ламня пока всетаки еще соглашается съ *первымъ* пунктомъ Галликанской деклараціи, такъ какъ лишь три послѣдніе ея пункта считаетъ „выра- женіемъ ученія всѣхъ сектаторовъ“. А этотъ первый пунктъ заключалъ въ себѣ ученіе о томъ, что папа имѣетъ лишь ду- ховную власть, а не свѣтскую. Сочувствіе Ламня къ этому пункту еще яснѣе выражается имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Ученіе о главенствѣ папы надъ свѣтскою властію государей „(la doctrine du pouvoir des papes sur le temporel des rois) „не имѣетъ болѣе приверженцевъ, даже и *за горами* (au delà

¹⁾ Ibidem, p. 188.

„des monts, т. е. въ Италиі“; а немного ниже онъ даже называетъ это ученіе *уасиммъ заблужденіемъ* ¹⁾. Изъ этого видно, что, хотя Ламнэ и сдѣлалъ очень рѣшительный шагъ впередъ на пути ультрамонтанскихъ воззрѣній, однако все-таки былъ еще пока не вполне послѣдовательнымъ ихъ поборникомъ. Наконецъ, въ третьихъ, нашъ авторъ все еще не сочувствовалъ демократическимъ вѣяніямъ, въ какой бы формѣ они ни проявились. „Владычество народа“ все еще сильно ему претитъ. Онъ до такой степени еще боятся всего того, что, хотя бы отчасти, напоминало революцію, что и самые Галликанскіе тезисы клеймятъ особенно за ихъ якобы демократическій принципъ. Онъ еще придерживается того взгляда, который вскорѣ долженъ былъ развитъ де-Местръ, — именно: что власть папы и власть короля, въ сущности, имѣютъ Божественную санкцію, хотя каждая изъ нихъ — въ особенной степени и мѣрѣ.

Что касается ученія о папской непогрѣшимости, то само собою понятно, что оно все болѣе и болѣе должно было развиваться въ сочиненіяхъ Ламнэ, по мѣрѣ того, какъ усиливалась его вражда къ *déclaration de clergé de France*. Въ своей статьѣ: *Influence des doctrines philosophiques sur la société* — онъ указываетъ философское основаніе для непогрѣшимости папы. „Новаторы XVI вѣка (т. е. реформаторы), говорятъ онъ, нападая на непогрѣшимый авторитетъ церкви, „ниспровергли основаніе ея внутренняго строя (la base de „sa constitution). Они стали отрывать власть въ религіозномъ „обществѣ, что привело ихъ къ отрицанію власти и въ обществѣ гражданскомъ, потому что оба эти общества имѣютъ взаимное сходство. — и всякіе нападки, какіе дѣлаются противъ одного, — по необходимости, падаютъ и на другое. Въ церкви, „какъ и въ государствѣ, они вручили господство массѣ (à la „multitude) или, иначе говоря, они поставили человека на „мѣсто Бога. А такъ-какъ власть, которая править разумными существами, должна быть сама разумною, — притомъ, если „она есть высшая власть, то и въ высшей степени разумною;

¹⁾ Ibidem, p. 186.

„то они принуждены были признать за народомъ высшее и „безграничное разумѣніе (une intelligence souveraine ou infinie). Такое разумѣніе было необходимо для того, чтобы судить непогрѣшимымъ образомъ о догматахъ, которые всецѣло принадлежатъ безконечному“. Здѣсь Ламнэ дѣлаетъ слѣдующее важное подстрочное примѣчаніе: „Въ этомъ заключается философское и общее основаніе для непогрѣшимости, „которую католики усвояютъ духовной власти въ христіанскомъ обществѣ. Эта мысль могла бы способствовать разъясненію столь спорнаго вопроса о папской непогрѣшимости. „Кажется, вся сущность вопроса въ этомъ случаѣ сводилась „бы лишь къ тому, обладаетъ ли папа *высшею* властію (une „autorité souveraine). Въ гражданскомъ конституціонномъ „обществѣ или въ монархіи держится тотъ принципъ, что „король не можетъ быть судимъ. Предполагается при этомъ, что, „насколько онъ — государь (souverain), онъ не можетъ погрѣшати. Въ этомъ состоитъ политическая непогрѣшимость“ ¹⁾.

Въ этихъ словахъ заключается, въ сущности, то же ученіе, которое, лѣтъ черезъ пять послѣ того, именно въ 1829 г., — изложилъ въ своемъ сочиненіи *De papе* — графъ де-Местръ. И Ламнэ, какъ и де-Местръ выводятъ понятіе о непогрѣшимости изъ понятія о главенствѣ вообще, предполагая, что непогрѣшимость есть необходимое свойство всякой власти, даже власти государей. Въ своемъ мѣстѣ (когда мы специально остановимся на теоріи де-Местра) мы разберемъ этотъ взглядъ, а пока приведемъ, въ отвѣтъ на слова Ламнэ, слѣдующія замѣчанія о протоіерее Лебедева, высказанныя по поводу латинскаго ученія о единствѣ церкви, — замѣчанія, вполне опровергающія воззрѣнія на непогрѣшимость, духовную и политическую, разбираемаго нами писателя: „Здѣсь мы усматриваемъ“, говоритъ почтенный авторъ книги: „О главенствѣ папы“, „плотское пониманіе единства Церкви. Представленія о земныхъ царствахъ смѣшиваются съ представленіями о царствѣ Божіемъ, которое имѣетъ свое особое устройство, и въ которомъ дѣятельность его слугъ отличаетъ

¹⁾ *Influence des doctrines...*, изд. 1821 г., стр. 146—147.

„ся, по своему характеру, отъ дѣятельности слугъ земныхъ царствъ. Припомнимъ слова Христовы, сказанныя Пилату: „Царство Мое нѣсть отъ міра сего: аще отъ міра сего было бы царство Мое, слуги Мои убо подвижались быша, да не предавъ быхъ былъ иудеямъ: нынѣ же царство Мое нѣсть отсюду (Іоан. 18, 36)¹⁾“. Дѣйствительно, Ламне смѣшиваетъ два такіа понятія, которыя на самомъ дѣлѣ не имѣютъ ничего общаго между собою. Иное дѣло атрибуты власти чисто земной, какова власть свѣтскихъ государей, и иное дѣло--атрибуты власти духовной, которая не отъ міра сего.

Въ тѣсной связи съ ученіемъ Ламне о папской непогрѣшимости стоялъ его взглядъ на отношеніе папы къ церковному преданію вообще и особенно, въ частности, къ церковнымъ правламъ. Онъ очень ясно высказалъ мысль, что извѣстный анти-ультрамонтанскій принципъ *canon princeps regis*, въ силу котораго выходитъ, что папа долженъ подчиняться всѣмъ прежнимъ постановленіямъ вселенской Церкви,—вполнѣ ложенъ, причемъ замѣчалъ, что ставить указанныя постановленія—все равно, что, вмѣстѣ съ протестантами, поставлять св. Писаніе выше церкви. Говоря такъ, Ламне ставилъ папу, очевидно, выше всѣхъ соборныхъ и святостическихъ правилъ, и эта его мысль (которую можно бы для краткости выразить такъ: *papa princeps canonis*) сдѣлалась, съ теченіемъ времени, главнымъ лозунгомъ и девизомъ всѣхъ ультрамонтанскихъ дѣятелей.

ГЛАВА III.

Если Ламне имѣлъ такое важное значеніе въ дѣлѣ ознаменованія современнаго ему французскаго общества съ ультрамонтанскимъ ученіемъ о папскомъ главенствѣ не только надъ церковію, но и надъ свѣтскими правительствами, а также и съ ученіемъ о папской непогрѣшимости; то не менѣе важное значеніе въ томъ же дѣлѣ имѣлъ и графъ де-Местръ. Главный отличительный характеръ сочиненій послѣдняго, сравнительно съ сочиненіями Ламне, тотъ, что они гораздо систематичнѣе, и написаны въ довольно сжатой формѣ. Кромѣ того, своею кажущеюся, съ перваго взгляда, логичностію они болѣе могли удовлетворять людей мысли, между тѣмъ, какъ сочиненія Ламне, будучи написаны пламеннымъ и восторженнымъ слогомъ (столь вѣрно характеризующимъ увлекающуюся личность ихъ автора), могли скорѣе дѣйствовать на чувство, чѣмъ на разумъ. Въ виду этого, можно сказать, что оба указанные писателя взаимно восполняютъ другъ друга, и въ этомъ заключается главная причина ихъ совмѣстнаго вліянія на современное имъ не только французское, но и нѣмецкое, даже отчасти и русское общество.

Свои ультрамонтанскія воззрѣнія де-Местръ изложилъ въ слѣдующихъ двухъ сочиненіяхъ: *Du pape* (1820 г.) и *De l'église Gallicane, dans son rapport avec le Souverain—Pontife* (1821 г.). Такъ какъ вся теорія папскаго главенства и папской непогрѣшимости содержится, собственно, въ первомъ изъ нихъ, а второе служить только дополненіемъ къ нему, то для насъ, конечно, важнѣе остановиться свое особенное вниманіе на первомъ; о второмъ же мы ограничимся сравнительно немногими замѣчаніями.

¹⁾ О главенствѣ папы, стр. 98.

Уже самый эпиграфъ, поставленный де-Местромъ во главѣ своей книги *De rare*, очень мѣтко указываетъ на основную мысль всего этого сочиненія. Это извѣстныя слова изъ Илиады (II, 204), въ которыхъ говорится о превосходствѣ едино-властїа надъ господствомъ многихъ: *Ὁὐκ ἀγαθὸν πολυκρανίη, εἰς χείρατος ἔστω*¹⁾. Черезъ это авторъ какъ-бы заранѣе предупреждаетъ своихъ читателей, что существенный пунктъ всей его системы есть мысль, что Церковь, въ сущности, есть монархїа, а папа неограниченный ее властитель, вслѣдствіе чего послѣдній и долженъ обладать тѣми атрибутами власти, какими обладаютъ и всѣ свѣтскіе государи.

Съ первой же страницы своей книги де-Местръ начинаетъ доказывать эту мысль и прямо приступаетъ при этомъ къ вопросу о папской непогрѣшимости. Исходя изъ того принципа, что богословскія истины суть не что иное, какъ общія истины, только *открытыя и обожествленныя въ религиозной области*²⁾,—онъ высказываетъ мысль, которую мы уже встрѣтили у Ламбэ, что непогрѣшимость въ духовномъ порядкѣ и непогрѣшимость въ порядкѣ гражданскомъ суть совершенно равнозначащія слова³⁾. Развивая далѣе эту же мысль, онъ говоритъ, что вовсе будто бы не требуетъ для непогрѣшимой Церкви никакой особенной привилегїи, но требуетъ для нея только того законнаго права, которымъ обладаютъ всѣ власти, существующія въ мірѣ, именно: права по необходимости дѣйствовать непогрѣшительно⁴⁾. Основаніе для этого послѣдняго своего положенія де-Местръ указываетъ то, что всякое правительство есть абсолютное (неограниченное), и что поэтому, съ той минуты, какъ явится возможность противодействовать ему, подъ предлогомъ ошибки или несправедливости съ его стороны,—съ этой минуты оно будтобы уже не существуетъ⁵⁾.

1) Не хорошо многовластїе, да будетъ властителейъ одинъ.

2) «Manifestées et divinisées dans le cercle religieux» — см. *De rare*, издание 1872 г. (Charpentier), Paris, стр. 13.

3) *Ibidem.*, p. 13.

4) «Nous demandons seulement, qu'elle jouisse du droit commun à toutes les souverainetés possibles, qui toutes agissent nécessairement comme infaillibles», — *ibidem.*, p. 14.

5) *Ibidem.*, p. 14.

Легко замѣтить, какъ парадоксальны всѣ эти сужденія разбираемаго нами автора, особенно если принять во вниманіе то, что на дальнѣйшихъ страницахъ своей же книги онъ ясно утверждаетъ мысль, что папская непогрѣшимость основана на Божественномъ обѣтованїи и содѣйствїи¹⁾. То, что онъ называетъ непогрѣшимостію въ порядкѣ гражданскомъ, въ сущности, есть не что иное, какъ *авторитетъ*, присущій всякой власти вообще. Правда, понятіе объ авторитетѣ заключаетъ въ себѣ мысль о нѣкоторой степени непогрѣшимости, но этого рода непогрѣшимость не есть нѣчто постоянное, безусловно принадлежащее всякой власти вообще: она условна и въ значительной степени случайна, такъ какъ всецѣло зависитъ отъ того, какъ смотрятъ на власть подчиненные этой власти,—насколько высоко они ставятъ надъ собой ея авторитетъ. Однимъ словомъ эта непогрѣшимость не объективная, но чисто субъективная. Совсѣмъ иного рода та непогрѣшимость, которая принадлежитъ Церкви или, по ученїю де-Местра, должна принадлежать папѣ: согласно собственному же утвержденію этого писателя, она есть благодатный даръ свыше, присущій папѣ, въ силу Божественнаго обѣтованія, даннаго Христомъ апостолу Петру²⁾. А отсюда прямой, логическій выводъ тотъ, что такая непогрѣшимость должна быть свойствомъ совершенно не человѣческимъ, но всецѣло Божественнымъ, а слѣдовательно свойствомъ объективнымъ, постояннымъ и безусловнымъ. А такого рода свойствомъ не можетъ обладать никакая чисто человѣческая власть. Какъ же могъ де-Местръ, вопреки такому логическому выводу изъ его же собственныхъ положеній, утверждать, будто непогрѣшимость въ духовномъ порядкѣ и непогрѣшимость въ порядкѣ гражданскомъ суть совершенно *равнозначащія* (!) слова? Какъ могъ онъ сказать, что, требуя признанія за папой непогрѣшимости, онъ при этомъ не требуетъ для него *никакой особенной* (!) привилегїи сравнительно съ тѣми правами, каки-

1) *Ibidem.*, pp. 40 et 73. Вообще надобно замѣтить, что эта мысль де-Местра есть основаніе асей его теорїи папской непогрѣшимости.

2) *Ibidem.*, pp. 68—69.

ми обладает всякая власть вообще? Не значить-ли это, что онъ самъ противорѣчитъ самому себѣ?

Итакъ, самое основаніе всей философской аргументаціи де-Местра въ пользу папской непогрѣшимости парадоксально и потому не правильно. Причина такой парадоксальности, конечно, заключается въ томъ, что де-Местръ, подобно Ламне, смотритъ на Церковь съ точки зрѣнія слишкомъ человѣческой, забывая, что она, хотя и существуетъ, какъ известное видимое общество, на землѣ, однако есть все-таки *царство не отъ міра сего...* Онъ, подобно всѣмъ послѣдовательнымъ папистамъ, никакъ не можетъ представить себѣ, чтобы Церковь могла быть *единою* безъ того, чтобы имѣть чисто монархическое устройство, съ абсолютнымъ монархомъ во главѣ. При этомъ онъ не принимаетъ во вниманіе того, что это единство есть *духовное*, основанное на единствѣ вѣры всѣхъ членовъ Церкви, пребывающихъ подъ единымъ Главой, Господомъ Иисусомъ Христомъ,—я потому свободное отъ необходимости опираться на единство политическое.

Проповѣдая, что Церковь есть абсолютная монархія, де-Местръ, естественно, не могъ относиться сочувственно къ этому умѣренному направленію въ католицизмѣ, которое, хотя и признавало папу видимымъ главою Церкви, однако ограничивало его власть властію вселенскихъ соборовъ. Вотъ почему во всей своей книгѣ: *De rare* онъ сильно вооружается противъ всѣхъ представителей этого направленія, особенно противъ поборниковъ, такъ называемыхъ, *галликанскихъ волюнностей* (*liberés gallicanes*), въ томъ числѣ противъ Боссюэта и Флери. Уже вторая глава его сочиненія специально посвящена вопросу о вселенскихъ соборахъ, о характерѣ ихъ власти и ихъ правахъ. Съ первыхъ же строкъ этой главы онъ высказываетъ мысль, что вселенскіе соборы никакъ не могли служить объединяющимъ центромъ для Церкви, потому что собирались довольно рѣдко, чисто случайно, и не имѣли поэтому никакого правильного періодическаго характера ¹⁾. А въ настоящее время, по мнѣнію де-Местра, считать вселен-

¹⁾ Ibidem., p. 22.

скіе соборы такимъ центромъ церковной власти особенно неудобно и потому, что созваніе такихъ соборовъ, при современномъ политическомъ раздѣленіи вселенной и при обширности и разбросанности нынѣшняго католическаго міра, есть въ известномъ смыслѣ химера. Вотъ, собственно, тѣ главныя основанія, которыя заставляютъ де-Местра отрицать за вселенскими соборами высшій рѣшающій авторитетъ въ Церкви.

Что же такое, по своему значенію, вселенскіе соборы, по мысли нашего автора? Они не болѣе какъ „парламенты или генеральные штаты христіанскаго міра, собранные властію и подъ предсѣдательствомъ государя (т. е. папы)“... ¹⁾. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ у де-Местра продолжается то же смѣшеніе понятій, какое мы видѣли у него въ ученіи о непогрѣшимости: область духовная смѣшивается съ областію политическою, причемъ Церковь представляется въ видѣ совершенно свѣтскаго государства. Конечно, если смотрѣть на Церковь и на вселенскіе соборы именно съ такой точки зрѣнія, то нельзя не согласиться съ де-Местромъ въ томъ, что для внѣшняго, чисто политическаго единства, которое хотять видѣть въ Церкви всѣ вообще католики и въ особенности ультрамонтане,—соборы далеко не такъ цѣлесообразны, какъ единоличная власть папы. Въ этомъ отношеніи ультрамонтанская теорія гораздо послѣдовательнѣе галликанской. Но въ томъ то и дѣло, что такъ можно судить только съ католической точки зрѣнія, но никакъ не съ православной. По православному воззрѣнію, Церковь вовсе и не нуждается въ политическомъ единствѣ, во внѣшней централизациі власти, потому—что въ такомъ случаѣ она была бы низведена на степень свѣтскаго государства. Ея единство, какъ мы замѣтили, *духовное*, простирающееся изъ того, что она есть единое *духовное* тѣло единаго истиннаго Главы своего, Христа; хотя, конечно, это духовное единство обнаруживается и вовнѣ, насколько Церковь есть видимое общество, существующее на землѣ. Пребывать въ единеніи со Христомъ и другъ съ дру-

¹⁾ Ibidem., p. 24.

гомъ—вотъ тотъ великій идеалъ, къ которому всегда должны стремиться всѣ члены Церкви. Средствомъ для такого единства служить для Церкви то постоянное, непрерывное общеніе вѣрующихъ съ своимъ небеснымъ Главой и между собою, которое свое всегдашнее выраженіе получаетъ въ единствѣ вѣроученія, Богослуженія и іерархіи, а въ извѣстныя времена, вѣлѣдствіе нѣкоторыхъ особенно важныхъ потребностей, возникающихъ въ Церкви, выражается посредствомъ вселенскихъ соборовъ. Будучи *вселенскими*, эти послѣдніе являются чрезъ это и самымъ полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ церковнаго единства и поэтому получаютъ въ Церкви высшій, непогрѣшимый авторитетъ, въ силу непреложнаго обѣтованія Самого Господа, что Онъ пребудетъ съ Своею Церковію до скончанія вѣка (Мат. 28, 20), и что *врата адава не одолѣютъ ея* (16, 18). Этотъ непогрѣшимый авторитетъ вселенскихъ соборовъ имѣетъ обязательное значеніе для всей Церкви, во всѣ времена. Въ этомъ и заключается основаніе того, что эти соборы являются необходимымъ средствомъ для сохраненія единства членовъ Церкви со Христомъ и между собою. Вотъ почему для этого единства достаточно, если Церковь будетъ вѣрно и неизмѣнно хрлать ту вѣру, которую она приняла отъ святыхъ апостоловъ, и которую утвердили вселенскіе соборы,—ничего не прибавляя къ ней и не убавляя отъ нея. Въ такой неизмѣнной вѣрности ученію апостоловъ и вселенскихъ соборовъ и содержится то главное объединяющее для Церкви начало, котораго де-Местръ напрасно ищетъ въ непогрѣшимомъ (будто бы) авторитетѣ папы.

Галликанское воззрѣніе на значеніе вселенскихъ соборовъ, противъ котораго такъ вооружается де-Местръ, очень близко къ православному воззрѣнію на эти соборы: и галликанскіе богословы, какъ и православные, категорически заявляли и заявляютъ, что вселенскій соборъ выше папы. Всѣ различіе между тѣмъ и другимъ воззрѣніемъ сводится, конечно, лишь къ тому, что сторонники галликанства, хотя и ограничиваютъ власть папы, однако всетаки считаютъ его видимымъ главою Церкви; а православные богословы видятъ въ римскомъ первосвященникѣ не болѣе, какъ патріарха (хотя въ настоящее

время и отпаднаго отъ православія). Переводя галликанское воззрѣніе на языкъ политическій (котораго, къ сожалѣнію, не чужды были и сами галликаны), мы, вмѣстѣ съ де-Местромъ, можемъ сказать, что по этому воззрѣнію Церковь также есть монархія, но только въ значительной степени ограниченная „аристократіей“ (т. е. епископами) ¹⁾. Впрочемъ, по этому вопросу у разбираемаго нами автора можно подмѣтить странное противорѣчіе самому себѣ. Въ первой главѣ своего сочиненія онъ, характеризуя указанный взглядъ на папу и соборы, высказываетъ мысль, что этотъ взглядъ принадлежит не однимъ галликанамъ, но и вообще всѣмъ католическимъ писателямъ, *достойнымъ этого имени* ²⁾. Мало этого: онъ ссылается даже на мнѣніе самого Беллармина, что монархія ограниченная совершеннѣе монархіи абсолютной ³⁾. Послѣ такого заявленія и такой ссылки на столь вѣскій для всѣхъ ультрамонтанскихъ богослововъ авторитетъ, можно было бы, кажется, ожидать, что вслѣдъ затѣмъ де-Местръ прямо перейдетъ къ рѣшенію вопроса, въ чемъ же именно должна выражаться ограничивающая папскую власть дѣятельность епископской „аристократіи“ по отношенію къ папскому единовластію. А между тѣмъ достаточно перевернуть одну страницу его книги, чтобы напасть на слѣдующія слова его: „Было бы излишнимъ говорить объ аристократіи, потому что управленіе церковное, по „необходимости, должно быть монархическимъ, на томъ основаніи, что въ Церкви никогда не было такой корпораціи, которая имѣла бы претензію управлять ею съ помощію избирательной или наследственной формы правленія“ ⁴⁾. Не ясно ли, что въ этихъ словахъ заключается прямое противорѣчіе тому, что онъ сказалъ выше, когда, повидимому, сочувственно отзываясь о тѣхъ богословахъ, которые держались мысли о превосходствѣ для Церкви соборнаго управленія надъ единоличнымъ или, говоря языкомъ де-Местра, неограничен-

1) Ibidem., p. 15.

2) Ibidem., p. 1: «tous les écrivains catholiques et dignes de ce nom».

3) Ibidem., p. 15.

4) Ibidem., pp. 16—17.

но--монархическимъ? Какъ бы то ни было, но во всѣхъ дальнѣйшихъ главахъ своего сочиненія де-Местръ уже рѣзко высказываетъ тотъ взглядъ, что Церковь есть чистая и абсолютная монархія, въ которой вселенскіе соборы имѣютъ такое же значеніе, какое въ свѣтскихъ государствахъ имѣютъ генеральные штаты и парламентъ, созываемые властію и подъ предѣдательствомъ государя ¹⁾. Онъ какъ будто бы не замѣчалъ, въ какое новое противрѣчіе съ самимъ собою онъ при этомъ впадаетъ, когда называетъ *неограниченною* монархіею такой образъ правленія, при которомъ нужно бываетъ созывать парламентъ и генеральные штаты. Очевидно, онъ смѣшиваетъ два понятія совершенно различныя, именно: понятіе о власти вообще и понятіе о власти, собственно, неограниченной, абсолютной. На этомъ основаніи онъ думаетъ, что и созваніе вселенскихъ соборовъ нисколько не противрѣчатъ мысли о единовластительствѣ папы въ Церкви, такъ-какъ отъ послѣдняго всегда всецѣло будто-бы зависѣло и зависятъ и созвать соборъ, и распустить его. Поэтому, по его собственнымъ словамъ, ему кажется въ высшей степени, смѣшнымъ вопросъ о томъ, папа-ли выше собора, или соборъ выше папы, потому что, по его мнѣнію, это то же, какъ если бы кто спрашивалъ: выше-ли папа самого папы, или выше-ли соборъ самого собора? ²⁾ Но, послѣ такого страннаго разсужденія, вполне естественно было со стороны галликанскихъ богослововъ сдѣлать ему тотъ же вопросъ, какой предлагали ультрамонтанамъ Боссюэтъ, именно: для чего же было такъ много соборовъ, если рѣшеніе одного папы было вполне достаточно для Церкви? ³⁾ Де-Местръ предви-

¹⁾ Ibid. p. 24.

²⁾ Ibid. pp. 24—25.

³⁾ Здѣсь весьма удобно привести замѣчательныя слова Дёллингера о томъ же предметѣ: „Приверженцамъ теоріи непогрѣшимости“, говоритъ онъ, „непонятною загадкой должна представляться исторія древней Церкви въ первое тысячелѣтіе. Весь ходъ, продолжительность, глубокан запутанность большихъ споровъ, относительно вѣри для нихъ необъяснимы. Въ теченіи цѣлыхъ столѣтій трудились и мучились, что-бы длиннымъ и утомительнымъ путемъ и съ тяжкими жертвами достигнуть того, что можно было бы достать гораздо легче, проще и короче, если бы папы были непогрѣшимы. Такъ-какъ вся Церковь, по ихъ мнѣ-

дять этотъ вопросъ и отвѣчаетъ на него словами кардинала Орси, въ которыхъ выражается мысль, что вселенскіе соборы были, въ сущности, *безполезною вознѣю* (*fracas inutile*), которую возбуждали греческіе императоры, когда созывали эти соборы и требовали отъ папы ихъ утвержденія ¹⁾.

Таковъ взглядъ де-Местра на вселенскіе соборы. Очевидно, онъ все ихъ значеніе сводитъ къ нулю. Но при такомъ взглядѣ совершенно непонятнымъ является то, почему и послѣ, въ теченіи среднихъ вѣковъ, и кончая XVI вѣкомъ, папы продолжали созывать на западѣ соборы, усвая имъ значеніе „вселенскихъ“, когда эти послѣдніе, по словамъ Орси и де-Местра, были не болѣе, какъ *безполезною вознѣю*. Напрасно мы стали бы искать у де-Местра разрѣшенія этого послѣдняго недоумѣнія: онъ, какъ легко замѣтитъ, тщетально избѣгаетъ этого щекотливаго для себя вопроса, хотя въ концѣ 4-й главы I части своего сочиненія и высказываетъ довольно оригинальную мысль, что вселенскіе соборы нужны были только *для юношескаго возраста христіанства* ²⁾. Читая такое сужденіе, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что де-Местръ не дожилъ до 1869 года и потому не могъ убѣдиться, что и въ наше время самъ папа счелъ нужнымъ созвать новый „вселенскій“ соборъ, несмотря на то, что на практикѣ онъ уже давно присвоилъ себѣ ту абсолютную монархическую власть, о которой мечталъ въ 1820 году де-Местръ...

„нію, вѣрила въ непогрѣшимость папы, то въ самомъ началѣ какого-либо спорнаго вопроса испрошенное папское рѣшеніе должно было бы предупреждать всякую дальнѣйшую запутанность и тревогу въ Церкви. Каждый католикъ тотчасъ подчинялся бы непогрѣшному приговору; тѣ же, которые не покорялись бы, были бы немедленно исключены изъ Церкви или сами отбѣгались бы. Въ дѣйствительности, однако, все происходило совершенно иначе. Епископовъ, обыкновенно, вызывали изъ всѣхъ частей свѣта, вынуждали ихъ къ долгимъ и томительнымъ путешествіямъ, къ вредному для Церкви отсутствію изъ своихъ епархій,—и это для того, чтобы на большихъ, подверженныхъ разнаго рода опасностямъ и искушеніямъ собраніяхъ достигать рѣшеній, которыя, однако, по взгляду зачатниковъ непогрѣшимости, получали всю свою силу и авторитетъ отъ согласія папы („Письма и заявления Дёллингера о ватиканскихъ декретахъ“). переводъ съ предисловія протопресвитера І. Янышева, стр. 21--22“).

¹⁾ De Maistre, Du pape, p. 26

²⁾ Ibid. p. 35.

Если вся аргументация этого писателя в пользу папской непогрешимости, основанная на мысли о превосходстве папы над собором, так слаба и неубедительна, то несколько не лучше и те доказательства непогрешимого главенства папы, которые де-Местр берет из истории первых веков христианской Церкви. Читая все эти исторические доказательства, нельзя не подивиться тому, как поверхностно рассуждает он о деяниях вселенских соборов; так-что невольно спрашиваешь себя, читал-ли он на самом деле эти деяния, или только говорить о них по наслышке ¹⁾. То же следует сказать и о тех свидетельствах, которые де-Местр приводит из сочинений многих отцов и учителей Церкви; все они, большею частью, приводятся или в отрывочном виде, без контекста речи, или даже перфидно в искаженной редакции. Общее впечатление, получаемое при чтении у него всех этих свидетельств, то, что де-Местр приводит их, так сказать, из третьих рук и поступает в этом случае не как серьезный ученый, но как богослов-дилетант ²⁾.

За свидетельствами собственно историческими у де-Местра следуют свидетельства, взятые им у своих противников: у галликан, у яansenистов, у протестантов и, наконец, у нас, православных. Для нас, конечно, могут иметь особый интерес лишь ссылки на мнимые свидетельства о папском главенстве нашей Церкви. Они почти все ограничиваются выписками из православной службы 29 июня, а также из богослужебных последований наших мнѣй-мѣсяч-

¹⁾ Напр. де-Местр, по поводу 28-го правила Халкидонского собора (IV вселенского), замечает, будто, вследствие непризнания этого правила со стороны папы Льва и его легатов, оно никогда не входило в состав правил указанного собора, даже и на Востоке (*Di rare*, р. 46, подстрочное примеч. 1-е). Это явная неправда. Из Двѣй IV Всел. собора видно, что, несмотря на энергичные протесты легатов против 28 правила, и царские самовники, ни отцы собора не согласившись уступить им, и *это правило осталось въ числѣ соборныхъ опредѣлений, хотя римская церковь и не признала его* (Деяния вселенскихъ соборовъ, изд. при Казанской Академіи, т. III (изд. 2-е), стр. 169).

²⁾ Замѣчательно, что де-Местр при этомъ совершенно умалчиваетъ о свидѣтельствѣ св. Иринѣя Лионскаго, которое такъ любятъ вообще ультрамонтане. Не сознавалъ-ли онъ его слабость?

ныхъ на 25 ноября (память св. Климента, папы Римскаго), на 2 января (память св. Сильвестра, папы Римскаго), на 18 февраля (память св. Льва, папы Римскаго) и на 14 апрѣля (память св. Мартина, папы Римскаго) ¹⁾. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разборѣ всехъ этихъ выписокъ ²⁾ и на рѣшеніи вопроса, действительно ли онѣ могутъ быть въ руку католикамъ; а сошлемся въ этомъ случаѣ на книгу о. протоіерея Лебедева „О главенствѣ папы“, въ которой, въ специальномъ приложеніи (посвященномъ разбору книги, изданной С. Асташковымъ: „Исхожденіе Св. Духа и вселенское первосвященство“), очень обстоятельно доказывается, что все приводимыя католиками изъ указанныхъ богослужебныхъ последований выдержки нимало не говорятъ въ пользу папскаго притязанія на главенство въ Церкви ³⁾.

Приведши все названныя свидетельства, де-Местр снова останавливается довольно подробно на вопросѣ о папской непогрешимости. Прежде всего онъ вооружается противъ того мнѣнія Bossюта и другихъ галликанскихъ богослововъ, что непогрешимость принадлежитъ, собственно, не папѣ, но римскому престолу. Повидимому, такое различіе престола и лица, занимающаго этотъ престолъ, было слишкомъ мелочно (субтильно) и потому бесполезно. Но если вникнуть въ мысль галликанскихъ богослововъ, то нельзя не замѣтить, что ихъ понятіе о непогрешимости значительно разнилось отъ того понятія о ней же, какое проповѣдывалъ де-Местръ, а за нимъ проповѣдуютъ и все ультрамонтане *даже до сего дня*. По собственнымъ словамъ де-Местра, галликане учили не столько о непогрешимости, сколько о *нерушимости* (*indéfectibilité*). Де-Местръ того мнѣнія, что между этими двумя понятіями, въ сущности, нѣтъ различія, и поэтому онъ называетъ это гал-

¹⁾ Де-Местръ, *Di rare*, стр. 62—63.

²⁾ Ссылаться на указанные богослужебныя последования нашей Церкви любятъ многіе католическіе полемисты. Съ легкой руки де-Местра, подобныя ссылки стали дѣлать и современные намъ католическіе писатели, напр. іезуиты Тагаринъ, затѣмъ авторъ книги, изданной С. Асташковымъ и ии. др.

³⁾ „О главенствѣ папы“, стр. 257 и далѣе.

ликанское учение *паутиной* (toiles d'araignée) ¹⁾. Но въ этомъ онъ едва-ли правъ. Дѣло въ томъ, что непогрѣшимость, которую приписываютъ римскому престолу, а не папѣ лично Боскую и другіе сторонники галликанства, по своему внутреннему смыслу приближается отчасти къ православному понятію о непогрѣшимости Церкви, — приближается тѣмъ, что такъ же, какъ и это послѣднее понятіе, заключаетъ въ себѣ мысль о нѣкоторой *пассивности*, чего никакъ нельзя сказать о той непогрѣшимости, которую приписывали папѣ де-Местръ и ультрамонтане, а въ настоящее время приписываетъ ему и вся католическая церковь: въ этой, *папской*, непогрѣшимости преобладаетъ понятіе объ *активности* ²⁾. Конечно, великая разница между нашимъ, православнымъ, понятіемъ о непогрѣшимости Церкви и понятіемъ о непогрѣшимости ея галликанскихъ богослововъ заключается въ томъ, что мы приписываемъ непогрѣшимость *всей* Церкви, а они главнымъ образомъ *римской каведры*. Однако и православное, и галликанское понятіе о непогрѣшимости въ томъ именно и сродны, что, заключая въ себѣ мысль о *пассивности*, они на первомъ планѣ поставляютъ главенство надъ Церковію Самого Христа, — усиленно напирая на ту мысль, что, если Церкви и принадлежитъ непогрѣшимость, то единственно *въ силу этого, Христова, главенства* (о чемъ ультрамонтане слишкомъ мало думаютъ и учатъ). Вотъ почему тѣ же галликаны очень мѣтко замѣнили названіе полной *пассивной непогрѣшимости* вполне тождественнымъ, по своему значенію, названіемъ *indéfectibilité*, на которое такъ ожесточенно нападаетъ де-Местръ ³⁾.

¹⁾ *De rare*, p. 71.

²⁾ *Пассивность* — въ томъ смыслѣ, что Церковь непогрѣшима лишь потому, что она есть духовное тѣло непогрѣшимаго главы — Христа. *Активность* — въ томъ, что папа какъ бы замѣняетъ собою Христа, ставши непогрѣшимымъ.

³⁾ Православное понятіе о непогрѣшимости Церкви, къ которому значительно приближается понятіе галликанское, — можно сказать, почти всецѣло сходится къ понятію о *неизмѣнности* и *непреложности*. Церковь, поэтому понятію, не въ томъ смыслѣ непогрѣшима, что будто бы до сихъ поръ можетъ продолжать изобрѣтати новыя догматы, якобы выводи ихъ изъ прежнихъ, — но въ томъ, что она всегда неизмѣнно хранитъ все то, что предано ей отъ Христа, отъ Его апостоловъ, и что утверждено вселенскими соборами. Папу Церковь католика часто упрекаютъ въ нѣкоторой «окаменѣлости». Если такое обвиненіе касается названнаго неиз-

выясняя далѣе свое понятіе о непогрѣшимости папы, какъ абсолютнаго видимаго главы Церкви, де-Местръ снова довольно подробно начинаетъ разсуждать объ отношеніи своего непогрѣшимаго папы къ соборнымъ постановленіямъ ¹⁾. Понятно, что при этомъ его особенно занималъ вопросъ о томъ, какъ смотрѣть, съ точки зрѣнія послѣдовательнаго католика, на четвертое засѣданіе Констанцскаго собора, на которомъ, какъ мы указали выше, папская власть была такъ сильно ограничена. Какъ же онъ разрѣшаетъ этотъ Гордіевъ узелъ? Онъ поступаетъ совершенно подобно Александру Македонскому, который, недолго думая, однимъ взмахомъ своего меча, разрубилъ этотъ, дотолѣ нисѣмъ неразрѣшенный, узелъ. Въмѣсто того, чтобы основательно изслѣдовать вопросъ объ отношеніи папы къ собору, — вопросъ, издавна составлявшій камень претканин для многихъ католическихъ богослововъ, — онъ ограничивается лишь самымъ краткимъ, но въ тоже время категорическимъ заявленіемъ, что въ указанномъ 4 засѣданіи Констанцскій соборъ погрѣшилъ, даже „глупымъ образомъ погрѣшилъ“ (*déraisonna*); а погрѣшилъ потому, что это засѣданіе происходило не подъ предѣдательствомъ папы ²⁾. Всякій безпристрастный читатель книги *De rare*, привыкшій къ логическому мышленію, конечно, безъ труда замѣтитъ, что здѣсь у де-Местра допущенъ кругъ въ доказательствѣ: отъ него ожидаютъ, чтобы онъ *доказалъ* свое любимое положеніе, что папа выше собора; а онъ, между тѣмъ, самое это положеніе, само по себѣ недоказанное, беретъ въ качествѣ доказательства того, что Констанцскій соборъ погрѣшилъ въ своемъ 4 засѣданіи. Ясно, что съ такимъ приѣмомъ доказательства онъ ничего, въ сущности, и не доказываетъ.

Такъ же мало логики и въ его разсужденіяхъ объ отношеніяхъ папы къ постановленіямъ всякаго собора вообще. Конечно, по своимъ ультрамонтанскимъ убѣжденіямъ, онъ не

мѣннаго храненія ея вселенскаго православія, то оно служитъ къ ея славію: необходимость Церкви вратами адоньями, естественно, заключаетъ въ себѣ основаніе и для такой похвальной «окаменѣлости»...

¹⁾ Въ 12-й, 13-й и 14-й сл. 1-й книги своего сочиненія.

²⁾ *De rare*, p. 78.

могъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что папа подчиненъ этимъ правиламъ, потому что такое положеніе равнялось бы утвержденію, что соборъ выше папы. Но какъ же доказываетъ онъ свою мысль о превосходствѣ папской власти надъ церковными канонами? Вотъ его слова по этому поводу: „не велика здѣсь тайна (т. е. относительно указаннаго вопроса), потому что все дѣло сводится къ тому, чтобы рѣшить вопросъ: есть ли папа законодатель въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, будучи высшею властію, или нѣтъ?“¹⁾ И онъ, дѣйствительно, рѣшаетъ этотъ вопросъ, но какъ рѣшаетъ? Онъ не замѣчаетъ, что понятія о высшей власти въ Церкви и о высшемъ законодательствѣ въ Церкви суть два равнозначія понятія, и что, въ виду этого, никакъ нельзя доказывать истинность одного изъ этихъ понятій другимъ, какъ бы уже званіемъ доказаннымъ. А между тѣмъ онъ именно такъ дѣлаетъ, отчего у него и здѣсь получается логическій кругъ.

Изъ всего, что мы до сихъ поръ сказали относительно теоріи де-Местра о папской власти, вполне можно вывести главнѣйшіе пункты этой теоріи. Вотъ они: 1) Церковь есть неограниченная монархія, а папа—ея неограниченный монархъ. 2) Такъ какъ всякой власти вообще, какая бы она ни была, по необходимости принадлежитъ свойство непогрѣшимости, то конечно, такое же свойство должно принадлежать и папѣ. 3) Какъ неограниченный монархъ, папа не можетъ быть стѣсняемъ никакою другою, хотя бы и второстепенною, властію; поэтому власть папы простирается и надъ соборами.

Таковы тѣ начала теоріи де-Местра, которая сдѣлалась, съ теченіемъ времени, основными положеніями новой ультрамонтанской партіи не только во Франціи, но и за ея предѣлами, и которая, наконецъ, привела къ провозглашенію догмата о папской непогрѣшимости на Ватиканскомъ соборѣ.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о другомъ сочиненіи де-Местра: *De l'église Gallicane*..., которое является какъ бы дополненіемъ къ его первому сочиненію. Если сличить

¹⁾ Ibid. p. 85.

вмѣстѣ эти двѣ книги, то сразу бросается въ глаза тотъ крайне рѣзкій тонъ, какимъ авторъ говоритъ въ этомъ второмъ своемъ сочиненіи о Боссюэтѣ и вообще о французскомъ клирѣ, изъ котораго многіе еще въ 1821 году были сторонниками галликанства. По своей рѣзкости и страстности, сочиненіе *De l'église Gallicane* скорѣе приближается къ сочиненіямъ Ламне, чѣмъ къ сочиненію *Du pape* того же де-Местра. Главная мысль этого втораго его сочиненія та, что для французскаго духовенства пришла пора рѣшительно отречься отъ галликанской деклараціи 1682 года, какъ отъ крайне вреднаго и пагубнаго ученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ высказываетъ и ту мысль, что для французской церкви открывается новая славная перспектива,—послужить великому дѣлу возрожденія католической церкви, и что къ этому служенію онъ и призываетъ теперь представителей этой церкви. Конечно, это служеніе къ тому именно и сводилось, чтобы всѣчески способствовать усиленію среди французскаго народа убѣжденія въ томъ, что папа есть неограниченный ни кѣмъ и ни чѣмъ владыка въ Церкви, и потому—владыка непогрѣшимый... Вотъ почему сочиненіе *De l'église Gallicane* есть, въ сущности, не что иное, какъ воззваніе къ французскому духовенству о томъ, чтобы оно скорѣе наполнило собою ряды той ультрамонтанской милиціи, которая, лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ того, окончательна восторжествовала въ римско-католической Церкви.

ГЛАВА IV.

Основатели новой ультрамонтанской школы и партии во Франции.
Ламна и де-Местрь.

Выступая открытыми борцами во имя идеи папского единовластия въ церкви, Ламна и де-Местрь не ограничились тѣмъ, что постарались популяризировать эту идею среди современнаго имъ французскаго общества посредствомъ своихъ специальныхъ сочиненій о папскомъ вопросѣ, имѣвшихъ отчетливы, какъ мы видѣли, характеръ публицистическій. Мы находимъ у нихъ попытку обосновать эту идею путемъ философской аргументаціи. Что касается собственно Ламны, то его можно считать въ этомъ отношеніи представителемъ особаго философскаго направленія (если только оно можетъ быть строго названо *философскимъ*), которое извѣстно подъ именемъ *традиціонализма*. Собственно, не онъ первый явился проповѣдникомъ этого ученія: предшественникомъ его или, вѣрнѣе, основателемъ названнаго направленія былъ *Бональдъ*. Въ виду этого, мы остановимся на ученіи послѣдняго, прежде чѣмъ переходить къ изложенію и разбору философіи Ламны.

Основнымъ положеніемъ ученія Бональда является мысль, что даръ слова не былъ необходимымъ атрибутомъ чловѣка въ самый моментъ его сотворенія, но сообщенъ Адаму уже послѣ его сотворенія, въ качествѣ какъ бы нѣкотораго *откровенія* со стороны Бога. На первый взглядъ, такая мысль еще не содержитъ въ себѣ, повидимому, ничего такого, что могло бы возбудить серьезное возраженіе со стороны богослововъ: она даже можетъ имѣть за себя то преимущество, что является подтвержденіемъ библейскаго ученія объ особенной близости и

непосредственности отношеній между Творцомъ и чловѣкомъ въ райскомъ состояніи. Но такъ-какъ Бональдъ пытается основать на этой мысли цѣлую философскую систему, съ явною тенденціею, насколько возможно, лишить всякаго самостоятельнаго значенія дѣятельность чловѣческаго разума.—то и самая эта мысль получаетъ значеніе уже совершенно неправильное. Въ самомъ дѣлѣ, какова въ данномъ случаѣ аргументація Бональда? Если, рассуждаетъ онъ, даръ слова не былъ необходимымъ атрибутомъ природы чловѣка съ минуты его сотворенія, но явился только уже вслѣдъ за самымъ актомъ сотворенія чловѣка, въ видѣ нѣкотораго откровенія со стороны Творца.—то, слѣдовательно, разумъ чловѣческій, самъ по себѣ, безъ особаго откровенія Божія, пусть и безсодержателенъ. Слѣдовательно, продолжаетъ Бональдъ, индивидуальный разумъ безъ воздѣйствія на него первоначально, еще въ райскомъ состояніи, со стороны Творца, а теперь—со стороны чловѣческаго общества, въ которомъ единственно и сохраняется всякая истина путемъ *преданія*, — не въ состояніи получать истинное познаніе ни о какомъ предметѣ ¹⁾. Прямой выводъ изъ такого крайняго взгляда тотъ, что безъ сторонняго авторитета вообще разумъ каждаго отдѣльнаго чловѣка есть не болѣе, какъ *tabula rasa*, т. е. въ сущности, получается ученіе Кондильяка, хотя извѣстно, что Бональдъ далекъ былъ отъ того, чтобы сдѣлать его открытымъ сторонникомъ, — даже въ своихъ сочиненіяхъ возставалъ противъ него. А такое незаконное усиленіе сторонняго авторитета, въ ущербъ законнымъ правамъ индивидуальнаго разума, было тѣмъ и опасно, что легко могло служить въ пользу ультрамонтанскаго ученія о безусловномъ и абсолютномъ подчиненіи всякаго отдѣльнаго вѣрующаго непогрѣшимому авторитету папы. Это и случилось, когда Ламна развила традиціоналистическое ученіе и сдѣлала попытку обосновать на немъ ученіе о папской непогрѣшимости. Это было сдѣлано имъ въ его обширномъ сочиненіи: „*Essai sur l'indifférence en matière de religion*“.

Это сочиненіе, которое особенно способствовало литератур-

¹⁾ См. статью г. *Charles de Rémusat* въ первой майской книжкѣ журн. «*Revue des deux mondes*», 1857 г. „*Du traditionalisme. I. M. de Bonald*“...

ной славѣ Ламна, раздѣляется на четыре части и представляетъ изъ себя очень пространное развитіе той мысли, что единственнымъ философскимъ основаніемъ для достовѣрности всѣхъ нашихъ знаній можетъ быть только *авторитетъ*, откуда затѣмъ дѣлается тотъ выводъ, что и въ религиозной области авторитетъ необходимъ, притомъ съ свойствами наибольшей видимости.

Вся первая часть „Essai“ по отношенію къ остальнымъ частямъ имѣетъ значеніе части вступительной и по своему содержанию написана довольно умѣренно, что объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что время ея написанія почти совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ литературной дѣятельности Ламна, когда еще совершался переходъ его воззрѣній отъ болѣе или менѣе умѣреннаго ультрамонтанства къ ультрамонтанству самому крайнему, и когда еще не появлялась книга де-Местра „*On rare*“, долженствовавшая наиболѣе способствовать такому переходу. Ламна въ первой части своего сочиненія еще не касается своей философской теоріи объ отношеніи авторитета къ человѣческимъ убѣжденіямъ, но разсуждаетъ пока лишь о пагубности индифферентизма во всѣхъ его видахъ и о существенной важности религіи вообще. Если онъ и говоритъ при этомъ объ авторитетѣ Церкви, то говоритъ какъ-то мимоходомъ и притомъ въ довольно умѣренномъ тонѣ, не имѣющемъ собственно ультрамонтанскаго характера. Для примѣра приведемъ здѣсь слѣдующія слова его, содержащіяся въ первыхъ двухъ главахъ указанной части. „Авторитетъ“, говоритъ онъ, „можетъ все сдѣлать, какъ въ области добра, такъ и въ области зла, потому что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ на народъ дѣйствуютъ единственно авторитетомъ. Притомъ общій авторитетъ, когда онъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть всегда и по необходимости получаетъ перевѣсъ надъ авторитетами частными... Въ томъ и заключается причина того, почему религиозное общество имѣетъ непрестанное существованіе: высшій авторитетъ этого общества, въ силу особеннаго Божественнаго дара, предохраненъ отъ заблужденій и слабостей, которымъ подвержены авторитетъ въ обществѣ гражданскомъ“... ¹⁾ „Существуетъ лишь одно средство“, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣ-

¹⁾ *Essai sur l'indifférence...* édition Garnier, t. I, p. 41.

стѣ, „извлекать людей изъ того состоянія индифферентизма, въ которое ихъ низвергаетъ злоупотребленіе разумомъ: оно состоитъ въ томъ, чтобы обуздывать этотъ гордый разумъ, заставляя его преклоняться предъ такимъ высокимъ и блестящимъ авторитетомъ, права котораго не могутъ оставаться для него неизвѣстными. Надобно убѣдить разумъ въ томъ, что существуетъ высшій разумъ, неизмѣнное правило истины, которому онъ долженъ покоряться, какъ верховному владыкѣ всѣхъ умовъ. Однимъ словомъ, надобно, чтобы разумъ, признавая владычество Бога, возвысился до абсолютнаго повиновенія, которое, удерживая его на томъ мѣстѣ, откуда онъ удаляется (и чрезъ это заблуждается),—мѣстало бы ему лишать самого себя обладанія истинною“ ¹⁾. Собственно ультрамонтанская теорія отношенія авторитета къ человѣческому познанію излагается въ остальныхъ трехъ частяхъ „Essai“, причемъ во второй части содержится основаніе для этой теоріи, а въ третьей и четвертой частяхъ указывается ея приложеніе къ отношеніямъ между Церковію и ея членами.

Такъ какъ въ результатѣ вся эта теорія приводитъ къ тому, чтобы убѣдить читателей въ необходимости всецѣло подчиниться непогрѣшному авторитету папы, то понятно, что для нашей задачи существенно важно остановиться на ней и отчасти разобрать её.

Исходнымъ ея пунктомъ служитъ мысль, что человѣкъ не въ состояніи убѣдиться ни въ какой истинѣ съ помощью однихъ своихъ собственныхъ силъ, потому—что онъ не можетъ одними этими силами ни даровать себѣ бытіе, ни сохранить его ²⁾. Высказавъ это положеніе, Ламна начиняетъ затѣмъ доказывать его. Это доказательство сводится къ тому, что послѣдовательно опровергаются три философскія системы: матеріализмъ, идеализмъ и *картезианизмъ* ³⁾. Ламна утверждаетъ, что ни въ одной изъ нихъ теорія познанія не можетъ быть названа состоятельною. Матеріализмъ критеріемъ достовѣр-

¹⁾ *Ibidem*, p. 53.

²⁾ *Ibidem*, II, 68.

³⁾ Ламна подъ *идеализмомъ* разумѣетъ, собственно, систему Беркелея и Канта, а *картезианизмъ* онъ называетъ „современнаго догматизмомъ“.

ности познания считаетъ высшія чувства; но они потому не могутъ быть такимъ критеріемъ, что слишкомъ часто обманываютъ насъ ¹⁾. Идеализмъ ищетъ критерія достовѣрности познания во *sentiment* (*sentiment*), но и это чувство имѣетъ въ себѣ слишкомъ мало объективности для этого, такъ какъ проявляется у людей слишкомъ различно ²⁾. Что касается философіи картезианской, то опроверженію ея гносеологии Ламнэ посвящаетъ не одну какую-либо часть своего сочиненія, но, можно сказать, всё это сочиненіе. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что въ ней онъ видѣлъ самое опасное препятствіе для осуществленія своего идеала всеобщаго подчиненія не только богословской, но и свѣтской науки авторитету своего непогрѣшимаго папы. Въ то время, когда писалъ Ламнэ, еще въ полной силѣ господствовала не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи импико эта философія. Она служила единственною основою всего философскаго преподаванія тогдашняго клира и, что особенно способствовало прочному положенію ея въ системѣ этого преподаванія,—было то, что она имѣла за собою въ этомъ случаѣ двухсотлѣтнюю давность и такихъ авторитетныхъ сторонниковъ, какими были Боссюэтъ и Февелонъ. Въ виду всего этого, борьба противъ нея, которую предпринималъ теперь Ламнэ, была дѣломъ далеко не легкимъ.

Главная причина несочувствія и (даже болѣе) вражды этого писателя къ Декартовой философіи заключалась въ томъ, что основною ея принципъ—принципъ сомнѣнія—былъ, по мнѣнію Ламнэ, весьма опасенъ, такъ—какъ неизбежно будто-бы приводилъ къ полному скептицизму, а слѣдовательно, и къ невѣрію. „Великая опасность этой философіи“, говоритъ онъ, „состоитъ въ томъ, что она предоставляетъ разумъ каждому человѣку „самому себѣ и что не даётъ человѣку иного критерія (*règle*) „истины, кромѣ его собственнаго сужденія. Въ силу этого, онъ „долженъ считать за истину всё то, что ему кажется истиннымъ, а за ложь всё то, что ему кажется ложнымъ. Нѣтъ ни „одного заблужденія, которое не оправдывалось-бы этимъ прин-

¹⁾ Ibidem, II, 70—73.

²⁾ Ibidem, II, 73—76.

„ципомъ, и изъ него же берутъ начало еретики, деисты и безбожники. Они могутъ утверждать всё, что хотятъ, говоря: это „для меня ясно, или: это не ясно. Всѣ доказательства и разсужденія, которыя можно было-бы имъ противопоставить, разбиваются объ эти два слова“ ¹⁾. Ламнэ былъ такъ увѣренъ въ томъ, что картезианскій принципъ сомнѣнія въ своемъ конечномъ результатѣ ни къ чему другому и не можетъ привести, какъ къ еще болѣе полному, даже всеобщему сомнѣнію, что въ другомъ мѣстѣ онъ даже отрицаетъ логическую состоятельность за извѣстнымъ классическимъ изреченіемъ Декарта: „*cogito, ergo sum*“ и утверждаетъ, что этотъ философъ не имѣлъ права, оставаясь на своей точкѣ зрѣнія, дѣлать такое заключеніе. „Когда Декартъ“, замѣчаетъ Ламнэ, „пытаясь выйти изъ своего „методическаго сомнѣнія, высказываетъ положеніе: я мыслю, „слѣдовательно я существую.—онъ переступаетъ глубокую пропасть и полагаетъ въ воздушномъ пространствѣ первый камень того зданія, которое хочетъ воздвигнуть. Потому—что, „строго говоря, мы не можемъ сказать: *я мыслю*, мы не можемъ „сказать: *я существую*, мы не можемъ сказать: *слѣдовательно* „и вообще мы ничего не имѣемъ права утверждать путѣмъ слѣдствій“ ²⁾. Вообще Ламнэ не допускалъ, чтобы критеріемъ достовѣрности нашего познания могло быть наше сознаніе.

Гдѣ же искалъ онъ такой критерій? Считаая индивидуальное сознаніе, взятое само по себѣ, въ отдѣльности отъ сознанія прочихъ людей, слишкомъ недостаточнымъ основаніемъ для достовѣрности въ дѣлѣ познанія истины,—онъ пришёлъ къ той мысли, что единственное средство къ опредѣленію того, что есть истина, и что нѣтъ, состоитъ въ томъ, чтобы обращаться съ этою цѣлію къ *общественному сознанію* (*sensus communis*). Онъ прямо говоритъ, что „общее согласіе—*sensus communis*—есть для насъ печать истины“ ³⁾. Какъ же понималъ онъ этотъ *sensus communis*? По его собственнымъ словамъ, „не требуется „большихъ усилій, чтобы понять, что это такое, потому—что „ученіе о *sensus communis* доступно всѣмъ людямъ, такъ—что

¹⁾ Ibidem, IV, 148—149.

²⁾ Ibidem, II, 80.

³⁾ Ibidem, II, 85.

„всѣ его знаютъ, даже и не изучая его... Оно выражается въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) Всѣ люди непреодолимо вѣрятъ въ тысячи вещей, слѣдовательно эта непреодолимая вѣра принадлежитъ самой ихъ природѣ... Въ виду этого, всё, чему „большинство людей непреодолимо вѣрить,—всё это есть истина для человѣческаго разума и должно считаться за достовѣрное, „безъ чего никакая достовѣрность не была бы возможна. 2) Всѣ люди обладаютъ естественною склонностію считать достовѣрнымъ то, во что всѣ вѣрятъ, и что всѣ считаютъ истиннымъ.... „Поэтому общее согласіе, по сужденію всѣхъ людей, есть признакъ истины или правило для частнаго разума“¹⁾. Примѣняя указанный принципъ достовѣрности знанія къ религіозной области. Ламнэ называетъ его *треданіемъ*. Не только всякій народъ, по его словамъ, имѣетъ свое преданіе, но и весь родъ человѣческій обладаетъ однимъ общимъ преданіемъ, которое источникомъ своимъ имѣетъ Самого Бога и преемственно передается изъ рода въ родъ во всѣ времена. Согласно этому всеобщему преданію, существуетъ единое вѣчное Существо, сотворившее весь міръ и человѣка²⁾. Въ подтвержденіе этой мысли Ламнэ значительную часть своего сочиненія посвящаетъ на то, чтобы довольно подробно перечислить всѣ народы, древніе и новыя, у которыхъ, несмотря на ихъ невѣдѣніе истинной религіи, всетаки встрѣчаются слѣды такого религіознаго преданія³⁾. Изъ такой всеобщности вѣры въ Бога Ламнэ выводитъ ея истинность. Здѣсь можно сказать, центр тяжести всей его системы о примѣненіи принципа преданія (этого религіознаго *sensus communis*) къ опредѣленію достовѣрности религіозныхъ истинъ. Развивая послѣдовательно этотъ принципъ далѣе, онъ, наконецъ, приходитъ къ выясненію его значенія и въ христіанской Церкви, при чемъ сущность его опредѣляетъ извѣстными словами Викентія Лирипскаго: *quod ubique, quod semper, quod ab omnibus...*⁴⁾. До сихъ поръ его ученіе о преданіи и его значеніи для подтвержденія истинности христіанской ре-

¹⁾ Ibidem, IV, 149—150.

²⁾ Ibidem., II, 108—109.

³⁾ Ibidem., III, 1—157.

⁴⁾ Ibidem., IV, 151.

лигіи не имѣетъ въ себѣ ничего такого, съ чѣмъ не могъ бы согласиться и всякій православный. Но лишь только нашъ писатель касается вопроса о томъ, *гдѣ* именно слѣдуетъ искать главное хранилище общецерковнаго преданія, то здѣсь у него и проявляется, наконецъ, его ученіе о непогрѣшимомъ папѣ. Онъ подходитъ къ нему съ большою постепенностію.

Изъ прежде доказаннаго положенія, что необходимо существуетъ одна истинная религія, онъ прежде всего выводитъ, что у нея долженъ быть такой признакъ, по которому ее можно было бы узнать. Такимъ признакомъ можетъ быть или внутреннее чувство (*sentiment*), или сознаніе (*raisonnement*), или же авторитетъ. Но такъ—какъ первые два признака слишкомъ субъективны по своему характеру, то остается признать одинъ третій. Далѣе Ламнэ начинаетъ доказывать, что этотъ признакъ по необходимости долженъ находиться въ Церкви. Вотъ, приблизительно, ходъ его доказательства. Разумъ развивается не иначе, какъ съ помощію слова или свидѣтельства. Свидѣтельство можно находить только въ обществѣ. Слѣдовательно, человѣкъ не можетъ жить внѣ общества. Отсюда, въ свою очередь, дѣлается тотъ выводъ, что принципъ общества существовалъ уже тогда, когда еще только былъ на землѣ первый человѣкъ, съ которымъ Богъ имѣлъ общеніе, когда открывалъ ему Себя. Итакъ, съ самаго начала существовало религіозное общество, въ которомъ проявлялось и сохранялось Божественное свидѣтельство. Необходимость свидѣтельства предполагаетъ необходимость вѣры, безъ которой самое свидѣтельство оставалось бы безъ дѣйствія. Слѣдовательно, вѣра есть нечто принадлежащее природѣ человѣка... Достовѣрность вѣры зависитъ отъ высоты авторитета, дающаго свидѣтельство. Слѣдовательно, свидѣтельство Божественное бесконечно достовѣрно, поскольку оно обладаетъ высшимъ авторитетомъ. Всякое свидѣтельство возможно только въ обществѣ, слѣдовательно только въ обществѣ и находится авторитетъ и достовѣрность...¹⁾. Такимъ путемъ Ламнэ и приходитъ къ мысли о необходимости авторитета Церкви. Что касается необходимости авторитета непогрѣшимаго папы, то къ этому, главному, положенію всей своей си-

¹⁾ Ibidem., II, 250.

стемы онъ приводитъ своихъ читателей посредствомъ такого разсужденія: „общество духовное (Церковь), включая въ себѣ всѣхъ людей и всѣ времена, должно обладать авторитетомъ съ „свойствами наибольшей видимости (la plus grande autorité visible) на томъ основаніи, что истины, содержащіяся въ этомъ „обществѣ, суть истины необходимыя для того, чтобы сохранять „человѣка на уровнѣ нравственнаго и разумнаго существа...“¹⁾ Но вообще надобно замѣтить, что въ своемъ „Essai“ нашъ авторъ, хотя и предлагаетъ своимъ читателямъ философское доказательство непогрѣшимости папы, однако всетаки нигдѣ въ этомъ сочиненіи не излагаетъ и не раскрываетъ ближе самаго ученія объ этой непогрѣшимости. Зато во всей ясности его образъ мыслей относительно этого ученія открывается изъ его рецензій на книгу де-Местра „Du pape“,—рецензій, которая относится къ 1820 году и, слѣдовательно, современна его „Essai“.—по крайней мѣрѣ, второму тому этого сочиненія. Для насъ существенно важно поэтому изложить здѣсь его взглядъ на папскую непогрѣшимость, выраженный въ этой рецензій. Выражая самое искреннее сочувствіе сочиненію графа де-Местра, Ламна категорически заявляетъ, что онъ почти вполнѣ солидаренъ съ его мыслями относительно неограниченнаго главенства римскаго первосвященника въ Церкви. „Мы нимало не колеблемся“, замѣчаетъ онъ о самомъ себѣ, „открыто объявить, что „папы собственныя воззрѣнія ни въ чемъ важномъ не отличаются отъ воззрѣній де-Местра. Мы знаемъ, что Церковь никого безусловно не заставляетъ раздѣлять ихъ: до сихъ поръ „она считала возможнымъ (во избѣжаніе худшаго) допустить „известную степень терпимости относительно тѣхъ мнѣній, которыя они не принимаютъ, и которыя сами ихъ сторонники²⁾ „отрицаютъ на практикѣ. Итакъ, пусть тѣ, для которыхъ такая „терпимость достаточна, пользуются ею, если имъ позволяетъ „это ихъ совѣсть,—это касается только ихъ однихъ. Что же „касается насъ, которые нимало не боимся показаться слишкомъ послушными верховному авторитету преемниковъ того „Апостола, которому Исусъ Христосъ сказалъ: „Я молился о

¹⁾ Ibidem., II, 251.

²⁾ Ламна разумѣетъ здѣсь галликанскіе богословы.

„тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя (Лук. 22, 52)“,—мы никогда не будемъ имѣть невыносимую, на нашъ взглядъ, надменность утверждать, что мы въ чемъ-нибудь думаемъ измѣнять ихъ ученіе. Въ виду этого, чѣмъ болѣе велико будетъ наше подчиненіе, тѣмъ болѣе будемъ мы считать себя въ правѣ повторять слѣдующія прекрасныя слова великаго Боссюэта: „О, святая римская церковь, мать церквей и мать всѣхъ вѣрующихъ,—церковь, избранная Богомъ для того, чтобы соединить Его чадъ въ единой вѣрѣ и любви! Мы всегда всею душею будемъ держаться единенія съ тобою. Если я забуду тебя, римская церковь, пусть позабуду я самого себя! Пусть языкъ мой высохнетъ и сдѣлается неподвижнымъ въ устахъ моихъ, если ты не будешь занимать всегда перваго мѣста въ моей памяти, если я не буду ставить тебя во главу всѣхъ моихъ радостныхъ хвалебныхъ гимновъ“¹⁾. Очевидно, во всей приведенной выдержкѣ Ламна является открытымъ сторонникомъ де-Местра въ отношеніи къ ученію о папской непогрѣшимости. При этомъ особенно замѣчательно-го, что, по его словамъ, мнѣнія противнаго этому ученію (т. е. мнѣнія о томъ, что соборъ выше папы) римская церковь не принимаетъ, но только временно терпитъ его. Въ такомъ рѣшительномъ заявленіи и высказался, собственно, вполнѣ выработавшійся за это время ультрамонтанскій взглядъ Ламна, на основаніи котораго онъ и въ другомъ мѣстѣ своей рецензій на книгу де-Местра съ особенною любовію повторяетъ слѣдующія слова Боссюэта: „римская церковь вовсе не знаетъ ереси; римская церковь преbываетъ всегда дѣвою... Петръ пребываетъ въ своихъ преемникахъ основаніемъ для вѣрующихъ“²⁾.

Таковы были взгляды на папскую непогрѣшимость Ламна,—взгляды, которые онъ старался философски обосновать въ своемъ сочиненіи „Essai sur l'indifférence en matière de religion“.

Переходимъ теперь опять къ графу де-Местру и разсмотримъ, какъ онъ, подобно Ламнѣ, пытался дать философское основаніе своей теоріи папской непогрѣшимости. Хотя въ своихъ

¹⁾ См. сочиненіе Ламна: „Sur un ouvrage, intitulé „Du pape...“ издание, 1835 года, стр. 81.

²⁾ Ibidem., p. 114—115.

взглядахъ на значеніе и сущность папской власти, равно какъ и на необходимость неограниченнаго вліянія ея на дѣла французской церкви и даже государства,—онъ сходилса съ мыслями Бональда и Ламна, однако по его философскимъ взглядамъ въ отношеніе между церковію и государствомъ его нельзя вполне причислить къ традиціоналистическому направленію. Собственно говоря, онъ еще менѣе можетъ быть названъ философомъ, чѣмъ Бональдъ и Ламна: у него рѣшительно нельзя найти никакихъ твердыхъ данныхъ, которыя можно было бы считать основными положеніями всѣхъ его разсужденій о чело-вѣческомъ обществѣ вообще, о церковномъ и гражданскомъ обществѣ въ частности. Всѣ эти разсужденія въ большинствѣ случаевъ бездоказательны и потому произвольны, и это уже одно лучше всего показываетъ, что де-Местръ никакъ не философъ. Любимая его мысль, что христіанскіе догматы суть ни что иное, какъ „обожествленные основные законы міра“,—мысль сама по себѣ весьма смѣлая и едва-ли вполне справедливая (во всякомъ случаѣ не безусловно истинная).—эта мысль принимается имъ какъ аксіома, и онъ, не стараясь даже обосновать ее, дѣлаетъ изъ нея разные выводы въ духѣ ультрамонтанскомъ. Насколько произвольны его взгляды на отношеніе Божественныхъ законовъ къ законамъ чело-вѣческаго общества, можно видѣть хотя бы изъ того, какъ онъ понимаетъ дѣйствіе Промысла Божія въ исторіи. Ни одинъ истинно христіанскій историкъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что все въ мірѣ дѣлается не случайно, но по всепремудрой волѣ Того, Кѣмъ царіе царствуютъ и сильніи низидутъ правду (Шриг. 8, 15). Но благоговѣйное признаніе въ судьбахъ царствъ и народовъ дѣйствіе Промысла не даетъ, однако, права чело-вѣку произвольно, на основаніи своихъ личныхъ мнѣній и часто въ защиту собственныхъ предвзятыхъ теорій и взглядовъ, толковать значеніе того или другаго историческаго событія въ смыслѣ такого или инаго проявленія промысла Божія объ известномъ народѣ. А такое именно тенденціозное толкованіе исторіи мы и находимъ у де-Местра, именно въ его сочиненіи „*Les Considérations sur la France*“, гдѣ онъ, между прочимъ, разсуждаетъ о французской революціи 1789 г. Ужасаясь при

мысли о страшныхъ слѣдствіяхъ ея для французской церкви и для французскаго общества, де-Местръ принимаетъ на себя званіе пророка и съ удивительною увѣренностію предсказываетъ, что вслѣдъ за революціей должна наступить въ его отечествѣ нѣкоторая (какъ онъ выражается) *контръ-революція*, которая непременно совершится по особому дѣйствию Промысла Божія. Конечно, въ 1797 г., когда онъ писалъ свое названное сочиненіе, онъ легко могъ предвидѣть, что очень скоро наступитъ во Франціи та реакція, которой ознаменовалось начало текущаго столѣтія, и о которой мы уже имѣли случай говорить въ первой главѣ своего настоящаго изслѣдованія. Но насколько можно заключить изъ того, что собственно, онъ разумѣлъ подъ ожидаемой имъ контръ-революціей, можно смѣло сказать, что его чаяніе и ожиданіе послѣдней сводились не столько къ политической, сколько къ религіозной реакціи, которая, по его предсказанію, имѣла наступить въ самомъ непродолжительномъ времени. Эта реакція, дѣйствительно, и наступила, какъ мы уже имѣли случай упомянуть объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Но мы видѣли и то, какъ мало искренне и глубоко было при этомъ собственно религіозное оживленіе во Франціи; видѣли, что, въ сущности, оно сводилось только къ сознанію необходимости скорѣе сдѣлать изъ религіи полицейское средство для водворенія среди французскаго народа снова той власти, основы которой такъ глубоко были расшатаны революціей. Подобныхъ взглядовъ на значеніе религіи держался и самъ де-Местръ, какъ это видно изъ другаго его сочиненія, „*Les soirées de Saint-Petersbourg*“. Здѣсь онъ, между прочимъ, хотя и несравненно въ меньшей степени, чѣмъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ,—высказываетъ мысль, что только благодаря епископамъ и священникамъ христіанскимъ образовались могущественнѣйшія государства (вѣроятно, онъ разумѣетъ здѣсь имперію Карла Великаго)¹⁾. Любимая его мысль, неоднократно повторяемая имъ во многихъ его другихъ сочиненіяхъ, та, что *христіанство*

¹⁾ „D'où vient au contraire que les prêtres sont naturellement hommes d'État..... Pourquoi la plus noble, la plus forte, la plus puissante des monarchies a-t-elle été faite au pied de la lettre, par des évêques?... (Les soirées de St.-Petersbourg, Bruxelles 1844, 2, volume, p. 108)

ство главная сила людей мысляхъ, такъ какъ религія охраняетъ ихъ привилегіи. Особенно характерна, напримѣръ, такая его фраза: „Если бы я былъ безбожникомъ и въ то же время „властителемъ, я объявилъ бы папу непогрѣшимымъ особымъ „всенароднымъ эдиктомъ для того, чтобы водворить и укрѣпить „миръ въ своихъ владѣніяхъ“¹⁾. Понятно, что при такомъ циническомъ, можно сказать, взглядѣ на значеніе религіи, де-Местръ высшимъ идеаломъ своей „контръ-революціи“ считалъ водвореніе именно такого, чисто полицейскаго, средства для обузданія страстей народа. Слѣдовательно, и проведеніе имъ въ данномъ случаѣ своего взгляда о дѣйствіяхъ Промысла Божія въ исторіи вообще и, въ частности, въ исторіи французскаго народа— по меньшей мѣрѣ не умѣстно, если даже не богохульно: не онъ благоговѣнно преклоняется предъ путями Провидѣнія, которые неизслѣдимы для человѣка, но, напротивъ, самъ ставитъ себя какъ-бы выше Провидѣнія, самовольно опредѣляя эти пути, сообразуясь при этомъ съ своими любимыми ультрамонтанскими взглядами на авторитетъ религіи и его значеніе для Франціи.

Такова та якобы философская основа, которую де-Местръ положилъ въ качествѣ краеугольнаго камня для своей теоріи о необходимости для всякаго христіанскаго государства,—въ частности, для Франціи,—авторитета Римскаго папы. Главная причина полной несостоятельности этой основы лежитъ въ томъ, что мысль о Провидѣніи совершенно произвольно раскрывается здѣсь въ приложеніи къ такимъ историческимъ фактамъ, которые въ существѣ дѣла имѣли чисто человѣческой характеръ, а никакъ не Божественный. Если и можно видѣть въ ультрамонтанскихъ стремленіяхъ де-Местра и его школы руку Провидѣнія, то лишь въ томъ смыслѣ, что Она въ данномъ случаѣ лишь *позволила* осуществляться давнишнимъ, вѣковымъ прожектамъ Римской куріи для того, чтобы, наконецъ, довести ихъ до апогея своего развитія и впоследствии поразить весь христіанскій міръ чудовищностію папской гордыни и безуміемъ новаго Ватиканскаго догмата 1870 года...

¹⁾ См. статью: „Du traditionalisme — Joseph de Maistre, par Ch. de Rémusat“ („Revue des deux mondes“, 1857, втораго майскаго выпуска).

ГЛАВА V.

Дальнѣйшая дѣятельность Ламнэ въ пользу развитія ученія о папской непогрѣшимости, его паденіе и судьба его школы и партіи послѣ этого событія.

Для такого пылкаго характера, какимъ обладалъ Ламнэ, всякая оппозиція и всякое противорѣчіе могли только усилить крайность его воззрѣній и обострить его враждебное отношеніе къ галликанству. Этимъ и объясняется, почему очень скоро послѣ появленія его „Essai sur l'indifférence en matière de religion“ борьба его съ галликанскими представителями французскаго духовенства принимаетъ, дѣйствительно, очень острый характеръ. Дѣло въ томъ, что его враждебное отношеніе къ Декартовой философіи, которое обнаружилось уже во второмъ томѣ указаннаго его сочиненія, возбудило въ большинствѣ французскаго духовенства большое волненіе: для этого духовенства слишкомъ дорога была память такихъ великихъ своихъ предшественниковъ, какими были Боссюэтъ, Фенелонъ и Флери, — чтобы равнодушно читать нападки Ламнэ на картезианскую философію, на которой эти знаменитые богословы были въ свое время воспитаны. Ламнэ представлялся всѣмъ поборникамъ галликанскихъ традицій какимъ-то опаснымъ новаторомъ, который посягаетъ на самостоятельность всей богословской науки въ ихъ отечествѣ. И вотъ со всѣхъ сторонъ начались письменные и устные протесты и нападки на его книгу, которая, между тѣмъ, приобрѣтала все болѣе и болѣе сторонниковъ въ ультрамонтанскомъ лагерѣ. Ламнэ, нимало не уступавшій въ пылкости и горячности Тертуллиану и Лютеру, раздраженный своими противниками, рѣшился вести

съ ними самую ожесточенную борьбу. Въ этомъ рѣшеніи его значительно утвердимо пребываніе его въ Римѣ, куда онъ ѣздилъ въ 1824 году и гдѣ нашелъ самый радушный приемъ и самое искреннее сочувствіе своимъ возрѣніямъ¹⁾. Ободренный и наэлектризованный благоволеніемъ къ себѣ папы Льва XII, Лампэ, по возвращеніи изъ „вѣчнаго города“, съ новой энергіей начинаетъ дѣйствовать въ качествѣ поборника ультрамонтанскихъ стремленій. Подъ его вліяніемъ учреждается ультрамонтанская книжная торговля съ довольно громкимъ именемъ: „*Librairie classique élémentaire*“, а также и полагается основаніе новому журналу *Mémorial catholique*, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ наиболее выдающіеся ультрамонтанскіе дѣятели того времени²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ и взглядъ его на галликанскую декларацию 1682 года дѣлается теперь окончательно ультрамонтанскимъ, такъ что въ своемъ новомъ сочиненіи, появившемся около 1826 года и озаглавленномъ: *De la religion, considérée dans ses rapports avec l'ordre politique et civil*, онъ уже открыто возстаетъ даже противъ перваго пункта этой декларации и рѣшительно начинаетъ учить, что папа долженъ обладать главенствомъ и въ политическомъ отношеніи³⁾. Нельзя не видѣть здѣсь еще разъ вліянія на нашего писателя тѣхъ возрѣній, которые провелъ въ своей книгѣ *Du pape* графъ де-Местръ относительно аналогіи между непогрѣшимостію папы и непогрѣшимостію всякой власти вообще,—аналогіи, которая, какъ мы видѣли, основывалась на смѣшеніи понятія о Церкви съ понятіемъ о государствѣ.

Едва прошло года два послѣ появленія только что названнаго нами сочиненія Лампэ, какъ въ его взглядахъ начали проявляться и другіе признаки слишкомъ послѣдовательнаго ультрамонтанства, которыхъ прежде не было у него замѣтно. Эти новые признаки касались отношеній церкви къ государству, слѣдовательно, такого вопроса, который уже давно занималъ Лампэ. Какъ мы видѣли выше, уже съ первыхъ годовъ своей литературной дѣятельности онъ не разъ высказывалъ протесты

противъ многихъ распоряженій французскаго правительства относительно церкви. Но въ первый періодъ этой дѣятельности такіе протесты отличались еще очень большою сдержанностію, такъ—что имѣли скорѣе характеръ намековъ, чѣмъ прямыхъ обвиненій¹⁾. Съ теченіемъ времени они уже значительно усилились, такъ что Лампэ сталъ уже открыто порицать правительственныя распоряженія, особенно касавшіяся содержанія клира и народнаго образованія. Однако, несмотря на эти порицанія, взглядъ его на власть правительства былъ еще тогда очень консервативный: онъ еще признавалъ за этою властію значеніе необходимаго оплота противъ всякаго рода революціонныхъ стремленій. вмѣстѣ съ тѣмъ и „владычество народа“ (*la souveraineté du peuple*), столь прославленное имъ впоследствии, было пока для него чѣмъ-то страшнымъ и нежелательнымъ. Но вотъ наступилъ 1828 годъ, и въ политическихъ убѣжденіяхъ Лампэ, совершился довольно крутой поворотъ отъ такого консерватизма къ самому крайнему демократизму. Поводомъ къ обнаруженію такого переворота послужили новыя правительственныя распоряженія за указанный годъ относительно религіозныхъ конгрегацій и религіознаго образованія²⁾. Пылкій Лампэ выступилъ съ самымъ рѣшительнымъ и очень рѣзкимъ протестомъ противъ этихъ распоряженій. Выраженіемъ такого протеста явилось его сочиненіе „*Des progrès de la révolution et de la guerre contre l'église*“ (1829 г.). Здѣсь онъ не только съ новою силою вооружается противъ перваго пункта галликанской декларации 1682 года, но и съ удивительною смѣлостію проводитъ мысль, что только одинъ непогрѣшимый папа есть въ собственномъ смыслѣ законный властитель на землѣ, всѣ же свѣтскіе государи—не болѣе, какъ его вассалы, такъ какъ отъ воли папы будто-бы зависитъ и дать имъ власть, и отнять ее у нихъ. Призывая возможность того факта, что рим-

¹⁾ Такимъ именно характеромъ сдержанности отличается его сочиненіе „*Réflexions sur l'état de l'église en France*“, которое мы въ своемъ мѣстѣ разсмотримъ.

²⁾ *Friedrich*, цитованное сочиненіе, I, 88.—Вопросы о конгрегаціяхъ и о народномъ образованіи были всегда самыми живыми вопросами для ультрамонтанскихъ дѣателей.

¹⁾ *Friedrich*, Geschichte des Vatikanischen Concils B. I, S. 77—78.

²⁾ *Ibidem*, S. 77.

³⁾ *Ibidem*, I, 79.

скій первосвященникъ имѣеть право лишать власти государей, въ случаѣ, если они будутъ тираннически править своими подданными, Ламнэ вполне послѣдовательно пришелъ отсюда къ мысли, что папа можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ сочувствовать революціоннымъ стремленіямъ въ государствѣ и даже поддерживать своимъ авторитетомъ ревнителей политической свободы. Такимъ образомъ въ результатѣ у него выходила очень оригинальная комбинація: папа, этотъ представитель самаго абсолютнаго монархизма, долженъ былъ дать руку помощи такимъ людямъ, которые безусловно отрицали всякую единоличную власть вообще. Выходило, конечно, нѣчто несообразное и противорѣчивое, чего Ламнэ не замѣчалъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ замѣтить, увлекаясь жаромъ полемики противъ ненавистныхъ ему правительственныхъ мѣропріятій.

Очень скоро, именно уже черезъ годъ послѣ появленія сочиненія: „Des progrès de la révolution“, обстоятельства сложились такъ, что эти мечты его автора (Ламнэ) отчасти стали осуществляться, хотя, можетъ-быть, только въ теченіи очень непродолжительнаго времени. Наступила іюльская революція. Не стѣсненный болѣе правительствомъ, Ламнэ получилъ теперь полную возможность не только на бумагѣ бороться за свои демократическія убѣжденія, но и проводить ихъ на практикѣ. Къ этому времени относится начало изданія имъ журнала *L'Avenir*, т. е. самая жаркая пора дѣятельности нашего апологета папизма. Все направленіе этого журнала довольно ясно выражено, хотя и не во многихъ словахъ, въ одной изъ его статей, которая озаглавлена: „Des doctrines de l'Avenir“ и относится къ 7 декабря 1830 года. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, очень интересный взглядъ на значеніе власти въ государствѣ. Ламнэ уже не признаетъ за нею никакой Божественной санкции, но видитъ въ ней не болѣе, какъ полицейскую силу, необходимую, впрочемъ, лишь настолько, насколько крайности революціи могутъ посягнуть на безопасность и личную свободу отдѣльныхъ лицъ. Онъ не признаетъ, чтобы власть была безусловно необходима, такъ-какъ допускаетъ возможность такого положенія вещей, когда революція можетъ ниспровергнуть всякое законное правительство. Въ такомъ случаѣ, по его

мнѣнію, даже и при отсутствіи закононой власти, порядокъ можетъ сохраниться „общимъ закономъ справедливости“, которому все обязано покоряться по необходимости ¹⁾. Легко замѣтить, что, въ существѣ дѣла, у Ламнэ являлось здѣсь довольно явное противорѣчіе съ самимъ собою, потому что „общій законъ справедливости“, который онъ признавалъ необходимымъ даже во время революціи,—на самомъ дѣлѣ являлся такою же властію, какую проявило бы и всякое законное правительство. Но это противорѣчіе разрѣшалось для Ламнэ совершенно просто, такъ какъ въ основаніи всѣхъ его демократическихъ стремленій лежала, какъ мы знаемъ, мысль о единой истинной власти непогрѣшимаго папы, могущей, по мнѣнію Ламнэ, замѣнить собою, въ случаѣ надобности, всякое свѣтское правительство.

Средствомъ для примѣненія указанныхъ псевдо-демократическихъ воззрѣній на практикѣ послужило для Ламнэ основанное, подъ его вліяніемъ и руководствомъ, такъ называемое, *агенство* (agence) или центральное управленіе всѣми ультрамонтанскими махинаціями ²⁾, которое простирало свою дѣятельность даже за предѣлы Франціи. Программа этой дѣятельности кратко опредѣлялась въ слѣдующихъ словахъ перваго отчета, представленнаго агенствомъ: „религіозная свобода должна быть защищаема съ трехъ сторонъ: по отношенію къ свободѣ преподаванія, къ свободѣ печати и къ свободѣ ассоціаціи“ ³⁾. Непосредственно послѣ открытія агенства, его члены предприняли весьма смѣлое и рѣшительное дѣло, которое, хотя и окончилось, собственно, ничѣмъ, однако имѣло для ультрамонтанской партіи все—таки довольно важное значеніе. Они рѣшились открыть свободное училище безъ разрѣшенія со стороны правительства, что они, дѣйствительно, и исполнили ⁴⁾. Конечно, вскорѣ на нихъ принесена была жалоба за такой незаконный ихъ поступокъ, вслѣдствіе чего ихъ судили и заставили не только закрыть новую школу, но и заплатить извѣстную де-

¹⁾ „Des doctrines de l'Avenir“, изъ сборника сочиненій Ламнэ, изданіе 1885 г., стр. 158.

²⁾ Agence générale pour la défense de la liberté religieuse.

³⁾ Friedrich, I, 88.

⁴⁾ Ibidem., I, 89.

нежную пеню. Тѣмъ не менѣе цѣль ихъ была отчасти достигнута, такъ какъ, благодаря этому процессу, они приобрѣли среди многихъ своихъ соотечественниковъ значительную популярность, какъ поборники „святаго дѣла освобожденія церкви отъ гнета государства“ и какъ страдальцы за это дѣло ¹⁾. А такого рода успѣхъ былъ для нихъ всего дороже...

Но не прошло и года съ небольшимъ послѣ этого, какъ судьба Ламна и его отношенія къ новому папѣ, Григорію XVI, неожиданно измѣнились. Нетрудно объяснить причину такой перемѣны, если принять во вниманіе, съ одной стороны, какъ много враговъ имѣлъ Ламна среди французскаго духовенства (не говоря уже о самомъ правительствѣ), а съ другой — то, что самъ Григорій XVI терпѣть не могъ никакихъ либеральныхъ извѣній, въ какой бы формѣ они ни проявлялись. Понятно, что врагамъ демократической проповѣди Ламна очень легко было представить папѣ, что этотъ фанатическій аббатъ распространяетъ опасное и зловерное ученіе. И папа осудилъ ученіе Ламна. Главная причина этого, впрочемъ, заключалась въ томъ, что противъ этого ученія вооружились иезуиты, которые, какъ извѣстно, всегда служили и служатъ главными заправителями всей папской политики и истинными руководителями своихъ „непогрѣшимыхъ“ владыкъ. Иезуитамъ дѣятельность Ламна потому сильно не нравилась, что слишкомъ ясно раскрывала предъ всѣми тайны ультрамонтанскихъ происковъ и, слѣдовательно, могла скорѣе повредить главной цѣли послѣднихъ, чѣмъ способствовать ихъ осуществленію. Основное правило иезуитской политики — насколько возможно, до поры—до времени скрывать истинную пружину всей своей дѣятельности и чрезъ такую таинственность постепенно идти къ своей цѣли. А Ламна, благодаря своему порывистому и пылкому характеру, дѣйствовалъ совершенно напротивъ. Этимъ и объясняется его неудача, послѣ которой вскорѣ послѣдовало и его отпаденіе не только отъ папства, но и отъ самаго христіанства (1832 г.).

Съ паденіемъ Ламна, начатое имъ дѣло не погибло: его воззрѣнія продолжали жить въ средѣ того кружка, который

онъ успѣлъ, въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, собрать вокругъ себя, и который теперь расширился значительно противъ прежняго. Это былъ уже не простой кружокъ немногихъ друзей и сторонниковъ, но цѣлая, правильно организованная партія, цѣли и задачи которой были опредѣленно намѣчены. Достоиннымъ преемникомъ Ламна въ руководительство эту партію явился аббатъ *Лакордэръ* (*Lacordaire*), которому удалось въ самомъ непродолжительномъ времени вывести ея членовъ изъ того смущенія и недоумѣнія, въ которыя повергло ихъ столь неожиданное осужденіе папой ихъ главнаго вождя и учителя, а затѣмъ и паденіе послѣдняго. Не прошло и года послѣ его паденія, какъ основанная имъ и де-Местромъ новая ультрамонтанская партія снова принялась за свою дѣятельность. Еще въ 1832 году, т. е. почти непосредственно послѣ того, какъ изъ партіи выбылъ Ламна, вмѣсто журнала: *L'Avenir*, предпринято было изданіе новаго журнала: *Univers religieux*. Лакордэръ продолжалъ проповѣдывать воззрѣніе своего учителя. Такъ, онъ столь же сильно вооружался противъ философіи, считая ее не только бесполезною, но и положительно вредною, и настойчиво проводя мысль, что для спасенія погибавшаго общества нужна вовсе не она, но единственно необходимо признаніе непогрѣшимаго авторитета папы ¹⁾. Отличительнымъ характеромъ всей дѣятельности этого новаго вожака французскихъ ультрамонтанъ являлась тонкая дипломатичность и удивительное умѣнье всегда все дѣлать съ тактомъ. Этимъ, конечно, и объясняется, почему то-же дѣло, которое, находясь въ рукахъ Ламна, вызвало неодобреніе со стороны папы или, вѣрнѣе, со стороны руководившихъ имъ иезуитовъ, — теперь мало-по-малу снова приобрѣло себѣ ихъ сочувствіе. Умный и находчивый Лакордэръ очень хорошо понималъ, что, осудивъ Ламна, папа и иезуиты, въ сущности, вовсе не осуждали въ его лицѣ основной задачи всей его партіи, но только не одобряли той тактики, которой держался Ламна, и которая отличалась крайнею, по ихъ мнѣнію, неосторожностію и опрометчивостію.

¹⁾ Ibidem., I, 89.

¹⁾ *Friedrich*, I, 105—106.

Понимая это, преемникъ Ламне прежде всего постарался измѣнить эту тактику, не измѣняя, однако, нисколько тѣмъ убѣжденіямъ, какиѣ держался Ламне. Въ 1836 году Лакордэръ нарочно отправился въ Римъ, чтобы успокоить папу и его совѣтниковъ, увѣривъ ихъ, что онъ поведетъ начатое его предшественникомъ дѣло иначе, чѣмъ велъ его тотъ. Въ Римѣ онъ такъ искусно сумѣлъ обворожить отцовъ ордена Лойолы своею предупредительностію и любезностію, что они очень скоро сдѣлались его друзьями: а чрезъ это онъ, конечно, заручился и благоволеніемъ самого Григорія XVI. Послѣдній не только преподалъ ему свое благословеніе, но и возносилъ за него жаркія молитвы, „чтобы Богъ укрѣпилъ его въ предпріятомъ имъ дѣлѣ защиты католическихъ интересовъ“¹⁾.

Теперь ничто уже не мѣшало ультрамонтанской партіи все болѣе и болѣе успивать свое вліяніе во Франціи. Единственнымъ развѣ и отчасти серіознымъ врагомъ, съ которымъ приходилось еще считаться этой партіи, было все то же галликанство, которое, какъ-бы чувствуя скорое свое пораженіе, неоднократно довольно энергично пыталось противоудѣйствовать за это время стремленіямъ Лакордэра и его сторонниковъ. Главными борцами за галликанскія традиціи были теперь: Парижскій архіепископъ *Кэлэнъ* (Quélen) и его генеральный викарій *Аффр* (Affre), который впослѣдствіи такъ геройски окопчивъ свое служеніе отечеству и церкви въ 1848 г., когда палъ на баррикадахъ жертвою своей ревности о водвореніи мира среди бунтовавшей парижской черни. Впрочемъ, чѣмъ болѣе распространялось вліяніе школы и партіи Ламне, тѣмъ кружокъ сторонниковъ галликанства становился все тѣснѣе и тѣснѣе. Уже въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, — слѣдовательно, именно въ то время, на которое падала дѣятельность Лакордэра, этотъ кружокъ ограничивался почти одними представителями стараго французскаго духовенства; а все новое, молодое духовенство почти всецѣло вошло уже въ ряды ультрамонтанской партіи. *Прессансе* очень вѣрно замѣчаетъ

1) Ibidem, I, 107.

по этому поводу, что сторонники галликанства уже потому не могли теперь имѣть дѣйствительно серіознаго значенія, что павшіе въ 1830 году Бурбоны, подобно стремительному потоку, въ сущности, унесли съ собою и тѣ немногіе обломки, которые еще оставались отъ галликанства¹⁾. Либеральное правительство Людовика-Филиппа какъ нельзя болѣе способствовало, между тѣмъ, усиленію ультрамонтанства, и способствовало именно тѣмъ, что, вопреки правительственной системѣ своихъ предшественниковъ, поставило себя въ слишкомъ холодныя, если даже не сказать — враждебныя отношенія къ католической церкви. Понятно, что при такомъ положеніи послѣдней, духовенству очень естественно было искать себѣ опоры, а иногда и защиты, въ папѣ, вліяніе котораго, вслѣдствіе этого, должно было, конечно, значительно усилиться во Франціи, въ ущербъ все болѣе и болѣе исчезающему вліянію галликанства.

Какъ на весьма характерный моментъ борьбы между ультрамонтанствомъ и умираннымъ галликанствомъ, можно указать на возстановленіе во Франціи двухъ наиболѣе вліятельныхъ, послѣ іезуитовъ, орденовъ: Бенедектинскаго и Доминиканскаго. Такое возстановленіе способствовало самому быстрому усиленію вліянія ультрамонтанскихъ борцовъ, такъ какъ отселѣ они получали во Франціи вполне твердую почву для своей дѣятельности: у нихъ являлись опредѣленные центры, изъ которыхъ имъ особенно удобно было повсюду распространять свою пропаганду, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлась и правильно организованная милиція, необходимая для этого дѣла. Главными виновниками возстановленія указанныхъ орденовъ были: *Гвэраנגэ* (Guéanger), одинъ изъ самыхъ жаркихъ сторонниковъ ультрамонтанскихъ стремленій, и знакомый уже намъ Лакордэръ. Оба они, находясь въ 1837 г. въ Римѣ, успѣли настолько приобрести сочувствіе своему предпріятію въ папѣ и въ іезуитахъ, что имъ дано было немедленно разрѣшеніе возстановить указанные ордена, не смотря

1) „Das Vatikanische Konzil“, переводъ нѣмецкій Fabarius'a, Nördlingen, 1872 г., стр. 25.

на то, что по тогдашнимъ законамъ, дѣйствовавшимъ во Франціи, всякіе монашескіе ордена были строго воспрещены. Въ томъ же 1837 году восстановленъ былъ въ этой странѣ орденъ Бенедиктинцевъ, причемъ Гэраржэ назначенъ былъ настоятелемъ главнаго ихъ монастыря, *Солэма* (Solesmes). А года черезъ два послѣдовало восстановление во Франціи и ордена Доминиканцевъ, и главой ихъ поставленъ Лакордэръ ¹⁾. Вскорѣ умеръ Парижскій архіепископъ Кэлэнъ, и это обстоятельство послужило причиною новаго успѣха ультрамонтанской партіи: со смертію Кэлэна галликаны лишились своего вождя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того послѣдняго остатка своего единства, которымъ она еще держалась. Теперь представителями галликанскаго направленія являлись, по большей части, отдѣльныя личности, между которыми очень многіе стали болѣе или менѣе на ультрамонтанскую сторону. Даже генеральный епископъ Адрѣ отчасти смигчалъ свои галликанскія убѣжденія, и это было одною изъ причинъ, почему его выбрали въ преемники Кэлэну ²⁾. Однимъ словомъ, дѣло галликанской партіи было теперь окончательно проиграно, между тѣмъ, какъ ея враги, ультрамонтаны, все болѣе и болѣе поднимали голову.

Все, казалось, благопріятствовало Лакордэру и его партіи. Но тутъ неожиданно случилось обстоятельство, которое едва не окончилось весьма печально для послѣдней. Дѣло въ томъ, что Лакордэръ, который до сихъ поръ дѣйствовалъ по отношенію къ Риму очень осторожно и тактично (съ цѣлію, какъ мы сказали, какъ-бы замаскировать то, что онъ, въ сущности, держится направленія Ламнэ),—теперь,—вѣроятно, слишкомъ понадѣявшись на свои успѣхи и на свое благопріятное положеніе по отношенію къ папѣ и иезуитамъ,—на время снялъ маску и началъ открыто проповѣдывать парижской публикѣ съ кафедръ собора *Notre-Dame* любимыя мысли своего учителя, Ламнэ, о союзѣ между папствомъ и демократіей. Это возбудило въ Римѣ довольно серьезныя опасенія, такъ-что

¹⁾ *Friedrich I*, 111—112, 115.

²⁾ *Friedrich I*, 117.

тамъ стали очень ясно намекать на то, что Лакордэръ—второй Ламнэ. Слѣдствіемъ этого явилось охлажденіе къ нему не только самого папы Григорія XVI, но (что было гораздо важнѣе и опаснѣе) и кардинала *Ламбрускини*, который былъ правою рукою папы. Положеніе Лакордэра было довольно критическое, но онъ не потерялся. У него сдѣлалось то, что французы называютъ *courage du désespoir* (т. е. отчаянная смѣлость), и вотъ онъ дѣлаетъ видъ, будто ничего не знаетъ про охлажденіе къ нему папы, и продолжаетъ съ новой энергіей проповѣдывать свои воззрѣнія не только въ Парижѣ, но и въ другихъ городахъ своего отечества. Такой маневръ его, дѣйствительно, удался: видя, что результаты его проповѣди получаются благопріятныя для Римской курии, папа оставилъ его въ покоѣ, такъ-что Лакордэръ могъ уже вполне безпрепятственно продолжать свое дѣло, не опасаясь для себя участи Ламнэ ¹⁾.

Мы не будемъ подробно излагать дальнѣйшую исторію дѣятельности французскихъ ультрамонтанъ, такъ какъ для нашей задачи это было бы бесполезно, послѣ того, что мы уже сказали о той побѣдѣ, которую одержала эта партія надъ галликанствомъ. Намѣтимъ только главнѣйшіе моменты этой дѣятельности, чтобы нагляднѣе представить, какъ шла дѣла ультрамонтанской партіи приблизительно до шестидесятыхъ годовъ нашего столѣтія.

Начиная съ 1848 года, въ средѣ этой партіи, сначала очень незамѣтно, а затѣмъ все болѣе и болѣе рѣзко, появляются двѣ фракціи. Первая изъ нихъ, къ которой принадлежали Лакордэръ, *Монталамбергъ* (Montalambert) и ихъ сторонники, держалась взглядовъ Ламнэ и стремилась къ объединенію религіи съ такъ называемой свободой. Вторая также стремилась къ „свобождѣ“, но разумѣла подъ нею не столько свободу политическую, сколько лишь свободныя права Церкви по отношенію къ государству. На сторонѣ этой послѣдней стоялъ *Валло* (Veillot). Съ теченіемъ времени, между этими двумя фракціями произошло серьезное раздѣленіе. Поводомъ

¹⁾ *Ibidem I*, 118—120.

къ нему послужилъ споръ относительно монополіи преподаванія. Уже давно этотъ вопросъ служилъ одною изъ главныхъ причинъ борьбы ультрамонтанской партіи съ правительствомъ. Послѣ революціи 1848 года эта борьба настолько обострилась, что на сторону ультрамонтанскихъ борцовъ перешло все почти духовенство и очень многіе свѣтскіе люди, принадлежавшіе къ консервативной (монархической) партіи и недовольные республиканскимъ правительствомъ. Даже тѣ лица, которыя были прежде сторонниками монополіи правительства въ дѣлѣ преподаванія,—теперь, желая сдѣлать оппозицію новому правительству и способствовать укрѣпленію среди народа монархической идеи, охотно сдѣлали католической партіи уступку въ указанномъ спорномъ вопросѣ. *Прессансэ* основательно замѣчаетъ, что такая уступка вовсе не служила доказательствомъ возвращенія этихъ лицъ къ христіанству: Церковь и духовенство являлись для нихъ въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ временной необходимой опорой для успѣшной борьбы съ ненавистнымъ республиканскимъ правительствомъ¹⁾. При этомъ именно случаѣ и проявилась среди французской ультрамонтанской партіи та рознь, благодаря которой обѣ фракціи, образовавшіяся въ ней и раньше, по доселѣ находившіяся еще во взаимномъ союзѣ, теперь окончательно раздѣлились. Фракція „либеральныхъ“ ультрамонтанъ (т. е. Лакордэръ, Монталамбэръ и ихъ сторонники), недолго думая, поспѣшила вступить въ союзъ съ бывшими сторонниками монополіи правительства въ дѣлѣ народнаго образованія, которые теперь предлагали ей свою дружбу. Напротивъ, фракція Вальо, какъ болѣе послѣдовательная въ своихъ стремленіяхъ и вѣрная основнымъ началамъ ультрамонтанства, и теперь продолжала сохранять враждебную позицію относительно правительственной монополіи, не смотря на то, что послѣдняя была значительно ограничена, благодаря союзу ея сторонниковъ съ фракціей Лакордэра. Наступилъ 1851 годъ, когда въ Парижѣ совершился извѣстный *coup d'état*: республика снова уступила мѣсто имперіи. Теперь и наступила,

1) «Das Vatikanische Conzilj», перев. Фабарюса, стр. 36.

собственно, пора для дѣятельности фракціи Вальо, которая всегда сочувствовала монархіи, а теперь еще болѣе имѣла основаніе питать сочувствіе къ новой имперіи, такъ—какъ послѣдняя и утвердилась главнымъ образомъ благодаря ея вліянію и содѣйствію. Сильной, рѣшительной подпорой для Вальо и его сторонниковъ служило и то, что новый папа, Пій IX, начавшій свою правительственную дѣятельность съ проявленія открытаго сочувствія либерализму,—теперь, по возвращеніи изъ своего Гаэтскаго изгнанія совершенно переменялъ свою политику и свои на нее взгляды и открыто сталъ на сторону абсолютизма. Конечно, въ виду этого, фракція „либеральныхъ“ ультрамонтанъ¹⁾ должна была оставаться теперь въ тѣни, уступивъ главную роль фракціи Вальо. Это и было поводомъ къ тому, что всѣ эти фракціи вступили теперь въ борьбу. На сторонѣ „либеральной“ партіи находились главнымъ образомъ епископы, въ числѣ которыхъ самыми вліятельными были: Парижскій архіепископъ *Сибуръ* (Sibour) и *Дюпанлу* (Dupanloup), епископъ Орлеанскій. Вальо дѣйствовалъ противъ нихъ преимущественно чрезъ печать, что для него было особенно удобно, такъ какъ онъ былъ редакторомъ главнаго ультрамонтанскаго органа: *Univers*. Его полемическія статьи противъ французскаго епископата имѣли характеръ какъ бы доносовъ на епископовъ за ихъ слишкомъ умѣренныя, съ точки зрѣнія Вальо и строгихъ ультрамонтанъ, воззрѣнія и дѣйствія. Для насъ особенно интересно то обстоятельство, что теперь фракція „либеральныхъ“ ультрамонтанъ какъ-бы неволью сблизилась съ галликанами. Даже самъ Лакордэръ, изъ боязни допустить, хотя бы отчасти, истинность воззрѣній фракціи Вальо, рѣшается признать существованіе какого-то „инстинктивнаго галликанства“ (*gallicanisme instinctif*), отличая его отъ галликанства дѣйствительнаго, которое онъ продолжалъ рѣзко порицать. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ не состоятельно было такое различіе, и въ какомъ фальшивомъ положеніи очутились сторонники это-

1) Которая въ настоящее время получала такую силу въ католической Церкви, благодаря упомянутому папѣ, Льву XIII.

го новаго, *импиктивнаго* галликанства, когда имъ пришлось рѣшительно высказываться по поводу новаго догмата о папской непогрѣшимости.

Заключеніе первой части.

Мы рассмотрѣли исторію возникновенія и дѣятельности новой ультрамонтанской партіи во Франціи въ текущемъ столѣтіи. Прежде—чѣмъ переходить къ исторіи этой партіи въ католической Германіи за это же время (что составитъ вторую часть нашего изслѣдованія), мы постараемся подвести итоги всему доселѣ сказанному.

Прежде всего нельзя не отмѣтить того замѣчательнаго факта, что новое ультрамонтанское движеніе началось именно во Франціи, т. е. въ той странѣ, гдѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, произошла революція. Какъ относительно революціонныхъ движеній Франціи суждено было подать всей Европѣ первый сигналъ, такъ и относительно возстановленія средневѣковаго идеала папской власти ей также принадлежала инициатива. Повидимому, трудно объяснить такую странную параллель. Но, если принять во вниманіе тотъ историческій законъ, по которому крайность въ одну сторону, обыкновенно, вызываетъ крайность противоположную, то указанное явленіе сдѣлается отчасти понятнымъ.

Далѣе. Во Франціи не только подается первый сигналъ новому ультрамонтанскому движенію, но и составляется для него опредѣленная программа, въ которой излагаются главные пункты ультрамонтанскаго ученія, а также указывается и самая тактика для всѣхъ будущихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Въ этомъ и заключается главное значеніе сочиненій Ламне и де-Местра. Этимъ также объясняется и то замѣчательное явленіе, что сочиненіе послѣдняго *De rari* и нѣкоторыя изъ сочиненій Ламне переведены были на многіе европейскіе языки.

Наконецъ,—что особенно интересно собственно для православнаго изслѣдователя исторіи ультрамонтанскаго движенія въ текущемъ столѣтіи,—во Франціи слышится и первый протестъ противъ постепеннаго усиленія папской власти. Ояъ

исходитъ изъ лагеря галликанскихъ богослововъ, которые во многомъ приближались къ православнымъ, особенно же въ томъ, что являлись открытыми сторонниками мысли, что вселенскій соборъ есть высшая инстанція для рѣшенія всѣхъ догматическихъ и каноническихъ вопросовъ, возникающихъ въ Церкви.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Новая ультрамонтанская партія въ Германіи и ея дѣятельность въ пользу развитія ученія о панской непогрѣшимости.

ГЛАВА I.

Дѣятельность новой ультрамонтанской партіи въ Баваріи и ея борьба съ Вессенбергомъ и съ католической Тюбингенской школой.

И въ католической Германіи, какъ и во Франціи, начало нынѣшняго столѣтія было временемъ возобновенія ультрамонтанскаго движенія, хотя германскіе ультрамонтане сначала не имѣли такого успѣха, какъ ихъ французскіе собратья. Причину этого послѣдняго обстоятельства надобно, конечно, искать въ томъ положеніи, въ какомъ находилась германская католическая церковь къ концу прошлаго и къ началу нынѣшняго столѣтія. Сравнительно съ печальнымъ положеніемъ католицизма во Франціи за это же время, судьба его въ Германіи, правда, была еще далеко не такъ печальна. Конечно, и здѣсь французская революція оставила сильныя слѣды не только на всемъ политическомъ строѣ германскихъ земель, но и на внутреннемъ, религіозномъ бытѣ ихъ обитателей, а слѣдовательно, непремѣнно должна была отразиться и на состояніи католической церкви. Однако нельзя сказать, чтобы она до такой степени расшатала здѣсь всѣ основы общественнаго строя, какъ во Франціи. Поэтому, если невѣріе и индифферентизмъ и отторгли здѣсь отъ церкви многихъ ея членовъ, однако въ общемъ у ней оставалось еще въ Германіи довольно много истинныхъ ревнителей

о ея благосостояніи, а также и талантливыхъ защитниковъ на почвѣ богословской науки. Но всего важнѣе то, что, несмотря на всѣ невзгоды и даже нерѣдко пораженія, которыя неизбежно приходилось терпѣть католической церкви и въ Германіи въ тяжелую годину революціи 1789 года со стороны невѣрія и раціонализма, она все-таки никогда не преслѣдовалась здѣсь официально, какъ во Франціи. Въ виду этого, ультрамонтанская партія не могла здѣсь получить того значенія и той роли *спасительницы религіи и церкви*, какими отличалась ея дѣятельность въ сосѣдней католической странѣ; а поэтому эта партія не могла приобрести себѣ въ Германіи той популярности, какую она, какъ мы видѣли, приобрѣла за это время во Франціи. Вся ея дѣятельность въ Германіи сводилась лишь къ тому, чтобы постепенно измѣнять отношенія между правительствами германскихъ государствъ и между католическою церковію, — измѣнять, конечно, въ совершенно ультрамонтанскомъ смыслѣ, т. е. сдѣлать эти правительства, по мѣрѣ возможности, вполне послушными волѣ римскаго престола. А такого рода дѣятельность, понятно, не могла способствовать особенной популярности названной партіи въ средѣ германскаго общества, хотя бы въ извѣстномъ случаѣ и католическаго (конечно, однако, не ультрамонтанской окраски).

Кромѣ того, значительно задерживало успѣхъ ультрамонтанскихъ происковъ въ католическихъ частяхъ Германіи и то, что здѣсь партія умѣренныхъ католиковъ къ началу текущаго столѣтія была гораздо сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Мы видѣли, какъ галликанскіе противники конкордата 1801 года, не смотря на всѣ свои протесты, должны были, наконецъ, безмолвно признать этотъ актъ ультрамонтанской политики и чрезъ это невольно преклониться, хотя и не безъ нѣкоторой борьбы, предъ его неизбежными послѣдствіями, столь благопріятными для усиленія во Франціи ультрамонтанскаго вліянія. Въ этомъ выразилась слабость галликанства, вслѣдствіе которой борьба съ ультрамонтанствомъ становилась ему все болѣе и болѣе не подъ силу. Эта слабость происходила отъ того, что ко времени заключенія конкордата галликаны еще не успѣли снова сплотиться послѣ того разсѣянія, которому подвергалась ихъ

партия вслѣдъ за революціей 1789 года; поэтому и заключеніе самаго конкордата, и послѣдовавшіе за этимъ событіемъ усиленные происки ультрамонтанъ застали ихъ какъ-бы въ рас-
 плохъ. Совершенно въ иномъ положеніи находилась въ началѣ текущаго столѣтія партия умѣренныхъ католиковъ (по своему направленію весьма сходныхъ съ галликанами) въ Германіи. Какъ увидимъ ниже, главная сила ея заключалась въ томъ, что въ ея средѣ особенно процвѣтала и развивалась богословская наука, притомъ не въ тѣхъ узкихъ и стѣснительныхъ рамкахъ, въ которыя желали включить ея ультрамонтанскіе богословы, но съ направленіемъ строго научнаго и, слѣдовательно, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, *свободнаго* изслѣдованія, хотя и законно сдерживаемаго въ границахъ церковнаго преданія. Такое направленіе богословской науки господствовало, какъ извѣстно, и среди галликанъ, но у нихъ свободныя научныя изслѣдованія неизбежно должны были значительно ослабѣть, если даже и не вовсе прекратиться на извѣстное время, вслѣдствіе революціонныхъ волненій въ ихъ отечествѣ. Въ Германіи—напротивъ: здѣсь не только не ослабѣла за это время научная дѣятельность католическихъ богослововъ, но даже усилилась. Въ этомъ отношеніи значительную, хотя и отрицательную пользу принесли германской католической наукѣ тѣ нападки на христіанство вообще и, въ частности, на католическую церковь, которые исходили изъ лагеря рационалистовъ и къ концу XVIII столѣтія особенно усилились. Между тѣмъ, какъ среди протестантскихъ богослововъ эти нападки производили очень нерѣдко прямое отступничество отъ христіанства,—для лучшихъ представителей католическаго богословія они являлись скорѣе побудительною причиною для болѣе глубокаго и основательнаго изученія самаго христіанства, особенно со стороны его исторіи. При этомъ очень многіе католическіе богословы, имѣя въ виду то, что враги христіанства и церкви часто приводили въ свою пользу доказательства изъ нѣкоторыхъ неправильно истолкованныхъ святоотеческихъ свидѣтельствъ или соборныхъ актовъ,—начали съ особеннымъ усердіемъ изучать и тѣ, и другіе. Такъ постепенно развилась еще въ началѣ текущаго столѣтія церковно-историческая и пагристиче-

ская наука въ Германіи. Чѣмъ безпристрастнѣе шло такое историческое изученіе христіанства, тѣмъ ближе подходили этого рода католическіе ученые въ своихъ научныхъ выводахъ къ православному взгляду на исторію церкви, а, слѣдовательно, тѣмъ болѣе долженъ былъ блѣднѣть у нихъ средневѣковой идеаль папской теократіи¹⁾. Попятно, что чрезъ это они становились особенно ненавидимыми той партией католическихъ богослововъ, которая всегда какъ-бы инстинктивно боялась всякаго болѣе или менѣе безпристрастнаго изученія церковной исторіи и основывала всѣ свои взгляды на церковь на совершенно произвольныхъ, а потому и мимо научныхъ данныхъ.—т. е. партией ультрамонтанскихъ богослововъ. Стремясь неуклонно къ своей основной цѣли—осуществить средневѣковой идеаль возвышенія папской власти,—эта партия не безъ основанія видѣла въ католическихъ ученыхъ противнаго, умѣреннаго, лагеря довольно серьезныхъ враговъ всѣхъ своихъ стремленій, притомъ такого рода враговъ, съ которыми вести борьбу не такъ легко, какъ съ галликанами. Вотъ почему въ Германіи эта борьба, какъ увидимъ далѣе, отличается особеннымъ ожесточеніемъ со стороны ультрамонтанъ, хотя все-таки, не смотря на такое ожесточеніе, длится гораздо дольше, чѣмъ во Франціи.

Первые слѣды новаго ультрамонтанскаго движенія въ Германіи обнаружались въ Баваріи, гдѣ еще въ XVI вѣкѣ ультрамонтанская партия получила большую силу и только къ концу прошлаго столѣтія утратила свое вліяніе, вслѣдствіе антикуріальной политики тогдашняго баварскаго правительства.

¹⁾ Такое именно вполнѣ правильное и нормальное отношеніе къ изученію церковной исторіи встрѣчаемъ мы теперь у старокатолическихъ богослововъ. Какъ можно убѣдиться изъ исторіи старокатолическихъ стремленій къ сближенію съ нашею церковью,—несомнѣнно, что область богословской науки всегда являлась такою почвою, на которой всего легче было встрѣтиться нашимъ богословамъ со старокатолическими, и не только встрѣтиться, но и дать другъ другу руку. Не даромъ и на послѣднемъ (II-мъ) старокатолическомъ международномъ конгрессѣ, происходившемъ въ Люцернѣ, въ началѣ сентября 1892 года,—въ числѣ тезисовъ, предложенныхъ на обсужденіе членами конгресса, мы находимъ въ такой (по числу VI-й): „Было бы желательнымъ основать *международный* богословскій факультетъ и таковой же богословскій журналъ“. (См. статью прот. Мальцева въ фельетонѣ „Новаго Времени“, въ №№ отъ 20 и 27 октября 1892 г., подъ заглавіемъ: „Второй международный католическій конгрессъ въ Люцернѣ“).

Въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтїа, если и были въ Баварїи лица, сильно недовольныя правительственными мѣрами главы тогдашняго министерства, *Монтгеласа* (*Montgelas*), однако это недовольство еще не проявлялось открыто, въ видѣ серьезной оппозиціи ¹⁾. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что лагерь недовольныхъ былъ пока еще очень не великъ, такъ какъ ограничивался въ то время лишь представителями стараго клира и стараго дворянства. Для того, чтобы получить силу, а, слѣдовательно, и возможность дѣйствительно серьезно вліять на отношеніе баварскаго правительства къ римской курїи, необходимо было прежде всего образовать правильно организованную партію, по образцу той, которая къ тому времени возникла во Франціи, подъ вліяніемъ литературной проповѣди Ламне и де-Местра. И вотъ, въ 1812 году, положено было начало такой партіи. Въ городѣ Эйхштэтѣ (*Eichstädt*) съѣхались два лица, которымъ суждено было сдѣлаться инициаторами въ этомъ дѣлѣ. Это были: табачный фабрикантъ *Шмида* (*Schmid*) и „духовный совѣтникъ (*Geistlicher Rath*)“ *Лумперта* (*Lumpert*). Они стали серьезно совѣщаться о положенїи баварской церкви и о томъ, какія мѣры слѣдуетъ предпринять для ея улучшенїя. Дѣло могло бы пойти впередъ немедленно послѣ этого совѣщанїя, если бы походъ Наполеона I въ Россїю и послѣдовавшїе засимъ важныя перевороты во всей почти Европѣ не задержали на время осуществленїя плана названныхъ двухъ лицъ. Зато, лишь только въ международной европейской политикѣ наступило сравнительное спокойствїе, и папа Пїй VII возвратился изъ своего плѣна въ Римъ, вокругъ Шмида и Лумперта образовался цѣлый кружокъ лицъ, которыя сочувствовали ихъ планамъ, и такимъ образомъ началась въ собственномъ смыслѣ дѣятельность новой ультрамонтанской партіи въ Баварїи. Замѣчательно, что уже въ первый годъ своего существованїя эта партія сумѣла, при не большихъ сравнительно средствахъ, бывшихъ пока въ ея распоряженїи,—настолько распространить свое вліяніе, что у нея установились сношенїя не только съ католиками другихъ германскихъ государствъ,

¹⁾ Friedrich, Gesch. d. Vatikanischen Conzils, B. I, S. 175.

но и съ представителями католицизма въ Швейцарїи, во Франціи, въ Италїи, въ Англїи и даже въ Россїи ¹⁾.

Такая усиленная дѣятельность новой партіи за первое же время ея существованїя объясняется тѣмъ, что эта партія предвидѣла, что ей нельзя терять времени, въ виду той опасности, которая угрожала ея стремленїямъ со стороны конгресса, имѣвшаго въ 1815 году собраться въ Вѣнѣ. Члены партіи заранѣе предчувствовали, что на этомъ конгрессѣ дѣло коснется многихъ животрепещущихъ вопросовъ папской политики, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли полное основанїе опасаться, что многіе изъ этихъ вопросовъ будутъ рѣшены далеко не въ благопрїятномъ для римской курїи смыслѣ,—особенно тѣ, которые имѣли отношенїе къ положенїю католиковъ въ не католическихъ государствахъ.

Главнымъ и самымъ опаснымъ врагомъ баварскихъ ультрамонтанъ, съ перваго же времени ихъ дѣятельности въ качествѣ правильно организованной партіи, явился генеральный викарій Констанцскаго архїепископа Дальберга, *Вессенберга* (*Wessenberg*). Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ умѣренныхъ германскихъ католиковъ, о которыхъ мы уже сдѣлали нѣкоторыя общія замѣчанїя въ началѣ этой главы, и которые, какъ мы сказали, особенно приближались въ своихъ воззрѣнїяхъ на церковь и на ея исторїю къ православному взгляду на эти предметы. Вотъ почему для насъ особенно важно и интересно остановиться на воззрѣнїяхъ Вессенберга, которыя, замѣтимъ кстати, въ сущности вполнѣ были согласны и съ галликанскими взглядами на церковь.

Величественный идеалъ церкви предносился предъ Вессенбергомъ. Въ то время, какъ ультрамонтанскїе ея поборники все спасенїе для нея видѣли въ окончательномъ и безусловномъ подчиненїи ея римскому первосвященнику,—Вессенбергъ, поддерживаемый и поощряемый своимъ архїепископомъ Дальбергомъ, настойчиво проводилъ ту мысль, что только тогда католическая церковь снова получитъ подобающее ей положенїе въ Германїи, когда она прїобрѣтетъ себѣ извѣстную

¹⁾ Friedrich, I, S. 178—179.

самостоятельность не только по отношенію къ свѣтскимъ правительствомъ, но и относительно самого папы. Конечно, и Вессенбергъ и Дальбергъ, какъ католики, далеки были отъ того, чтобы совсѣмъ прекращать зависимость своей отечественной церкви отъ папы: они возставали только противъ ультрамонтанскаго взгляда на папскую власть, по которому папа долженъ быть неограниченнымъ властителемъ надъ всей католической церковію, а слѣдовательно и надъ германскою. Легко замѣтить, что въ этомъ случаѣ вопросъ шѣлъ, въ существѣ дѣла, о томъ, совмѣстимо-ли съ понятіемъ о единой церкви понятіе о національныхъ церквахъ, или же это послѣднее понятіе неизбежно приводитъ къ раздѣленію единой церкви, а слѣдовательно и къ уничтоженію якобы самаго ея единства (какъ это находилъ ультрамонтане). А такое или иное рѣшеніе этого вопроса, въ свою очередь, приводило къ самому жгучему пункту всего римско-католическаго каноническаго права, именно къ вопросу объ отношеніяхъ епископовъ къ папѣ. Понятно, что, въ виду этого, идеалъ національной германской церкви, т. е., хотя и зависимой отъ папы, но въ то же время обладающей значительною самостоятельностью по отношенію къ его верховной власти,—идеалъ, который проповѣдывалъ Вессенбергъ, долженъ былъ весьма живо затрогивать его ультрамонтанскихъ противниковъ.

Самостоятельность, о которой мечтали для германской церкви Констанцскій генеральный викарій, должна была проявиться въ трехъ главныхъ пунктахъ: 1) въ сравнительной, вполне законной свободѣ германской католической науки; 2) въ восстановленіи въ католической Германіи епархіальныхъ, провинціальныхъ и національныхъ соборовъ (Diöcesan-Provinzial—und National—Synoden) и 3) въ централизаціи церковнаго управления Германіи въ лицѣ примаса ¹⁾.

Какъ понималъ Вессенбергъ сравнительную свободу богословской науки, объ этомъ мы уже имѣли случай замѣтить, когда говорили въ началѣ настоящей главы о богословскомъ направленіи всѣхъ вообще умѣренныхъ католиковъ въ Герма-

ни. Не протестантской безграничной свободы желалъ онъ для этой науки, какъ весьма склонны были обвинять его ультрамонтане, но во имя любви къ истинѣ и во имя той мысли, что истина не боится никакихъ изслѣдованій, онъ желалъ, чтобы германскіе католическіе богословы вполне безпристрастно, т. е. безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, изслѣдовали и изучали церковно-историческіе памятники и дѣлали, на основаніи ихъ, вполне вѣрные выводы. При всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ, по мысли Вессенберга, всегдашнимъ руководительнымъ началомъ должно было служить для этихъ богослововъ церковное преданіе. Такимъ образомъ совершенно неосновательно было то обвиненіе, какое ввели ультрамонтанскіе богословы на школу умѣренныхъ католическихъ богослововъ вообще, а слѣдовательно и на Вессенберга, будто они всѣ впадаютъ въ нѣкоторый полураціонализмъ или, какъ довольно оригинально выразился одинъ ультрамонтанскій писатель, *Ventura de Raulica* (*Ventura de Raulica*),—въ философское полупелагианство ¹⁾...

Мысль Вессенберга о восстановленіи въ католической Германіи помѣстныхъ соборовъ (Synoden), которые собирались бы периодически, а иногда и въ неопредѣленные сроки,—также заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ-какъ въ осуществленіи ея и заключался, собственно, тотъ идеалъ національной германской церкви, о которомъ мечтали Дальбергъ и Вессенбергъ. Известно, какъ папы еще въ XV и XVI вѣкахъ несочувственно относились къ соборамъ вообще, не безъ основанія опасаясь съ ихъ стороны ограниченія своей собственной власти. Послѣ Тридентскаго собора, который во многомъ ограничивалъ эту власть (по крайней мѣрѣ, на бумагѣ), это несочувствіе перешло, можно сказать, у папъ въ отвращеніе. „Янусъ“ въ книгѣ *Papst und Konzil* сообщаетъ по этому поводу тотъ замѣчательный фактъ, что, когда въ 1602 году молинисты, для рѣшенія спора о благодати, требовали собора, то доминиканецъ *Иена* отвѣтилъ имъ, что въ Римѣ въ дѣлахъ догматическихъ слово

¹⁾ См. его сочиненіе: *La tradition et les sémi-pélagiens de la philosophie, ou le sémi-rationalisme dévoilé* (Paris 1856),—гдѣ указанная мысль проводится съ начала до конца.

¹⁾ Friedrich, I, 179.

синаодъ изгнано какъ святотатственное ¹⁾. А кардиналъ *Палавечини* прямо говорить, что папы всегда имѣли отвращеніе къ соборамъ помѣстнымъ ²⁾. А между тѣмъ, отсутствіе такихъ соборовъ въ зависимыхъ отъ Рима помѣстныхъ церквахъ и было главною причиною того, почему очень многія изъ этихъ послѣднихъ утратили мало-по-малу то животворное начало, безъ котораго онѣ не могли правильно и всесторонне жить и развиваться. Черезъ это онѣ поневолѣ должны были сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ деспотическихъ римскихъ владыкъ, которые дѣлали съ ними все, что хотѣли. Въ виду этого, понятно, почему Вессенбергъ такъ желалъ восстановленія въ своей отечественной церкви соборной системы управления. И въ этомъ вопросѣ онъ вполне сходилъ съ галликанами, какъ и во многихъ другихъ.

Здѣсь уместно указать на то, въ чемъ именно сочувствіе Вессенберга развитію соборныхъ совѣщаній среди германскаго духовенства напоминало нашъ православный взглядъ на важность и даже необходимость соборной формы церковнаго управленія, и въ чемъ мысли Вессенберга расходились съ этимъ взглядомъ. И Вессенбергъ, и галликанскіе богословы вполне сходились съ православнымъ возрѣніемъ на соборную форму церковнаго управленія въ томъ, что не считали ея, подобно ультрамонтанамъ, чѣмъ-то излишнимъ и не называли соборовъ „безполезною вознею (*fracas inutile*)“, какъ кардиналъ Орси и графъ де-Местръ; напротивъ, имѣя въ виду примѣръ „самихъ Апостоловъ Христовыхъ, державшихъ соборъ въ Иерусалимѣ и и чрезъ это какъ бы узаконившихъ эту форму управленія въ церкви, а также и вообще всю практику древней церкви,—и Вессенбергъ, и галликаны особенно настаивали на необходимости неизмѣнно сохранять древній обычай созывать соборы. Но, будучи чадами римской церкви, они не могли строго проводить и вполне послѣдовательно развивать свой сочувственный взглядъ на соборы, потому—что, хотя они и стояли за

¹⁾ *Papst und Concil*, въ переводѣ протоіерея Ладинскаго («Папа и Соборъ»), стр. 457.

²⁾ *Ibidem*, стр. 458.

соборную форму церковнаго управленія, однако у нихъ все-таки выходила, въ сущности, теорія папской монархіи, хотя и ограниченной помѣстными соборами и властію примаса. Мысль о томъ, что папа есть *видимый глава* церкви, постоянно сильно стѣсняла ихъ въ проявленіи ихъ сочувствія къ соборамъ. Поэтому въ результатѣ у нихъ получалась явная неполнота: они какъ-бы вовсе не замѣчали, что, признавая римскаго первосвященника видимымъ главою церкви, они, въ существѣ дѣла, лишаютъ себя права стремиться къ ограниченію его власти. Въ этомъ отношеніи ультрамонтане были гораздо послѣдовательнѣе и Вессенберга, и галликанъ, и вообще всѣхъ умѣренныхъ католиковъ (которые всѣ, по правдѣ сказать, хотя и приближались въ своихъ возрѣніяхъ на значеніе соборовъ къ православному взгляду на этотъ вопросъ, однако останавливались въ этомъ случаѣ какъ-бы на полпути: отъ своего какъ-будто отошли, но и къ православію не вполне пришли...). Вотъ почему всѣ *pia desideria* Вессенберга о восстановленіи въ его отечественной церкви помѣстныхъ соборовъ, съ цѣлію ограничить ея зависимость отъ Рима, въ своемъ конечномъ результатѣ такъ и остались въ области желаній и стремленій, не приведя ни къ какимъ полезнымъ для германской церкви результатамъ.

Такимъ же химерическимъ характеромъ отличалась и та мысль Вессенберга, будто бы самостоятельности германской церкви можетъ способствовать централизація церковнаго управленія Германіи въ лицѣ примаса. При взглядѣ на папу, какъ на видимаго главу всей церкви, личность такого примаса являлась чѣмъ-то очень неопредѣленнымъ и потому бесполезнымъ. Мало этого: при искусныхъ маневрахъ со стороны ультрамонтанъ, званіе примаса могло сдѣлаться даже самымъ вѣрнымъ орудіемъ къ полному поработанію помѣстныхъ церковей римской куріи ¹⁾.

Несмотря на неполноту и нѣкоторую незаконченность преобразовательной теоріи Вессенберга, она во всякомъ случаѣ достойна значительной доли сочувствія со стороны вся-

¹⁾ Напр., развѣ архіепископъ—примасъ Венгріи спасаетъ венгерскую католическую церковь отъ подлаго подчиненія ея вліянію римской куріи?

каго православнаго. Но понятно, что среди ультрамонтанской партіи она не могла не вызвать самой ожесточенной борьбы против своего изобрѣтателя. Эта борьба проявилась главнымъ образомъ въ томъ, что на Вессенберга со всѣхъ сторонъ посыпались обвиненія въ отступничествѣ не только отъ римскаго католичества, но даже и отъ христіанства (!). Такъ, на него возведена была безсовѣстная клевета, будто онъ отвергалъ Божество Христа Спасителя ¹⁾. Не только изъ Баваріи, но и изъ другихъ католическихъ частей Германіи, даже и изъ Швейцаріи, посланы были на него въ Римъ доносы и жалобы, которые, какъ и слѣдовало ожидать, произвели тамъ желанное для доносчиковъ дѣйствіе. Вессенбергу пришлось, въ виду этого, самому ѣхать къ папѣ, чтобы оправдаться передъ нимъ и предъ его ближайшими совѣтниками. Какъ ни очевидна была его невинность, однако папа Пій VII, внимая возводимымъ на него клеветамъ, не утвердилъ его въ должности констанцкаго капитульнаго викарія (Kapitelvikar), не смотря на то, что члены констанцкаго соборнаго капитула (Domkapitel) единогласно выбрали его на эту должность ²⁾. Члены баварской ультрамонтанской партіи торжествовали: побѣда, одержанная ими надъ Вессенбергомъ, получала въ ихъ глазахъ значеніе побѣды надъ всѣми умѣренными католиками Германіи. Но радость ихъ была преждевременна: „очень скоро обнаружилось“, какъ замѣчаетъ профессоръ Фридрихъ, „что одинъ Вессенбергъ былъ болѣе мужественнымъ ³⁾ и сильнымъ, чѣмъ всѣ французскіе епископы, сраженные конкордатомъ 1801 года“ ⁴⁾. Между тѣмъ, какъ послѣдніе, не смотря на то, что въ началѣ протестовали противъ этого акта, затѣмъ, покоряясь силѣ обстоятельствъ, все-таки признали его, -- Вессенбергъ, хотя и не былъ утвержденъ въ своей новой должности со стороны папы, однако все-таки остался на ней и спокойно продолжалъ исполнять обязанности, соединенныя съ нею. Такого удара баварскіе ультрамонтане никакъ не ожидали, и поэтому очень приуныли при такой

¹⁾ Friedrich, B. I, S. 181.

²⁾ Friedrich, B. I, S. 181.

³⁾ „War mehr Mann“...

⁴⁾ Friedrich, B. I, S. 182.

для себя неудачѣ. Они поняли, что ихъ враги, умѣренные католики, предствителями которыхъ были въ данномъ случаѣ Дальбергъ и Вессенбергъ, еще далеко не потеряли вліянія въ Германіи (какъ они сначала могли предполагать) и что, въ виду этого, имъ еще долго придется вести съ ними усиленную борьбу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они поняли и то, что въ этой борьбѣ имъ необходимо будетъ усвоить себѣ, по отношенію къ своимъ противникамъ, особаго рода тактику, которая сводилась къ тому, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ вліять на свѣтскія правительства германскихъ государствъ и склонять ихъ къ тому, чтобы они заключали съ римской куріей конкордаты по образцу Наполеоновскаго конкордата 1801 года. И вотъ баварскіе ультрамонтане, не теряя времени, начинаютъ осуществлять эту свою мысль въ самой Баваріи. Благодаря ихъ проискамъ, весьма скоро переговоры баварскаго правительства съ Римомъ относительно конкордата принимаютъ довольно рѣшительный оборотъ въ пользу ультрамонтанскаго дѣла. Такъ, прежде всего въ Мюнхенѣ водворяется папскій нунцій. Затѣмъ, вскорѣ вслѣдъ за симъ, заключается весьма выгодный для римской куріи конкордатъ, чего такъ давно желали ультрамонтанскіе представители Баваріи ¹⁾.

Въ то время, какъ ультрамонтанская партія такъ дѣятельно работала, для достиженія своихъ цѣлей и партія умѣренныхъ католиковъ не дремала. Если послѣдніе успѣхи ультрамонтанъ и отгѣснили еѣ довольно значительно на задній планъ на почвѣ политической борьбы съ своими противниками, однако у ней все еще оставалось въ распоряженіи очень сильное и дѣйствительное средство для противодѣйствія ультрамонтанскимъ проискамъ. Это была *наука* (конечно, въ лучшемъ и слѣдовательно самомъ истинномъ значеніи этого слова). Стоя на строго научной почвѣ, умѣренные католики всегда могли рассчитывать на значительный успѣхъ своихъ литературныхъ протестовъ противъ незаконныхъ притязаній своихъ ультрамонтанскихъ противниковъ. Германія всегда была по преимуществу страшною науки, и, слѣдовательно, среди нѣмецкаго общества, да-

¹⁾ Ibidem, B. I, s. 186.

же католического, всегда могли находиться люди, искренно сочувствующие безпристрастному научному направлению школы умѣренных католиковъ. Въ то время однимъ изъ главныхъ центровъ, гдѣ сосредоточивалось это направление, былъ Тюбингенскій университетъ. Здѣсь уже въ то время издавался извѣстный журналъ „Tübinger theologische Quartalschrift“, программа котораго вполне соответствовала духу и направлению Дальберга, Вессенберга и подобныхъ имъ ревнителей относительной самостоятельности германской католической церкви. На страницахъ этого замѣчательнаго журнала и началась теперь научно-литературная борьба этихъ лицъ съ ультрамонтанами. Для насъ, православныхъ, особенно интересно обратить вниманіе на характеръ этой борьбы. Она была, можно сказать, въ одно и то же время и оборонительною, и наступательною: оборонительною въ томъ смыслѣ, что она имѣла своею цѣлю предупредить католическое общество Германіи противъ все болѣе и болѣе охватывавшаго его ультрамонтанскаго духа и чрезъ это предохранять его нѣкоторымъ образомъ отъ пагубнаго вліянія этого духа; а наступательною была она въ томъ смыслѣ, что названный богословскій журналъ прямо обличалъ самихъ ультрамонтанъ въ невѣрности ихъ преданіямъ православной церкви, и обличалъ на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, почерпаемыхъ изъ церковной исторіи.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія сочиненія графа де-Местра *De raris* и *De l'église gallicane* произвели сильное обаяніе на многихъ католиковъ въ Германіи. Ревностные представители германской ультрамонтанской партіи не замедлили перевести на нѣмецкій языкъ не только эти два сочиненія, но даже и *Les soirées de St.-Petersbourg*, хотя въ этомъ послѣднемъ сочиненіи не было, собственно, ничего такого, что имѣло бы прямое отношеніе къ ультрамонтанскимъ доктринамъ. Такое преклоненіе извѣстной части нѣмецкаго общества предъ французскимъ ультрамонтанскимъ „пророкомъ“ не замедлило вызвать на страницахъ тюбингенской *Quartalschrift* довольно важныя размышленія по поводу вопроса о папской власти вообще и, въ частности, о папской непогрѣшимости. Вотъ, что между прочимъ писалось здѣсь объ этомъ вопросѣ. „Ученіе ка-

толической церкви заключается въ томъ, что Господь Іисусъ „Христосъ вручилъ высшую власть въ Церкви Петру и Апостоламъ, а послѣ ихъ кончины, изъ преемникамъ. Тамъ, гдѣ „правительственная власть находится въ рукахъ цѣлаго коллегіума, тамъ нѣтъ монархіи, хотя и долженъ быть одинъ человекъ, который все сдерживалъ бы вмѣстѣ. Въ виду этого, никогда не называли Петра и его преемника монархомъ католической церкви, но только средоточіемъ единства“¹⁾. Эти слова потому особенно замѣчательны, что, хотя и принадлежатъ перу католика, однако прямо направлены противъ обычнаго грѣха всѣхъ почти католиковъ, а ультрамонтанъ по преимуществу, — именно: противъ смѣшенія въ представленіи о церкви понятія о духовномъ обществѣ съ понятіемъ объ обществѣ политическомъ. Авторъ категорически высказываетъ свое несочувствіе основной мысли теоріи де-Местра, что церковь есть монархія. Ему, очевидно, претитъ такое примѣненіе къ чисто духовному обществу термина, заимствованнаго изъ области политической. Единственное наименованіе, которое можно, по его мнѣнію, примѣнить къ папѣ и къ римскому престолу, есть выраженіе „средоточіе единства“. А это такого рода выраженіе, которое (взятое само по себѣ) довольно эластично по смыслу, и потому слишкомъ условно. Если оно и примѣнялось въ свое время по отношенію къ римской кафедрѣ и къ папѣ со стороны нѣкоторыхъ отцевъ и учителей церкви, то, конечно, не въ смыслѣ римско-католическомъ, т. е. будто папа есть намѣстникъ невидимаго Главы Церкви, Христа, но единственно въ томъ смыслѣ, что римская церковь въ древности особенно славилась своимъ православіемъ, вслѣдствіе чего часто являлась одною изъ первыхъ и главныхъ выразительницъ и защитницъ православнаго ученія²⁾. Хотя, какъ католикъ, авторъ разбираетъ

¹⁾ *Tübinger theologische Quartalschrift*, Jahr. 1822, Heft 2.

²⁾ Нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что, въ силу особеннаго значенія города Рима во всей имперіи римской, — значеніе, которое, и съ возвышеніемъ Византіи, далеко не вполне утратилось, — на многихъ вселенскихъ соборахъ (особенно на VI-мъ, Халкидонскомъ) замѣтно особенное вліяніе римскихъ епископовъ. Но, признавалъ этотъ несомнѣнный историческій фактъ, вовсе нѣтъ надобности становиться панистомъ, — допускать мысль, будто папа выше собора и есть видный глава церкви. Единственно вѣрный выводъ, какой можно сдѣлать изъ это-

мых нами словъ, конечно, разумѣть подъ выраженіемъ „средоточіе единства“ именно видимое главенство папы надъ церковію, однако нельзя не сказать, что весь тонъ его рѣчи относительно сущности папской власти довольно умѣренный. Эта умѣренность проглядываетъ особенно въ томъ, что онъ не одного ап. Петра называетъ носителемъ верховной власти въ церкви Христовой, но рядомъ съ нимъ ставитъ и всѣхъ другихъ апостоловъ. Далѣе, онъ не говоритъ, что эта власть перешла, по смерти ап. Петра и другихъ апостоловъ, къ одному римскому епископу, но вообще *ко астамъ* преемникамъ святыхъ апостоловъ. Однимъ словомъ, въ представленіи указаннаго тюбингенскаго богослова о церкви легко усмотрѣть нѣчто такое, что очень напоминаетъ наше, православное, понятіе о ней.

Еще интереснѣе дальнѣйшія слова его о томъ же предметѣ. „Если де-Местръ“, продолжаетъ онъ, „утверждаетъ, будто всѣ „католическіе и достойные этого имени писатели согласны въ томъ, что правительство церковное есть монархическое, то „этимъ онъ доказываетъ только свое незнаніе католической литературы. Конечно, мы всѣ знаемъ, что во всякомъ организованнымъ обществѣ должна быть *высшая* инстанція, на которую не бываетъ, да и не можетъ быть никакой апелляціи. Но „подъ такую высшую инстанцію мы не разумѣемъ *непогрѣшимости въ богословскомъ значеніи этого слова*, о которой здѣсь ¹⁾ „единственно идетъ рѣчь. Относительно же высшей инстанціи въ церкви, католическіе и достойные этого наименованія писатели рассуждаютъ слѣдующимъ образомъ. Высшею инстанціею въ церкви, на которую не можетъ быть болѣе апелляціи (Rückfrage),—инстанціею, которая судитъ и не можетъ „быть судима, можетъ быть лишь та, которой Господь нашъ „Иисусъ Христосъ общалъ Свое особенное содѣйствіе, и ко-

го факта,—тогъ, что римскій епископъ всегда пользовался въ церкви особымъ уваженіемъ (былъ, такъ сказать, *primus inter pares*), какъ святитель одной изъ древнѣйшихъ апостольскихъ кафедръ, основанной притомъ двумя первоверховными Апостолами, и кромѣ того, какъ предводитель церкви столичнаго города всей обширной римской имперіи.—А римско-католическіе историки, дѣлая изъ указаннаго сейчасъ историческаго факта заключеніе, что папа всегда пользовался верховною властію во всей церкви,—впадаютъ въ ошибку ложнаго обобщенія.

¹⁾ Т. е. у де-Местра.

„торая непогрѣшима. Но эта возвышенная прерогатива *непогрѣшимости* (Untrüglichkeit), по ученію католической церкви, „обитована и дарована не папѣ, но всей совокупности (Gesamtheit) пастырей церкви, руководимыхъ Святымъ Духомъ. „Вотъ почему католикъ имѣетъ право апеллировать на всякую „инстанцію, которая не обладаетъ этой прерогативой, къ этой, „высшей, инстанціи ¹⁾“. Эти слова содержатъ въ себѣ такое ясное православное ученіе о непогрѣшимости церкви, что, думается намъ, нѣтъ нужды ихъ особенно дополнять и изъяснять. Остается только подивиться, какъ могъ авторъ этихъ словъ оставаться въ лонѣ римско-католической церкви. Нельзя не пожалѣть, что онъ не обратилъ своихъ взоровъ къ православной восточной церкви, въ которой никогда не приписывалось ни одному епископу (взятому въ отдѣльности отъ всей совокупности пастырей церкви вселенской) личной непогрѣшимости, какое бы высокое мѣсто на іерархической лѣстницѣ онъ ни занималъ. Въ этой по истинѣ католической церкви никогда не могла появиться Белларминовская и де-Местровская теорія о папской непогрѣшимости...

Противъ всѣхъ протестовъ и доводовъ тюбингенской *Quartalschrift* баварскіе ультрамонтане были пока, можно сказать, бессильны. Они пока не могли ни запретить изданія этого журнала, ни противопоставить его влиянію свое собственное литературное влияніе. Въ то сравнительно раннее (по отношенію къ ультрамонтанскимъ успѣхамъ въ Германіи) время новая германская ультрамонтанская партія еще не успѣла настолько окрѣпнуть, чтобы тираннически налагать молчаніе на уста своихъ противниковъ, какъ она начала это дѣлать черезъ нѣсколько лѣтъ. Чтобы достигнуть такой всемогущей власти, ей необходимо было предварительно привлечь въ свои ряды возможно большее число борцовъ изъ среды германскаго духовенства и, кромѣ того, заручиться со стороны римской куріи, или, вѣрнѣе, со стороны иезуитовъ, вѣрною и прочною поддержкою. Какъ постепенно приобрѣла она то и другое, объ этомъ мы и будемъ теперь вести рѣчь.

¹⁾ *Tübinger theologische Quartalschrift*, loco citato.

ГЛАВА II.

Дѣятельность рейнской ультрамонтанской партіи. Партія Гёрреса. Гермесь.

Какъ извѣстно, 7 августа 1814 года обнародована была Пиємъ VII булла *Sollicitudo omnium ecclesiarum*, которою возстановленъ былъ орденъ иезуитовъ. Въ исторіи развитія духовной власти папы въ текущемъ столѣтіи это есть событіе первой важности. Иезуиты, со времени перваго своего появленія, всегда желали быть и всего чаще, дѣйствительно, бывали душою папской политики,—и церковной, и свѣтской. Скотти, бывший прежде самъ иезуитомъ, но потомъ возмущенный нехристіанскимъ характеромъ этого ордена и потому оставившій его, прямо говорить въ своемъ извѣстномъ сочиненіи *Monarchia solipsorum*, что генераль иезуитскаго ордена есть самый неограниченный монархъ, который выше всѣхъ законовъ ¹⁾. Дѣйствительно, учрежденный первоначально для того, чтобы служить опорой для колебавшагося въ эпоху реформаціи папства, этотъ орденъ очень скоро, если не формально, то во всякомъ случаѣ фактически, поставилъ себя выше самого папы, такъ что началъ направлять всѣ его распоряженія и всю его дѣятельность согласно своимъ собственнымъ видамъ и намѣреніямъ. А такъ какъ эти виды и намѣренія, по собственному признанію одного генерала иезуитскаго ордена, сводились къ тому, чтобы владѣть и управлять цѣлымъ міромъ ²⁾, то самъ папа сдѣлался въ рукахъ иезуитовъ не болѣе, какъ орудіемъ и средствомъ для достиженія этой, главной теперь, цѣли ордена.

¹⁾ *La monarchie des solipses (Monarchie solipsorum)*, par. J. C. Scotti, trad. de Restant, Paris 1894, p. 225.

²⁾ См. *Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи*, Ю. Самарина, Москва 1866, стр. 75.

Лучшимъ доказательствомъ такого отношенія иезуитовъ къ папамъ могутъ служить всѣ тѣ случаи изъ исторіи папства, когда члены ордена Лойолы являлись противниками образа дѣйствія нѣкоторыхъ папъ, результатомъ чего бывало то, что они (т. е. иезуиты) или почти насильно склоняли этихъ послѣднихъ къ своей политикѣ ¹⁾, или же, если ихъ „непогрѣшимый“ владыка не поддавался на всѣ ихъ увѣщанія и внушенія, то, недолго думая, поканчивали съ нимъ ²⁾.

Если такова была вообще дѣятельность иезуитовъ во всей исторіи папства со времени XVI вѣка, то ничего нѣтъ удивительнаго, что постепенное и систематическое развитіе духовной власти папы въ настоящемъ столѣтіи было прежде всего и преимущественно дѣломъ тѣхъ же иезуитовъ. Возвести папскую непогрѣшимость на степень догмата вѣры было необходимо для осуществленія ихъ завѣтной цѣли—всемирно господствовать, и они всѣми мѣрами начали способствовать развитію ученія о папской непогрѣшимости. При этомъ ультрамонтане являлись для нихъ самыми естественными союзниками, которыми они могли пользоваться тѣмъ удобіемъ, что сторонники ультрамонтанскихъ идей появились уже въ первой четверти нашего столѣтія не только въ тѣхъ странахъ, гдѣ возстановленный иезуитскій орденъ былъ дозволенъ, но и въ тѣхъ, гдѣ онъ былъ запрещенъ.

И въ Германіи иезуиты не замедлили вступить въ самый тѣсный союзъ съ новою ультрамонтанскою партіею, и въ этомъ именно обстоятельствѣ и заключалась главная причина того, почему этой партіи, дѣтъ черезъ десять спустя, суждено было получить господство въ католической Германіи и мало-по-малу почти совсѣмъ задушить здѣсь дѣятельность умѣренныхъ католиковъ.

¹⁾ Такъ было, напр., впоследствии съ Пиємъ IX, который волей-неволей долженъ былъ отказаться отъ своего либерализма и усвоить себя съ 1848 года образъ дѣйствія, вполне одобренный иезуитами.

²⁾ Такъ поступили иезуиты, напр., съ папой Климентомъ XIV, который въ 1773 году уничтожилъ ихъ орденъ.—Графъ Сэнъ-При (Saint-Priest) въ своемъ сочиненіи *Histoire de la chute des jésuites au XVIII siècle*—очень убѣдительно доказываетъ, что этотъ папа умеръ неестественною смертію, и именно отъ яда, который тайно поднесли ему иезуиты.

Первымъ совмѣстнымъ шагомъ іезуитовъ и ультрамонтанъ было основаніе въ Римѣ, въ 1818 году, спеціального учебнаго заведенія для германскаго юношества, которое стало извѣстно подъ именемъ *Collegium Germanicum*. Здѣсь молодые германцы не только воспитывались въ духѣ іезуитскаго ордена, но предъ окончаніемъ курса должны были обязывать себя особеннымъ клятвеннымъ общаніемъ къ тому, что, и по возвращеніи своемъ на родину, они всегда будутъ во всемъ подчиняться генералу ордена ¹⁾. Черезъ это іезуиты постепенно вводили свое вліяніе въ Германію и такимъ образомъ очень хитро и искусно шли наперекоръ всѣмъ германскимъ правительствамъ, которыя не разубѣшали имъ селиться въ ихъ государствахъ: въ лицѣ воспитанниковъ римской германской коллегіи члены ордена Лойолы, въ сущности, сами снова возвращались въ Германію. Имѣя это въ виду, остается только удивляться недалковидности германскихъ правительствъ, которыя спокойно смотрѣли на то, какъ мало-по-малу эти іезуитскіе воспитанники занимали самыя вліятельныя мѣста въ германской католической церкви. Если-бы эти правительства обратили на это обстоятельство серьезное вниманіе и во-время постарались пресѣчь дальнѣйшій наплывъ въ ихъ государства такихъ учениковъ іезуитскихъ, тогда ультрамонтане не одержали бы вскорѣ победы надъ германскими умѣренными католиками. Но такъ какъ наплыву названныхъ „германиковъ“ (т. е. учениковъ *Collegium Germanicum*) не было положено никакихъ преградъ, то очень скоро стали обнаруживаться весьма явные признаки все болѣе и болѣе возрастающаго ультрамонтанскаго вліянія.

Первымъ такимъ признакомъ можно считать образованіе въ Германіи новой ультрамонтанской ассоціаціи,—на этотъ разъ въ *рейнской* провинціи прусскаго королевства. Сравнительно съ баварскимъ ультрамонтанскимъ обществомъ, рейнскіе ультрамонтане имѣли уже то важное преимущество, что въ число ихъ вопли не только многіе „германики“, но и, такъ называемые, *конвертиты* (т. е. лица, открыто сочувствовавшія усиленію въ ихъ отечественной церкви вліянія папы и іезуитовъ).

¹⁾ Friedrich, B. I, S. 197

Кромѣ того, рейнскимъ ультрамонтанскимъ дѣятелямъ благоприятствовало и то, что прусское правительство, по странной и, на первый взглядъ, не совсѣмъ понятной расположенности къ Риму, несмотря на то, что оно было протестантскимъ правительствомъ, гораздо благосклоннѣе и охотнѣе отнеслось къ вопросу о заключеніи конкордата съ папой, чѣмъ даже католическое баварское правительство ¹⁾.

Мы имѣли уже случай замѣтить, какъ важны были для ультрамонтанскаго дѣла, такъ называемые, *конкордаты*. Въ общемъ, всѣ они являлись повтореніемъ Наполеонскаго конкордата 1801 года, хотя въ частныхъ своихъ пунктахъ, конечно, имѣли свои отличительныя особенности. Какъ во Франціи, въ свое время, конкордаты 1801 года значительно ослабили власть епископовъ и, въ ущербъ ея, усилили власть самого папы; такъ и теперь въ Германіи совершилось подобное же: германскія правительства, при заключеніи конкордаатовъ съ куріей, какъ бы совершенно игнорировали мѣстныхъ, германскихъ, епископовъ и вели свои переговоры непосредственно съ Римомъ. Однако такое поведеніе указанныхъ правительствъ по отношенію къ Риму вовсе не означало того, будто у тѣхъ было при этомъ дѣйствительное желаніе всецѣло подчиниться въ церковныхъ дѣлахъ вліянію куріи. Какъ въ свое время Наполеонъ I, такъ и эти правительства лишь настолько готовы были допустить усиленіе въ своихъ государствахъ папской власти, насколько это было выгодно для нихъ самихъ. Но, какъ скоро они замѣчали, что представители церкви вмѣшивались въ такія дѣла, которыя близко касались интересовъ государства, и готовы были рѣшать ихъ не въ пользу послѣдняго, то при этомъ и обнаруживались ихъ настоящія отношенія къ папѣ, и начиналась съ нимъ борьба. Такъ именно случилось уже въ

¹⁾ Нѣчто подобное падитъ мы и въ настоящее время въ Германіи. Современное германское правительство совершенно замѣнило антикуріальную политику Бисмарка и не только не стѣсняетъ вліяніе куріи въ Германіи, но даже всячески ему содѣйствуетъ,—конечно, впрочемъ, до извѣстной степени, насколько это выгодно самому правительству. Такое покровительство интересамъ Рима со стороны германскаго правительства можно объяснить тѣмъ, что, какъ это было въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, такъ и теперь это правительство надѣется найти въ куріи союзника противъ анархистовъ и революціонеровъ.

1825 году, т. е. почти непосредственно послѣ заключенія конкордата между Пруссіей и Римомъ. Для насъ интересенъ этотъ фактъ особенно по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ. Недоразумѣніе между обѣими сторонами, заключившими конкордату, произошло по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ. Прусское правительство, отчаявшись въ возможности придти къ соглашенію относительно этого вопроса непосредственно съ папой или, вѣрнѣе, съ куріей,—рѣшилось вступить въ переговоры относительно этого дѣла съ мѣстными епископами. При этомъ особенно замѣчательно то обстоятельство, что эти переговоры правительство принуждено было вести тайно отъ Рима. Причина такой таинственности заключалась, конечно, въ томъ, что теперь, послѣ заключенія конкордата съ папой помимо епископовъ, прусское правительство какъ будто не рѣшалось идти открыто противъ ультрамонтанскаго и іезуитскаго принципа, въ силу котораго власть епископовъ вполне затмевалась властію папы; поэтому и вело оно переговоры съ германскими рейнскими епископами конфиденціально. Но такое двоедуніе и такой противорѣчивый образъ дѣйствія какъ нельзя болѣе ясно свидѣтельствовалъ о томъ, на какой ложный путь стало правительство при заключеніи конкордата съ папой, мануя мѣстныхъ епископовъ¹⁾. Быть-можетъ, оно теперь само сознавало свою ошибку и сожалѣло о ней, но было уже поздно: недуманный шагъ, повлекшій за собою усиленіе папскаго вліянія, въ ущербъ власти германскаго епископата, былъ уже сдѣланъ;—Рубиконъ былъ уже перейденъ... Оставалось только волей-неволей покориться предъ неизбѣжными послѣдствіями совершенной ошибки.

Эти послѣдствія оказались для прусскаго правительства весьма тяжелыми, такъ-какъ подали поводъ къ началу открытой борьбы между нимъ и рейнскою ультрамонтанскою партіею. До извѣстнаго кельнскаго инцидента, когда кельнскій архіепископъ Дросте-Вишерингъ (Droste-Vischering), вслѣдствіе своего фанатическаго упорства по отношенію къ правительству, былъ арестованъ въ своемъ дворцѣ и отправленъ подѣ

¹⁾ Friedrich, B. I, S. 200—201.

стражею въ крѣпость Минденъ (20 ноября 1837 года);—эта борьба не отличалась особеннымъ ожесточеніемъ, но съ этого времени она стала разгораться все сильнѣе и сильнѣе. Арестъ кельнскаго архіепископа былъ со стороны прусскаго правительства большою ошибкою, потому что онъ послужилъ сигналомъ къ началу сильнаго волненія католическаго населенія прирейнской области. Арестованный прелатъ являлся въ глазахъ этого населенія мученикомъ за вѣру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое дѣло, за которое онъ подвергся гоненію со стороны правительства, получало теперь среди большинства католиковъ той мѣстности, особенно среди простаго народа, значеніе великаго и святаго дѣла. А это было какъ нельзя болѣе въ руку вожакамъ ультрамонтанской партіи: они всячески начали поддерживать въ народѣ такое возбужденное настроеніе, приобрѣтая въ ряды своей партіи все болѣе и болѣе количество новыхъ членовъ¹⁾. Кромѣ того, эта партія получила теперь особенную силу и потому, что, вслѣдствіе того же кельнскаго инцидента, она вступила въ довольно тѣсныя сношенія съ ультрамонтанцами другихъ странъ, особенно Франціи и Бельгіи. Всѣ эти обстоятельства, понятно, должны были способствовать все болѣшему и болѣшему усиленію духовной власти папы въ

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ ультрамонтанскую пропаганду за это время авторъ книжки: *Die Römische Curie im Kampf um ihren Einfluss in Deutschland* (Leipzig, 1838). „Архіепископъ кельнскій“, говоритъ онъ, „составляетъ теперь исключительный предметъ разговора. Кофейни, рестораны и кондитерскія постоянно осаждаются прилежными читателями газетъ. Мѣстная газета испещрена объявленіями „о сочиненіяхъ, написанныхъ по этому поводу. Книжныя торговля особенно рекомендуютъ покупателямъ уже вышедшіи въ свѣтъ сочиненія этого рода, а также заранѣе расхваливаютъ тѣ книги подобнаго содержанія, которыя еще только готовятся къ печати. Литографированные портреты архіепископа, изображенія его „на трубкахъ и на табакеркахъ особенно свособствуютъ успѣшной спекуляціи торговцевъ города Мюнстера, такъ-что „архіепископскій табакъ“ (erzbischöflicher „Knaster“) въ скоромъ времени будетъ щекотать десны табако-курителей этого „города. Уже готовится въ одной литографіи изображеніе для завлеченія покупателей, украшенное портретомъ архіепископа, надъ которымъ красуется ангелъ „опирается на земной шаръ, на поверхности котораго обозначены, въ качествѣ „главныхъ мировыхъ пунктовъ, Мюнстеръ (гдѣ Дросте началъ свое епископское „служеніе) и Ринъ“... (Предисловіе къ указанной книжкѣ, стр. IX—X). Вотъ какими средствами возбуждали народъ рейнскіе ультрамонтанцы!

Германи и вмѣстѣ съ тѣмъ вести къ постепенному ослабленію партіи германскихъ умѣренныхъ католиковъ, которые сдѣлались теперь, въ глазахъ почти всего простаго народа католическихъ провинцій Пруссіи, весьма непопулярными и даже чѣмъ-то въ родѣ отступниковъ отъ церкви и сторонниками протестантовъ, какъ въ этомъ настойчиво убѣждали народъ ультрамонтане.

Одновременно съ кельнскимъ инцидентомъ, и въ Мюнхенѣ образовался новый ультрамонтанскій кружокъ, но съ характеромъ неодинаковымъ съ прежней (эйхштэтской) баварской партіей и съ ультрамонтанами рейнскими. Это былъ кружокъ, собравшійся около извѣстнаго писателя и ученаго, *Иосифа фонъ-Гёрреса* (von Görres). Члены этого кружка были, по большей части, людьми науки и притомъ, по своему направленію, *романтики*. Какъ таковые, они, подобно всѣмъ ультрамонтанамъ, идеаломъ для католической церкви считали возстановленіе въ ней средневѣковой папской теократіи, но въ то же время они не понимали этой теократіи въ смыслѣ такого абсолютнаго отсутствія въ церкви всякой свободы въ научныхъ изслѣдованіяхъ, какъ понимали ее, напр., эйхштэтскіе, а также и рейнскіе ихъ собратья. Вся ихъ забота была направлена главнымъ образомъ лишь къ тому, чтобы, по мѣрѣ возможности, освободить церковь отъ вреднаго гнета на нее со стороны нѣкоторыхъ правительствъ, особенно протестантскихъ. Но, при осуществленіи этой цѣли, они не отличались тѣмъ крайнимъ фанатизмомъ, который составлялъ всегда отличительную черту прочихъ германскихъ ультрамонтанъ. У членовъ кружка Гёрреса было очень много общаго съ членами французской умѣренно-ультрамонтанской партіи Лакордэра и Монталамбэра, хотя бы уже одно то, что и тѣ, и другіе, стараясь дѣлать оппозицію нѣкоторымъ слишкомъ крайнимъ воззрѣніямъ настоящихъ ультрамонтанъ, какъ-бы неволью во многомъ приближались къ воззрѣніямъ умѣренныхъ католиковъ (не ультрамонтанъ). Ниже мы увидимъ, въ чемъ проявлялось такое невольное, какъ-бы „инстинктивное“ приближеніе, напоминающее собою „инстинктивное галликанство“ (gallicanisme instinctif) Лакордэра, Монталамбэра, Дюпанлу и другихъ французскихъ умѣренныхъ ультрамонтанъ.

Для насъ, конечно, существенно интересенъ вопросъ, въ ка-

комъ отношеніи стояла партія Гёрреса къ общей ультрамонтанской задачѣ,—всячески способствовать подчиненію всей католической церкви *абсолютной* власти папы, и слѣдовательно, какова была ея дѣятельность при осуществленіи этой задачи.

Главная и, можно сказать, отличительная черта этой партіи была та, что въ ея воззрѣніяхъ довольно оригинально совмѣщались два, повидимому, совершенно противоположные взгляда на іезуитовъ и ихъ учениковъ, „германиковъ“. Съ одной стороны, герресіане, несмотря на различіе своей тактики отъ тактики послѣднихъ, относились къ нимъ весьма доброжелательно, такъ-что безпрепятственно допускали ихъ въ Баварію и даже въ самый Мюнхенъ. А съ другой—самъ же Гёрресъ очень ясно высказывался въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ противъ нихъ же, называя ихъ „поповствомъ“ (Pfaffheit), а всю ихъ дѣятельность „поповскимъ властолюбіемъ“ (pfäffische Herrschsucht)¹⁾. Въ такомъ странномъ колебаніи во взглядахъ на іезуитовъ проявлялась, конечно, непоследовательность Гёрреса и его партіи, а такая непоследовательность была, въ свою очередь, признакомъ нѣкоторой слабости этой фракціи германскихъ ультрамонтанъ, сравнительно съ тою ихъ фракціею, въ которой главное значеніе имѣли іезуиты. Хитрые и ловкіе члены ордена Лойолы очень скоро подмѣтили такую слабость своихъ собратьевъ по оружію и не преминули воспользоваться ею въ томъ смыслѣ, чтобы мало-по-малу совершенно подчинить ихъ своему влиянію и чрезъ это сосредотчить въ своихъ рукахъ руководство всѣми ультрамонтанскими махинаціями въ Германіи. Общность цѣли, къ которой стремились и герресіане, и іезуиты, была, всего вѣроятнѣе, причиною того, что первые долго не подозревали, какъ послѣдніе постепенно дѣлали ихъ орудіями для осуществленія своихъ собственныхъ, орденскихъ, плановъ. Когда же герресіане спохватились, то было уже поздно: фактически фракція Гёрреса уже не существовала въ германской ультрамонтанской партіи, а была только одна могущественная партія іезуитская... Тогда только рѣшились нѣкоторые, наиболѣе искренніе сторонники Гёрреса, возмущенные такимъ незамѣтнымъ,

¹⁾ Friedrich, B. I, S. 208.

постепеннымъ порабощеніемъ своей фракціи іезуитамъ, рѣшились отдѣлиться отъ нихъ и составили особенную партію, которая по своему характеру ничѣмъ, въ сущности, не отличалась отъ представителей умѣреннаго (неультрамонтанскаго) католицизма. Впослѣдствіи эта фракція, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, образовала изъ себя новое общество, которое во главѣ извѣстнаго *Дёллинера* (Döllinger), открыто возстало противъ ватиканскаго опредѣленія 1870 года и отдѣлилось отъ римской церкви подъ именемъ *старокатоликовъ* (Altkatholiken). Впрочемъ, о нихъ у насъ будетъ специальная рѣчь ниже...

Такимъ образомъ и партія Герреса, противъ своей воли, значительно способствовала усиленію духовной власти папы въ Германіи: она послужила для іезуитовъ какъ-бы переходною ступеню или, по французскому выраженію, *marche-pied* для того, чтобы еще болѣе сплотить и чрезъ то усилить ряды ультрамонтанскихъ борцовъ (потому-что лишь сравнительное, хотя и лучшее, меньшинство изъ числа герресіанъ сдѣлалось впослѣдствіи старокатоликами; остальные же вошли въ ультрамонтанскіе ряды).

Впрочемъ, и представители умѣреннаго католицизма за все это время не оставались въ бездѣйствіи. Главнымъ ихъ представителемъ явился теперь боннскій профессоръ *Гермеса* (Hermes), который основалъ цѣлую богословскую школу въ германской католической церкви, и съ которымъ ультрамонтанамъ было не такъ легко бороться какъ съ галликанами. Основнымъ воззрѣніемъ гермесіанской школы была мысль, которую отстаивалъ и Вессенбергъ,—что истина не боится никакихъ истинно научныхъ изслѣдованій, и что поэтому богословская наука не должна пренебрегать нѣкоторою свободою, хотя и въ предѣлахъ церковнаго преданія, а потому и не протестантскою. Мы уже сказали, что такого рода воззрѣніе казалось ультрамонтанамъ полурационалистическимъ. Этимъ и объясняется, почему гермесіанская школа сдѣлалась особенно ненавистною іезуитамъ и другимъ послѣдовательнымъ ультрамонтанамъ. Результатомъ этой ненависти было то, что въ 1835 году папа Григорій XVI обнародовалъ отъ 26 сентября бреве, въ которомъ осудилъ Гермеса, какъ еретика, а сочиненія его предалъ анафемѣ.

Это осужденіе и эта анафема, которымъ подвергся человекъ, искренно преданный своей церкви, есть фактъ очень характерный въ исторіи католической церкви текущаго столѣтія. Въ виду этого, считаемъ не излишнимъ остановиться на немъ и нѣсколько объяснить его.

Самъ Гермесъ, а за нимъ и всѣ представители его школы, вполне основательно вооружались противъ той мысли ультрамонтанской богословской школы *традиционалистовъ*, будто религіозныя истины достаточно усвоить внѣшнимъ только образомъ, какъ-бы чисто *механически*, т. е. единственно въ силу довѣрія къ авторитету. Въ противоположность такому воззрѣнію, гермесіане держались того убѣжденія, что религія должна сдѣлаться *внутреннимъ достояніемъ* человека, и что, въ виду этого, нельзя ограничиваться однимъ внѣшнимъ ея усвоеніемъ. Они твердо и открыто заявляли, что въ дѣлѣ религіознаго образованія никакъ нельзя довольствоваться однимъ сухимъ и холоднымъ призваніемъ той или другой религіозной истины, но что необходимо при этомъ и свободное, со стороны человека, участіе и вполне сознательное отношеніе къ воспринимаемымъ истинамъ. Это требованіе было такъ законно и естественно, что только фанатически ослѣпленная школа традиционалистовъ и вообще іезуитовъ могла считать католическихъ ученыхъ, выражавшихъ такое требованіе, *философскими полуислаианами* и даже еретиками. Гораздо вѣрнѣе было-бы упрекнуть самихъ традиционалистовъ въ противоположной крайности,—въ нѣкоторомъ *философскомъ аскетизмѣ*, такъ какъ они слишкомъ мало придавали значенія въ дѣлѣ усвоенія религіозныхъ истинъ законнымъ требованіямъ разумно-свободной природы человека ¹⁾.

Если точнѣе опредѣлять сущность борьбы ультрамонтанской партіи противъ гермесіанъ, то можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что это была борьба между сторонниками старой, *сололастической*, богословской науки и поборниками истинно научнаго метода въ богословіи. Впрочемъ, нельзя сказать, что рев-

¹⁾ См. уже цитованное нами выше сочиненіе: «La tradition et les sémi-pélagiens de la philosophie...», *Ventura de Rautica*.

нужа о возстановленіи въ германскихъ католическихъ школахъ схоластическаго метода, іезуиты и вообще ультрамонтане вполнѣ правильно смотрѣли и на самую схоластическую науку. Строго говоря, идеаль послѣдней далеко не совпадалъ съ идеаломъ защитниковъ папской непогрѣшимости въ текущемъ столѣтіи. Достаточно припомнить хотя-бы такихъ корифеевъ схоластической науки, каковыми были Ансельмъ Кентерберійскій и Тома Аквинать, чтобы убѣдиться, что схоластика (конечно, въ своихъ *лучшихъ* представителяхъ) не чуждалась философій въ области богословія, но, напротивъ, всегда почти поставляла своимъ идеаломъ ту мысль, что философія есть *прислужница* (ancilla) богословія. А такой идеаль, собственно говоря, нисколько не противорѣчалъ и идеалу гермесіанъ, такъ какъ и они всегда подчиняли въ своихъ изслѣдованіяхъ философію богословію, придавая первой не болѣе, какъ лишь *служебное* значеніе по отношенію къ послѣднему. Скажемъ даже болѣе: картезіанская философія, которая составляла любимый предметъ изученія и галликанскихъ богослововъ, и гермесіанъ,— была, въ сущности, во многомъ еродною съ Ансельмовой философіей ¹⁾. Итакъ, что касается, собственно, вопроса о правахъ разума въ области богословія, то *принципіально* гермесіане не расходились съ схоластиками. Все различіе между тѣми и другими заключалось лишь *въ методъ* примѣненія философіи къ религіи, подобно тому, какъ различалась по методу философія Декарта отъ философіи Ансельма. Іезуиты и новые ультрамонтане, не понимая или не желая понять, что основные идеаль схоластики и гермесіанской школы были, въ сущности, одни и тѣже, напали на гермесіанъ, собственно, за ихъ методъ, различный отъ метода схоластическаго. Имѣя въ виду основную свою цѣль,—всячески способствовать возстановленію въ нынѣшнемъ столѣтіи прежняго, *средневѣковаго*, величія папской власти, іезуиты и ультрамонтане, естественно, должны были опасаться того метода, который вводилъ въ преподаваніе богословія Гермесъ, и который, какъ они не

¹⁾ Припоминаемъ хотя-бы онтологическое доказательство бытія Бога у Ансельма и такое же доказательство у Декарта, хотя у послѣдняго оно получило новую постановку и новое развитіе.

безъ основанія опасались, рано или поздно могъ привести къ подрыву любимаго ихъ ученія о папской непогрѣшимости. Вотъ гдѣ настоящая причина той ненависти, съ какою отнеслись они къ Гермесу и его послѣдователямъ, а также и того, почему папа предалъ самого Гермеса и его сочиненія анаемѣ.

Послѣдствія осужденія этого представителя умѣреннаго католицизма были самыя прискорбныя для германской католической науки. Хотя въ то время многіе ученики Гермеса уже сдѣлались сами видными дѣятелями среди представителей духовенства и католическихъ ученыхъ (какъ, напр., *Мюлеръ*), однако, находясь подъ страхомъ папскаго отлученія, они не дерзали открыто распространять воззрѣнія своего учителя. А чрезъ это іезуиты получали полную возможность безпрепятственно работать надъ дѣломъ подчиненія германской католической церкви своему вліянію.

ГЛАВА III.

Дѣятели умѣреннаго католицизма въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего столѣтія и майнцкая ультрамонтанская партія.

Какъ ни сильно было, во время управленія папы Григорія XVI римско-католическою церковію, вліяніе ультрамонтанъ и іезуитовъ не только въ Италіи и во Франціи, но и въ Германіи, тѣмъ не менѣе, въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, встрѣчались еще среди германскаго католическаго духовенства, даже высшаго, такія личности, которыя хорошо сознавали, какъ вредно для католической церкви слѣдовать по тому пути, на который направили ее ультрамонтане. Къ числу такихъ личностей слѣдуетъ отнести двухъ прелатовъ: регенсбургскаго епископа *Зайлера* (Sailer) и *Дипенброка* (Dierenbrock), князя—епископа (Fürstbischof) бреславскаго. У нихъ былъ общій другъ, съ которымъ оба они вели очень оживленную переписку. Это былъ нѣкто *Пассаванъ* (Passavant). Замѣчательно, что онъ былъ протестантомъ, но по духу и симпатіямъ своимъ во многомъ приближался къ католицизму (въ его лучшей формѣ), что и сблизало его съ Зайлеромъ и Дипенброкомъ. Какъ его, такъ и двухъ названныхъ прелатовъ сильно занимала мысль о нѣкоторыхъ реформахъ, какія желательно было бы, по ихъ мнѣнію, произвести въ католической церкви. Какіихъ именно реформъ желали для нея эти три друга, объ этомъ лучше всего могутъ дать намъ понятіе собственныя слова Пассавана, который въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дипенброку говоритъ слѣдующее ¹⁾. „Въ трехъ пунктахъ пахожу я жела-

¹⁾ Хотя Пассаванъ и былъ протестантомъ, но мы на томъ основаніи приводимъ здѣсь его слова, что въ его *pia desideria*, выраженныя въ вѣхъ, почти всецѣло раздѣляли и его два друга, Зайлеръ и Дипенброкъ, какъ можно заключить

„тельнымъ произвести перемѣну въ католической іерархіи, въ „собственныхъ ея интересахъ,—именно: по отношенію къ священникамъ, къ епископамъ и къ папѣ. 1) Священническое сословіе слишкомъ рѣзко отдѣлено отъ мірянъ. Причина тому „отчасти целибатъ, отчасти же то состояніе образованія и развитія (Entwickelungszustand) прежнихъ столѣтій, при которомъ только духовенство было ученымъ сословіемъ, вслѣдствіе „чего и противоположность между священникомъ и міряниномъ „почти всегда сводилась къ противоположности между знающимъ и невѣждою. Целибатъ имѣетъ свои хорошія стороны, „которыя слишкомъ хорошо извѣстны, и потому нѣтъ нужды „подробно ихъ указывать. Но нельзя, съ другой стороны, отрицать и вредныя стороны целибата... Мнѣ кажется, что въ „этомъ случаѣ можно поправить дѣло двоякимъ путемъ, или „тѣмъ, чтобы церковь на такомъ же основаніи разрѣшала бракъ „священникамъ, на какомъ она разрѣшаетъ уніатамъ (den unierten „griechen), или же тѣмъ, чтобы она расширила кругъ дѣятельности „діаконовъ, такъ—чтобы эти послѣдніе... могли отчасти „заниматься церковнымъ учительствомъ и другими церковными „требами... 2) При выборѣ епископовъ паства должна была бы „принимать извѣстное участіе... Что касается, наконецъ, 3) „центральной власти епископата (т. е. папской), то было бы, „на мой взглядъ, желательно, чтобы исторія довершила по отношенію къ папѣ то самое, что остальной епископатъ въ „стоящее время пережилъ во всемъ своемъ составѣ и себѣ на „пользу, именно: отдѣленіе отъ политической власти. Въ томъ, „что папа не есть уже теперь (въ значительной мѣрѣ) послѣдъ „этотъ власти, сдѣланъ уже важный шагъ въ этомъ направленіи. Не подданнымъ извѣстнаго государства долженъ сдѣлаться глава церкви, по городъ или маленькая область, въ „которыхъ находится его резиденція (т. е. Римъ и такъ называемая „церковная область), должны были бы имѣть извѣстное „правительство, учрежденное самимъ папой или съ его согласія. „Папа могъ бы при этомъ удержать за собою развѣ только на-

изъ ихъ переписки (см. Friedrich, gesch. d. Vat. Consils, B. I, S. 219 и дальнѣйшія). Легко замѣтить, что по своимъ воззрѣніямъ Пассаванъ много примыкалъ къ умѣреннымъ католикамъ.

„значение на высшія должности (die Ernennung der ersten Aemter) и согласие на издание того или другого закона (die Beistimmung zu den Gesetzen). Что касается названнаго правительства, то оно должно быть непременно *свѣтскимъ*. А „священная коллегія (курія) должна была бы дѣйствовать въ „качествѣ совѣтницы при верховномъ епископѣ (папѣ) только „относительно духовныхъ вопросовъ (allein für geistige Zwecke). „Далѣе, было бы желательно, чтобы самый способъ избранія „дали былъ измѣненъ. Для этой цѣли священная коллегія долж- „на была бы состоять изъ самыхъ выдающихся личностей всѣхъ „націй, какъ этого настойчиво требовали уже вселенскіе со- „боры (?). Въ такомъ случаѣ всѣ епископы должны были бы „имѣть, или сами лично, или чрезъ выборныхъ представителей, „право участія въ избраніи папы; во всякомъ случаѣ такое „право необходимо должно было бы принадлежать архіеписко- „памъ. Вообще слѣдовало бы установить извѣстную форму (из- „бранія), благодаря которой глава церкви имѣлъ бы значение „болѣе всеобщаго и, слѣдовательно, истинно католическаго вер- „ховнаго пастыря, а не былъ бы только *римскимъ* папою. Тогда „да это званіе получило бы высшее значеніе (was ja offenbar eine höhere Entwicklung der Bedeutung dieses Amtes wäre)¹⁾...

Читая эти мысли Пассавана, нельзя не видѣть, что онѣ касаются очень важныхъ сторонъ внутренней организаціи римской церкви. Вся эта организація, какъ извѣстно, представляетъ строгое и послѣдовательное развитіе идеи монархическаго единства, центромъ и слѣдовательно, главнымъ объединяющимъ началомъ котораго является папа. Во имя этой идеи, въ теченіи цѣлыхъ одиннадцати вѣковъ (начиная съ VIII столѣтія), въ западной церкви, какъ мы знаемъ, совершалась постепенная систематическая централизація, окончившаяся провозглашеніемъ на Ватиканскомъ соборѣ новаго догмата о папской непогрѣшимости (о чемъ у насъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ). Однимъ изъ болѣе важныхъ моментовъ этой централизаціи можно считать введеніе при папѣ Григоріи VII обязательнаго безбрачія для всего католическаго духовенства

¹⁾ Friedrich, gesch. d. Vat. Cons. B. I, ss. 219--221.

(целибать). Основная мысль папы при установленіи целибата была именно та, чтобы, насколько возможно, поставить всѣхъ священнослужителей въ исключительную зависимость отъ папскаго престола.—мысль слѣдовательно, вполне ультрамонтанская¹⁾. Какъ представители умѣреннаго католицизма, ни Зайлеръ, ни Дипенброкъ, ни Пассаванъ, конечно, не могли почувствовать такой идеѣ безусловной зависимости низшаго клира отъ воли папы. Тѣмъ не менѣе въ письмѣ Пассавана замѣтно нѣкоторое колебаніе относительно этого вопроса: онъ не рѣшается какъ будто бы открыто поднять свой голосъ противъ целибата, но довольствуется лишь тѣмъ, что предлагаетъ ограничить эту мѣру въ томъ смыслѣ, чтобы допустить бракъ не для всѣхъ приходскихъ пастырей, а только для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Конечно, и такое ограниченіе целибата, если бы оно осуществилось, могло бы нанести значительный ударъ ультрамонтанской системѣ. Однако все-таки это была бы только полумѣра, которая не устранила бы вполне опасности для католической церкви со стороны постепенно возростающаго въ ней вліянія ультрамонтанскихъ идей. Дѣло въ томъ, что ко времени тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, когда Пассаванъ и его друзья еще только мечтали о нѣкоторыхъ отдѣльных реформахъ въ католической церкви, эта церковь уже слишкомъ далеко ушла въ сторону ультрамонтанскаго идеала, слишкомъ прониклась духомъ іезуитскаго ордена...; поэтому теперь однѣ мечты о такой или иной перемѣнѣ въ ея организаціи, при томъ мечты *отдѣльными* лицъ, а не цѣлаго кружка,—были уже далеко не достаточны... Напрасно архіепископъ Дипенброкъ въ одномъ изъ своихъ писемъ²⁾ называлъ стремленіе ультрамонтанскихъ представителей клира о восстановленіи средневѣковой папской власти *миргемъ* (fata morgana). Увы, въ то время, о которомъ у насъ рѣчь, эти стремленія были уже далеко не миражемъ, а въ значительной степени приближались къ дѣйствительности! Этимъ и объясняется тотъ фактъ, почему, мѣтъ черезъ тридцать послѣ того, ультрамонтанскому большинству такъ легко было одолѣть

¹⁾ См. сказанное нами, относительно этой мѣры Григоріи VII, во введеніи въ наше изслѣдованіе.

²⁾ Friedrich, I, 221.

на Ватиканскомъ соборѣ меньшинство, состоявшее изъ противниковъ новаго *ультрамонтанскаго* догмата, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Скорѣе реформенные проекты самого Дипенброка и его друзей являлись въ то печальное для католической церкви время не болѣе, какъ миражемъ. Кромѣ того, при всей симпатичности стремленій трехъ друзей къ улучшенію организациі католической церкви, нельзя не назвать эти стремленія въ значительной мѣрѣ непрактичными и непримѣнными на дѣлѣ. Возьмемъ для примѣра мысли Пассавана относительно реформы свѣтской власти папы. Непрактичность ихъ видна въ томъ, что Пассаванъ не вполне лишаетъ папу свѣтской власти, но только какъ бы на половину. По его теоріи, папа, хотя и не долженъ быть самъ *лично* свѣтскимъ государемъ, однако все-таки вполне можетъ проявлять свою верховную власть и надъ свѣтскимъ правительствомъ своей области, назначая по своему выбору чиновниковъ этого правительства и давая своимъ согласіемъ необходимую санкцію всѣмъ законамъ, которые это правительство вздумало бы издавать. Такимъ образомъ Пассаванъ, въ сущности не лишаетъ папы свѣтской власти, а только какъ-бы *замаскировываетъ* эту власть. Понятно, что чрезъ это онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, потому—что, вопреки своему собственному же желанію, еписколько не отдѣляетъ во власти папы духовной стороны отъ стороны политической.

Въ то время, какъ „германскій Фенелопъ“ (какъ называли нѣкоторые епископа Зайлера за его направленіе, сродное съ галликанскимъ) и его два друга вели между собою интересную переписку о желательныхъ, по ихъ мнѣнію, реформахъ въ католической церкви; въ Германіи успѣла образоваться еще новая ультрамонтанская партія, центромъ которой на этотъ разъ сдѣлался древній Майнцъ. Ей-то и суждено было нанести германской католической церкви окончательный ударъ—въ томъ смыслѣ, чтобы всецѣло покорить ее произволу римской курии. Мы уже не разъ имѣли случай видѣть, при изложеніи исторіи развитія французской и германской ультрамонтанской партій въ этомъ столѣтіи, что однимъ изъ довольно обыкновенныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгали члены этой партіи для уси-

ленія своего вліянія, была пропаганда своихъ мыслей въ простомъ народѣ. Это средство имѣло уже то важное преимущество предъ всѣми другими, что, пользуясь имъ, всегда можно было рассчитывать на болѣе или менѣе скорую и успѣшную вербовку новыхъ членовъ для партіи. Конечно, эти новыя члены, принадлежа къ низшимъ классамъ общества, могли быть полезными ультрамонтанскому дѣлу болѣе всего своимъ фанатизмомъ, который вожаки партіи всегда умѣли направить на пользу этому дѣлу. Майнцская партія также успѣшила воспользоваться указаннымъ средствомъ.

Какъ въ свое время французскіе ультрамонтане, такъ и майнцскіе избрали два способа для того, чтобы вліять на простой народъ, именно: 1) печать и 2) ассоціаціи или своего рода братства (*Vereine*)¹⁾.

Первый способъ особенно удачно примѣняли къ дѣлу два ультрамонтанскіе дѣятеля: *Buss* (Buss) и *Andlaw* (Andlaw), которые, хотя и дѣйствовали въ Баденѣ, однако, можно сказать, были настоящими основателями майнцской партіи. Они дѣятельно начали распространять въ народѣ книги и брошюры, проникнутыя ультрамонтанскими воззрѣніями, и даже начали издавать народную газету.

1848 годъ, когда почти всѣ европейскія правительства, въ томъ числѣ и германскія, заняты были усмиреніемъ народныхъ волненій, былъ особенно благоприятнымъ моментомъ для развитія майнцской партіи: она безпрепятственно могла въ это смутное время раскинуть свои сѣти среди народныхъ массъ. Тогда-то и появились ультрамонтанскія ассоціаціи (*Vereine*), образцомъ и центромъ которыхъ явилась основанная въ самомъ Майнцѣ *ассоціація Пінс* (*Pins-Verein*). По примѣру ея, и прочія ассоціаціи стали называться именемъ новаго папы (Пія IX), вступившаго на престолъ въ 1846 году. Этимъ какъ-бы наглядно давалось понятъ всѣмъ католикамъ Германіи, что, съ началомъ управленія католическою церковію новаго „на-мѣстника Христова“, въ исторіи не только германской, но и вообще всей католической церкви начинается новая эпоха... Знамя,

¹⁾ Эти *Vereine* очень напоминаютъ собою *ангелство*, основанное Ламе во Франціи.

подъ которымъ должны были вести борьбу члены этихъ ассоціацій. было то же самое, какое поднялъ въ свое время во Франціи аббатъ Лампа: это было знамя „религіи“, неразлучной со „свободою“¹⁾. Поднять его было теперь какъ пельза болѣе своевременно, такъ-какъ новый папа, вопреки направленію своего предшественника (Григорія XVI), былъ именно папою, соответствующимъ идеалу Лампа, т. е. демагогомъ (по крайней мѣрѣ, до своего гаетскаго бѣгства въ 1848 году включительно) и, слѣдовательно, естественнымъ противникомъ всѣхъ свѣтскихъ правительствъ, особенно монархическихъ²⁾. Такимъ образомъ, *ассоціаціи Нія* были, въ существѣ дѣла въ извѣстномъ смыслѣ революціонными центрами, которые всегда грозили государству нарушить въ немъ существующій законный порядокъ. Проповѣдуя принципъ „свободы“, члены *ассоціацій Нія* легко могли возбудить простой народъ къ недовольству правительственными распоряженіями. Но этого мало: эта же проповѣдь начала сѣять раздоръ и разъединеніе въ лонѣ самой германской католической церкви. Дѣло въ томъ, что очень скоро обнаружилось, до какой степени стала идти въ разрѣзъ дѣятельность названныхъ ассоціацій съ дѣятельностію многихъ германскихъ епископовъ и даже подрывать въ глазахъ народа власть и авторитетъ послѣднихъ.

Прежде всего уже одно то было канонически неправильно, что учрежденіе самихъ ассоціацій послѣдовало *безъ видома* и, слѣдовательно, безъ первоначальнаго дозволенія большинства епископовъ³⁾. А затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, послѣ такого незаконнаго перваго шага,—тѣ же ассоціаціи дѣлають и второй шагъ, не менѣе незаконный: начинаютъ по разнымъ

1) Это же знамя недавно поднялъ нинѣшній папа, Левъ XIII, возвѣстивъ всему католическому міру, что христианство вполне можетъ протянуть руку демократамъ в социалетамъ...

2) Невольно приходится здѣсь думать о томъ, какъ развивалась и успивалась бы дѣятельность Лампа, если бы онъ дожилъ до времени вступленія на папскій престолъ Нія IX: а еще болѣе, если бы онъ сталъ очевидцемъ современнаго демократическаго направленія католической церкви. Напротивъ, онъ занялъ бы теперь не менѣе почетное мѣсто среди католической іерархіи, чѣмъ недавно скончавшійся кардиналъ *Ланжерн*, извѣстный дѣлатель на поприщѣ новаго католическаго демократизма.

3) Friedrich, I, 236.

церковнымъ вопросамъ входить въ непосредственныя сношенія съ папой, минуя своихъ мѣстныхъ епископовъ¹⁾. Всякій болѣе или менѣе проникательный наблюдатель изъ числа умѣренныхъ католиковъ легко могъ усмотрѣть во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, къ чему идетъ дѣло... Всякій безъ труда могъ понять, что такое намѣренное и систематическое униженіе епископата непременно приведетъ, наконецъ, къ чрезмѣрному усиленію и возвышенію исключительно одной папской власти,—возвышенію, при которомъ вся та „свобода“, которую сулили ультрамонтане народу, очень скоро обнаружится въ совершенно противоположномъ явленіи, какъ самое унижительное рабство, вполне чуждое христіанской идеѣ нравственной свободы,—какъ рабство совѣсти и воли...

Какъ ни оскудѣли къ тому времени ряды борцовъ въ средѣ умѣренныхъ католиковъ Германіи, однако нашлись еще люди, которые рѣшились вступить въ борьбу съ майнцскими ультрамонтанами²⁾. Первое мѣсто между ними, безъ сомнѣнія, принадлежитъ *Гиршеру* (Hirscher), извѣстному въ то время богослову, который давно уже былъ ненавистенъ ультрамонтанамъ за свое сочувствіе возрѣніямъ Гермеса. Еще въ 1842 году эта ненависть проявилась открыто по поводу избранія новаго фрейбургскаго архіепископа. Въ числѣ кандидатовъ на это мѣсто баденское правительство имѣло въ виду и Гиршера, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свои важныя заслуги въ области богословской науки. Но ультрамонтане не дали хода его кандидатурѣ. Они постигнули очернить его, какъ незадолго передъ тѣмъ очернили Вессенберга. Результатомъ этого было то, что на мѣсто фрейбургскаго архіепископа былъ избранъ уже немолодой Германъ *Викари* (Vicari), преданный всею душою ультрамонтанскимъ стремленіямъ³⁾.

Въ 1848 году, т. е. одновременно съ учрежденіемъ цѣлой сѣти *ассоціацій Нія*, Гиршеръ, ревнуя о благѣ своей отечественной церкви, не убоаясь открыто выступить съ литератур-

1) Ibidem, I, 238.

2) Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ этихъ борцовъ, но ограничимся лишь Гиршеромъ, какъ самымъ замѣчательнымъ.

3) Friedrich, I, 216.

нымъ протестомъ противъ дѣятельности этихъ новыхъ ультрамонтанскихъ центровъ. Около 1849 года вышло въ свѣтъ его сочиненіе: „Die kirchlichen Zustände der Gegenwart“. Какъ показываетъ самое это заглавіе, вопросъ, котораго касался авторъ въ своей книгѣ, былъ самый животрепещущій, особенно въ виду тѣхъ новыхъ успѣховъ, которые въ то время съ каждымъ годомъ дѣлала въ Германіи ультрамонтанская пропача. Гирнеръ былъ настолько проникателенъ, что хорошо понималъ, какъ мало истинно церковнаго было во всѣхъ тогдашнихъ ультрамонтанскихъ дѣятеляхъ. „Отнюдь не слѣдуетъ“, пишетъ онъ, „полагаться на частныя церковныя ассоціаціи: онѣ намъ не помогутъ. Разъ онѣ не являются церковными органами¹⁾, то онѣ и не имѣютъ никакой церковной миссіи и никакого церковнаго авторитета. А поэтому онѣ вездѣ выражаютъ собою лишь одно извѣстное направленіе и имѣютъ, слѣдовательно, не католическій, а партикуляристическій характеръ²⁾. Но мы должны крайне остерегаться того, чтобы отдавать предпочтеніе партикуляристическимъ движеніямъ, такъ какъ они возбуждаютъ собою только борьбу и чрезъ это препятствуютъ церкви располагать въ пользу своихъ интересовъ тѣхъ изъ своихъ чадъ, которые по своему направленію отличаются другимъ оттѣнкомъ (welche zu einer anderen Farbe gehören³⁾).

Въ такомъ сужденіи о сущности дѣятельности новооснованныхъ ассоціацій Гирнеръ какъ-бы заранѣе осудилъ и всѣ дальнѣйшіе успѣхи ультрамонтанской партіи въ отношеніи къ усиленію папской власти, въ ущербъ законной власти епископата. Онъ какъ-бы предвидѣлъ, что, дѣтъ черезъ двадцать, эта пар-

¹⁾ Замѣчательно, что Гирнеръ не признаетъ за ассоціаціями Ни истинно-церковнаго характера. Конечно, онъ былъ въ этомъ вполне правъ, такъ какъ съ удивительною проникательностію прозрѣвалъ, кто именно стоялъ въ главѣ дѣятельности всѣхъ этихъ ассоціацій, а также хорошо понималъ и то, что никакъ нельзя назвать истинно-церковнымъ то общество, которое подрываетъ собою власть епископскую.

²⁾ И эта мысль Гирнера достойна примѣчанія. Видно, онъ понималъ, что въ то время не только въ его отечественной, но во всей вообще католической церкви одна партія съ успѣхомъ, возраставшимъ съ каждымъ годомъ, приобретала не только надъ мірянами, но и надъ духовенствомъ, даже и высшимъ, почти исключительную власть.

³⁾ См. у Friedrich'a I, 250.

тія совершенно поработить себѣ всю католическую церковь, такъ что эта послѣдняя сдѣлается, наконецъ, ультрамонтанскою церковію...

Вопреки ультрамонтанскому взгляду на церковь, какъ на общество вполне подчиненное волѣ одного папы, идеалъ церкви у Гирнера былъ, можно сказать, тотъ же, что и у галликанскихъ богослововъ, а также и у Вессенберга. Подобно имъ, и онъ желалъ, чтобы церковь возвратилась къ тѣмъ временамъ, когда особенно развита была соборная форма церковнаго управленія. Въ частности, для своей родной, германской, церкви онъ искренно желалъ восстановленія епархиальныхъ синодовъ (Diözesan) = Synoden), потому что вполне основательно видѣлъ въ нихъ самое нормальное и наиболѣе соответствующее истинно-церковному духу проявленіе жизни въ церкви¹⁾.

При этомъ (что особенно замѣчательно для католика) онъ не совершенно устранился отъ представительства на этихъ синодахъ и мірянъ. Въ этомъ онъ приближался къ православному пониманію состава церкви, какъ такого духовнаго общества, въ которомъ и пастыри, и пасомые должны принимать дѣятельное участіе въ постепенномъ духовномъ ея возрастаніи и развитіи.

Какъ и слѣдовало ожидать, книга Гирнера возбудила противъ себя большую ненависть со стороны всѣхъ представителей ультрамонтанскаго лагеря въ Германіи. Разными недостойными средствами, особенно клеветами на автора этой книги, они легко добились того, что она включена была въ римскій индексъ — въ число запрещенныхъ книгъ. Впрочемъ, этимъ враги Гирнера не ограничились. Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ руководителей ультрамонтанскихъ ассоціацій, капланъ Гейнрихъ, сдѣлалъ попытку вступить въ литературную полемику съ Гирнеромъ. Изъ подъ его пера вышла книга, озаглавленная: „Die kirchliche Reform“... въ которой онъ съ удивительною откровенностію раскрываетъ главную цѣль дѣятельности своей партіи, причемъ очень подробно излагаетъ систему папскаго главенства въ церкви²⁾.

¹⁾ Ibidem, I, 249.

²⁾ Ibidem, I, 252.

Къ сожалѣнію, въслѣдствіи и самъ Гиршеръ, не выдержавъ своего тяжелаго положенія отлученнаго отъ церкви, уступилъ праву сильнаго, измѣнилъ своимъ убѣжденіемъ и вступилъ въ число членовъ враждебнаго ему доселѣ лагеря ¹⁾.

Вообще майницкая ультрамонтанская партія все болѣе и болѣе усиливалась. Пятидесятые года были временемъ, когда такое постепенное усиленіе рѣшительно пошло *crescendo*. Многія епископскія кафедръ, въ томъ числѣ и регенбургскую, гдѣ еще такъ недавно свѣтили своею жизнію и своими сочиненіями симпатичный Зайлеръ, — заняли теперь *германники* (воспитанники іезуитской *германской коллегии*, о которой у насъ была рѣчь выше). Изъ нихъ самыми замѣчательными были: мюнхенскій архіепископъ *Рейзахъ* (Reisach), въслѣдствіи кардиналъ, затѣмъ регенбургскій епископъ *Сенестрей* (Senestrey) и майницскій епископъ, баронъ *Кетслеръ* (Freiberg v. Ketteler) ²⁾. Такое замѣщеніе древнѣйшихъ и важнѣйшихъ германскихъ кафедръ ультрамонтанами было, можно сказать, первымъ важнымъ симптомомъ рѣшительнаго усиленія ихъ партіи на это время.

Вторымъ такимъ симптомомъ былъ тотъ не менѣе важный фактъ, что „германники“, занявъ самыя важныя епископскія мѣста, доставляли профессорскія кафедры въ зависѣвшихъ отъ ихъ власти и вліянія университетахъ своимъ же единомышленникамъ, ультрамонтанамъ. Такъ, напримѣръ, случилось въ Вюрцбургскомъ университетѣ ³⁾. Благодаря этому обстоятельству, и область богословской науки постепенно дѣлалась исключительно почти достояніемъ ультрамонтанъ и іезуитовъ. Но, съ другой стороны, къ этому же времени относится и тотъ замѣчательный фактъ, что нѣкоторые католическіе богословы, въ томъ числѣ *Деллингеръ* и *Бальцеръ* (Baltzer), которые и прежде принадлежали къ числу умѣренныхъ ультрамонтанъ, теперь довольно замѣтно начали высказывать свое неодобреніе нѣко-

¹⁾ Ibidem, I, 328—329.

²⁾ Ibidem, I, 256. Всѣ эти три прелата были въслѣдствіи въ числѣ другихъ на Ватиканскомъ соборѣ. Первые два съ самаго начала показали себя открытыми сторонниками новаго догмата о папской непогрѣшимости, о чемъ, впрочемъ, рѣчь у насъ будетъ ниже.

³⁾ Ibidem, I, 256.

торымъ сторонамъ ультрамонтанской дѣятельности и вообще начали переходить болѣе или менѣе рѣшительно въ лагерь умѣренныхъ католиковъ. Нѣтъ, кажется, надобности доказывать, какъ много теряли ультрамонтане въ этихъ ученыхъ. Это лучше всего видно изъ того, что въ 1854 г. (т. е. тогда, когда несочувствіе Деллингера ультрамонтанскимъ стремленіямъ сдѣлалось уже довольно очевиднымъ) фрейбургскій архіепископъ Викари, одинъ изъ главныхъ вожаковъ ультрамонтанской партіи, еще убѣдительно просилъ этого знаменитаго историка замолвить въ пользу его дѣла свое авторитетное во всей Германіи слово ¹⁾.

Для насъ, православныхъ, личность Деллингера имѣетъ потому особенный интересъ, что въслѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, его авторитетный голосъ, какъ знаменитаго ученаго, съ особенною силою выступилъ съ обличеніемъ новаго ватиканскаго догмата; но особенно потому, что, послѣ Ватиканскаго собора, онъ сталъ во главѣ оппозиціи этому догмату и однимъ изъ главныхъ представителей, такъ называемаго, *старокатолическаго* движенія. Въ виду этого, мы становимся съ особеннымъ вниманіемъ на раскрытіи того, какъ произошло его постепенное охлажденіе къ ультрамонтанскому дѣлу.

Мы уже сказали, что фракція Герреса, къ которой принадлежалъ Деллингеръ въ 30-хъ и отчасти въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, хотя и была, по своему основному направленію, ультрамонтанскою, однако никогда не отличалась тѣмъ духомъ крайней нетерпимости и фанатизма, который всегда отличалъ настоящихъ ультрамонтанъ. Члены названной фракціи, если и увлекались общимъ ультрамонтанскимъ идеаломъ возстановленія средневѣковаго могущества папской власти, то увлекались имъ скорѣе вслѣдствіе своей романтической привязанности къ тѣмъ былымъ временамъ, когда римско-католическая церковь была на высотѣ своего вѣшняго могущества. Имъ казалось, что и въ нынѣшнемъ вѣкѣ единственное спасеніе для всей Европы и, въ частности, для Германіи, заклю-

¹⁾ Ibidem, I, 329.—А это дѣло было совершеннымъ повтореніемъ дѣла каельскаго архіепископа Дросте, о чемъ мы уже говорили выше. Викаря такъ же, какъ и Дросте, вошелъ изъ очень рѣзкое столкновеніе съ своимъ правительствомъ.

чается въ возвращеніи католической церкви къ такому славному прошлому. При этомъ, однако, они держались того убѣжденія, что для возстановленія этого прошлаго нисколько не нужно ослаблять самостоятельное развитіе помѣстныхъ (національных) церквей (какъ этого желали крайніе ультрамонтане), но, напротивъ, считали, что надобно поддерживать такое развитіе. Повидимому, такое убѣжденіе не имѣло вовсе характера ультрамонтанскаго, но на самомъ дѣлѣ оно не могло свидѣтельствовать и о принадлежности сторонниковъ Герреса къ умѣренному католицизму; потому что, въ сущности, они потому только и допускали развитіе нѣкоторой самостоятельности національных церквей, что (весьма нелогично) видѣли въ этомъ развитіи одно изъ средствъ къ возстановленію прежняго могущества католической церкви. Главною причиною такого нелогическаго и потому совершенно несостоятельнаго мнѣнія былъ, конечно, крайній идеалистическій взглядъ на папство у членовъ франціи Герреса ¹⁾. Непослѣдовательность герресіана въскорѣ обнаружилась тогда, когда папство (вполнѣ послѣдовательные) ультрамонтане уже безъ всякой прикраски начали проявлять свою дѣятельность въ пользу усиленія въ католической церкви папской власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стали систематически ослаблять самостоятельность (конечно, сравнительную) германской церкви. Разрывъ между ними и герресіанами неизбежно долженъ былъ послѣдовать въ самомъ непродолжительномъ времени. Первые его признаки можно усматривать еще въ 1847 году, когда баварскій король *Людвигъ I* (дотогѣ очень преданный партіи Герреса), подъ влияніемъ іезуитовъ, сталъ охладѣвать къ ея членамъ. Основаніе майнцской ультрамонтанской партіи и особенно учрежденіе

¹⁾ Въ этомъ случаѣ герресіане прибавлялись къ возрѣвающимъ французскаго епископа (in partibus infidelium) *Марэ* (Maret), который почти наканунѣ Ватиканскаго собора написалъ довольно обширное сочиненіе: „Du concile général et de la paix religieuse“, гдѣ свилася примѣрить непримиримое, именно—представить, будто идеаль папскаго главенства вполнѣ совмѣстимъ не только съ возстановленіемъ соборнаго начала въ церквяхъ помѣстныхъ, но даже и съ возстановленіемъ вообще въ католической церкви соборовъ вселенскихъ. Вислѣдствіи, на Ватиканскомъ соборѣ, *Марэ* былъ однимъ изъ членовъ оппозиціоннаго меньшинства, хотя, по окончаніи собора, покорился новому догмату.

ассоціацій Пия произвели окончательный разрывъ между представителями этой партіи и лучшими изъ сторонниковъ Герреса, въ числѣ которыхъ былъ и Деллингеръ ¹⁾.

Этотъ разрывъ начался съ того момента, когда Деллингеръ произнесъ на общемъ собраніи ультрамонтанской партіи въ Майнцѣ рѣчь, въ которой откровенно высказалъ свое мнѣніе о томъ, къ какому идеалу должны были бы стремиться новооснованныя ассоціаціи. Эта рѣчь такъ замѣчательна, что мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь изъ нея наиболѣе характерныя, на нашъ взглядъ, мѣста. Выразивъ надежду, что ассоціаціи будутъ служить „средствомъ для возстановленія единой католической церкви въ Германіи“, онъ продолжаетъ такъ: „До сихъ поръ не существовало *единой* германской католической церкви. Мы видимъ только ея разсѣянныхъ членовъ, потому—что не существовало даже отдѣльныхъ германскихъ частныхъ церквей (Landeskirchen). Слѣдуя правилу: *divide et impera*, которое „очень часто примѣнялось къ дѣлу въ другомъ отношеніи, порвали ²⁾ связь между отдѣльными германскими епископами, такъ—что стали говорить о майнцской церкви, вѣнсской церкви, мюнхенской—фрейзингенской церкви; но гдѣ же *германская* церковь?... Я надѣюсь, что католическія ассоціаціи будутъ всѣмъ способствовать возстановленію *единой* германской національной церкви. Национальность есть нѣчто само по себѣ благодородное (Edles) и освященное христіанствомъ. Никогда не было задачей католической церкви отбѣснить національность „на задній планъ. Напротивъ, церковь сообщаетъ національности законное оправданіе (Berechtigung) и направляетъ ее „къ истинной дѣятельности (rechte Wirksamkeit). Только церковь „и въ состояніи направить національное самосознаніе къ единой великой цѣли,—къ соединенію всѣхъ народовъ въ единую всемірную церковь (zu einer Weltkirche)... *Большая часть католиковъ, которые желали, по любви къ германской національности, единой германской національной церкви, не находятъ*

¹⁾ Friedrich, I, 210.

²⁾ Ораторъ разумѣетъ здѣсь современныхъ ему ультрамонтанскихъ дѣятелей и ихъ куріальную, хотя и совершенно антицерковную попытку отвсительно германскихъ епископовъ и ихъ епархій.

„въ противорѣчїи ея католическою церковїю ¹⁾. Поэтому глава „этой церкви (т. е. папа), конечно, съ радостїю узнаеть о томъ, „что положено начало тому, чтобы снова возстановить католическую церковь въ Германїи изъ ея развалинъ,—въ видѣ великаго, прекраснаго, всеобъемлющаго зданїя. Епископъ, конечно, сознаеть и уже созналъ, что крайне необходимо выдти изъ состоянїя раздѣленїя на части (aus dem Zustande der „Vereinzelung) и соединить отдѣльныя германскїя епископїи во „единое благоустроенное цѣлое... Вы, милостивые государи, какъ „члены католическихъ ассоціацій, хорошо поймете великую „задачу, которую вы можете исполнить. Матерїаль подъ руками,—стройте смѣло. Будьте единодушны съ нашимъ епископатомъ для того, чтобы мы скоро могло осуществитъ свое желанїе „единой католической церкви въ Германїи“ ²⁾.

Къ сожалѣнїю, эта прекрасная рѣчь не была оцѣнена членами майнцской ассоціаціи Пїя. Впрочемъ, этого и слѣдовало ожидать отъ нихъ: ихъ взгляды на германскую церковь, какъ мы знаемъ, слишкомъ расходились съ тою программой дѣятельности, которую предлагалъ имъ Деллингеръ. Идеаломъ ихъ дѣятельности было вовсе не возстановленїе единой національной германской церкви, а напротивъ, подавленїе всякаго проявленїя національнаго чувства среди германскихъ католиковъ и совершенное подчиненїе ихъ папскому престолу. Понятно, что при такой основной задачѣ не мыслимо было осуществитъ идеалъ Деллингера: возвести „великое, прекрасное и всеобъемлющее зданїе“ единой національной германской церкви.

Такимъ образомъ, уже непосредственно послѣ произнесенїя Деллингеромъ своей рѣчи, рѣшительный разрывъ его съ ультрамонтанами несомнѣнно начался.

Съ 1850 года этотъ разрывъ сталъ обнаруживаться еще сильнѣе и рѣшительнѣе, такъ что съ этого времени Деллингеръ пересталъ даже принимать участїе въ общихъ собранїяхъ майнцской ассоціаціи Пїя. Но окончательно онъ разошелся съ ультрамонтанскою партїей въ 1861 году, когда онъ прочиталъ

¹⁾ Въ этихъ словахъ Деллингеръ высказалъ, можно сказать, основное убѣжденїе (profession de foi) членовъ фракціи Герреса.

²⁾ Friedrich, I, 239—240.

свои извѣстныя *Одеонскїя рѣчи* (Odeonsvorträge), въ которыхъ онъ приводилъ мысль о возможности скорого паденїя свѣтской власти папы. Недаромъ папскїй нунцій оставилъ залу, гдѣ читалась одна изъ этихъ рѣчей ¹⁾.

Какъ ни тяжело было германскимъ ультрамонтанамъ потерять такого ученаго и вліятельнаго члена, какимъ былъ Деллингеръ, однако вскорѣ они вознаградили себя за эту потерю тѣмъ, что захватили въ свои руки все научное образованїе будущихъ германскихъ пастырей церкви и богослововъ. Это произошло теперь безъ особеннаго затрудненїя для ультрамонтанскихъ дѣятелей по той причинѣ, что большинство истинно-ученыхъ богослововъ, подобныхъ Деллингеру и Бальцеру удалилось изъ ультрамонтанскаго лагеря и чрезъ это вполне освободило почву для дѣятельности ультрамонтанскихъ ученыхъ, подобныхъ *Гаффнеру* (Haffner), *Гергенрөтеру* (Hergengröther) и др.

Однимъ словомъ, теперь ультрамонтане, можно сказать, окончательно восторжествовали въ Германїи надъ представителями умѣреннаго католицизма. Теперь все почти было готово къ тому, чтобы въ недалекомъ будущемъ заставить всю католическую Германїю (за исключенїемъ лишь стойкихъ и вѣрныхъ своимъ убѣжденїямъ *старокатоликовъ*) признать новыя догматы о папской непогрѣшимости...

¹⁾ Ibidem, I, 271. Насколько радикально измѣнились, послѣ этого разрыва, убѣжденїя Деллингера по отношенїю къ папству, объ этомъ лучше всего говоритъ его открытый протестъ въ 1870 г. противъ новаго ватиканскаго догмата. Кромя того, не лишнїя счтемъ привести здѣсь одну небольшую выдержку изъ письма Деллингера къ мюнхенскому архїепископу *Шерру* (Scherr), въ отвѣтъ на требованїе послѣдняго, чтобы тотъ покорился ватиканскому опредѣленїю отъ 18 іюня 1870 г. Изъ этой выдержки мы увидимъ, какъ неодобрительно смотрѣлъ самъ Деллингеръ на свои ультрамонтанскїя убѣжденїя послѣдствїя, когда онъ уже выступилъ съ протестомъ противъ Ватиканскаго собора: „Я постараюсь“, пишетъ онъ Шерру (отъ 29 января 1871 года), „тѣмъ отчасти исправить тотъ вредъ, какой я причинилъ церкви, въ теченїи 47 лѣтъ, своими сочиненїями и рѣчами (конечно здѣсь Деллингеръ разумѣеть свои рѣчи въ періодъ своего союза съ ультрамонтанскою партїей), что я самъ себя опровергну и обличу свои ошибки и невѣрныя воззрѣнїя“. (См. сочиненїе проф. *Шулце* (Schulze): *Der Altkatholicismus. Geschichte seiner Entwicklung, inneren Gestaltung und rechtlichen Stellung in Deutschland*. Giessen 1887. S. 191, въ 4-й гл. I-й книгѣ).

Заключение второй части.

Мы рассмотрѣли исторію новой германской ультрамонтанской партіи, со времени ея возникновенія и приблизительно до шестидесятихъ годовъ. Хотя сдѣланный нами историческій очеркъ ея дѣятельности сравнительно кратокъ, однако онъ касается самыхъ важныхъ и существенныхъ сторонъ этой дѣятельности. Поэтому считаемъ возможнымъ сдѣлать изъ всего сказаннаго въ этой части нашего изслѣдованія слѣдующіе выводы.

Если во Франціи новое ультрамонтанское движеніе какъ-бы зародилось, то въ Германіи оно въ собственномъ смыслѣ разрослось и окрѣпло. Можно съ увѣренностію сказать, что германскіе ультрамонтане довершили то дѣло, начало которому положили Лампе и де-Местръ со своими послѣдователями. Побѣда, которую одержали въ Германіи ультрамонтане надъ умѣренными католиками, можетъ считаться тѣмъ болѣе значительною и важною по своимъ послѣдствіямъ, что самая борьба между той и другою партіей велась въ Германіи гораздо ожесточеннѣе, чѣмъ во Франціи, а потому была здѣсь и продолжительнѣе, чѣмъ тамъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, почему въ Германіи мы встрѣчаемся сначала не съ одною цѣльною, но съ нѣсколькими отдѣльными ультрамонтанскими партіями (хотя и едиными по духу и по основной цѣли своей дѣятельности). Только около 50-хъ годовъ всѣ эти отдѣльныя партіи образуютъ изъ себя одну большую обще-германскую партію, подъ гегемоніей майнцскихъ ультрамонтанъ.

Что касается собственно того факта, почему именно борьба между ультрамонтанцами и умѣренными католиками была въ Германіи ожесточеннѣе и потому продолжительнѣе, чѣмъ во Франціи,—то въ объясненіе его, на основаніи всего нами доселѣ сказаннаго, можно представить такія соображенія:

1) Германія состояла (какъ и теперь отчасти состоитъ) изъ многихъ отдѣльныхъ государствъ, не только католическихъ, но и протестанскихъ (и послѣднихъ по преимуществу). Въ виду этого, германскимъ ультрамонтанцамъ нужно было особенно тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы въ каждомъ изъ этихъ государствъ сообразоваться съ мѣстными обстоятельствами и умѣть

искусно пользоваться ими для своихъ цѣлей. А такая задача была не всегда легка.

2) Вслѣдствіе той же раздробленности Германіи въ политическомъ отношеніи, и сношенія германскихъ ультрамонтанъ съ Римомъ должны были значительно затрудняться и замедляться. Если бы не *германики*, которые постепенно распространили свое вліяніе въ Германіи, и не политика *конкордатовъ*, которую усвоили себѣ почти всѣ германскія правительства по отношенію къ папѣ,—то указанныя сношенія никогда не сдѣлались бы болѣе легкими и потому едва ли могли бы принести пользу ультрамонтанскому дѣлу.

3) Во многихъ частяхъ Германіи католическое населеніе являлось далеко не преобладающимъ, но чаще всего было разсѣяно среди населенія протестантскаго (такъ, напр., было и есть въ Пруссіи, Саксоніи, Вюртембергѣ, Нассау, отчасти въ Баденѣ и многихъ другихъ германскихъ земляхъ). Понятно, что и это обстоятельство должно было нерѣдко весьма затруднять, по многимъ причинамъ, ультрамонтанскую дѣятельность въ такихъ мѣстахъ Германіи ¹⁾.

1) Въ виду того, что Франціи и Германіи въ исторіи ультрамонтанскаго движенія въ текущемъ столѣтіи представляютъ изъ себя двѣ главныя арены, на которыхъ происходила борьба между ультрамонтанствомъ и умѣреннымъ католицизмомъ, то, по нашему мнѣнію, нѣтъ существенной необходимости специально останавливаться дальше на исторіи таковой борьбы въ другихъ государствахъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Систематическая порча ультрамонтанами учения о Преданіи, а также ватиканских и богословских учебниковъ,—какъ одно изъ наиболее важныхъ обстоятельствъ, подготовившихъ усиленіе папской власти.

ГЛАВА I:

Порча ультрамонтанами учения о Преданіи.

Въ первыхъ двухъ частяхъ своего изслѣдованія мы касались, по преимуществу, *внѣшней* исторіи ватиканскаго догмата,—обрацали вниманіе главнымъ образомъ на то, какъ постепенно усиливалась повал ультрамонтанская партія во Франціи и въ Германіи. Если при этомъ мы иногда и останавливались на разборѣ учения о папской непогрѣшимости нѣкоторыхъ ультрамонтанскихъ писателей, то дѣлали это болѣе мимоходомъ, съ цѣлію лучше разъяснить причины усиленія ультрамонтанства въ текущемъ столѣтіи. Въ третьей части своего сочиненія мы постараемся раскрыть собственно тотъ вопросъ, какъ вліяли ультрамонтане на подготовленіе почвы для будущаго ватиканскаго догмата въ области богословской науки и школьнаго обученія; т. е. займемся указаніемъ *внутреннихъ* причинъ успѣха ультрамонтанства въ современной римско-католической церкви.

Понятно, что ультрамонтане не иначе могли повліять на перемѣну направленія въ преподаваніи богословія въ католическихъ школахъ, въ пользу своего любимаго учения о папской непогрѣшимости,—какъ предварительно исказивъ ученіе о цер-

ковномъ Преданіи, потому что истинно церковное Преданіе никогда не могло бы послужить основаніемъ для признанія этой непогрѣшимости.

До VIII-го столѣтія, и восточная, и западная Церковь согласнo хранили Преданіе и во всемъ руководились имъ. По ученію православной Церкви, Священное Преданіе имѣетъ для истинно вѣрующихъ всѣхъ временъ и мѣстъ значеніе главнаго, послѣ Священнаго Писанія, руководящаго начала или критерія для опредѣленія того, какое ученіе—истинное, православное, и какое, напротивъ, неистинное, еретическое. Еще въ началѣ втораго вѣка, мужъ апостольскій, *св. Игнатій Богоносца*, предостерегая вѣрующихъ противъ еретическихъ ученій, заповѣдалъ имъ *свѣрдоствію держаться апостольскаго Преданія* ¹⁾. Во 2-мъ вѣкѣ *св. Иринея Лионскій* также очень ясно проводилъ мысль, что „всѣ желающіе знать истину, должны обращаться въ каждой церкви къ Преданію апостольскому, извѣстному во всемъ мірѣ“ ²⁾. Въ слѣдующемъ, 3-мъ вѣкѣ, великій учитель Церкви, *Оригенъ*, писалъ такъ: „Да хранится церковное Преданіе, чрезъ порядокъ преемства отъ Апостоловъ преданное и даже донынѣ пребывающее въ церквахъ; той только истиннѣ и должно вѣровать, которая ни въ чемъ не разногласитъ съ церковнымъ и апостольскимъ Преданіемъ“ ³⁾. И изъ 4-го вѣка можно привести много святоотеческихъ свидѣтельствъ о существенной важности для вѣрующихъ всегда прибѣгать къ руководству Преданія. Укажемъ для примѣра хотя бы на слѣдующія слова *св. Иоанна Златоуста*: „Не все предали (Апостолы) чрезъ Писаніе, а многое также безъ Писанія. Но то и другое равно достойно вѣры. Посему мы считаемъ достойнымъ вѣры и Преданіе: Преданіе есть, ничего болѣе не ищи“ ⁴⁾.

Сообразно съ такими наставленіями святыхъ отцовъ и учителей Церкви, и всѣ пастыри ея, какъ преемники святыхъ

¹⁾ Προβλεπέτε τε ἀπρὸς ἕνα τῆς τῶν Ἀποστόλων παραδόσεως, γορεύεται οὐκ ἰσχυρῶς ἢ Ἐσέβια (Hist. Eccl. III, с. 86).

²⁾ Contra haeres. lib. III, cap. 3. См. Введеніе въ нрав. Богословіе, преосв. Макарія, изд. 1852 г., стр. 283.

³⁾ De principiis, lib. I, n. 2. См. преосв. Макарія, стр. 283—284.

⁴⁾ In 2 Thess. hom. IV, n. 2. См. преосв. Макарія, стр. 284.

Апостоловъ и хранители апостольскаго Преданія, на всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, обличали и осуждали ереси, а также утверждали православное ученіе, не только на основаніи Св. Писанія, но и Свящ. Преданія ¹⁾.

Около IX-го столѣтія въ исторіи церкви западной уже замѣтны довольно ясныя слѣды уклоненія отъ древняго вселенскаго церковнаго Преданія и появленія нѣкоторыхъ нововведеній, даже въ области ученія ²⁾. Тѣмъ не менѣе такое уклоненіе отъ руководства Преданіемъ на практикѣ еще не означало тогда, будто церковь западная и въ теоріи отвергла начало Преданія, какъ впоследствии протестанты. Нѣтъ, она продолжала считать себя и свое ученіе всецѣло основаннымъ на древнемъ церковномъ Преданіи. Даже у католическихъ богослововъ новѣйшаго времени есть нѣкоторыя черты, напоминающія наше православное ученіе о Преданіи (о чемъ подробнѣе поговоримъ нѣсколько ниже). Что же касается ученія о Свящ. Преданіи, содержащагося въ опредѣленіяхъ собора Тридентскаго, то это ученіе вполне согласно съ православнымъ. Вотъ подлинныя выраженія тридентскаго опредѣленія: „Священный соборъ....., усматривая, что спасительная истина и ученіе содержится въ „писанныхъ книгахъ и въ преданіяхъ неписанныхъ (sine scripto), которыя, будучи приняты Апостолами изъ устъ Самого Христа, или отъ самихъ Апостоловъ, коимъ открылъ ихъ Духъ Святой, дошли до насъ какъ-бы изъ рукъ въ руки,—послѣдуя примѣ-

¹⁾ Такъ, напр., опредѣляя почитать святыхъ иконы и поклоняться имъ, отцы VII Вселенскаго собора, между прочимъ, говорятъ слѣдующее: „Мы непркосновенно сохраняемъ всѣ церковныя Преданія, утвержденныя письменно или неписьменно. Одно изъ нихъ заповѣдуетъ дѣлать живописныя иконы изображенія..... На такомъ основаніи мы, шествующіе царскимъ путемъ и слѣдующіе Божественному ученію святыхъ отцовъ нашихъ и Преданію вселенской Церкви,—вбо знаемъ, что въ ней обитаетъ Духъ Святой,—со великимъ тщаніемъ и осмотрительностію опредѣляемъ, чтобы святые и четивыя иконы предлагались (для поклоненія) точно такъ же, какъ и изображеніе чистаго и животворящаго креста.....“ (См. Дѣянія вселенскихъ соборовъ, изд. Казанск. Дух. Акад., т. VII, стр. 592—593).

²⁾ Впрочемъ, уже въ VII вѣкѣ помѣстные соборы Толедскіе допустили довольно важное нововведеніе: прибавленіе въ VIII членѣ Символа вѣры словъ: и отъ Сына (Filioque), хотя до IX вѣка это прибавленіе не получало на западѣ большаго распространенія.

„рамъ православныхъ отцовъ, всѣ книги, какъ ветхаго, такъ и новаго заветъ....., равно и самыя Преданія, къ вѣрѣ и правдѣ относящіяся, какъ изглаголанныя или устами Христовыми, или Духомъ Святымъ, и сохраненныя въ католической церкви чрезъ постоянное преемство,—принимаетъ и почитаетъ съ равнымъ чувствомъ благочестія и уваженіемъ ¹⁾“. А вотъ, для сравненія, и православное ученіе о Преданіи: „Подъ именемъ Свящ. Преданія разумѣется слово Божіе, не заключенное въ письменна самими Богодухновенными писателями, а устно преданное Церкви и съ тѣхъ поръ непрерывно въ ней сохраняющееся ²⁾“. Очевидно, это ученіе ничѣмъ не отличается отъ ученія Тридентскаго собора, только выражено въ болѣе сжатой формѣ.

Ультрамонтанскіе богословы текущаго столѣтія, съ легкой руки Бональда и Ламнэ, не остались вполне вѣрными ученію Тридентскаго собора о Преданіи. Они до такой степени усилили, повидимому, значеніе Преданія, что, слѣдуя примѣру названныхъ двухъ своихъ вождей, особенно Ламнэ, образовали изъ себя цѣлую школу *традиционалистовъ*, которые (какъ мы отчасти уже указали въ своемъ мѣстѣ) посягнули на законныя права человѣческаго разума въ изслѣдованіи богословскихъ вопросовъ. Но, въ сущности, ревность *традиционалистовъ* въ пользу Преданія была не болѣе, какъ однимъ изъ тѣхъ искусныхъ маневровъ, цѣль которыхъ, соотвѣтственно всегдашнему ультрамонтанскому идеалу, заключалась въ усиленіи въ римско-католической церкви власти папы, въ ущербъ власти епископовъ. Прикрываясь громкимъ именемъ *традиционалистовъ* (т. е. якобы ревнителей древне-церковнаго Преданія), ультрамонтане на самомъ дѣлѣ ратовали не столько за цѣлостъ и неприкосновенность этого Преданія, сколько за то, чтобы католическіе богословы совершенно отказались отъ всякой, даже законной свободы въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, вполне

¹⁾ См. *декретъ о каноническихъ книгахъ*, составленный на IV-мъ засѣданіи Тридентскаго собора (8 апрѣля 1546 г.). См. кн. *Le saint concile de Trente, oecuménique et général, nouvellement traduit par l'abbé Chanut*. Paris 1674, pp. 12—13.

²⁾ *Введеніе въ прав. Богословіе*, преобр. Макаріи, Спб. 1852, стр. 280—281.

слѣпо подчиняясь авторитету папскаго престола. При этомъ въ лицѣ папы ультрамонтане объединили два понятія далеко неодинаковыя по своему объему: понятіе о „видимой главѣ“ Церкви и понятіе о самой Церкви. Какъ въ свое время король Людовикъ XIV наглядно выяснилъ свою политику централизаціи въ извѣстныхъ своихъ словахъ: „государство—это я“ (l'état—c' est moi),—такъ и ультрамонтане вели дѣло къ тому, чтобы и папа могъ, наконецъ, сказать о себѣ: „Церковь—это я“. А такого рода централизація, естественно, сводилась къ тому, что самое священное Преданіе, хранительницею котораго есть Церковь, должно было отселѣ единственнымъ своимъ хранителемъ имѣть одного папу, который повтому вполне могъ сказать о себѣ (и дѣйствительно, сказалъ впоследствии, на Ватиканскомъ соборѣ): „Преданіе—это я!“ Понятно, что чрезъ это вопросъ о вѣрномъ и неизмѣнномъ храненіи Преданія вполне замѣнялся вопросомъ о полной зависимости его отъ произвола папы. Конечно, съ точки зрѣнія ультрамонтанъ, папа, будучи непогрѣшимымъ въ вѣроученіи и правоученіи *ex cathedra*, никогда не можетъ измѣнить древне-церковному Преданію. Но если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія православныхъ и даже умѣренно-католическихъ богослововъ, то ультрамонтанское пониманіе Преданія равносильно полному отрицанію этого источника христіанскаго вѣроученія. Такимъ образомъ *традиционалисты* не оправдывали своего громкаго названія, такъ-какъ, въ сущности, отрицали самостоятельное, объективное значеніе Преданія. Вотъ почему ихъ пониманіе Преданія, въ своихъ конечныхъ выводахъ, шло совершенно въ разрѣзъ не только съ нашимъ, православнымъ, но даже и съ древне-католическимъ, неультрамонтанскимъ, тридентскимъ пониманіемъ его, какъ вполне самостоятельнаго начала, не подлежащаго никакому человеческому произволу.

Но нельзя сказать, что и въ теченіи настоящаго столѣтія древне-католическое (тридентское) ученіе о Преданіи не имѣло среди католическихъ богослововъ своихъ выразителей и сторонниковъ. Даже въ сороковыхъ годахъ, когда ультрамонтане уже значительно поработали себѣ католическую церковь, мы находимъ весьма замѣчательное изложеніе такого древне-като-

лическаго и, слѣдовательно, анти-ультрамонтанскаго ученія о Преданіи у *Куна (Kuhn)*, автора извѣстной *Догматики*. Его мысли о Преданіи такъ цѣнны и интересны для насъ, что мы считаемъ нелишнимъ привести ихъ здѣсь въ подлинныхъ выраженіяхъ самого автора.

„Такъ-какъ“, говоритъ Кунъ, „преданное устно апостольское ученіе Церковь возвѣщала такимъ же живымъ способомъ и „сохраняла посредствомъ непрерывнаго обученія (durch die „Kontinuität dieses Unterrichtes), равно какъ и не переставала „насаждать (его) изъ поколѣнія въ поколѣніе; то, въ виду того, что такое обученіе есть вѣчто подвижное (поелику оно „обусловлено субъективностію учителей и субъективными потребностями научаемыхъ),—въ помощь ему указаны *отличныя „объективныя точки опоры* (äussere objective Anhaltspunkte). „Благодаря этимъ точкамъ опоры, указанное обученіе предохранено отъ уклоненій (Abwegen) и ошибокъ (Verirrung) не „одною только внутреннею силою непоколебимости въ вѣрѣ своихъ органовъ и вышнимъ содѣйствіемъ Божественнаго Духа ¹⁾. „Такого рода *отличными твердыми точками опоры служили для „указаннаго обученія ближайшимъ образомъ писанія апостольскія*. „Но не только эти писанія, но и *все тѣ письменныя произведенія (Aufzeichnungen), въ которыхъ ученики апостольскіе и „принадлежавшіе къ числу ихъ учителей (die an sie sich anreihenden Lehrer) отражали свое исповѣданіе оны (ihrem Glaubensbewusstsein Ausdruck gaben),—частію въ формѣ простыхъ „письменныхъ сообщеній, посланныхъ или отдѣльнымъ лицамъ, „или общинамъ; частію въ формѣ собственныхъ поучительныхъ „писаній (Lehrschriften), въ которыхъ христіанство защищается „противъ нападеній со стороны іудейства и язычества, или же „отвергаются ереси, возникшія въ средѣ самого христіанства. „Позднѣе Церковь, въ лицѣ своихъ представителей на помѣстныхъ и вселенскихъ соборахъ, выразила свою вѣру письменно, при чемъ распространила апостольскій символъ ²⁾ чрезъ*

¹⁾ „Somit war sie nicht allein durch die innere Macht der Glaubenstreue ihrer Organe und den höheren Beistand des Göttlichen Geistes vor Abwegen und Verirrung geschützt“.

²⁾ Извѣстно, что въ западной церкви особевнымъ уваженіемъ пользуется, такъ

„прибавленіе болѣе точныхъ выраженій, опредѣляющихъ церковное ученіе,—съ дѣлію дать послѣднему твердую опору. Вся „христіанская литература, насколько она обязана своимъ происхожденіемъ истиннымъ свидѣтелямъ церковнаго вѣроученія, „есть не что иное, какъ письменное выраженіе апостольскаго ученія въ томъ видѣ, какъ это послѣднее съ самаго начала, „согласно съ св. Писаніемъ, понималось, исповѣдовалось, преподавалось и защищалось въ Церкви“¹⁾.

Эти слова замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, въ нихъ очень ясно выражена та мысль, что Церковь обладаетъ двоякаго рода опорами (для сохраненія чистоты Преданія): внутренними и внѣшними. Перваго рода опорами служатъ для нея тѣ Божественныя свойства, которыми она обладаетъ, въ силу обѣтованія Самаго своего Божественнаго Основателя и вслѣдствіе всегдѣшняго присутствія въ ней Св. Духа. Эти свойства ея суть: святость, непоколебимость, непогрѣшимость. Что касается внѣшнихъ опоръ, то онѣ состоятъ въ тѣхъ разнообразныхъ (по преимуществу письменныхъ) формахъ, съ помощію которыхъ во все время выражалась непоколебимая вѣрность вселенской Церкви преданію отъ Самаго Христа и Его Апостоловъ ученію вѣры.

Во-вторыхъ, легко замѣтить, что у Куна дѣлается различіе между *материальной* и *формальной* стороной догматической дѣятельности Церкви. Материальная сторона выражается въ томъ, что Церковь неизмѣнно (по существу) хранитъ апостольское ученіе, а формальная—въ томъ, что, сохраняя послѣднее неизмѣннымъ по существу, она въ то же время измѣняетъ, по мѣрѣ надобности тѣ формы, въ которыхъ это ученіе выражается, руководствуясь при этомъ, съ одной стороны, субъективнымъ характеромъ отдѣльно взятыхъ провозвѣстителей ея ученія, а съ другой—субъективными особенностями и личными потребностями и самихъ научаемыхъ. Въ такомъ различеніи у Куна выражается вся суть *догматическаго развитія* Церкви, притомъ

называемый, *апостольскій символъ*, который есть, вѣроятно, древнѣйшій символъ вѣры рянскихъ христіанъ.

¹⁾ Kuhn, Dogmatik, 2-te Auflage, B. I. S. 78 и дал.

(что для насъ особенно важно и интересно) въ такомъ смыслѣ и значеніи, въ какомъ его можетъ признать и всякій православный, т. е. что *развились не самыя догматы, но только ихъ античное опредѣленіе, ихъ внѣшняя формулировка*¹⁾.

Нельзя не сдѣлать здѣсь небольшого отступленія для того, чтобы нѣсколько остановиться на пресловутой ультрамонтанской теоріи развитія догматовъ, которой Кунъ въ приведенныхъ нами его словахъ такъ осторожно касается и которую обсуждаетъ такъ близко къ православному взгляду на этотъ предметъ. Известно, что именно эта теорія и послужила для ультрамонтанскихъ богослововъ главнымъ подспорьемъ для возведенія нѣкоторыхъ частныхъ богословскихъ мнѣній своей школы въ новыя *догматы*.

Двѣ важныя ошибки лежатъ въ основѣ этой ультрамонтанской теоріи: ошибочное пониманіе того, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ *догматомъ*, и не менѣе ошибочная (даже еретическая) мысль, будто бы не Преданіе церковное есть главный регуляторъ ученія Церкви, но папа, который поэтому якобы выше самаго Преданія²⁾.

Прежде—чѣмъ указывать на ультрамонтанское опредѣленіе *догмата*, напомнимъ читателямъ, какъ опредѣляется понятіе о догматѣ вѣры въ нашемъ православномъ Богословіи. „Подъ „именемъ христіанскихъ догматовъ“, говоритъ преосвящ. Макарій, разумѣются откровенныя истины, преподаваемыя людямъ „Церковію, какъ непререкаемыя и неизмѣнныя правила спаси-

¹⁾ Впрочемъ, встрѣчаются и у Куна такіе мѣста относительно этого вопроса, съ которыми православному богослову никакъ нельзя согласиться. Такъ напр., онъ допускаетъ какое-то „рефлектирующее мышленіе“, которое будто-бы постепенно открываетъ истины, не бывшія въ сознаніи Церкви прежняго времени, и чрезъ это даетъ основаніе для появленія новыхъ догматовъ (См. Dogmatik, B. I, S. 167). Очевидно у него прямое противорѣчіе съ тѣми его же мыслями, которыя мы приводимъ въ настоящей главѣ своего сочиненія въ русскомъ переводѣ. Въ такой непослѣдовательности слабѣе сторона Куна.

²⁾ Такое незаконное возвышеніе папы надъ церковнымъ Преданіемъ вообще, и въ особенности надъ постановленіемъ вселенскихъ соборовъ, весьма наглядно выражено въ слѣдующей формулѣ, которую любилъ употреблять еще Ламиз, и которая можетъ служить какъ-бы лозунгомъ ультрамонтанскихъ дѣятелей: „*papa princeps salutis*“, т. е. папа—власть и надъ церковными постановленіями.

„тельной вѣры“¹⁾. Какъ замѣчаетъ, непосредственно послѣ этого, самъ авторъ „Православно-догматическаго Богословія“,— въ каждомъ христіанскомъ догматѣ предполагаются такимъ образомъ три необходимыя черты: 1) догматъ есть истина *откровенная*, т. е. содержащаяся въ Св. Писаніи или въ Св. Преданіи, или же въ обоихъ вмѣстѣ; 2) догматъ есть истина, *преподаваемая Церковію*, и, наконецъ, 3) догматъ есть истина, преподаваемая Церковію, какъ *непререкаемое и неизмѣнное правило спасительной вѣры*²⁾. Понятно, что такимъ опредѣленіемъ существа догмата весьма ясно разграничиваются два понятія: о догматѣ и о частныхъ богословскихъ мнѣніяхъ, которыя уже въ силу того не могутъ называться догматами, что принадлежать или отдѣльнымъ богословамъ, или извѣстной богословской школѣ; слѣд., не преподаются отъ лица Церкви.

Не то находимъ мы у богослововъ ультрамонтанскихъ. Они причисляютъ къ догматамъ вѣры не только тѣ истины догматическія, которыя точно формулированы Церковію и имѣютъ безусловно—обязательное значеніе для всѣхъ вѣрующихъ; но и тѣ логическіе выводы и всякаго рода умозаключенія (часто весьма нелогическія), которыя можно извлечь изъ формальныхъ церковныхъ догматовъ³⁾. Въ виду этого, нѣтъ у нихъ рѣзкой, опредѣленной границы между собственно догматами и богословскими мнѣніями. Здѣсь можетъ явиться вопросъ: неужели этимъ послѣднимъ дается въ ультрамонтанскихъ догматикахъ полная свобода? Но въ такомъ случаѣ открылся бы полный просторъ для такого безграничнаго произвола въ области догматики, какой даже въ протестантскихъ богословіяхъ составляетъ рѣдкость. Дѣло рѣшается въ данномъ случаѣ у богослововъ ультрамонтантской окраски проще, чѣмъ можно было бы ожидать отъ серьезныхъ догматистовъ: формальный характеръ извѣстной догматической истины и ея общеобязательность для всѣхъ вѣрую-

1) Православно-догматическое Богословіе, т. I, стр. 1 (изд. 1856 г.).

2) Тамъ же, стр. 1—3. Съ преосвящ. Макаріемъ согласны и другіе наши православные богословы.

3) Scheeben, Handbuch d. cath. Dogmatik, B. I, pp. 2. 909. См. кн. А. Шостыгина: „Источники и предметъ догматизма по позрѣнію католич. богослововъ послѣдняго полу столѣтія“, стр. 154.

щихъ опредѣляется почти единственно авторитетомъ папы¹⁾, который, такимъ образомъ, является какимъ-то *deus ex machina*, рѣшающимъ всѣ недоумѣнія однимъ своимъ „непогрѣшимымъ“ словомъ, какъ полновластный распорядитель Преданія.

Самое догматическое развитіе, по ученію ультрамонтанскихъ богослововъ (напр. Scheeben'a), состоитъ въ томъ, что „нѣкоторые догматы, именно—несущественные и не необходимыя могли на время исчезнуть изъ церковнаго сознанія, чтобы снова появиться въ немъ, при помощи „тщательной рефлексіи“, спустя цѣлыя столѣтія“²⁾. Не говоря уже о томъ, что признаніе нѣкоторыхъ догматовъ *несущественными* и *не необходимыми* совершенно не согласно съ православнымъ пониманіемъ существа догматовъ, какъ такихъ истинъ, которыя суть *непререкаемое и неизмѣнное правило спасительной вѣры*;—совершенно не состоятельна, съ точки зрѣнія православнаго богослова, и та мысль, будто нѣкоторые догматы могли на время исчезнуть изъ церковнаго сознанія и потомъ снова появиться въ немъ. Если бы такъ, дѣйствительно, было, то всецѣло теряетъ свое значеніе извѣстное изреченіе Викентія Лириискаго о признакахъ истиннаго церковнаго Преданія: „quod semper, quod ubique, quod ab omnibus“, потому—что, разъ чтò исчезло (хотя бы и на время), то уже никакъ не можетъ имѣть ни одного изъ этихъ признаковъ.

Вообще ультрамонтанская теорія развитія догматовъ уже потому не правильна и опасна для чистоты истиннаго церковнаго ученія, что въ ней дается возможность принимать за ученіе Церкви то или другое частное богословское мнѣніе, хотя бы послѣднее на самомъ дѣлѣ не имѣло за собою никакой древности и не подтверждалось никакими свидѣтельствами древне-церковнаго Преданія. Весьма кстати привести здѣсь слѣдующія слова покойнаго Никанора, архіепископа Херсонскаго: „Латинская церковь извратила древнюю католическую вѣру уже тѣмъ самымъ, что уполномочила себя дѣлать прибавленія къ вѣрѣ; извратила тѣмъ самымъ, что усвоила себѣ въ убѣжденіи и

1) См. тамъ же, стр. 159.

2) См. у Шостыгина, стр. 170.

„осуществляетъ въ дѣлѣ, такъ называемую, теорію *развитія догматовъ*. Эта теорія ведетъ къ возведенію на степень общепризнанныхъ истинъ такихъ мнѣній, которыя, зародившись въ умахъ частныхъ лицъ, мало по малу распространяются въ массы вѣрующихъ и дѣлаются достояніемъ большинства. Эта теорія нужна латинянамъ для того, чтобы оправдать всѣ тѣ догматы, которыхъ нѣтъ въ Откровеніи, но которые въ латинской церкви будто-бы выведены изъ него путемъ умозаключеній, точнѣе, которые были вымышлены латинскими богословами... Между—тѣмъ, эта теорія *папубна*, такъ—какъ она ведетъ къ утверженію въ латинской церкви частныхъ мнѣній „въ качествѣ богооткровенныхъ догматовъ“¹⁾.

Но воротимся къ Кулу. Кромѣ тѣхъ двухъ выводовъ, которые мы сдѣлали изъ его словъ, можно легко вывести изъ нихъ и ту мысль, что во всей догматической дѣятельности Церкви во всѣ времена проявляется двойной характеръ, соотвѣтственно двумъ элементамъ, составляющимъ всегдашнее, неотъемлемое ея достояніе: характеръ Божественный и характеръ человѣческій. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ, скажемъ отъ себя, тотъ же самый законъ, который проявляетъ свое дѣйствіе и въ дѣлѣ спасенія каждаго отдѣльнаго человѣка: законъ гармоническаго сочетанія благодати Божіей и человѣческой свободы. У Куна есть ясное указаніе на тотъ и другой элементъ, въ приложеніи ихъ дѣятельности къ жизни вселенской Церкви. „Высшее содѣйствіе Божественнаго Духа“—вотъ элементъ Божественный. *Непрерывное храненіе и непрестанное насажденіе изъ поколѣній отъ поколѣній ученія, принятаго отъ святыхъ Апостоловъ*—вотъ элементъ человѣческій. Оба эти элемента не противорѣчатъ другъ другу, но, напротивъ, взаимно восполняются: члены Церкви,—и пастыри, и пасомые,—и каждый въ отдѣльности, и всѣ въ совокупности,—трудятся надъ дѣломъ своего спасенія и, какъ живые камни, составляютъ изъ себя духовное зданіе Церкви, Глава которой есть Самъ Христосъ, даровавшій ей обѣтованіе, что *врата адава не одолѣютъ ея* (Мат. 16, 18), и въ силу сего обѣтованія, непрестанно сохраняющій ее отъ всякаго уклоненія отъ истины.

¹⁾ См. Церковныя Вѣдом., изд. при Свят. Синодѣ, 1888 г., № 24, стр. 636 и слѣд.

Всѣ тѣ частные выводы, которые мы сдѣлали изъ словъ Куна, показываютъ, какъ близко (въ нѣкоторыхъ пунктахъ) стоялъ этотъ католическій богословъ къ православному воззрѣнію на значеніе Преданія и на отношеніе къ нему Церкви. Для большей ясности и очевидности такой близости мы можемъ всѣ сдѣланные нами выводы сократить въ одинъ общій выводъ и формулировать его такъ. Хотя, въ силу обѣтованія Христова и влѣдствіе непрестаннаго присутствія и дѣйствія въ Церкви Святаго Духа,—вселенская Церковь и обладаетъ благодатнымъ свойствомъ непогрѣшимо хранить Преданіе апостольское и такъ же непогрѣшимо возвѣщать и истолковывать своимъ чадамъ пріятное отъ Апостоловъ ученіе вѣры; однако это не значитъ, что она можетъ подчинять своему авторитету апостольское Преданіе и ставить самое себя въ положеніе неограниченнаго и исполнѣ свободнаго распорядителя этимъ Преданіемъ. Напротивъ, вся исторія ея показываетъ, что она всегда считала себя не болѣе, какъ только *стражемъ и хранителемъ* вѣреннаго ей изначала Преданія. Вотъ почему всякій разъ, когда ей приходилось составлять вѣроопредѣленіе, по поводу различныхъ потребностей, возникающихъ среди ея членовъ, преимущественно по поводу ересей,—она съ особенною тщательностію прежде всего *проверяла* свое ученіе апостольскимъ Преданіемъ, придавая послѣднему, такимъ образомъ, значеніе *основанія* или, точнѣе, *руководящей нити* при всѣхъ своихъ догматическихъ опредѣленіяхъ. Однимъ словомъ, и Кунъ, и православные богословы вполнѣ согласны въ томъ, что Преданіе имѣетъ для Церкви характеръ совершенно *объективнаго* начала. Поэтому и самая непогрѣшимость вселенской Церкви въ томъ и проявляется, что святая Церковь никогда не говоритъ, будто отъ ея власти зависитъ видоизмѣнять Преданіе, но напротивъ, всегда смиренно сознаетъ, что она *должна непрестанно сохранять его въ неизмѣнной чистотѣ и цѣлости, въ какой оно ей предано было изначала*¹⁾.

Изъ всего сказаннаго дѣлается вполнѣ очевиднымъ, какъ удалились отъ такого взгляда на значеніе Преданія и на от-

¹⁾ Что сдѣланный нами выводъ вполнѣ вѣрно передаетъ мысли самого Куна, въ этомъ можно убѣдиться, прочитавъ стр. 87 его *Догматики*. См. также Friedrich, *Gesch. d. Vatikanischen Concils*, B. I. S. 614, примѣч. 2-е.

ношеніе къ нему Церкви ультрамонтане, а за ними весьма скоро и вся западная церковь, признавшая на Ватиканскомъ соборѣ *папскую* непогрѣшимость за догматы вѣры. Для нихъ Преданіе (повторимъ снова) уже не есть ничто объективное, такъ какъ всецѣло зависитъ отъ мнимо-объективнаго авторитета одного лица (хотя и облеченнаго въ высшую іерархическую степень).

Въ какое отношеніе поставили ультрамонтане католическую Церковь къ Преданію, это лучше всего открывается изъ слѣдующихъ словъ извѣстнаго ультрамонтанскаго богослова, Гуссэ (Gousset), автора „Догматическаго Богословія“ (Théologie dogmatique), которое появилось за два года до начала управления римскою церковію Пія IX-го (т. е. въ 1844 г.) „Когда всѣ, говоритъ этотъ писатель, „или почти всѣ (т. е. богословы, о которыхъ Гуссэ говорилъ выше) соглашаются относительно извѣстнаго пункта ученія и представляютъ этотъ пунктъ какъ „членъ вѣры или какъ часть богословской системы, или же какъ „евангельское предписаніе, то такого рода единогласіе есть доказательство истины. Причина этому отчасти та, что эти богословы учатъ подѣ надзоромъ и отъ имени епископовъ, которымъ поручено сохранять въ неизмѣнности святую сокровищницу Откровенія; отчасти же та, что католическая церковь не можетъ учить заблужденію, ни вообще дѣлать ничего „такого, что противорѣчило бы святости Евангелія, равно какъ „я не можетъ своимъ молчаніемъ допустить, чтобы заблужденіе „сдѣлалось всеобщимъ“... 1). Въ этихъ словахъ, хотя и говорится мимоходомъ о „неизмѣнности святой сокровищницы Откровенія“, но, въ сущности, эта „неизмѣнность“ ставится въ полную зависимость отъ такого или иного мнѣнія *богослововъ* (замѣтимъ: даже не епископовъ, а простыхъ богослововъ!). Гуссэ не рѣшается сказать прямо, что всѣ эти богословы, въ своей совокупности или въ своемъ большинствѣ, не погрѣшны, но косвенно онъ высказываетъ такую мысль, когда изъ понятія о непогрѣшимости вселенской Церкви выводитъ, что и тѣ богословы, которымъ церковная власть поручила преподавать христіанское ученіе, въ силу такого порученія, также не погрѣшны. Здѣсь, очевидно, смѣшивается понятіе о богословахъ съ понятіемъ объ учащей Церкви вообще. Гуссэ какъ—

1) Gousset, Théologie dogmatique, 3-me édition, t. I, pp. 211—212.

будто не замѣчаетъ, что первое изъ нихъ несравненно уже по своему объему, чѣмъ второе. Но особенно бросается въ глаза въ его словахъ то, что этимъ богословамъ (т. е. *самимъ по себѣ*, хотя у Гуссэ и прибавлено, что они учатъ „подѣ надзоромъ и отъ имени епископовъ“) предоставляется такое первостепенное по своей важности дѣло, какъ опредѣленіе извѣстнаго пункта ученія въ качествѣ догмата вѣры. Такимъ образомъ выходитъ, что указанные богословы вовсе не обижаны (какъ будто) обращаться къ церковному Преданію и пользоваться имъ какъ *руководящею нитью* въ своихъ богословскихъ совѣщаніяхъ: имъ достаточно понадѣяться на то, что они, какъ получившіе отъ непогрѣшимой церкви право учить вѣрѣ, въ силу такого порученія, и сами непогрѣшны,—для того, чтобы затѣмъ, даже и безъ прямого участія епископовъ, рѣшать, что есть догматы вѣры, и что—нѣтъ. Мысль о такой *представительной* непогрѣшимости есть мысль чисто ультрамонтанская, которая прямо ведетъ къ мысли о единоличной папской непогрѣшимости.

Всего сказаннаго, думаемъ, вполне достаточно для того, чтобы усмотрѣть, какъ далеко уклонились ультрамонтанскіе богословы не только отъ православнаго, но и отъ своего же, древнекатолическаго, ученія о Преданіи. Послѣ этого, имъ уже не трудно было представить дѣломъ вполне законнымъ всѣ тѣ измѣненія и „поправки“ (а на самомъ дѣлѣ *искаженія*), которыя они допустили въ катихизисахъ и богословскихъ учебникахъ, въ пользу своего любимаго ученія о папской непогрѣшимости. Имъ уже не было нужды справляться, согласно ли это ученіе съ древнецерковнымъ Преданіемъ, потому—что самое это Преданіе сдѣлалось, по ихъ теоріи, не болѣе, какъ послушнымъ орудіемъ во власти римскаго первосвященника. Правда, чрезъ это у нихъ получался, какъ легко замѣтить, логическій кругъ въ доказательствѣ (истинность папской непогрѣшимости доказывалась авторитетомъ самого же папы); однако это ихъ не смущало, потому—что они слишкомъ разсчитывали на свое постоянно возрастающее вліяніе и были твердо увѣрены, что въ самомъ недалекомъ будущемъ они восторжествуютъ въ католической церкви и окончательно подчинятъ ее своему вліянію, что въ 1870 г. (какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ) и случилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Порча ультрамонтанами французскихъ и германскихъ катихизисовъ.

Приступая къ порчѣ ученія о церковномъ Преданіи, ультрамонтане не остановились передъ тѣмъ, чтобы исказить и тѣ книги, по которымъ народъ обучался истинамъ вѣры,—исказить тѣмъ, чтобы включить въ эти книги свои любимыя воззрѣнія на папскую власть. Такое незаконное дѣло, недостойное пастырей и учителей словеснаго стада, они совершили не только во Франціи, но и въ Германіи.

Не нужно думать, будто порча катихизисовъ происходила во Франціи повсемѣстно въ одно и тоже время и съ одинаковою правильностію и систематичностію. Весьма часто случалось въ началѣ текущаго столѣтія, что въ различныхъ епархіяхъ французскихъ, нерѣдко даже смежныхъ, епископы бывали представителями самыхъ противоположныхъ направленій и вѣяній по отношенію къ Риму: одни изъ нихъ отличались характеромъ независимымъ, т. е. были галликанами, а другіе, напротивъ, всячески старались угождать римской куріи и вообще проявляли приверженность къ ультрамонтанству. Такое различіе въ воззрѣніяхъ французскихъ прелатовъ на сущность отношеній папы къ ихъ отечественной церкви, конечно, непременно должно было отразиться различно и на характерѣ вліянія тѣхъ и другихъ епископовъ на ихъ паствы. Гдѣ епископъ зараженъ былъ ультрамонтанскимъ духомъ, тамъ и вліяніе его на своихъ пасомыхъ должно было быть ультрамонтанскимъ; наоборотъ, гдѣ епископъ сочувствовалъ галликанству, тамъ и это вліяніе было галликанскимъ. Всего замѣтнѣе такого рода вліянія обнаружи-

вались въ обученіи епископомъ своей паствы истинамъ вѣры и нравственности, особенно же въ такомъ или иномъ характерѣ катихизическаго обученія. Этимъ и объясняется, почему даже еще въ прошломъ столѣтіи, когда ультрамонтанскій духъ еще далеко не повсемѣстно господствовалъ во Франціи,—многіе катихизисы уже заключали въ себѣ ультрамонтанскія воззрѣнія, между-тѣмъ какъ другіе, изданныя приблизительно около того же времени, но только въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ еще преобладалъ духъ галликанскій,—были чужды этихъ воззрѣній.

По мѣрѣ того, какъ ультрамонтанское вліяніе во Франціи стало прогрессивно усиливаться въ текущемъ столѣтіи, и порча катихизисовъ получила особенно рѣшительный характеръ. Характерною чертою этой порчи сдѣлалось постепенное измѣненіе въ нихъ разныхъ отдѣльныхъ выраженій, сперва мало замѣтно, а съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе значительное,—притомъ въ духѣ совершенно ультрамонтанскомъ.

Эта порча коснулась главнымъ образомъ слѣдующихъ пунктовъ катихизическаго ученія, именно понятій: 1) о Церкви, 2) объ основаніи ея, 3) о ея единствѣ, 4) о ея главѣ, 5) объ источникѣ церковнаго авторитета и характерѣ церковнаго управленія; особенно же 6) объ органѣ непогрѣшимости въ Церкви.

Постараемся послѣдовательно указать по всѣмъ этимъ пунктамъ, какъ совершалась постепенная порча французскихъ катихизисовъ ¹⁾.

1. Чтобы нагляднѣе убѣдиться въ томъ, какъ прогрессивно шла эта порча по отношенію *къ ученію о Церкви*, лучше всего расположить всѣ опредѣленія, встрѣчающіяся въ этихъ катихизисахъ, по восьми категоріямъ ²⁾.

Къ первой изъ нихъ можно отнести то опредѣленіе, въ которомъ рѣчь идетъ *только о струющихъ*, какъ членахъ Церкви. Такое опредѣленіе находится въ катихизисѣ, изданномъ въ Гре-

¹⁾ Главнымъ руководствомъ при этомъ будетъ служить для насъ Michaud („De la falsification des catéchismes français“).

²⁾ Въ опредѣленіяхъ, относящихся къ первымъ четыремъ категоріямъ, еще не замѣтно никакой порчи; но, начиная уже съ пятой категоріи, легко усмотрѣть, какъ искажали ультрамонтане катихизическое ученіе о Церкви, (См. Michaud, pp. 23—28).

ноблѣ, въ 1692 году, гдѣ сказано: „Церковь есть собраніе всѣхъ вѣрующихъ (de tous les fidèles), которые составляютъ единое тѣло, хотя они разсѣяны (sepandus) по всѣй землѣ“.

Вторая категорія заключаетъ въ себѣ то опредѣленіе Церкви, въ которомъ, вмѣстѣ съ вѣрующими, упоминается и о *единой истинной Главѣ Церкви, Господѣ Иисусѣ Христѣ*. Къ этой категоріи относится катихизисъ, изданный въ Анжерѣ (Angers), Ла-Рошелѣ и въ Люсонѣ, въ 1684 году.

Опредѣленіе Церкви, относящееся къ третьей категоріи, заключаетъ въ себѣ упоминаніе о *пастыряхъ Церкви*, но о *папѣ совершенно умалчиваетъ*. Такое опредѣленіе находится въ катихизисахъ, изданныхъ въ Парижѣ (1747), въ Клермонѣ (1789), въ Мо (Meaux, 1834) и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Только уже въ опредѣленіи, относящемся къ четвертой категоріи, впервые встрѣчается *упоминаніе о папѣ*, но только *въ слѣдъ за упоминаніемъ о другихъ законныхъ пастыряхъ Церкви*. Такое опредѣленіе находится въ катихизисѣ, напечатанномъ въ Буржѣ (Bourges) въ 1699 году, гдѣ оно читается такъ: „Церковь есть собраніе (congrégation) всѣхъ вѣрныхъ христіанъ, исповѣдующихъ единую вѣру, приемлющихъ одни и тѣже таинства и подчиненныхъ законнымъ пастырямъ и одному видимому главѣ, который есть нашъ св. отецъ, папа“.

Дальнѣйшія четыре категоріи заключаютъ въ себѣ такіа опредѣленія Церкви, въ которыхъ *папѣ* усвоивается существенно важное значеніе въ средѣ пастырей.

Такъ, къ пятой категоріи можно отнести то опредѣленіе, въ которомъ *сперва упоминается о папѣ*, а потомъ уже о прочихъ пастыряхъ Церкви. Такое опредѣленіе находится въ катихизисахъ, изданныхъ въ Суассонѣ (1718 г.), въ Руанѣ (1749 г.), въ Сансѣ (Sens, 1751), въ Шартрѣ (1784), въ Беллѣ (Belley, 1787), въ Бовэ (Beauvais, 1827), въ Сен-Бриакѣ (Saint-Brieuc, 1835), въ Шартрѣ (1825), въ Руанѣ (1843), въ Кагорѣ (1843), въ Дижонѣ (1846) и въ Бордо (1856).

Къ шестой категоріи принадлежитъ опредѣленіе, въ которомъ *главное мѣсто среди законныхъ пастырей церкви усволяется папѣ*¹⁾.

¹⁾ Катихизисы, изданные въ Сээнѣ (1756), въ Кутансѣ (Coutances 1767), въ

Опредѣленіе понятія о Церкви, относящееся къ седьмой категоріи, замѣчательно особенно тѣмъ, что содержитъ въ себѣ прогрессивно развивающуюся мысль о *подчиненіи* всѣхъ прочихъ представителей католической іерархіи папѣ, причемъ однако, характеръ этого подчиненія ближе еще не опредѣляется. Къ этой категоріи относятся цѣлыхъ двѣнадцать катихизисовъ, изъ которыхъ только въ двухъ, именно: въ катихизисѣ, изданномъ въ 1810 году (Empire), и въ катихизисѣ, изданномъ въ Камбрѣ (въ 1824 году), папа не называется видимою главою церкви, но только *намѣстникомъ* (vicaire) главы Церкви, Христа. Затѣмъ, въ четырехъ изъ числа тѣхъ же двѣнадцати катихизисовъ¹⁾ папа, хотя и названъ *видимою главою Церкви*, однако въ томъ же опредѣленіи упомянуто и *о невидимой Главѣ ея*—Господѣ Иисусѣ Христѣ. Только остальные изъ двѣнадцати катихизисовъ²⁾ прямо выражаютъ мысль, что *папа есть верховный носитель власти въ Церкви*, которому не только всѣ пасомые, но и пастыри обязаны подчиняться; при этомъ въ этихъ катихизисахъ *уже не находится упоминанія о невидимой Главѣ Церкви*. Господѣ Иисусѣ Христѣ.

Восьмая категорія катихизическихъ опредѣленій понятія о Церкви самая характерная, такъ-какъ къ ней принадлежатъ тѣ опредѣленія, въ которыхъ упоминается *одинъ только папа*, о другихъ же пастыряхъ совсѣмъ умалчивается³⁾. Минимъ очень справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что такое умолчаніе о пастыряхъ Церкви и упоминаніе объ одномъ папѣ было вполне равносильно мысли, что Церковь есть папа⁴⁾. А эта мысль и составляетъ сущность ученія о папской непогрѣшимости, потому—что въ этомъ ученіи свойство, принадлежащее, въ силу

Байэ (Bayeux, 1786), въ Нанси (1824), въ Булонѣ (1825), въ Амьенѣ (1834), въ Кутансѣ (1837) и въ Байэ (1838).

¹⁾ Именно: въ Клермонскомъ (1825), Орлеанскомъ (1833), въ катихизисѣ, изданномъ въ Эврѣ (Eureux, 1836), и въ Версальскомъ (1841).

²⁾ Именно: Турекій (1804), Версальскій (1816), катихизисы, изданные въ Мопельѣ и въ Реннѣ (1819 и 1832), Суассонскій (1833) и особенно катихизисъ аббата Гиллуа (Guillois, 1851).

³⁾ См. катихизисы, изданные въ Парижѣ (1670), въ Безансонѣ (1789), въ Родецѣ (1825), въ Безансонѣ (1832) и въ Мендѣ (Mende, 1840).

⁴⁾ Michaud, катол. сочиненіе, стр. 28.

Божественнаго обѣтованія, *всей* Церкви, усвоается одному лишь римскому епископу. Такое объединеніе или, вѣрнѣе, смѣшеніе понятія о Церкви съ понятіемъ о папѣ есть вполне послѣдовательный выводъ изъ другаго, вполне римскаго взгляда, по которому Церковію называется только іерархія. Впрочемъ, этотъ послѣдній взглядъ не встрѣчается въ болѣе раннихъ катихизисахъ, но въ первый разъ высказанъ только въ катихизисѣ, напечатанномъ въ Нанси, въ 1824 году, гдѣ прямо сказано такъ: „Церковь учащая *enseignante* или *просто* (*simplement*) Церковь“.

2. Что касается понятія *объ основаніи Церкви*, то и оно подверглось со стороны ультрамонтанскихъ богослововъ тенденціозной поправкѣ. Здѣсь замѣтимъ три категоріи въ опредѣленіяхъ указаннаго понятія. Въ однихъ катихизисахъ выражается вполне православная мысль, что *Господь Иисусъ Христосъ есть основаніе Церкви*. Такъ, въ катихизисѣ, изданномъ въ Буржѣ (1699), очень ясно сказано „общество Иисуса Христа (или Церкви) есть... единственное зданіе, основаніе котораго есть Онъ“¹⁾. Въ другихъ мы встрѣчаемъ не менѣе православную мысль (слѣдовательно, еще не подвергшуюся ультрамонтанской „поправкѣ“, что, послѣ Самаго Господа Иисуса Христа, основаніе Церкви суть Апостолы. Такую именно мысль выражаетъ составитель Аміенскаго катихизиса 1693 г., когда говоритъ: „Апостолы суть первыя основанія Церкви послѣ Господа нашего Иисуса Христа“²⁾. Наконецъ, къ третьему разряду катихизисовъ относятся такіе, гдѣ уже прямо, съ полною ясностію выражается мысль, что *основаніе Церкви есть Апостолъ Петръ или его преемникъ, папа*. Здѣсь уже вполне очевидна „поправка“ прежнихъ опредѣленій, сдѣланная рукою ультрамонтанскаго богослова, которому нужно было незамѣтно ввести въ катихизическое ученіе свою любимую мысль о томъ, что въ одномъ лицѣ папы изображается вся Церковь, и что, слѣдовательно, папа и Церковь одно и то же по своимъ свойствамъ. Замѣчательно, однако, что указанная „поправка“ сдѣлана съ удивительною постепенностію и осторожностію. Такъ,

¹⁾ Стр. 133.

²⁾ Стр. 189.

въ Аміенскомъ катихизисѣ 1834 г. допущена та уловка, что *въ примѣчаніи* еще говорится объ Апостолахъ, какъ основаніи Церкви, краеугольнымъ камнемъ которой именуется, согласно съ Ап. Павломъ (Еф. 2, 20), Господь Иисусъ Христосъ. Но тутъ же, *въ самомъ текстѣ* катихизиса, прямо выражается мысль, несогласная съ первою, именно: что „папа есть преемникъ Ап. Петра, на которомъ Иисусъ Христосъ основалъ Свою Церковь“. Черезъ это ультрамонтанскій богословъ надѣялся въ одно и то же время угодить и своимъ собратьямъ, ультрамонтанамъ, и тѣмъ, которые держались прежняго опредѣленія понятія объ основаніи Церкви. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся и на то, что замѣна этого прежняго опредѣленія новымъ, ультрамонтанскимъ, произойдетъ, благодаря такой уловкѣ, не такъ замѣтно. Въ то же время въ самомъ выраженіи: „на которомъ... основалъ“, употребленномъ въ указанномъ опредѣленіи Аміенскаго катихизиса, заключалась далеко не ясная мысль, о комъ, собственно, здѣсь рѣчь,—кто именно разумѣется подъ словомъ „который“: Ап. Петръ или папа? Предоставлялось всякому понимать это слово по своему, а это было какъ нельзя болѣе на руку ультрамонтанскимъ „исправителямъ“ катихизическаго ученія объ основаніи Церкви, потому—что, черезъ такую намѣренную двухсмысленность, они надѣялись удобнѣе всего достигнуть своей главной цѣли: внести въ катихизисы вполне ясное ученіе о томъ, что основаніе Церкви есть папа. И вотъ, въ катихизисѣ аббата *Гиллоа* (Guillois), изданномъ въ 1851 году, мы уже прямо читаемъ такого рода опредѣленіе: „Церковь Иисуса Христа была основана *на папствѣ* (*sur la papauté*), „на Петрѣ,..... а другіе Апостолы были лишь *второстепеннымъ* „ея основаніемъ“¹⁾. Проницательный читатель этого катихизиса легко могъ замѣтить, что въ такой чисто-римской мысли какъ-бы *implicite* заключалась другая, именно: что, кромѣ папы, всѣ другіе епископы имѣютъ только *второстепенное* значеніе. А такая мысль, въ своемъ дальнѣйшемъ, послѣдовательномъ развитіи, непременно должна была рано или поздно привести къ тому ученію о папской непогрѣшимости, которое вно-

¹⁾ I т., стр. 378.

слѣдствіи, на Ватиканскомъ соборѣ, получило значеніе догмата вѣры....

3. Еще замѣтнѣе тенденціозная ультрамонтанская „поправка“ въ ученіи о единствѣ Церкви. И въ этомъ ученіи, если разсматривать его по разнымъ французскимъ катихизисамъ, можно легко замѣтить три фазы развитія ¹⁾. Въ однихъ катихизисахъ мы находимъ болѣе или менѣе ясно выраженную мысль, что *Церковь едина въ Иисуса Христа и чрезъ Него, какъ единую Главу Церкви*. Для насъ, православныхъ, этого рода катихизисы особенно интересны, потому—что содержать въ себѣ, какъ легко замѣтить изъ указанной мысли, вполне православное ученіе о единствѣ Церкви и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно рѣзко расходятся съ обычнымъ пониманіемъ этого единства у католическихъ богослововъ, какъ единства, по преимуществу, *внѣшняго*. Эти катихизисы слѣдующіе: Гренобльскій (1692), Нантскій (1723), Руанскій (1749), Сэзускій (1756), Байскій (1786) и Камбрэскій (1824). Чтобы убѣдиться въ томъ, что единство Церкви, о которомъ говорятъ эти катихизисы,—не внѣшнее, политическое, а *внутреннее*, духовное, хотя и проявляющееся вовнѣ,—достаточно указать на слѣдующую мысль, которая встрѣчается въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и которая составляетъ отвѣтъ на вопросъ: почему Церковь едина? „Потому—что вѣрующіе, составляющіе ее, образуютъ изъ себя единое тѣло, имѣютъ единую Главу, единую вѣру, единое упованіе, одни и тѣ же таинства и одни и тѣ же блага духовныя“. Подъ *единой Главою* здѣсь разумѣется Самъ Спаситель, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ тѣхъ же катихизисовъ. Если сравнить приведенное выраженіе съ словами нашего православнаго катихизиса о единствѣ Церкви, то нельзя не найти между ними замѣчательнаго сходства, если не въ выраженіяхъ, то въ смыслѣ ²⁾. Но такихъ катихизисовъ съ православнымъ учені-

¹⁾ Сознаемся, впрочемъ, что употребленное нами выраженіе *фазы* въ данномъ случаѣ не совсемъ точно, такъ—какъ порча катихизическаго ученія шла не въ одинаково правильной послѣдовательности во времени, какъ мы уже и видѣли это выше.

²⁾ Въ православномъ катихизисѣ читаемъ: „Церковь есть едина, потому—что

емъ о единствѣ Церкви очень немного было во Франціи: число ихъ ограничивалось лишь шестью. Почти современный Камбрэскому катихизису 1824 года катихизисъ Булонскій (1825) уже упоминаетъ, рядомъ съ невидимой Главой—Христомъ, и видимую главу—папу. Еще замѣчательнѣе по такому переходному характеру своего ученія о единствѣ Церкви и объ основаніи этого единства—катихизисъ, изданный въ Мо (1834): въ немъ Господь Иисусъ Христосъ именуется уже не Главой, а только *Основателемъ* (fondateur) Церкви; зато папѣ усваивается имя *главы* Церкви. Послѣ такого перенесенія наименованія *главы* съ Господа Спасителя на папу, уже очень нетрудно было придти къ тому, чтобы включить въ катихизическое ученіе мысль, что для единства Церкви *необходимо сохранить единеніе съ римскимъ престоломъ*. Это какъ бы вторая фаза развитія во французскихъ катихизисахъ ученія о единствѣ Церкви. Къ этой категоріи относятся: катихизисы Анжерскій, Ла-Рошельскій и Люсонскій (всѣ три въ 1684 г.), особенно же катихизисъ, изданный въ Баллэ (1787). Впрочемъ, еще здѣсь не вездѣ прямо говорится о самомъ папѣ, но чаще всего идетъ рѣчь о *римской каведри*, взятой какъ-бы въ смыслѣ безличномъ, независимо отъ папы. Конечно, это довольно тонкое различеніе, тѣмъ не менѣе въ немъ всетаки замѣтенъ извѣстный оттѣнокъ, который нельзя упустить изъ вида, когда послѣдовательно разсматриваешь постепенную порчу въ западной церкви катихизическаго ученія о единствѣ церкви. Для ультрамонтанскихъ богослововъ и этотъ, повидимому, незначительный оттѣнокъ могъ имѣть очень важное значеніе: онъ могъ послужить для нихъ какъ-бы переходною ступенью къ открытому включенію въ катихизисы мысли, что для сохраненія единства церкви существенно необходимо сохранять единство *собственно съ папой*. Эта послѣдняя мысль можетъ быть названа третьею фазою развитія во французскихъ катихизисахъ ученія о единствѣ церкви. Катихизисы, принад-

„она есть одно духовное тѣло, имѣетъ одну Главу—Христа и одушевляется однимъ Духомъ Божиимъ“....

Въ силу этого *внутренне* единства, сохраняется въ Церкви и единство внѣшнее, но никакъ не въ политическомъ смыслѣ.

лежащие къ этой послѣдней категоріи, слѣдующіе: Версальскій (1818), Суассонскій (1833), катихизисы, изданные въ Манъ (Mans, 1835) и Эврэ (1836), а также два парижскихъ (1839 и 1846). Послѣдній изъ нихъ, т. е. изданный въ 1846 году, особенно замѣчательнъ тѣмъ, что о невидимой главѣ, Господѣ Исусѣ Христѣ, *изъ немъ совсѣмъ уже не упоминается*, а только содержится мысль о необходимости подчиненія видимой главѣ папѣ. Въ этомъ же катихизисѣ, на стр. 103, встрѣчается и такая мысль: „римская церковь обладаетъ единствомъ, потому что она имѣетъ одну общую главу, которая есть папа, въ единеніи съ коимъ пребываютъ епископы (auquel sont unis les évêques), а также единую вѣру и одни и тѣ же таинства“. Мишю очень основательно ужасается по поводу этихъ словъ. въ которыхъ онъ видитъ опасное нововведеніе въ ученіи о единствѣ церкви. Дѣйствительно, во всѣхъ прежнихъ катихизисахъ на первомъ мѣстѣ всегда поставлялось единство вѣры и таинствъ, а теперь это важнѣйшее и существеннѣйшее единство ставится уже *на второмъ мѣстѣ*, уступая первое мѣсто единенію папѣ и пасомыхъ съ папою. Теперь это послѣднее единеніе дѣлается главнымъ критеріемъ для сужденія, принадлежитъ ли извѣстный христіанинъ къ истинной церкви, или нѣтъ ¹⁾.

4. Относительно постепенной порчи *ученія о Главѣ Церкви*, мы уже имѣли случай убѣдиться, какъ во многихъ католическихъ катихизисахъ ученіе о невидимой Главѣ, Христѣ Спасителѣ, незамѣтно стало получать второстепенное значеніе, а затѣмъ даже и вовсе исчезать, уступая мѣсто ученію о видимой главѣ—папѣ. Сдѣлаемъ теперь нѣкоторыя замѣчанія по поводу такой замѣны православнаго ученія (или во всякомъ случаѣ ученія близкаго къ православному) ученіемъ чисто римскимъ, ультрамонтанскимъ.

Обыкновенно, католическіе богословы, въ отвѣтъ на упрекъ, который дѣлаютъ имъ православные,—упрекъ въ томъ, что ученіе о видимомъ главенствѣ папы какъ-бы устраняетъ и дѣлаетъ излишнимъ ученіе о невидимой Главѣ Церкви, Христѣ Спаси-

телѣ,—оправдываются тѣмъ, что папа, по ихъ ученію, есть *наимѣстникъ* (vicarius) Христа на землѣ въ томъ смыслѣ, что онъ есть какъ-бы видимый органъ, чрезъ который Спаситель управляетъ Своею Церковію. На первый взглядъ такое оправданіе могло бы, пожалуй, показаться иному достаточно устраняющимъ всю силу приведеннаго упрека. Но это только на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что то понятіе о *наимѣстничествѣ*, которое соединяется съ лицомъ папы, на самомъ дѣлѣ имѣетъ такой широкій и исключительный смыслъ, что совсѣмъ не позволяетъ видѣть въ папѣ *только* видимый органъ дѣйствія Спасителя въ Церкви. „Папа не служитъ только Божій“, замѣчаетъ по этому поводу о. протоіерей А. А. Лебедевъ, „не домостроитель таинъ Божіихъ, какъ Ап. Павелъ именовалъ себя и другихъ „Апостоловъ, но обладатель всей Христовой власти, продолжатель на землѣ дѣла Христова, какъ-бы Самъ Христосъ, видимый Спаситель“ ¹⁾. Не даромъ профессоръ *Крейзеръ* (Kreuser), на ливнскомъ католическомъ съѣздѣ, прямо назвалъ папу „видимымъ Христомъ вселенной“ (der sichtbare Christus des Welt). Это было сравнительно незадолго до Ватиканскаго собора, именно: въ 1856 году ²⁾. Если поглубже вдуматься въ значеніе этого выраженія, которое удивительно вѣрно и мѣтко характеризуетъ всю сущность римскаго ученія о главенствѣ папы, то нельзя не согласиться съ преосвященнымъ Хрисаномъ, что въ этомъ ученіи „всемирная идея искупленія и благодѣянія привязывается къ отдѣльной личности“ ³⁾. А чрезъ это (страшно сказать и даже подумать!) личность Самого Искупителя какъ-бы отступаетъ на задній планъ,—получаетъ какъ-бы только второстепенное значеніе,—и замѣняется личностію папы. Ясно, что понимаемое въ такомъ смыслѣ *наимѣстничество* папы получаетъ скорѣе значеніе *замѣстительства*, но никакъ не указываетъ на то, будто папа есть только видимое орудіе невидимой главы церкви Господа Исуса Христа. Если папа и могъ имѣть это послѣднее значеніе, то развѣ только въ гла-

¹⁾ О главенствѣ папы, стр. 47.

²⁾ Friedrich, gesch. d. Vatikanischen Concils, B. 1, s. 352.

³⁾ Преосвящ. Хрисанъ, Характеръ протестантства, стр. 39.

¹⁾ Michaud стр.

захъ умѣренныхъ католиковъ, да и то въ тѣ уже минувшія времена, когда ученіе о папскомъ главенствѣ еще не было доведено до той крайней точки своего развитія, какой оно достигло при Піѣ IX.

5. Значеніе папы какъ замѣстителя Христа на землѣ, какъ „видимаго Христа вселенной“, особенно характерно и рельефно отразилось на ультрамонтанскомъ ученіи *объ источникѣ церковнаго авторитета*. Какъ другіе пункты ученія о Церкви, такъ и этотъ пунктъ подвергся со стороны ультрамонтанскихъ богослововъ искаженію, цѣль котораго, конечно, заключалась въ желаніи, насколько возможно, наиболѣе возвысить папскую власть въ Церкви. Католики, относящіеся, по времени своего происхожденія, къ болѣе ранней эпохѣ, очень ясно учатъ, что *вся пастыри Церкви, кто бы они ни были* (слѣдовательно и самъ папа), *получаютъ свою власть, т. е. власть учить, священнодействовать и управлять, отъ Самого Иисуса Христа*, единаго Источника всякой власти. Такое ученіе мы находимъ въ католическихъ: Аміенскомъ (1693), Нантскомъ (1723), Сансскомъ (de Sens, 1751), Шартрскомъ (1784), Камбрэскомъ (1824), Булоньскомъ (1825) и Аміенскомъ (1834). Зато уже въ Сен-Бріакскомъ католическомъ (1835) замѣтно нѣкоторое уклоненіе отъ этого ученія. Хотя и здѣсь еще говорится, что и папа, и епископы получаютъ свою власть отъ Иисуса Христа и проявляютъ ее не иначе, какъ Его именемъ; однако въ другомъ мѣстѣ того же католическаго читаемъ слѣдующее: „Епископы суть служители (ministres), представители (représentants) Иисуса Христа въ своихъ собственныхъ епархіяхъ, подобно тому, какъ папа есть Его главный намѣстникъ (vicaire général) во вселенской Церкви. Они (т. е. епископы) суть истолкователи (interprètes) Его слова, судьи въ дѣлахъ вѣры, начальники другихъ пастырей, *источникъ всякой юрисдикціи* и центръ епархіального единства въ зависимости отъ верховнаго перво-священника (т. е. папы), *какъ и этотъ послѣдній пользуется тѣми же прерогативами во всемъ католическомъ мірѣ*“. Въ этихъ словахъ содержится, хотя еще и не вполне ясный, все-таки, несомнѣнный намекъ на то, что въ католической церкви папа есть *источникъ юрисдикціи* для всѣхъ прочихъ епископовъ, ко-

торые являются лишь частными источниками юрисдикціи въ своихъ епархіяхъ, при томъ не иначе, какъ въ силу своей зависимости отъ этого главнаго источника. Такимъ образомъ первоначальная мысль о томъ, что источникъ всякой власти въ Церкви есть единый Христосъ Спаситель, какъ-будто нѣсколько начинаетъ здѣсь затемняться. Но это пока еще только переходъ къ дальнѣйшему, болѣе рѣшительному и ясному ученію о томъ же предметѣ. Въ Парижскомъ католическомъ 1846 года уже прямо выражается мысль, что папа „имѣетъ право учить не только всѣхъ вѣрующихъ, но и священниковъ и епископовъ“, а также и управлять всѣми ими, и что по этой причинѣ онъ есть „князь пастырей“ (le prince des pasteurs). Слѣдовательно, здѣсь уже прямо утверждается, что папа есть источникъ юрисдикціи по отношенію ко всѣмъ пастырямъ Церкви. Еще яснѣе эта же мысль излагается въ католическомъ аббата Гиллуа (1851 г.), гдѣ сказано объ этомъ такъ: „Этого рода приматство (т. е. выражающееся въ непосредственной юрисдикціи надъ вселенскою Церковію) папа получаетъ непосредственно. Лишь только онъ канонически избранъ и далъ свое согласіе на это избраніе, онъ имѣетъ, безъ всякаго иного утвержденія, власть надъ всею Церковію, если бы даже онъ не былъ ни епископомъ, ни пресвитеромъ, ни діаконемъ, ни субдіаконемъ, ни простымъ міряниномъ“. А ниже тотъ же католическій прямо учить, что весь епископатъ получаетъ свое начало и свою власть отъ кафедръ блаженнаго Петра“. Особенно замѣчательна мысль, высказанная здѣсь: что даже и тогда папа былъ бы источникомъ юрисдикціи для епископовъ, если бы онъ былъ только міряниномъ. Чрезъ это ясно дается понятъ, что всѣ чрезвычайныя привилегіи, которыя усваиваются папѣ сравнительно съ прочими епископами, принадлежатъ ему не какъ іерархическому только лицу, но какъ чему-то высшему и пастырей, и мірянъ. Очевидно, здѣсь есть желаніе приравнять папу по власти ко вселенскому собору, если только не поставитъ его еще выше... Легко понятъ, такимъ образомъ, куда мѣтитъ аббатъ Гиллуа: онъ какъ-бы *обоготворяетъ* папу.

Съ искаженіемъ ученія объ источникѣ власти въ Церкви имѣло самую тѣсную связь искаженіе и ученіе о *сущности*

церковного управленія. И здѣсь ультрамонтанскіе богословы совершили тотъ же великій грѣхъ: и здѣсь они замѣнили невидимую Главу Церкви, Христа, и Святаго Духа, управляющаго ею,—папой. Въ катихизисахъ ранѣйшей эпохи,—по преимуществу, прошлаго столѣтія и первой четверти нынѣшняго,—еще находится мысль о томъ, что Церковь прежде всего и главнымъ образомъ управляется Святымъ Духомъ и Самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ. Но затѣмъ ультрамонтане начинаютъ ослаблять въ катихизическомъ ученіи этотъ важнѣйшій его пунктъ и, вмѣсто него, на первомъ планѣ поставляютъ *внѣшнее* церковное управленіе,—однихъ пастырей Церкви. При этомъ сначала понимаются подъ послѣдними не только папа и епископы, но и пресвитеры. Но въ другихъ катихизисахъ уже прямо выражается мысль, что пресвитеры не имѣютъ никакаго рѣшительнаго участія въ церковномъ управленіи. Наконецъ, централизація власти, проявляющейся въ этомъ управленіи, доводится до того, что сами епископы мало-по-малу теряютъ свое законное участіе въ этой области іерархическихъ обязанностей; между тѣмъ, какъ все болѣе и болѣе получаетъ силу ученіе о томъ, что папа *есть единственный* носитель (въ собственномъ смыслѣ) духовной власти; а епископы при немъ не болѣе, какъ только исполнители послушные ему исполнители его опредѣленій¹⁾. Нетрудно понять, что такое постепенное искаженіе ученія о церковномъ управленіи прямо вело къ признанію папской непогрѣшимости за догматъ вѣры..

6. Переходимъ къ самому важному (по отношенію къ основной задачѣ нашего изслѣдованія) пункту ученія о Церкви, именно: къ вопросу *объ органѣ непогрѣшимости въ ней*. И здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, ультрамонтане исказили истину, притомъ съ такою же постепенностію, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, рассмотрѣнныхъ нами. Цѣлыхъ двадцать катихизисовъ²⁾ (начиная съ изданныхъ въ концѣ XVII вѣка и кончая

сороковыми годами нашего столѣтія) еще содержатъ въ себѣ ученіе только о томъ, что непогрѣшима вселенская Церковь, причѣмъ, однако, не говорится ни слова не только о папѣ, но даже и о всей учащей Церкви вообще. Въ другихъ же катихизисахъ, гдѣ понятіе о Церкви объединяется съ понятіемъ *объ учащей* только ея половинѣ, хотя и не высказывается ничего опредѣленнаго относительно органа непогрѣшимости въ Церкви вообще, однако очень ясно дается основаніе для мысли, что непогрѣшима лишь именно одна *учащая* ея половина (что, впрочемъ, еще совершенно правильно и съ нашей, православной, точки зрѣнія)¹⁾. Затѣмъ, на вопросъ, *кто* именно составляетъ эту *учащую* Церковь, отвѣчаютъ лишь нѣкоторые катихизисы, и притомъ въ томъ смыслѣ, что подъ учащую Церковію надобно понимать лишь папу и епископовъ и совершенно исключать при этомъ пресвитеровъ и діаконовъ²⁾. Но ультрамонтане не могли удовольствоваться и такимъ ограниченіемъ въ понятіи *объ органѣ* непогрѣшимости: имъ необходимо было замѣнить мысль *объ учащей* Церкви, т. е. о совокупности учительской власти всѣхъ пастырей Церкви, мыслью *объ одномъ* папѣ. Но какъ могли они достигнуть этой цѣли? Понятно, не сразу, а только очень и очень постепенно. Они начали дѣло съ того, что очень категорически стали учить въ нѣкоторыхъ катихизисахъ, что „всѣ вѣрующіе безъ исключенія обязаны почитать и слушаться папу (doivent au pape respect et obéissance) во всемъ, что имѣетъ отношеніе къ вѣрѣ и нравамъ“. Но въ то же время они еще оставили пока въ тѣхъ же катихизисахъ ученіе о томъ, что непогрѣшимость живетъ вообще въ *учащей* Церкви, не опредѣляя однако, что именно разумѣть подъ этимъ послѣднимъ понятіемъ. Таково положеніе дѣла, напр. въ Аміенскомъ катихизисѣ 1834 года. *Мишю* очень вѣрно замѣчаетъ, что чрезъ это ультрамонтанскіе богословы очень искусно устроили какъ-бы *мостъ* отъ ученія о непогрѣшимости учащей Церкви къ ученію (еще не высказанному ими въ то время открыто) о не-

¹⁾ Michaud, p. 53.

²⁾ Имено: Шалонскій (1670), Анжерскій (1684), Ла-Рошельскій (1684), Люсонскій (1684), Аміенскій (1693), Буржскій (1699), Руанскій (1749), Сэзускій (1756), Шартрскій (1784), Клермонскій (1789), Монпельскій (1819), Камбрейскій (1824), Клермонскій (1825), Ренскій (1832), Эврескій (1836), Кутанскій (1837),

Байзскій (1838), Парижскій (1839), Руанскій (1843) и Кагорскій (1843). См. *объ этомъ* у Michaud, pp. 68—69.

¹⁾ Michaud, p. 69.

²⁾ Ibidem.

погрѣшимости папы ¹⁾. Разъ такой *мостъ* былъ устроенъ, нетрудно уже стало воспользоваться имъ для достиженія основной цѣли всѣхъ ультрамонтанскихъ стремленій,—усвоенія *одному* папѣ того свойства, которое принадлежитъ *всей* Церкви. И вотъ, въ катихизисѣ аббата Гиллуа (1851) мы находимъ мысль, что *врата ада не одолѣютъ* не Церковь, а тотъ камень, о которомъ говоритъ Спаситель (Мат. 16, 18), т. е. (какъ толкуетъ Гиллуа) Апостола Петра, а затѣмъ и папу, какъ его преемника. Это уже прямой намекъ на ученіе о папской непогрѣшимости, но еще только намекъ. Зато въ катихизисѣ *Frégus* (1860), въ самомъ началѣ, помѣщено письмо епископа *Жордани*, которое открыто учитъ о томъ, что папа не погрѣшимъ ²⁾. Послѣ этого, оставалось только объявить, что это ученіе есть догматъ вѣры, чтѣ и сдѣлано было на Ватиканскомъ соборѣ.

Относительно *германскихъ* катихизисовъ можно сдѣлать тоже общее замѣчаніе, какое мы сдѣлали о французскихъ, именно: что въ тѣхъ изъ нихъ, которые относятся къ сравнительно болѣе раннему времени, часто не только нѣтъ указанія на ученіе о папской непогрѣшимости, но даже встрѣчаются и прямо противорѣчащіе ему пункты.

Наиболѣе замѣчательнъ таковымъ отсутствіемъ упоминанія о папской непогрѣшимости знаменитый и весьма распространенный (особенно до половины нынѣшняго столѣтія) въ Германіи катихизисъ иезуита *Канизія* (Canisius). Авторъ этого катихизиса, хотя и принадлежалъ къ ордену Лойолы, однако въ своемъ произведеніи совсѣмъ умалчиваетъ о папской непогрѣшимости. Причина такого умолчанія, конечно, лежитъ въ томъ обстоятельстве, что самъ Канизій еще слишкомъ хорошо понималъ, какъ мало для ученія объ этой непогрѣшимости твердыхъ основаній въ церковномъ Преданіи ³⁾.

¹⁾ *Michaud*, p. 70.

²⁾ *Ibidem*, p. 71.

³⁾ Кромѣ катихизисовъ, самое замѣчательное сочиненіе патера Канизія, *Symma doctrinae christianaе*, полнившееся въ Вѣнѣ въ 1554 году, въ которомъ содержится полная богословская система этого богослова,—также ничего не знаетъ о папской непогрѣшимости. Есть еще одно сочиненіе того же автора: *Catechismus catholicis juventuti formandae hoc saeculo quam maxime necessarius*,—изданное въ Антверпенѣ въ 1559 году. Но это очень краткое изложеніе вѣры, и поэтому много

Такъ называемый, *малый катихизисъ* этого богослова, изданный въ Ингольштадтѣ, въ 1584 году, содержитъ въ себѣ такое раскрытіе ученія о Церкви: „Что содержится“, спрашиваетъ Канизій, „въ словахъ: Святая, вселенская (allgemeine), христіанская Церковь;—общеніе святыхъ?“. И отвѣчаетъ на этотъ „вопросъ такъ: „Это значитъ: Я вѣрую и исповѣдую во-первыхъ, „что видимая Церковь Божія или собраніе вѣрующихъ здѣсь, „на землѣ, только одна и пребываетъ единою (nur eine und „einig ist), въ единомъ Духѣ Христовомъ и въ единой вѣрѣ, „въ единообразномъ содержаніи (in gleichförmlicher Haltung) „таинствъ, *въ совершенномъ повиновеніи единой Главы и истинному* *пастырю* (т. е. папѣ). *Этого пастыря пасетъ* всѣхъ христіанскихъ (словесныхъ) овецъ и *призываетъ ими, какъ на- „истинникъ Христа и какъ преемникъ Ап. Петра*. Во-вторыхъ, „я вѣрую и исповѣдую, что эта Церковь Божія свята, потому— „что она очищена отъ грѣховъ и освящена *Христомъ, своей „невидимой Главой* и своимъ вѣрнымъ *Женихомъ*; что она пре- „бываетъ обрученною Христу и въ единеніи съ Нимъ чрезъ „вѣру и таинства; что она для такого единенія получаетъ освя- „щеніе отъ Св. Духа, *Который сохраняетъ ее въ единствѣ, „научаетъ въ ней истинѣ* и постоянно ведетъ ее къ вѣчному „спасенію.—Въ-третьихъ, я вѣрую и исповѣдую, что эта Цер- „ковъ именуется и дѣйствительно есть католическая или все- „ленская, и что, слѣдовательно, она не привязана ни къ ка- „кимъ особымъ мѣстамъ и временамъ, но, въ совокупности со „всѣми своими членами, простирается во весь міръ.—но всеѣ „страны; что она включаетъ въ себя всѣхъ вѣрующихъ во Хри- „ста всѣхъ временъ, что она имѣетъ и хранитъ *hat und hält* „*общее* (allgemeines), *всегда продолжающееся* (immer währen- „des) и *неизмѣнное* (gleichlautendes) исповѣданіе вѣры, и та- „кое же содержаніе таинствъ и Богослуженія. Наконецъ, въ „четвертыхъ, я вѣрую и исповѣдую, что только въ этой като- „лической Церкви и находится, и пребываетъ общеніе свя-

отдѣльныхъ пунктовъ катихизическаго ученія въ немъ мало раскрыты. Въ виду этого мы, говоря о катихизисахъ Канизія, и останавливаемся, собственно, на одномъ изъ нихъ,—такъ называемомъ, *маломъ* (Kleiner Katechismus), гдѣ, всматривая на такое заглавіе, очень обстоятельно раскрыто ученіе о Церкви.

„тыхъ, т. е. всѣхъ избранныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые съ вѣрою проходятъ еще свое земное странствованіе, другіе уже блаженно царствуютъ на небѣ, а третьи находятся еще въ чистилищѣ, какъ-бы на пути къ небу“¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ, на вопросъ; „что именуется Церковію, и что такое Церковь?—тотъ же катихизисъ отвѣчаетъ такъ: „Единая истинная и католическая (вселенская) Церковь есть не иное что, какъ всеобщее видимое собраніе всѣхъ христіанъ, которые соединены въ единствѣ вѣры и въ единообразномъ содержаніи таинствъ и управляются здѣсь, на землѣ, по повелѣнію Христа, Апостоломъ Петромъ и его преемниками, какъ духовными верховными пастырями и намѣстниками Христовыми“²⁾. Замѣчательно также, какіе указываются въ томъ же катихизисѣ признаки, отличающіе истиннаго христіанина отъ еретика. „Католическій (вселенскій) христіанинъ въ послушаніи принимаетъ и исповѣдуетъ все, чему вѣрить и что содержатъ повелѣваетъ истинный Учитель, *Духъ Святый, чрезъ Апостоловъ, чрезъ вселенскую Церковь и чрезъ ея духовныхъ вождей*. „Ибо, согласно истинному, Богоучрежденному порядку, овцы должны внимать голосу своихъ нарочито поставленныхъ пастырей и оказывать христіанское послушаніе духовнымъ властямъ“³⁾. На вопросъ, въ чемъ именно должно выражаться почтеніе къ духовнымъ властямъ, Канизій отвѣчаетъ такъ: „Ихъ должно почитать не менѣе, чѣмъ свѣтскую власть. Такъ—что, даже и въ томъ случаѣ, если бы духовныя лица и прелаты оказались недостойными своего званія, мы все-таки обязаны признавать ихъ власть и почитать ихъ. Слѣдовательно, мы должны оказывать смиренное христіанское послушаніе всеенскимъ соборамъ, постановленіямъ святыхъ Апостоловъ и святыхъ Отцовъ и вообще всѣмъ принятымъ отъ древности благочестивымъ преданіямъ и обычаямъ. Наконецъ, слѣдуетъ повиноваться пастырямъ церковнымъ...“⁴⁾.

Всѣхъ сдѣланныхъ нами выдержекъ изъ катихизиса Канизія,

¹⁾ *Kanizius*, Kleiner Katechismus, Ingolstadt 1584, SS. 52—55.

²⁾ *Ibidem*, S. 61.

³⁾ *Ibidem*, S. 65.

⁴⁾ *Ibidem*, S. 100.

думаемъ, вполне достаточно для того, чтобы убѣдиться, что во всемъ его ученіи о Церкви нѣтъ никакого указанія на папскую непогрѣшимость; даже и въ зародышѣ мы не находимъ здѣсь этой ультрамонтанской доктрины.

Насколько распространено было и какимъ великимъ уваженіемъ пользовалось катихизическое ученіе Канизія, видно уже изъ того, что, по смерти этого знаменитаго богослова, вся почти католическая Германія воспитывала на немъ, впродолженіе цѣлыхъ двухъ столѣтій, свое юношество. Это лучше всего подтверждаютъ многіе катихизическіе труды, появившіеся за этотъ періодъ въ Германіи и представляющіе не что иное, какъ сокращенныя изложенія ученія Канизія¹⁾.

Такимъ же отсутствіемъ ультрамонтанской закваски въ ученіи о Церкви отличались и всѣ почти германскіе катихизисы не только въ XVIII, но и въ первой половинѣ текущаго столѣтія²⁾. Правда, уже съ конца XVIII-го вѣка стало замѣтно въ составителяхъ катихизисовъ нѣкоторое стремленіе ввести

¹⁾ Таковы напримѣръ: 1) „*Catechismus biblicus*, Das ist: Schriftmässige Bewahrung der wahren christlichen allein seeligmachenden in des Dr. Canisius deutschem Katechismus enthaltenen Lehre“; эта книга была издана въ 1663 году, по повелѣнію Іоанна Филиппа, курфюрста и архіепископа майнцаго. 2) Два новыхъ изданія катихизиса Канизія, отъ 1738 и 1755 годовъ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями и приспособленіями для изученія этого катихизиса не только взрослыми, но и дѣтьми.

²⁾ Перечислимъ важнѣйшіе изъ нихъ: 1) „*Nothwendige und nützliche Fragen und Antworten... Cum permissu Superiorum*“. Stadtahof 1743; 2) „*Katholischer Katechismus für die zweite Klasse der Kinder*“. Wien und Freyburg 1773; 3) „*Der grosse Katechismus in Fragen und Antworten*...“ Wien. 1777; 4) „*Vollständiger Katechismus der christkatholischer Religion*...“ München 1789; 5) „*Katechismus der christeathol. Religion in drei Abtheilungen*...“ 1812; 6) „*Katechismus der christeathol. Religion für den Jugend- und Volksunterricht im Bisthume Regensburg*“. Sulzbach 1842 und 1851; 7) „*Kürzerer Katechismus der christeatholischen Religionslehre für die Volksschulen*“. München 1813 и 1819; 8) „*Vollständiger Katechismus der christeatholischer Religion*...“ München 1846; 9) „*Katechismus der christeathol. Religion in Versen und Liedern*“. Kempten 1851; 10) „*Catechismus practicus oder Unterweisung vom heil. Sacramente der Busse und der Altars*...“ von *Ioanne Dursfeld*, Soc. Iesu.—Köln 1838; 11) „*Katechismus der christ. cathol. Religion*...“ Bamberg 1828 и 1832; 12) „*Katechismus der christeathol. Glaubens- und Sittenlehre*“, von *Godhard Ontrup*. Hannover 1839; 13) *Schuster's* Katechismus Freiburg 1845; 14) *Oeverberg*, Katechismus. Münster 1830 и 1834; 15) *Schmitz*, katholischer Katechismus. Köln u. Neuss 1849; 16) *Eberhard*, katholischer Katechismus. Regensburg 1849,—и мн. др.

въ катихизическое учение ультрамонтанскую теорию о папской непогрѣшимости ¹⁾, но тогда еще всѣ эти попытки были весьма несмѣлыми и далеко не частыми. То же слѣдуетъ сказать и о первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Такъ, даже въ катихизисѣ Краутгеймера (Krautheimer), появившемся въ то время, когда германскіе ультрамонтане уже успѣли значительно усилить свое вліяніе (1845 г.), мы еще находимъ слѣдующее замѣчательное мѣсто: „Должны-ли мы вѣрить“, спрашиваетъ составитель катихизиса, „что, вслѣдствіе своего главенства (Vorganges), папа не погрѣшимъ и можетъ самъ повелѣвать всѣмъ, подобно Христу,—какъ объ этомъ учатъ некатолѣ (wie die „Unkatholischen vorgeben?“ И на этотъ замѣчательный вопросъ онъ самъ же даетъ такой, еще болѣе замѣчательный, отвѣтъ: „Нѣтъ, онъ (папа) только съ осторожностію высказываетъ при „религіозныхъ спорахъ свое судейское рѣшеніе (einen Richter-spruch), которое только тогда становится членомъ вѣры (ein „Glaubensartikel), когда Церковь съ нимъ соглашается (wenn „die Kirche beistimmt). Это на томъ основаніи, что Церковь „есть живое тѣло, глава котораго такъ же точно не можетъ „существовать для одного себя, какъ и тѣло не можетъ суще- „ствовать безъ главы ²⁾“. Трудно, кажется, найти въ католическихъ катихизисахъ болѣе ясное опроверженіе ученія о папской непогрѣшимости, чѣмъ какое содержится въ этихъ немногихъ словахъ. При этомъ особенно замѣчательно то, что Краутгеймеръ прямо называетъ сторонниковъ этого ученія некатолѣ (die Unkatholischen). Такимъ образомъ въ 1845 году ученіе о папской непогрѣшимости еще настолько было не популярно въ Германіи, что даже такой распространенный катихизисъ, какимъ былъ катихизисъ Краутгеймера, рѣшительно вооружался противъ него.

Не прошло, послѣ того, трехъ съ небольшимъ лѣтъ, и указанное ультрамонтанское ученіе стало, наконецъ, очень ясно проникать въ германскіе катихизисы. Какъ и слѣдовало ожидать, это было сдѣлано иезуитами. Еще въ 1847 году появил-

¹⁾ Friedrich, Geschichte des Vatikanischen Concils, B. I, S. 508—509.

²⁾ M. Krautheimer, Katechismus, der christkatholischer Religion, Mainz 1845, S. 87.

ся въ свѣтъ новый катихизисъ, составленный иезуитомъ Дегарбе (Deharbe). Въ немъ хотя и не говорится такъ рѣшительно противъ папской непогрѣшимости, какъ у Краутгеймера, однако еще довольно ясно излагается ученіе о томъ, что Христосъ Спаситель обѣтовалъ непогрѣшимость не отдельнымъ учителямъ (nicht den einzelnen Lehrern), но Церкви въ соединеніи съ ея главою (der Kirche in Verbindung mit dem Oberhaupt) ¹⁾. Въ виду этого, съ перваго взгляда могло показаться, что и Дегарбе не вводитъ ничего новаго въ катихизическое ученіе о Церкви. Но на самомъ дѣлѣ его понятіе о непогрѣшимости имѣло уже почти совершенно иезуитскій характеръ. Это видно изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ того же катихизиса. Такъ, въ одномъ изъ нихъ мы читаемъ слѣдующее: „Если въ Церкви „возникаетъ споръ, то какихъ учителей слѣдуетъ слушаться? „Тѣхъ, которые находятся въ согласіи съ главою Церкви, нпной „(welche sich an das Oberhaupt der Kirche, den Papst, halten)“ ²⁾...; и затѣмъ приводится известное мѣсто изъ Евангелія: Симоне, Симоне, се сатана проситъ висъ... и пр. (Лук. 22, 31—32). Въ другомъ мѣстѣ, сверхъ того, говорится довольно категорически о подчиненіи епископовъ папѣ, въ смыслѣ ультрамонтанскомъ ³⁾. Всетаки это (первое) изданіе катихизиса Дегарбе было еще сравнительно умѣренно въ изложеніи ученія о папѣ. Въ 1849 году вышло второе его изданіе, и здѣсь уже вполне очевидна стала ультрамонтанская тенденція издателей. Между—тѣмъ, какъ въ первомъ изданіи учительское служеніе епископовъ опредѣлялось въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 1) въ чистомъ и неизмѣнномъ храненіи ученія Христова, 2) въ истинномъ его истолкованіи и проповѣданіи и 3) въ осужденіи противоположныхъ ему заблужденій;—во второмъ мы находимъ уже такого рода „поправку“: „Черезъ учительское служеніе Христосъ даровалъ имъ (епископамъ) полномочіе проповѣдывать Божественное ученіе и осуждать противоположное „еретическое ученіе“ ⁴⁾. Здѣсь, такимъ образомъ, уже нѣтъ бо-

¹⁾ Deharbe, Katholischer Katechismus, 1847 года, вопр. и отв. 277.

²⁾ Ibidem, вопросъ и отвѣтъ 278-й.

³⁾ Clemens Schmitz, „Ist der Papst persönlich unfehlbar? München 1870, S. 75.

⁴⁾ Ср. Deharbe 1847 г. вопр. 253-й, и Deharbe 1849 г., вопр. 261-й.

лѣ рѣчи о чистомъ и неизмѣнномъ храненіи ученія Христова, а говорится только объ учительствѣ въ тѣсномъ смыслѣ: мысль вполне ультрамонтанская, которая лучше всего могла подготовить провозглашеніе новаго ватиканскаго догмата, при Пій IX. Въстѣ съ тѣмъ, въ этомъ же изданіи указаннаго катихизиса съ особенною силою высказывается мысль о томъ, что главное условіе для сохраненія единства Церкви есть безусловное подчиненіе всѣхъ епископовъ папѣ ¹⁾.

Катихизисъ Дегарбе въ самомъ непродолжительномъ времени получилъ, благодаря стараніямъ ультрамонтанской партіи, самое широкое распространеніе въ Германіи. Онъ не только разошелся по всѣмъ баварскимъ епархіямъ, но и по другимъ германскимъ землямъ, особенно же въ рейнской провинціи, вслѣдствіе происковъ майнцкой ультрамонтанской партіи и ея вліятельнѣйшаго дѣятеля, архіепископа Кеттелера ²⁾. Впрочемъ, распространіе этого катихизиса не ограничилось одной Германіей: ревностные ультрамонтане успѣли перевести его на многіе языки, напр.: на венгерскій, на кроатскій, на чешскій, на моравскій, на польскій, на датскій, на шведскій, на голландскій и на англійскій, такъ—что онъ проникъ даже въ Остъ-Индію ³⁾. Однимъ словомъ, одинъ катихизисъ Дегарбе имѣлъ, можно сказать, для ультрамонтанскаго дѣла несравненно большее значеніе, чѣмъ всѣ испорченные ультрамонтанами французскіе катихизисы.

Кромѣ Дегарбе, значительную услугу ультрамонтанскому дѣлу указали своими катихизисами другой іезуитъ, *Венингеръ* (Weninger), американскій миссіонеръ и авторъ книги: „Die apostolische Vollmacht des Papstes in Glaubens-Entscheidungen“ (въ 1841 году). Онъ составилъ для американской католической церкви нѣсколько катихизисовъ на нѣмецкомъ языкѣ: *малый, большой и спеціальный*, для народныхъ школъ. Какъ катихизисъ Дегарбе (въ различныхъ его видахъ и изданіяхъ) былъ одобренъ всѣми баварскими епископами, такъ и катихизисы Венингера удостоились одобренія со стороны многихъ американскихъ епископовъ, начиная съ архіепископа г. Цинциннати ⁴⁾. И самая

¹⁾ *Shmitz*, S. 101. Ср. *Deharbe 1840 г.*, вып. 269-й.

²⁾ *Friedrich*, B. I, S. 516.

³⁾ *Ibidem*, B. I, S. 517.

⁴⁾ *Ibidem*, B. I, S. 517.

судьба этихъ катихизисовъ похожа была на судьбу катихизиса Дегарбе, такъ-какъ и они получили самое широкое распространеніе, проникнувъ изъ Америки въ Европу, и преимущественно въ Германію.

Главный отличительный характеръ катихизисовъ Венингера тотъ, что въ нихъ ученіе о папской непогрѣшимости является уже не однимъ логическимъ выводомъ изъ всего ультрамонтанскаго ученія о Церкви (выводомъ, который у Дегарбе, по большей части, прямо еще не высказывается, а только подразумевается), но что въ нихъ прямо излагается ученіе объ этой непогрѣшимости, хотя, по мѣстамъ, и въ общихъ чертахъ. Чтобы придать этому изложенію болѣе авторитетный характеръ, Венингеръ приводитъ рядъ святоотеческихъ свидѣтельствъ, которыя, по его мнѣнію, подтверждаютъ указанное ученіе. Для насъ интересны не столько самыя эти свидѣтельства (которыя почти всѣ приведены у автора не въ полномъ видѣ, а иногда и съ искаженіями), сколько выводы изъ нихъ самаго составителя катихизисовъ. Вотъ эти выводы: „1) папа есть *верховный судья* (der oberste Richter) въ дѣлахъ, касающихся вѣры; 2) „онъ руководитъ всю Церковь тѣ *апостольскими* полномочіемъ; „3) когда онъ высказывается, какъ папа и верховный глава (Oberhaupt) Церкви, окончательное рѣшеніе (ein Endurtheil) въ дѣлахъ вѣры, то *не можетъ погрѣшить* (er kann nicht irren)“ ¹⁾. Последний пунктъ потому особенно замѣчательнъ, что онъ почти совпадаетъ по мысли, въ немъ заключающейся, съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое впоследствии состоялось на Ватиканскомъ соборѣ, 18 іюля 1870 г.

Итакъ, и въ Германіи, какъ и во Франціи, ультрамонтане испортили катихизическое ученіе о Церкви, хотя въ германскихъ катихизисахъ эта порча произошла сравнительно довольно поздно, между—тѣмъ, какъ во французскихъ она началась, какъ мы видѣли, еще въ прошломъ столѣтіи.

¹⁾ *Ibidem*, B. I, S. 519 (подстрочное примѣчаніе).

ГЛАВА III.

Порча ультрамонтанами богословскихъ учебниковъ.

Для того, чтобы достигнуть полнаго успѣха въ своемъ дѣлѣ, ультрамонтане, конечно, не могли ограничиться тѣмъ, чтобы ввести въ обманъ, относительно ученія о Церкви, простой народъ. Имъ необходимо было обмануть и воспитанниковъ католическихъ семинарій, и самое духовенство. Вотъ почему они подвергли своему тенденціозному „исправленію“ не одни катихитисы, но и богословскіе учебники во Франціи и въ Германіи.

Что касается французскихъ учебниковъ, то ихъ порча началась еще въ прошломъ столѣтіи, одновременно съ тѣмъ, какъ началась и порча катихизисовъ. Въ средѣ французскаго духовенства, какъ мы знаемъ ¹⁾, произошло, еще при жизни Боссюэта, довольно сильное движеніе въ пользу ультрамонтанскихъ интересовъ, которое, по смерти этого знаменитаго епископа-проповѣдника, еще болѣе усилилось. Очень естественно было, что, стремясь къ усилению въ своемъ отечествѣ вліянія римской куріи, зараженные ультрамонтанскимъ духомъ епископы обратили особенное вниманіе на образованіе молодыхъ клириковъ въ томъ же духѣ. А для этой цѣли имъ нужно было ввести въ семинаріи такіе учебники, которые могли бы мало по малу пропагандировать ультрамонтанскія идеи среди юныхъ питомцевъ духовныхъ школъ.

Любопытно то, что главныя дѣйствующія лица при этой пропагандѣ, иезуиты, для того, чтобы достигнуть скорѣйшаго и болѣе вѣрнаго успѣха, впродолженіе нѣкотораго времени, дѣлали видъ, что сочувствуютъ галликанской деклараціи 1682 года. Вотъ какого рода письменное выраженіе своего притворнаго со-

¹⁾ См. введеніе въ наше изслѣдованіе.

чувствія этой послѣдней они представили французскому епископату, собравшемуся въ 1761 г. на съѣздъ въ Парижѣ: „Мы, нижеподписавшіеся (за симъ слѣдуютъ подписи), объявляемъ „предъ кардиналами, архіепископами и епископами, которые въ „настоящее время собраны въ Парижѣ....: 1) что нельзя поко-
„ряться больше, чѣмъ мы покоряемся, и болѣе насъ сочувство-
„вать законамъ (aux lois), правиламъ (aux maximes) и обы-
„чаямъ (aux usages) королевства (т. е. французскаго) по отно-
„шенію къ правамъ королевской власти, которая, относительно
„дѣлъ свѣтскихъ (или, точнѣе, временныхъ: pour le temporel),
„не зависитъ ни прямо, ни косвенно ни отъ какой земной вла-
„сти и имѣетъ надъ собою только одного Бога;.... 2) что мы
„преподаемъ въ своихъ богословскихъ курсахъ, общественныхъ
„и частныхъ, то ученіе, которое французское духовенство из-
„ложило въ четырехъ тезисахъ, составленныхъ на съѣздѣ 1682 г.;
„и что мы никогда не будемъ учить ничему такому, что про-
„тиворѣчило бы этимъ тезисамъ.... (въ деклараціи иезуитовъ
этотъ, второй, пунктъ, занимаетъ, собственно, третье мѣсто);
„3) что, въ случаѣ, если бы (чего не дай Богъ) со стороны
„нашего генерала было сдѣлано распоряженіе относительно че-
„го-нибудь такого, что было бы противно деклараціи 1682 г.,
„то мы, будучи убѣждены, что мы не можемъ отказаться отъ
„нея (y déférer) безъ того, чтобы согрѣшить (sans péché), по-
„смотрѣли бы на этого рода распоряженія какъ на незаконныя
и какъ на не имѣющія никакой силы“.... (этотъ третій, пунктъ
занимаетъ въ иезуитской деклараціи, собственно, пятое мѣсто ¹⁾)
Мы привели важнѣйшіе и самые характерные пункты изъ
иезуитской деклараціи 1761 года съ тою цѣлью, чтобы наглядно
показать, въ какомъ направленіи совершалась порча бого-
словскихъ руководствъ во Франціи въ прошломъ столѣтіи. Эта
порча была тогда еще весьма умѣренная и потому довольно
незамѣтная. Иезуиты хорошо понимали, что, до тѣхъ поръ, по-
ка ихъ вліяніе во Франціи вполнѣ не утвердится, имъ необ-
ходимо такъ или иначе считаться съ галликанскими тезисами
1682 г., и вотъ они избрали только-что указанную нами так-

¹⁾ Michaud, „Plutôt la mort que le déshonneur“, p. 9 sq.

тику притворнаго сочувствія послѣднимъ. Результатомъ этой тактики было то, что одновременно съ иезуитскими деклараціями 1713, 1757 и 1761 годовъ появились богословскіе учебники, въ которыхъ удивительно искусно было сдѣлано сочетаніе весьма умѣренныхъ ультрамонтанскихъ возрѣній съ не менѣе умѣренными галликанскими. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ,—и съ ультрамонтанской, и съ галликанской,—произошла взаимная уступка.—своего рода *unia*,—которая, въ сущности, должна была привести и, дѣйствительно, привела къ постепенному порабощенію галликанской части французскаго духовенства ультрамонтанами.

Въ такомъ именно духѣ составлены были, напр., два учебника: *Гренобльскій* (*Théologie de Grenoble*, 1739 г.), и *Пуатье-скій* (*Théologie de Poitiers*, въ третьемъ своемъ изданіи, 1753 г.). Въ первомъ изъ нихъ сочетаніе умѣренно—ультрамонтанскихъ и умѣренно—галликанскихъ возрѣній проявляется въ слѣдующихъ пунктахъ. Съ одной стороны, здѣсь довольно категорически высказывается мысль, что необходимо, чтобы всякій католическій епископъ слушался папы и повиновался его рѣшеніямъ. Но въ то же время, съ другой—еще не смѣшивается понятіе о церкви съ понятіемъ о папѣ. Особенно характернымъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что на стр. 540-й названнаго учебника повторяются извѣстные слова изъ посланія св. Игнатія Богоносца къ Смирнской церкви: „Міряне пусть повинуются діаконамъ, діаконы—пресвитерамъ, пресвитеры—епископу, епископы—Христу“¹⁾. А въ этихъ словахъ о папѣ и рѣчи нѣтъ. Очевидно, онъ не ставится здѣсь ни на какую особенную іерархическую степень, сравнительно съ прочими епископами.

Что касается третьяго изданія *Théologie de Poitiers*, то достаточно со вниманіемъ ознакомиться съ его содержаніемъ, чтобы замѣтить, что въ немъ ультрамонтанскіе „исправители“ сдѣлали уже шагъ впередъ, сравнительно съ составителями *Théologie de Grenoble*. Не даромъ по поводу этого третьяго изданія однимъ изъ представителей истиннаго галликанства написано было специальное сочиненіе, озаглавленное: „*Examen critique de la Théologie de Poitiers* (1765)“. Въ этой книгѣ

¹⁾ Michaud, „De la falsification des catéchismes français“, pp. 87—88.

авторъ съ удивительнымъ искусствомъ сумѣлъ разоблачить всю фальшь иезуитовъ и показать, въ какихъ пунктахъ Пуатьескій учебникъ усилилъ ультрамонтанскія черты ученія о Церкви. Такое усиленіе, по его словамъ, выразилось въ слѣдующемъ: 1) „исправитель“ учебника на первомъ планѣ поставилъ новыя папскія декреталии и буллы, о болѣе же древнихъ умолчалъ; 2) древнее церковное понятіе о *всеобщности*, какъ вѣрнѣйшемъ критеріи истинности церковнаго ученія, онъ замѣнилъ понятіемъ о *большинствѣ* (*majorité*)¹⁾. Эта послѣдняя особенность была потому опасна для чистоты церковнаго ученія, что неизбежно должна была рано или поздно привести къ тому, чтобы нѣкоторыя отдѣльныя школьныя богословскія мнѣнія возвести въ догматы; а главное—къ тому, чтобы постепенно приучить католическое духовенство къ мысли, что въ дѣлахъ вѣры достаточно голоса только сравнительно *немногихъ* епископовъ, собранныхъ вокругъ папы. А эта мысль, въ свою очередь, имѣла прямымъ своимъ послѣдствіемъ другую,—о единоличной папской непогрѣшимости. Таковы были тѣ ультрамонтанскія крайности, въ которыя вдалились „исправители“ *Théologie de Poitiers*. Если еще и оставалось въ третьемъ изданіи этого учебника что—нибудь такое, что напоминало бы галликанство, то развѣ только мысль, что папа рѣшаетъ дѣла вѣры *вместѣ* съ епископами. Но довольно было болѣе или менѣе проникательнаго взгляда на то ученіе о Церкви, которое изложено въ этомъ изданіи, чтобы повясть, что галликанство получило въ немъ значеніе простой фикціи,—какъ-бы нѣкоторой прикрышки для ультрамонтанскихъ доктринъ.

Если уже въ прошломъ столѣтіи иезуиты взяли въ свои руки преподаваніе богословія и начали портить богословскіе учебники во Франціи, то очень естественно, что въ настоящемъ столѣтіи, когда, какъ мы знаемъ, ультрамонтанская партія снова ожила въ этой странѣ,—эта порча должна была значительно усилиться и развиться. Постараемся представить въ существенныхъ чертахъ, какъ совершалось это постепенное усиленіе и развитіе, на основаніи нѣкоторыхъ примѣровъ.

Въ теченіи почти всей первой половины нашего вѣка са-

¹⁾ Ibidem, pp. 89 et 92.

мымъ распространеннымъ и употребительнымъ богословскимъ руководствомъ во Франціи былъ учебникъ *Балли* (*Théologie de Bailly*), который въ первый разъ появился на свѣтъ въ самый годъ первой революціи (1789 г.). Направленіе этого сочиненія было сначала вполнѣ галликанское, и въ виду этого, значительная часть французскаго духовенства (которое въ первые года нашего вѣка было еще въ своей значительной части галликанскимъ) на немъ воспиталось. Понятно, что ультрамонтанамъ очень важно было включить именно въ этотъ столь популярный во Франціи учебникъ свои взгляды и воззрѣнія; но это можно было сдѣлать не иначе, какъ только съ особеннымъ искусствомъ и осторожностію, что было не легко. За такое нелегкое дѣло взялся очень ловкій и находчивый представитель ультрамонтанскихъ воззрѣній, аббатъ *Ресевуръ* (*Resevour*). Въ 1842 году *Théologie de Bailly* вышла вторымъ изданіемъ, въ которое включены были нѣкоторыя прибавленія и примѣчанія этого аббата, написанныя въ ультрамонтанскомъ духѣ. Укажемъ самыя важныя изъ такихъ дополненій.

Въ изданіи 1789 года Балли указываетъ слѣдующія четыре условія для сохраненія единства въ Церкви: 1) согласіе со всѣми *опредѣленными Церковію* членами вѣры ¹⁾; 2) общеніе въ однихъ и тѣхъ же таинствахъ церковныхъ ²⁾; 3) подчиненіе *пастырямъ*, которые принимаютъ все оди и тѣ же пункты вѣроученія, опредѣленные Церковію ³⁾; наконецъ, 4) единеніе съ папою ⁴⁾. Итакъ, Балли былъ самъ лично далекъ отъ ультрамонтанства, потому-что ставилъ на первомъ мѣстѣ не единеніе съ Римомъ, а *единство духовное*,—въ догматахъ вѣры и въ таинствахъ. Кроме того, замѣчательно у него и то, что онъ въ первомъ пунктѣ не говоритъ, что догматы вѣры опредѣлены папой, но выражается о нихъ такъ: „опредѣленными Церковію“. Затѣмъ, въ пунктѣ третьемъ, подчиненіе *пастырямъ* Церкви различается отъ единенія съ папой,—слѣдовательно,

¹⁾ „Consentio omnibus articulis, ab Ecclesia definitis“...

²⁾ „Communio iisdem sacramentis“...

³⁾ „Subjunctio pastoribus eisdem et omnes fidei articulos ab ea definitos admittentibus“...

⁴⁾ „Unio cum Romano pontifice“. См. *Michaud*, De la falsification, p. 118.

нѣтъ и слѣда ультрамонтанскаго пониманія отношеній между нимъ и всѣми членами католической церкви.

Обратимся къ изданію 1842 года того же учебника Балли.—изданію дополненному и „исправленному“ *Ресевуръ*’омъ. Здѣсь мы находимъ такое замѣчаніе по поводу условій единства Церкви: „Единство Церкви требуетъ трехъ вещей: 1) исповѣданія „одной вѣры, т. е. вѣра въ оди и тѣ же догматы, откровенныя и опредѣленныя (proposés comme tels) *трибуналомъ или какимъ-нибудь судьей, которому все члены Церкви обязаны повиноваться*;... 2) участія въ единой жертвѣ (т. е. евхаристической), въ однихъ и тѣхъ же таинствахъ...; 3) подчиненія „пастырямъ, пребывающимъ въ единеніи другъ съ другомъ и въ общеніи съ (своимъ) *главою*; потому-что это взаимное единеніе и общее единство съ *главою* составляютъ необходимое условіе всякаго дѣйствительно *единого общества*“ ¹⁾.

По справедливому замѣчанію Мишю, замѣна, сдѣланная *Ресевуръ*’омъ въ данномъ случаѣ—слова „Церковь“ выражаемъ: „трибуналъ или какой-нибудь судья“—уже заключала въ себѣ генденціозную порчу словъ Балли въ ультрамонтанскомъ смыслѣ ²⁾. То же самое можно сказать и относительно того, что *Ресевуръ*, вопреки мысли Балли, не безъ намѣренія соединяетъ подъ одной рубрикой подчиненіе пастырямъ и общеніе съ папой.

Особенно интересно для насъ, какъ *Ресевуръ* „исправилъ“ тѣ мѣста книги Балли, въ которыхъ рѣчь идетъ о непогрѣшимости папы. Вотъ подлинныя слова Балли: „Папа, даже тогда, когда онъ учитъ *ex cathedra* не есть непогрѣшимъ въ дѣлахъ вѣры“. А вотъ поправка, сдѣланная *Ресевуръ*’омъ: „римская церковь признаетъ, что епископатъ, соединенный съ *верховнымъ* (soverein) епископомъ, папою, уполномоченъ опредѣлять догматы, „будетъ-ли то въ дѣлахъ вѣры, или относительно богослуженія, „морали или всеобщей дисциплины... Всѣ католики признаютъ епископатъ, соединенный съ папой, за высшаго и непогрѣшимаго судью. Если нѣкоторые держатся при этомъ мысли, что „такая непогрѣшимость пребываетъ въ лицѣ одного папы, то „это мнѣніе имѣетъ такъ же мало отношенія къ вѣрѣ, какъ и

¹⁾ *Michaud*, 119

²⁾ *Ibidem*, pp. 119—120.

„*миѣніе такъ, которые думаютъ иначе*; такъ какъ и съ той, и съ другой стороны одинаково признается, что въ этомъ вопросѣ „ничего еще не рѣшено“¹⁾.

Читая эти слова, нельзя не замѣтить, что Reseuerг свелъ въ нихъ на степень простаго „миѣнія“ то, что Балли выдавалъ за истину, раздѣляемую всѣми католиками,—именно: мысль, что папа не погрѣшилъ только въ соединеніи со всѣмъ епископатомъ (у Reseuerг'a обь этой мысли употреблено такое выраженіе: „какъ и миѣніе тѣхъ, которые думаютъ иначе“). Нельзя также не обратить особеннаго вниманія и на то, что въ словахъ Reseuerг'a, въ сущности, высказывается мысль, что разные благочестивыя миѣнія тѣхъ или другихъ католиковъ могутъ рано или поздно получить, вслѣдствіе рѣшенія церкви, значеніе догматовъ вѣры. Впослѣдствіи, когда мы будемъ излагать исторію засѣданій Ватиканскаго собора, мы увидимъ, къ чему привела такая опасная для чистоты церковнаго ученія мысль.

Не смотря на всѣ дополненія, сдѣланныя Reseuerг'омъ къ учебнику Балли, этотъ послѣдній въ общемъ всетаки оставался галликанскимъ. Такъ, напр., въ немъ еще оставалась вполне галликанская мысль, что соборы Констанцскій и Базельскій могутъ быть признаны вселенскими даже и по отношенію къ тѣмъ засѣданіямъ (4-му и 5-му), на которыхъ ограничена была папская власть. Кроме того, въ немъ еще проводилась мысль о томъ, что католическая церковь есть монархія, ограниченная аристократіей. Вслѣдствіе этого, въ 1853 году, слѣдовательно, когда ультрамонтанская партія уже рѣшительно пересидела во Франціи галликанъ, учебникъ Балли включенъ былъ въ римскій *index*, какъ книга неблагонадежная въ догматическомъ отношеніи и потому якобы опасная²⁾.

Другимъ нагляднымъ примѣромъ того, какъ ультрамонтане портили галликанскіе богословскіе учебники, можетъ служить 13-е изданіе учебника епископа Бувье (Bouvier), которое, сравнительно съ первымъ его изданіемъ, значительно измѣнилось по содержанію и сдѣлалось совершенно ультрамонтанскимъ. Первое изданіе этой книги вышло въ 1834 году, а тринадца-

¹⁾ Ibidem, pp. 120—121. Сн. Friedrich, B. I, S. 545—546.

²⁾ Michaud, p. 180. Сн. Friedrich, B. I, S. 547.

тое—въ 1868 году, слѣдовательно между ними прошло всего 34 года. Укажемъ на самыя характерныя различія между обоими изданіями. Уже самое заглавіе втораго отдѣла учебника Бувье въ 13-мъ изданіи измѣнено въ совершенно ультрамонтанскомъ духѣ. Между—тѣмъ, какъ въ первомъ изданіи указанный отдѣлъ (содержащій въ себѣ ученіе о церкви) начинался съ изложенія ученія обь авторитетѣ епископовъ и соборовъ;—въ изданіи 1868 года первая часть этого отдѣла озаглавлена такъ: „О томъ, кто имѣетъ право юрисдикціи надъ вселенскою церковію, т. е. о святѣйшемъ папѣ“¹⁾; слѣдовательно здѣсь на первомъ мѣстѣ ставится ученіе о папѣ. Далѣе, Бувье въ своемъ учебникѣ замѣчаетъ, что въ католической церкви издавна спорили о томъ, выше-ли папа собора, и что, не смотря на эти споры, всѣ, однако, соглашались въ томъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ отношенія къ вѣрѣ. Какъ же „поправляетъ“ это замѣчаніе ультрамонтанскій „исправитель“ епископа Бувье въ 13-мъ изданіи его богословія? Онъ замѣняетъ его слѣдующими словами: „*Когда-то* (olim) между богословами былъ споръ обь этомъ (т. е. обь отношеніи папы къ собору), но *теперь* (т. е. въ 1868 г.) остались лишь *очень немногіе* (paucis, которые еще держатся, и притомъ *несправедливо* (inmerito) отрицательнаго миѣнія относительно указаннаго вопроса (т. е. миѣнія, что соборъ выше папы)“²⁾. Какъ ни кратка эта „поправка“, однако легко замѣтить, что тотъ, кто ее сдѣлалъ, имѣлъ главнымъ образомъ въ виду показать, что ультрамонтанская мысль о томъ, что папа выше собора, есть вполне истинная мысль, между—тѣмъ, какъ противоположная ей галликанская мысль (что соборъ выше папы) совершенно ложна.

Наконецъ, можно еще указать и на то, что въ изданіи 1868 года названнаго богословскаго руководства уже не дѣлается никакого различія между *нерушимостію* (indéfectibilité) и *непогрѣшимостію* (infaillibilité); между—тѣмъ, какъ въ первомъ изданіи книги Бувье очень ясно высказывается мысль, что папа обладаетъ *нерушимостію*, но никакъ не *непогрѣшимостію*.

¹⁾ «De eo, qui in Ecclesiam universalem jurisdictionem habet, seu de S. Pontifice».

²⁾ Michaud, pp. 189, 140—141. Сн. Friedrich, B. I, S. 548.

При этомъ Бувье прямо говоритъ: „*Наша* (т. е. галликанскіе) „богословы, слѣдуя за славнымъ (*très illustre*) Боссюэтомъ, дѣлаютъ различіе между апостольскимъ престоломъ и личностію папы... Они утверждаютъ, что *papa, даже когда онъ говоритъ ex cathedra и учитъ всю Церковь, можемъ погрѣшить*, и что, слѣдовательно, его рѣшеніе (*jugement*) только тогда становится неизмѣннымъ (*irréformable*), когда Церковь съ нимъ согласится. Такъ мыслятъ Боссюэтъ, Турней (Toungely), Вальдъ, Ренье (Regnier), де-ла-Люцернъ (*de la Luzerne*) и др... Всѣ защитники непогрѣшимости папы вполне согласны въ томъ, что *это мнѣніе не принадлежитъ къ католической вѣрѣ*. Слѣдовательно, 1) ни одинъ католикъ, гдѣ бы онъ ни находился, не обязанъ признавать его (*n'est tenu de l'admettre*); 2) французы, которые нападаютъ на это мнѣніе и отвергаютъ его, не заслуживаютъ за то ни *ноты* ни *цензуры*, какъ это доказалъ Боссюэтъ. Поэтому 3) догматическія опредѣленія папскаго престола, хотя и должны быть принимаемы всѣми съ величайшимъ почтеніемъ, не принадлежатъ, однако, къ католической вѣрѣ *до тѣхъ поръ, пока они не снабжены согласіемъ, хотя бы молчаливымъ, епископовъ (tant qu'ils ne sont pas munis du consentement, au moins tacite, des évêques)*... А вотъ, что влагаетъ въ уста Бувье его „исправитель“ въ изданіи 1868 года: „Если папа говоря *ex cathedra* и какъ намѣстникъ Христа, учитъ или осуждаетъ *что-нибудь* и требуетъ согласія, то мы говоримъ, что *онъ не погрѣшилъ*, и что его рѣшеніе не можетъ быть никѣмъ измѣнено... Это мнѣніе о непогрѣшимости папы было извѣстно во Франціи до XIV-го вѣка. Но со времени этой плачевной эпохи—со времени великаго раскола,—противоположное мнѣніе (т. е. отрицающее папскую непогрѣшимость) стало проникать въ школы Франціи... Въ настоящее время это мнѣніе (т. е. галликанское) оставлено *осыми*, и даже во Франціи трудно было бы найти хотя бы и одного богослова, который рѣшился бы публично защищать его. Вотъ почему мы считаемъ за вѣрную и всеобщую истину слѣдующее положеніе: *римскій первосвященникъ не погрѣшилъ, когда онъ опредѣляетъ ex cathedra что-нибудь, касающееся вѣры и нравовъ*“¹⁾. Если принять во вниманіе, что 13-е изданіе бо-

¹⁾ Michaud, pp. 151—154. Сп. Friedrich, В. I, S. 549—550.

гословія епископа Бувье появилось почти наканунѣ Ватиканскаго собора, то всѣ эти „поправки“ станутъ совершенно понятными...

Всего доселѣ сказаннаго относительно порчи французскихъ богословскихъ учебниковъ, думаемъ, достаточно для того, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное представленіе о томъ, какъ именно совершалась эта порча, и къ какимъ результатамъ она привела.

Остается еще сказать о такомъ же „исправленіи“ богословскаго преподаванія въ католической Германіи.

Какъ и во Франціи, это „исправленіе“ было дѣломъ, по преимуществу, иезуитовъ, но по своему характеру оно во многомъ было отлично отъ такового же „исправленія“ французскихъ богословскихъ руководствъ. Чтобы понять это различіе, довольно припомнить то, что мы сказали въ началѣ второй части нашего изслѣдованія относительно цвѣтущаго состоянія германской католической науки въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія. Какъ мы тогда выяснили, въ такомъ цвѣтущемъ состояніи этой науки заключалась главная сила германскаго умѣреннаго католицизма, обладая которою, онъ могъ гораздо болѣе галликанскихъ богослововъ бороться съ новымъ ультрамонтанствомъ. Это обстоятельство можетъ вполне объяснить, почему и порча богословскаго образованія въ Германіи шла далеко не такъ успѣшно для иезуитовъ и ультрамонтанъ, какъ во Франціи, и почему она совершалась гораздо медленнѣе, чѣмъ тамъ.

Имѣя это въ виду, мы поймемъ и то, почему въ католической Германіи ученіе о папской непогрѣшимости даже тогда не получало права гражданства, когда сочиненія Лампа и де-Местра получили особенное значеніе не только въ отечествѣ этихъ писателей, но и среди германскаго католическаго общества.

Дѣло въ томъ, что среди германскихъ богослововъ очень долго сохраняла вліяніе цѣлая плеяда истинныхъ ученыхъ, которые слишкомъ хорошо понимали всю ненаучность инфальбилистовъ и потому довольно рѣшительно вооружались противъ ихъ теоріи. Къ такой плеядѣ принадлежали, какъ мы видѣли, Тюбингенскіе католическіе богословы, а также Вессенбергъ, Гермесъ и многіе другіе, въ томъ числѣ и извѣстный Мэлеръ (Möhler), авторъ „Символики (Symvolik)“ и мн. друг.

сочинений. Впрочемъ, этотъ послѣдній, хотя и вооружается противъ мысли, будто папская непогрѣшимость есть существенная часть ученія католической церкви, однако въ своей „Церковной Исторіи“ проводитъ мысль, что централизація, понимаемая въ смыслѣ ультрамонтанскомъ, со служила очень важную службу римской церкви, такъ какъ (будто-бы) спасла ее въ средніе вѣка отъ расколовъ.

Особенно же ясно обнаруживается, какъ чуждо было ученіе о папской непогрѣшимости германскимъ католическимъ богословамъ,—изъ сочинений *Бреннера* (Brenner), *Ротензе* (Rotensee) и *Дрея* (Drey). Первый изъ нихъ въ своей „Догматикѣ“ прямо утверждаетъ, что органъ непогрѣшимости въ Церкви суть Апостолы и ихъ преемники, епископы. Если онъ далѣе, нѣсколько ниже, и касается вопроса объ отношеніи папы къ вселенскому собору, то не только не склоняется къ мысли о папской непогрѣшимости, но прямо говоритъ, что римскій первосвященникъ *можетъ погрѣшать* такъ же, какъ и всякій другой епископъ. При этомъ онъ допускаетъ, однако, подобно галликанскимъ богословамъ, непогрѣшимость не папы, но *римскаго престола* или, вѣрнѣе, *нерушимость* послѣдняго ¹⁾.

Еще рѣшительнѣе вооружается противъ ученія о папской непогрѣшимости *Ротензе*. Въ своей книгѣ: „Der Primat des Papstes in allen christlichen Jahrhunderten“ онъ не соглашается съ де-Местромъ относительно термина: „infallibilitas“, но замѣняетъ его словомъ: „Irrefragabilität“, которое по-русски вѣрнѣе всего передать чрезъ: „несокрушимость“, а это, въ сущности, почти тоже, что Боссюэтовская *indéfectibilité* (нерушимость), которая, какъ мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, отчасти напоминаетъ наше православное понятіе о непогрѣшимости Церкви. Особенно замѣчательно то, что говоритъ *Ротензе* по поводу мнѣнія одного протестантскаго писателя о существенномъ значеніи въ системѣ католическаго богословія ученія о непогрѣшимости папы. „Пусть скажетъ намъ г. Губитцъ (т. е. этотъ самый писатель)“, замѣчаетъ онъ, „когда, гдѣ и отъ кого получилъ этотъ „новый членъ вѣры (т. е. папская „непогрѣшимость“) свое начало и свою санкцію. Мы ничего не

¹⁾ Friedrich, B. I, S. 530.

знаемъ о такомъ членѣ вѣры, а между тѣмъ полагаемъ, что „все членъ вѣры римско-католической церкви намъ хорошо извѣстны ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ названнаго сочиненія своего онъ идетъ еще далѣе, когда говоритъ, что, по его убѣжденію, онъ судя въ предметахъ вѣры не папа, а *Церковь*, и когда отказывается признать за папой всякаго рода *инспирацію*, вопреки инфальбибилистамъ ²⁾.

Что касается *Дрея*, то и онъ въ своей „Апологетикѣ“ высказываетъ мысль, что папа *самъ по себѣ* (für sich allein) не непогрѣшимъ, причемъ доказываетъ это тѣмъ, что въ Евангеліи рѣшительно не находится подтвержденія для такой непогрѣшимости. Кроме того, по мнѣнію Дрея, признавать папскую непогрѣшимость значитъ отрицать непогрѣшимость вселенской Церкви ³⁾.

Сороковые годы нашего столѣтія были (какъ мы уже раскрыли выше) временемъ, когда ультрамонтане стали получать въ германской церкви преобладающее значеніе. Тогда же началось, собственно, и болѣе или менѣе рѣшительное прощикновение въ область германской католической догматики и каноники ультрамонтанскихъ идей. Такъ, въ 1841 г. появилась въ нѣмецкомъ переводѣ извѣстная книга *Капеллари* (Capellari), который въ то время былъ уже папой Григоріемъ XVI: „Triumph des heil. Stuhls und der Kirche“, написанная въ совершенно ультрамонтанскомъ духѣ. Въ томъ же самомъ году вышло въ свѣтъ еще другое ультрамонтанское сочиненіе: „Die apostolische Vollmacht des Papstes in Glaubensentscheidungen“, — извѣстнаго уже намъ іезуита *Венингера*, которое имѣло такой успѣхъ, что въ слѣдующемъ 1842 г. вышло уже вторымъ изданіемъ.

Этого мало. Вскорѣ послѣ того ученіе о папской непогрѣшимости начинаетъ проникать и въ такія книги, которыя, въ качествѣ богословскихъ учебниковъ, имѣли особенно широкое распространеніе среди католическаго духовенства въ Германіи. Къ такимъ сочиненіямъ слѣдуетъ отнести, напр., два учебника каноническаго права: *Вольтера* и *Филлипса*. Здѣсь, вопреки *Бреннеру*, *Ротензе* и *Дрею*, уже открыто излагается ученіе о томъ, что вселенскій соборъ тогда только получаетъ непогрѣ-

¹⁾ Ibidem, B. I, S. 531.

²⁾ Ibidem, B. I, S. 532.

³⁾ Ibidem, B. I, S. 533—534.

шимый авторитетъ, когда самъ „непогрѣшимый“ папа сообщить ему такого рода непогрѣшимый характеръ.

Чѣмъ долѣе шло постепенное завоеваніе католической Германіи іезуитами, тѣмъ все болѣе и болѣе усиливалось ихъ вліяніе въ области германской богословской литературы. Съ теченіемъ времени начинаетъ появляться цѣлый рядъ сочиненій, написанныхъ въ іезуитскомъ духѣ, въ родѣ слѣдующихъ нѣмецкое изданіе богословія Перроне, затѣмъ „Der Papst und die modernen Ideen“ Шрадера, „De unitate Romana“ его-же, „Kirchliche Lehrgewalt“ Шпэмана; „Нѣтра Романа oder Die Lehre von der Unfehlbarkeit des Papstes“ Рудиса и мн. др. Всѣ они содержали въ себѣ уже вполне ясное ученіе о папской непогрѣшимости въ томъ смыслѣ и значеніи, въ какомъ составлено было, вскорѣ послѣ того, пресловутое Ватиканское опредѣленіе.

Вотъ какъ совершилась постепенная систематическая порча богословскаго образованія и въ Германіи.

Заключеніе третьей части.

Взявъ въ свои руки почти всѣ епископскіе катедры во Франціи, въ Германіи и въ другихъ католическихъ странахъ, ультрамонтане особенно укрѣпили свое вліяніе. Но они пошли еще дальше: завладѣли важнѣйшими профессорскими катедрами въ католическихъ университетахъ, испортили ученіе о Преданіи и подвергли постепенной, систематической порчѣ и все богословское преподаваніе. Черезъ это они подготовили для себя свою будущую побѣду на Ватиканскомъ соборѣ. Теперь имъ оставалось только сдѣлать рядъ послѣдовательныхъ предварительныхъ опытовъ, цѣлію которыхъ было бы испытать, тверда-ли та почва, на которую они готовились вступить и на которой намѣревались возвести самое зданіе своей новой ультрамонтанской церкви. Къ разсмотрѣнію этой послѣдней фазы подготовленія Ватиканскаго собора мы переходимъ въ слѣдующей, четвертой, части нашего сочиненія.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Спеціальныя средства, употребленныя ультрамонтанами, въ правленіи Пія IX, для ускоренія своей побѣды надъ представителями умѣреннаго католицизма.

ГЛАВА I.

Насильственное введеніе во Франціи римской литургіи и римскаго служебника (breviarium Romanum).

Мы уже имѣли случай замѣтить, какъ, по мѣрѣ прогрессивнаго усиленія во Франціи ультрамонтанской партіи въ настоящемъ столѣтіи, галликанство все болѣе и болѣе слабѣло и приближалось къ своему окончательному пораженію. Хотя нѣкоторые представители французскаго епископата и духовенства и стали называть себя представителями, такъ называемаго, *инстинктивнаго галликанства* (gallicanisme instinctif), но мы видѣли, что эти новые „галликане“ были, въ сущности, поборниками умѣренно-ультрамонтанскихъ воззрѣній и потому имѣли слишкомъ мало общаго съ дѣйствительными галликанами. Но, до половины текущаго столѣтія, галликанство все еще проявляло нѣкоторые, хотя и слабѣе уже, признаки жизни. Такъ, въ нѣкоторыхъ французскихъ епархіяхъ еще удерживались при совершеніи литургіи особенности, которыя составляли отличительныя признаки галликанскаго богослужебнаго чина. Къ такого рода особенностямъ относилось, напримѣръ, торжественное благословеніе, которое преподавалъ священникъ предъ самымъ причащеніемъ, между молитвой *Отче нашъ* (Pater noster) и словами: *Pax Domini sit semper vobiscum* (Миръ

Господень да будетъ всегда съ вами) ¹⁾. Затѣмъ несомнѣнно галликанскою особенностію при совершеніи литургіи въ нѣкоторыхъ французскихъ епархіяхъ, напр. Парижской, можно считать чтеніе ветхозавѣтныхъ пророчествъ, которое совершалось непосредственно передъ чтеніемъ апостола ²⁾. Долго также держался во Франціи галликанскій обычай устранивать висячую дарохранительницу надъ престоломъ. Много можно было найти древнихъ соборовъ въ различныхъ французскихъ городахъ, гдѣ сохранялись Святые Дары въ такого рода висячихъ храпилищахъ ³⁾. Уже при папѣ Григоріи XVI (1831—1846) нанесенъ былъ рѣшительный ударъ всѣмъ этимъ галликанскимъ обычаямъ, и въ частности, употребленію французскаго бревиарія съ галликанскими особенностями. Первый, кому принадлежа-

¹⁾ См. *Explication... des prières et des cérémonies de la messe*, par le R. P. Pierre Le Brun, t. II, p. 229 (Avignon et Paris 1898). Что это торжественное благословеніе было остаткомъ древней галликанской литургіи, можно заключить изъ того, что въ различныхъ редакціяхъ сакраментаріи св. Григорія Великаго такого благословенія мы не находимъ,—слѣд., оно не римскаго происхожденія. А между тѣмъ въ чинослѣдованіи древней галликанской литургіи оно именно встрѣчается непосредственно послѣ молитвы Господней (см. *Собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ*, составленное редакціею „Христіанскаго Чтенія“, вып. 4-й, стр. 111).

²⁾ См. *Le Brun*, цитов. сочиненіе, т. II, p. 231. Что это чтеніе было не римскаго, а совершенно галликанскаго происхожденія, видно изъ того, что римская церковь (т. е. въ тѣсномъ смыслѣ римская) никогда не имѣла обычая совершать нѣсколько чтеній предъ евангеліемъ за литургіей, за исключеніемъ развѣ великопостнаго богослуженія, какъ объ этомъ можно заключать изъ древнихъ и новыхъ римскихъ богослужебныхъ книгъ. (См. *Le Brun*, т. II, p. 232). Это чтеніе ветхозавѣтныхъ пророчествъ напоминаетъ отчасти наши пареміи, особенно во дни Страстной седмицы.

³⁾ Этотъ обычай, конечно, былъ не римскаго происхожденія, а скорѣе восточнаго. Вѣроятно, онъ принесенъ былъ въ Галлію и здѣсь утвердился еще задолго до раздѣленія Церкви на восточную и западную. О св. Василіи Великомъ извѣстно, что онъ хранилъ Святые Дары въ *золотомъ голубѣ*, который висѣлъ надъ св. престоломъ. (См. его житіе). Перпетуй, епископъ Турскій, по словамъ Григорія Турскаго (Hist., l. 2, c. 14; l. 10, c. 31), оставилъ послѣ себя, въ числѣ многихъ другихъ сосудовъ церковныхъ, *серебряную голубу* (columbam argenteam) для хранения Св. Даровъ (ad repositorium). Провинціальныи соборъ Клувийскій, бывшій въ 1063 году, въ 8-мъ правилѣ, упоминаетъ о таковомъ же обычай въ монастырѣ Клувийскомъ (ipsae autem hostiae... in aurea columba super altare pendente jugiter servantur). Аббатъ *Мабиллонъ* (Mabillon) видѣлъ въ ризницѣ ломбардскаго монастыря *Бобіо* (Bobio) металлическаго голуба для той же цѣли, который принесенъ былъ туда изъ Бургундіи (*Le Brun*, т. II, p. 233).

ла немаловажная (въ глазахъ римской куріи) заслуга возбудить противъ французской литургіи и противъ галликанскаго ритуала цѣлый крестовый походъ, былъ уже знакомый намъ аббатъ Солэмскаго монастыря (Solesmes), *Донъ-Гѣранжэ* (Don-Guégange). Въ своемъ сочиненіи: „*Institutiones liturgicae*“, появившемся въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ съ удивительною несправедливою вооружился противъ галликанской литургіи, доказывая, что она обязана своимъ происхожденіемъ янсенистамъ. Понятно, какое всеобщее негодованіе должны были вызвать въ большинствѣ французскаго духовенства такіа фанатическія филиппики противъ отечественной литургіи. Явились многочисленныя протесты противъ нихъ. Замѣчательнѣйшими оппонентами Дона-Гѣранжэ были слѣдующія лица: архіепископы Тулузскій—*д'Астро* (d'Astros) и Парижскій—*Аффр* (Affre), Орлеанскій епископъ *Файэ* (Fayet) и аббаты *Дассансэ* (Dassance) и *Лабордэ* (Laborde). Если бы въ это дѣло не вмѣшался покровитель Гѣранжэ, Реймскій архіепископъ *Гуссэ* (извѣстный авторъ „*Догматики*“, написанной въ ультрамонтанскомъ духѣ), то Солэмскій аббатъ принужденъ былъ бы признать себя побѣжденнымъ ученымъ оружіемъ своихъ оппонентовъ. Но Гуссэ во-время поддерживалъ своего друга: онъ не замедлилъ обратиться къ папѣ Григорію XVI съ просьбою заградить уста защитниковъ галликанской литургіи и поддержать Гѣранжэ силою своего авторитета. Папа съ радостію исполнилъ просьбу ультрамонтанскаго архіепископа и издалъ на его имя *бreve*, въ которомъ хвалилъ его за ревность. Очень интересно отмѣтить, какъ при этомъ папа изложилъ свой взглядъ на то, какими средствами слѣдуетъ пользоваться для того, чтобы вытѣснить изъ употребленія во Франціи галликанскую литургію и замѣнить ее римскою. Онъ опасается, какъ-бы слишкомъ рѣшительная война противъ галликанской литургіи не возбудила во Франціи сильной вражды противъ Рима, и потому рекомендуетъ Гуссэ особенную осторожность и постепенность въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Въ примѣрѣ такой осторожности онъ указываетъ на одного французскаго епископа, который искусно воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы ввести въ своей епархіи римскую литургію, за что и удостоился особеннаго папскаго благоволенія и получилъ отъ него, Григорія,

даже разрѣшеніе позволить своему клиру въ извѣстные дни совершать литургію сокращенно, въ видѣ особой привилегіи ¹⁾.

Хотя это *бреве* и имѣло довольно умѣренный характеръ и написано было не рѣзко, тѣмъ не менѣе оно нанесло рѣшительный ударъ существованію во Франціи остатковъ галликанскаго Богослуженія. Дѣло въ томъ, что папа въ этомъ *бреве*, въ сущности, предоставилъ ультрамонтанскимъ представителямъ французскаго духовенства полную свободу дѣйствовать, относительно даннаго вопроса, вполне согласно ихъ собственному усмотрѣнію, чѣмъ они и не замедлили воспользоваться. Этимъ, конечно, и объясняется, почему при преемникѣ Григорія, Піи IX, когда, начиная съ 1849 года, римская курія взялась за дѣло введенія римской литургіи гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ правленіе Григорія, галликанская литургія почти повсемѣстно начала уступать мѣсто литургіи римской. Правда, еще слышались по временамъ отдѣльные протесты со стороны нѣкоторыхъ сторонниковъ вытѣсняемой галликанской богослужебной практики противъ такого насильственнаго акта Рима по отношенію къ французской церкви; однако всѣ такіе протесты должны были замолкнуть предъ рѣшающимъ голосомъ папы, который издалъ въ 1853 году, на имя французскихъ епископовъ, энциклику, съ которой высказывалъ свое особенное расположеніе къ тѣмъ изъ нихъ, которые уже ввели въ своихъ епархіяхъ римскую литургію ²⁾. Это было равносильно намеку на то, что и остальнымъ епископамъ не мѣшало бы поскорѣе приступить къ исполненію въ своихъ епархіяхъ воли римскаго престола. Послѣ этого, французскимъ прелатамъ оставалось одно изъ двухъ: или исполнить эту волю, или же, въ случаѣ послушанія ей, подвергнуться папской опалѣ, а въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, и отлученію. Понятно, что, благодаря такой дилеммѣ, римская литургія въ самомъ непродолжительномъ времени совершенно вытѣснила литургію галликанскую.

¹⁾ Friedrich, Gesch. des Vatikanischen Concils, B. I, SS. 574—476

²⁾ Изъ числа сторонниковъ галликанской богослужебной практики особенно замѣчательнъ былъ по своему рѣшительному протесту противъ Рима престарѣлый епископъ города Шартра, который въ 1850 г. обратился къ своей паствѣ съ посланіемъ, въ которомъ хвалилъ литургію своей отечественной церкви (См. Friedrich, B. I, S. 577).

Чтобы понять, какое важное значеніе имѣло это событіе для усиленія надъ французскою церковію папской власти, надобно принять во вниманіе, что, одновременно со введеніемъ римской литургіи, вводился въ богослужебную практику этой церкви и римскій бревиарій, который со времени изданія своего при Піѣ V (1568 г.) и дополненія, сдѣланнаго къ нему при Климентѣ VIII (1602 г.) и Урбанѣ VIII (1631 г.), получилъ значеніе особенно пригоднаго средства для распространенія среди духовенства ультрамонтанскихъ идей ¹⁾, тѣмъ болѣе, что эта богослужебная книга во всѣ времена служила и теперь служитъ для всего католическаго духовенства ежедневнымъ обязательнымъ чтеніемъ. Нѣсколько страннымъ и непонятнымъ можетъ показаться лишь то обстоятельство, почему, одновременно съ такими настойчивыми стараніями ввести во Франціи римскій бревиарій, папа Пій IX приступилъ къ новому пересмотру этой книги, притомъ на этотъ разъ въ смыслѣ критическаго разбора содержащихся въ ней подложныхъ сказаній изъ исторіи папства, и даже созвалъ для этой цѣли специальную комиссію (1856 г.). Но такой поступокъ папы можно, кажется, объяснить тѣмъ, что Пій желая получить (особенно въ глазахъ протестантовъ) репутацію человѣка научно-безпристрастнаго и стараясь напомнить своимъ современникамъ ученаго папу Бенедикта XIV (1740—1758),—въ то же время наивно вѣрилъ, что задуманный имъ критическій пересмотръ бревиарія не только не станетъ въ противорѣчіе съ ультрамонтанскими воззрѣніями на исторію папства, но даже подтвердитъ эти воззрѣнія ²⁾. Такое объясненіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что вполне соответствуетъ двумъ наиболѣе характернымъ особенностямъ личности Пія IX: его постояннымъ стремленіемъ къ популярности—съ одной стороны, и слишкомъ недостаточному богословскому его образованію—съ другой. Какъ бы то ни было, но задуманное имъ дѣло

¹⁾ Извѣстно, что названными папами введены были въ бревиарій подложные рассказы о папахъ Сильвестрѣ, Марцеллѣ и пѣхъ др., въ которыхъ такъ или иначе находила себѣ оправданіе ультрамонтанская теорія о папской неограниченной власти. Кроме того, изъ бревиарія совершенно исключено было неудобное для ультрамонтанскихъ цѣлей упоминаніе объ осужденіи папы Гонорія на VI вселенскомъ соборѣ.

²⁾ Такъ объясняетъ поступокъ Пія IX и Фридрихъ (B. I, s. 579).

новаго пересмотра бревіарія такъ ничѣмъ и не кончилось: лишь только комиссія, а вмѣстѣ съ нею и папа убѣдились, что истинно-научная и вполне безпристрастная историческая критика далеко не безопасна для ультрамонтанскаго дѣла, какъ они поспѣшили занять свое предпріятіе. Итакъ, бревіарій остался съ тѣми же подложными разсказами о древнихъ папахъ, которые включены были въ него въ свое время Пиемъ V, Климентомъ VIII и Урбаномъ VIII, и въ такомъ именно видѣ насильственно вводился ультрамонтанами во Франціи!

Думаемъ, что нѣтъ особенной нужды специально останавливаться на томъ, каковы были результаты такого насильственнаго введенія во французской церкви римской литургіи и римскаго бревіарія. Всякій легко пойметъ, что, лишивъ эту церковь той послѣдней привилегіи, которою она еще обладала, и которая составляла послѣдній остатокъ ея славнаго прошлаго,—римская курія сдѣлала чрезъ это новый весьма важный шагъ на пути къ осуществленію ультрамонтанскаго идеала.

Теперь рассмотримъ, какія употребилъ Пій IX другія спеціальныя средства для усиленія своей власти въ католической церкви.

ГЛАВА II.

Подписаніе провинціальныхъ соборовъ власти римской куріи.

Соотвѣтственно основной своей задачѣ—насколько возможно, усилить власть папы въ ущербъ власти епископовъ,—ультрамонтане не иначе могли достигнуть своей цѣли, какъ путемъ постепеннаго, систематическаго ослабленія вліянія епископата и обращенія его въ болѣе или менѣе послушное орудіе въ рукахъ папы. Мы видѣли, какъ съ первыхъ же годовъ нашего столѣтія они всѣми мѣрами начали стремиться къ выполненію своей программы, и какъ это имъ удавалось, не смотря на частые и не рѣдко очень сильныя протесты со стороны нѣкоторыхъ епископовъ, которые желали отстоять за собою свои законныя права.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ ультрамонтанская партія все болѣе росла и усиливалась, между тѣмъ, какъ ряды умѣренныхъ католиковъ все болѣе рѣдѣли,—протесты со стороны епископовъ противъ покушеній на ихъ законныя права становились также все рѣже и рѣже; такъ—что, ко времени вступленія на папскій престолъ Пія IX, они и совсѣмъ почти умолкли. Однако ультрамонтане были слишкомъ политичны и осторожны, чтобы считать одно это обстоятельство вѣрнымъ признакомъ своей окончательной побѣды надъ умѣреннымъ католицизмомъ. Они слишкомъ хорошо понимали, что такое сравнительное отсутствіе протестовъ вовсе еще не означало того, будто всѣ епископы сдѣлались ультрамонтанами, но только показывало, что число ультрамонтанскихъ епископовъ настолько увеличилось, что насильственно лишило голоса и тѣхъ немногихъ уже неультрамонтанскихъ прелатовъ, которые еще оставались на нѣкоторыхъ епископскихъ кафедрахъ. Понятно, что для того, чтобы быть вполне увѣренными въ

успѣхъ своихъ махинацій, ультрамонтанамъ никакъ нельзя было успокоиться на такой неполной еще побѣдѣ и чрезъ это остановиться какъ-бы на полудорогѣ: имъ необходимо было довести начатое дѣло до конца.

Вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія окончательнаго подчиненія епископовъ папѣ являлось, по мысли ультрамонтанъ, возстановленіе въ помѣстныхъ церквахъ *провинціальныхъ соборовъ*.

Если припомнимъ, какъ краснорѣчиво и выразительно высказался въ свое время доминиканецъ *Иэни* относительно отвращенія, какое питали папы, со времени Тридентинскаго собора, къ соборамъ помѣстнымъ, слѣдовательно и къ провинціальнымъ¹⁾; то на первый взглядъ можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ эти послѣдніе могли теперь, при Піѣ IX, послужить въ пользу ультрамонтанскаго дѣла. Мы знаемъ также, что всѣ представители умѣреннаго католицизма (и галликаны, и гермесіане, и Вессенбергъ, и Гиршеръ), въ числѣ своихъ *pia desideria*, всегда поставляли на первомъ планѣ возстановленіе помѣстныхъ соборовъ, такъ какъ не безъ основанія видѣли въ нихъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для поддержанія законной самостоятельности помѣстныхъ церквей. Какимъ же образомъ теперь, начиная съ сороковыхъ годовъ, курія не только не враждовала противъ названныхъ соборовъ, но даже начала всячески содѣйствовать развитію соборной дѣятельности въ зависимыхъ отъ нея помѣстныхъ церквахъ?

Чтобы понять эту перемену, необходимо имѣть въ виду, что между помѣстными соборами папы издавна различали двоякаго рода съѣзды духовенства: *національные* и *провинціальные*. Первыхъ они всегда боялись и никогда не любили, потому что не безъ основанія считали ихъ самымъ вѣрнымъ средствомъ къ децентрализаціи своей власти надъ отдѣльными національными церквами. Что касается вторыхъ (провинціальныхъ), то, хотя и на нихъ папы, до самаго послѣдняго времени, т. е. до времени Піа IX, смотрѣли довольно косо и недовѣрчиво, однако все-таки далеко не такъ рѣшительно выражали свою вражду противъ нихъ, какъ противъ соборовъ національныхъ. Вѣроятно,

1) *Янусъ*, „Папа и соборъ“, изъ переводѣ свщ. Ладинскаго, стр. 457.

это объясняется тѣмъ, что, со времени Тридентинскаго собора, въ католической церкви утвердился *обычай* (хотя далеко еще не обязательный законъ) подвергать рѣшенія провинціальныхъ соборовъ римской цензурѣ и даже корректурѣ; такъ что, благодаря этому обстоятельству, указанные соборы почти всегда могли происходить подъ извѣстнымъ контролемъ со стороны римской куріи.

Быть можетъ, и Лампа на этомъ именно основаніи выражалъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ (раннѣйшей эпохи своей литературной дѣятельности) желаніе, чтобы въ его отечествѣ возстановлены были провинціальные соборы. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ своихъ взглядахъ, онъ былъ истиннымъ основателемъ новой ультрамонтанской партіи.)

1849 годъ есть время, когда впервые, можно сказать, стало замѣтно обнаруживаться вліяніе римской куріи на провинціальные соборы. Въ этомъ году одинъ изъ таковыхъ соборовъ, бывшихъ во Франціи, именно *Турскій*, отправилъ свои рѣшенія въ Римъ, съ тою цѣлю, чтобы (по выраженію членовъ Парижскаго собора, бывшаго въ томъ же 1849 году) „утвердить свой собственный авторитетъ печатію апостольскаго авторитета“¹⁾.

Примѣру собора Турскаго вскорѣ стали подражать и другіе провинціальные соборы во Франціи. Такъ, въ 1850 году это сдѣлалъ соборъ *Лионскій*, въ 1857 году — соборъ *Реймскій*²⁾ и мн. др. Нетрудно было замѣтить, что чрезъ это прежній *обычай* — подчинять опредѣленія провинціальныхъ соборовъ авторитету римскаго престола — не только началъ съ новою силою возстановляться въ католической церкви, но и все болѣе приобретать значеніе нѣкотораго обязательнаго правила, какъ-бы даже *закона*. Такое явленіе имѣло, конечно, своею главною причиною тѣ громадныя успѣхи, какихъ успѣла достигнуть къ тому времени ультрамонтанская партія. (Въ виду этихъ успѣховъ, ультрамонтанамъ не представляло никакого особеннаго труда подчинять папской рецензій и корректурѣ тѣ соборы, число членовъ которыхъ было, по преимуществу, ультрамонтанскимъ. Но гораздо труднѣе было достигнуть этой же цѣли относительно

1) *Friedrich*, R. I, s. 586.

2) *Ibidem*, s. 587.

тѣхъ соборовъ, въ которыхъ принимавшіе участіе епископы были въ значительномъ количествѣ, если не прямо умѣренными католиками, то во всякомъ случаѣ не крайними ультрамонтанами. Какъ именно дѣйствовали ультрамонтане по отношенію къ этимъ послѣднимъ соборамъ, мы сейчасъ постараемся объяснить.

Въ этомъ случаѣ, какъ и слѣдовало ожидать, дѣло не обходилось безъ хитрости, которая и была истинною причиною того, почему очень скоро всѣ провинціальныя соборы, въ какой бы части католическаго міра они не происходили, стали обнаруживать свои опредѣленія не иначе, какъ послѣ предварительнаго „исправленія“ ихъ со стороны папы или, вѣрнѣе, со стороны соборной конгрегациі, засѣдавшей въ Римѣ съ спеціальною задачею пересматривать рѣшенія различныхъ провинціальныя соборы.

Прослѣдить во всей подробности, какъ, собственно, дѣйствовали въ этомъ случаѣ ультрамонтане, потому весьма трудно, что до сихъ поръ исторія этой дѣятельности слишкомъ мало изслѣдована. за неимѣніемъ достаточнаго количества документовъ, которые освѣтили бы этотъ интересный вопросъ со всѣхъ сторонъ. Встаки есть нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно отчасти пролить свѣтъ на него.

Изъ числа этихъ данныхъ особенно драгоцѣнно свидѣтельство версальскаго епископа *Гро* (Gros), которое касается Парижскаго провинціального собора (1849 г.). Въ числѣ опредѣленій этого собора находилось слѣдующее: „Мы принимаемъ всѣ *догматическія* опредѣленія (constitutions) апостольскаго престола, въ особенности же всѣ тѣ изъ нихъ, которыя сдѣланы и обнаружены со времени закрытія Тридентинскаго собора до нынѣшняго дня. Далѣе, мы объявляемъ и учимъ, что они не нуждаются въ санкціи со стороны свѣтской власти для того, чтобы быть принятыми со стороны всѣхъ, въ качествѣ вѣроучительной нормы и правила для совѣсти“. Казалось, что такого рода опредѣленіе могло вполне удовлетворить папу и всѣхъ римскихъ ревнителей интересовъ его власти. Но въ Римѣ не остались довольны и этимъ, столь ультрамонтанскимъ (можно сказать) опредѣленіемъ: кардиналы, входившіе въ составъ конгрегациі, спеціально учрежденной

Піемъ IX для корректуры опредѣленій провинціальныя соборы, рѣшили сдѣлать къ приведенному выше опредѣленію добавленіе. Оно заключалось въ слѣдующихъ немногихъ словахъ, которые должны были послужить продолженіемъ для начальныхъ словъ опредѣленія, въ коихъ шла рѣчь о догматическихъ постановленіяхъ папскаго престола: „...*зримо итѣ и тѣ* постановленія (т. е. принимаемъ), которыя касаются дисциплины всей Церкви“. Сверхъ того, сдѣланы были и нѣкоторыя другія добавленія въ такомъ же духѣ. Когда французскіе епископы, участвовавшіе въ Парижскомъ соборѣ, получили изъ Рима свои собственныя опредѣленія въ такомъ „исправленномъ“ видѣ, они очень смутились, такъ-что даже нарочно неоднократно собирались вмѣстѣ для совѣщанія, что имъ дѣлать. Причиною ихъ смущенія было, конечно, то, что сдѣланная въ Римѣ „поправка“ заключала въ себѣ нѣчто такое, что въ своихъ дальнѣйшихъ выводахъ могло повести къ новымъ слишкомъ опаснымъ посягательствамъ куріи на законныя права французской церкви. Опасеніе членовъ Парижскаго собора было тѣмъ болѣе основательнымъ, что указанная „поправка“ несмотря на свою краткость, давала, въ сущности, Риму полную и безграничную свободу для всякаго рода дальнѣйшихъ узурпацій на права той же церкви (что замѣтимъ кстати, вскорѣ, дѣйствительно, и оправдалось). Послѣ довольно продолжительныхъ совѣщаній, французскіе епископы пришли, наконецъ, къ тому рѣшенію, чтобы отправить на имя папы посланіе, въ которомъ они выскажутъ ему, что готовы принять всѣ римскія „поправки“ своихъ опредѣленій, за исключеніемъ только двухъ, именно: самой важной—относительно признанія всѣхъ дисциплинарныхъ постановленій папскаго престола, и той, въ силу которой право судить за ересь предоставляется одному папѣ. При этомъ епископы рѣшили, что, если до 1-го іюля 1850 года они не получатъ изъ Рима отвѣта на свое посланіе, то приступятъ къ обнаруженію въ своихъ епархіяхъ опредѣленій Парижскаго собора. Принявъ такое смѣлое рѣшеніе, они, однако же, побоялись осуществить его на практикѣ. У нихъ, какъ передаетъ епископъ *Гро*, явилось опасеніе, что папа, и безъ того довольно нерасположенный (вслѣдствіе до-

носомъ со стороны *Veuillot*) къ Парижскому архіепископу Сибуру,—вмѣсто всякаго отвѣта на ихъ посланіе, неожиданно объявить, что тѣ „поправки“, какія сдѣлали въ опредѣленіяхъ Парижскаго собора римскіе кардиналы, имѣютъ значеніе его собственныхъ „поправокъ“. А въ такомъ случаѣ, разсуждали епископы, ихъ собственное положеніе станетъ въ высшей степени неловкимъ и щекотливымъ. Итакъ, рѣшено было волеяневолей принять „исправленные“ въ Римѣ опредѣленія Парижскаго собора, результатомъ чего было то, что эти послѣднія были вскорѣ обнародованы, причемъ, однако, въ самомъ текстѣ ихъ не сдѣлано было ни малѣйшаго намека на произведенную корректуру. Если бы не извѣстіе, сохраненное въ письмѣ *Гро*, то никто и не узналъ бы, пожалуй, о самой этой корректурѣ¹⁾.

Если внимательно взвѣснить всѣ подробности, заключающіяся въ этомъ извѣстїи, то мы легко приходимъ къ нѣкоторымъ весьма важнымъ для насъ выводамъ относительно этой корректуры.

Прежде всего, что всего важнѣе, это то, что ее произвондиль, собственно, не папа, и что она совершалась даже не отъ его лица, а прямо отъ лица конгрегачїи, специально учрежденной для этого дѣла. Можно думать, что это было допущаемо для нѣкоторой прикрышки намѣренїя папы воспользо-ваться провинціальными соборами для возвышенїя своей власти надъ французскою церковїю и надъ другими помѣстными церк-вами. Слѣдуетъ, однако, признаться, что эта прикрышка была весьма неудачною, такъ какъ, уже съ самаго начала дѣятельности названной конгрегачїи, стало слишкомъ ясно, къ чему клонится дѣло... Затѣмъ замѣчательно, что французскіе епископы выражаютъ опасенїе, какъ-бы личная антипатїя папы къ парижскому архіепископу не повліяла на образъ дѣйствїй Пїа по отношенїю къ пересмотру опредѣленїй Парижскаго собора. Изъ этого можно заключить, что не рѣдко въ то время случалось, что папа или конгрегачїя кардиналовъ, подъ его вліяніемъ, дѣлали такія или иныя добавленїя къ постановленїямъ провинціальныхъ соборовъ, на основанїи совершенно личныхъ воззрѣнїй на тотъ или другой предметъ и личныхъ чувствъ къ

¹⁾ *Извѣстіе еп. Гро* взято нами изъ книги аббата *Мишо*: „*De la falsification des catéchismes...*“, pp. 256 sqq.

извѣстнымъ членамъ этихъ соборовъ. Трудно понять, какъ могла проявляться при этомъ папская непогрѣшимость *ex cathedra*. Наконецъ, въ чемъ особенно проявилась хитрая тактика Рима по отношенїю къ членамъ Парижскаго собора, это въ томъ, что папа и руководимая имъ конгрегачїя кардиналовъ съумѣли, безъ всякихъ, съ своей стороны, принудительныхъ мѣръ, настолько подчинить своему вліянію членовъ Парижскаго собора, во главѣ которыхъ стоялъ далеко не крайній ультрамонтанъ—Сибуръ,—что они безпрекословно приняли всѣ римскїя „исправленїя“ своихъ опредѣленїй и даже ни единымъ словомъ не намекнули, при окончательномъ изданїи послѣднихъ, на тѣ пункты, которые вставлены были въ нихъ подъ вліяніемъ римской корректуры. И это показываетъ, какъ курїя постепенно приобрѣтала вліяніе надъ провинціальными соборами: средствомъ для этого служило ей то, что крайняя ультрамонтанская партїя, значительно усилившаяся, какъ намъ извѣстно, ко времени вступленїя на папскїй престолъ Пїа IX, своимъ большинствомъ насильственно давила меньшинство умѣренныхъ ультрамонтанъ, не говоря уже о галликанахъ и другихъ умѣренныхъ католикахъ, которыхъ теперь почти совсѣмъ уже не оставалось или во всякомъ случаѣ оставалось слишкомъ мало для какой-бы то ни было, даже слабой, оппозиціи.

Еще болѣе проливаетъ свѣтъ на образъ дѣйствїй римской курїи въ дѣлѣ пересмотра постановленїй провинціальныхъ соборовъ то извѣстіе, которое сохранилось относительно хода этого дѣла на *Кельнскомъ* провинціальномъ соборѣ (1860 г.). Весьма важнымъ обстоятельствомъ для римскихъ притязанїй было здѣсь то, что главнымъ дѣтелемъ на этомъ соборѣ былъ горячїй сторонникъ этихъ притязанїй, кардиналъ *Гейсель* (*Geissel*). Онъ довель свою ультрамонтанскую ревность до того, что за цѣлый годъ до открытїя соборныхъ засѣданїй, отправилъ въ Римъ предполагавшіяся опредѣленїя своего собора, съ цѣлію заранѣе заручиться одобренїемъ папы. При этомъ особенно замѣчательно то, что въ своемъ посланїи къ папѣ Гейсель ничего не говоритъ о такой предварительной цензурѣ, и только сама конгрегачїя кардиналовъ, засѣдавшая въ Римѣ, намекаетъ на нее, какъ это видно изъ слѣдующаго выраженїя

членовъ этой конгрегаціи: „Что же касается другой стороны „дѣлъ, долженствующихъ быть рѣшенными на соборѣ, къ которой относятся пункты (т. е. указанныя и заранее намѣченные въ Римѣ)“...¹⁾ Цѣль, къ которой стремились при этомъ и Гейсель, и римская конгрегація, была, конечно та, чтобы до поры—до времени замаскировать предъ остальными членами Кельнскаго собора (въ числѣ которыхъ были нѣкоторые *неисключимые*, съ ультрамонтанской точки зрѣнія) истинныя намѣренія папы и куріи. Та же хитрая тактика продолжается со стороны Рима и во время самаго этого собора: и здѣсь дѣло представляется въ томъ смыслѣ, будто члены послѣдняго совѣщаются и дѣлаютъ постановленія вполне самостоятельно; между—тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ все было уже заранее предрѣшено самою римскою конгрегаціею. Въ довершеніе всей этой фальши, папа въ особомъ посланіи выразилъ членамъ собора свое особое благоволеніе за выразившуюся въ ихъ постановленіяхъ преданность его престолу²⁾. Словомъ, Кельнскій соборъ 1860 года былъ, можно сказать, образцомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ ультрамонтанскихъ соборовъ, не исключая и пресловутаго „вселенскаго“ собора Ватиканскаго: всѣ эти соборы только повторили то, что происходило въ Кельнѣ въ 1860 году.)

Одновременно съ развитіемъ папской власти надъ провинціальными соборами на практикѣ, шло, параллельно съ нимъ, постепенное развитіе и въ области теоріи мысли о такой власти. Извѣстный ультрамонтанскій писатель *Гюри* (Gury) началъ съ того, что совершенно отождествилъ съ папою римскую конгрегацію, вслѣдствіе чего выходило, что всѣ дополненія и „исправленія“, какія угодно будетъ этой конгрегаціи включать въ опредѣленія провинціальныя соборовъ, будутъ всегда имѣть значеніе распоряженій самого папы³⁾. Не трудно понять, какое важное значеніе для ультрамонтанъ должна была имѣть эта новая теорія, по которой въ одно и то же время усиливались, и при томъ взаимно, двѣ власти въ католической церкви: съ

¹⁾ „Quod vero respicit alterum gerum in synodo pertractandarum, capita complectens (sc. scriptum, добавляетъ Фридрихъ, I, 593, въ подстрочномъ примѣчаніи № 3).

²⁾ *Friedrich*, I, 593—594.—Можно сказать, что Кельнскій провинціальныя соборъ былъ какъ-бы предварительною репетиціею Ватиканскаго собора.

³⁾ *Friedrich*, I, 596, 600.

одной стороны, власть папы, благодаря искусной замаскировкѣ ея, до извѣстнаго времени, распорядительной властію конгрегаціи кардиналовъ; а съ другой—власть самой этой конгрегаціи, авторитетъ которой усиливался вслѣдствіе отождествленія его съ авторитетомъ самого папы. Въ результатѣ получалась одна великая сила, принадлежащая римской куріи или, вѣрнѣе, самой ультрамонтанской партіи, которая теперь окончательно захватила въ свои руки кормила правленія всю католическую церковь и вскорѣ должна была всецѣло подчинить своей власти и эту послѣднюю... Мысль Гюри получила свое дальнѣйшее развитіе въ извѣстномъ уже намъ ультрамонтанскомъ изданіи богословскаго учебника *Буве*, относящемся къ 1868 году, т. е. ко времени, которое почти непосредственно предшествовало открытію Ватиканскаго собора. Здѣсь, въ параграфѣ о власти папы, составляющемъ важнѣйшую ультрамонтанскую вставку въ трудъ Буве, буквально изложено такое ученіе: „*римскія конгрегаціи получаютъ, по отношенію къ ученію, содѣйствіе Св. Духа* (quoad doctrinam, S. Spiritus assistentiam accipiunt)“¹⁾, т. е. иными словами, приписывалось этимъ конгрегаціямъ свойство непогрѣшимости, которое на предстоявшемъ новомъ „вселенскомъ“ соборѣ должно было быть торжественно провозглашено, какъ неотъемлемое свойство самого папы.) Вотъ какимъ образомъ и провинціальныя соборы послужили однимъ изъ важныхъ подготовительныхъ средствъ для провозглашенія новаго догмата 18 іюля 1870 года.

Чтобы вполне убѣдиться, что все, сказанное нами объ этихъ соборахъ и о постепенномъ подчиненіи ихъ папской власти,—справедливо, достаточно принять во вниманіе то замѣчательное обстоятельство, что, начиная съ 1849 года, почти всѣ провинціальныя соборы, съ большею или меньшею ясностію, включают въ свои опредѣленія ученіе о папской непогрѣшимости. Ясно, что эти соборы послужили лучшимъ приготовленіемъ къ собору Ватиканскому: не даромъ послѣдній съ особенною силою указывалъ на ихъ опредѣленія въ подтвержденіе истинности своего новаго догмата, какъ увидимъ ниже.

¹⁾ *Michaud*, De la falsification... p. 157.

ГЛАВА III.

Энциклика 1846 года и провозглашение догмата о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи (1854 г.).

Спеціальныя средства, которыя употребилъ Пій IX съ цѣлію приготовить провозглашеніе ватиканскаго догмата, не ограничились различными покушеніями на права помѣстныхъ церквей, но проявились и въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ актахъ этого папы, въ области вѣроученія.

Къ такого рода актамъ прежде всего слѣдуетъ отнести *энциклику отъ 9 ноября 1846 года* и провозглашеніе 8 декабря 1854 года *новаго догмата о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи*.

Трудно съ опредѣленностію сказать, который изъ этихъ двухъ актовъ имѣлъ больше значенія въ качествѣ подготовительнаго средства по отношенію къ Ватиканскому собору. На нашъ взглядъ, значеніе ихъ въ этомъ отношеніи было одинаково важно: энциклика 1846 года имѣла значеніе первой рѣшительной попытки сообщить любимому ультрамонтанскому ученію о папской непогрѣшимости характеръ общеобязательнаго для всей католической церкви вѣроучительнаго пункта; а провозглашеніе въ 1854 году новаго догмата важно по той причинѣ, что, признавъ этотъ догматъ, римская церковь, по справедливому замѣчанію Овербека, „тѣмъ самымъ торжественно признала обязательную силу папскихъ опредѣленій, закрѣпила „за приговорами папы достоинство Божественной истины ¹⁾“, т. е., иными словами, провозгласила уже его непогрѣшимость, если еще не въ теоріи, то *на практикѣ*.

¹⁾ „Свѣтъ съ Востока“ (Ex Oriente lux!), въ переводѣ гг. Елеонскаго и Демьяновича, Вльва 1867 г., стр. 19.

Въ частности, относительно энциклики 1846 года можно сказать, что она имѣла значеніе торжественнаго манифеста, въ которомъ новый папа, Пій IX, объявлялъ всѣмъ чадамъ римской церкви объ открывающейся, съ его вступленіемъ на папскій престолъ, новой эрѣ для католицизма, которая принесётъ съ собою полную побѣду ультрамонтанства надъ галликанствомъ и сродными ему теченіями въ западной церкви. Вотъ почему эта энциклика произвела особенно сильное впечатлѣніе не только на всѣхъ католиковъ, но даже и на христіанъ другихъ исповѣданій. Можно смѣло сказать, что всѣ читатели ея, при самомъ ея появленіи, поняли, какой человекъ вступилъ на папскій престолъ, и какую силу отселѣ получать во всей католической церкви вѣковые происки іезуитовъ и ультрамонтанъ. Это не трудно было усмотрѣть хотя бы изъ слѣдующихъ словъ энциклики: „Весьма ясно обнаруживается, въ какомъ заблужденіи пребываютъ также и тѣ, которые, злоупотребляя разумомъ и почитая *Божественныя изреченія* за дѣло человеческое, дерзаютъ раскрывать и необязательно истолковывать эти изреченія на основаніи собственнаго разумія; не смотря на то, что Самъ Богъ установилъ живой авторитетъ съ тою цѣлію, чтобы сей послѣдній возвѣщалъ истинный и законный смыслъ „Его небеснаго Откровенія и укрѣплялъ (въ немъ вѣрующихъ), „а также и для того, чтобы (этотъ авторитетъ) своимъ *непогрѣшимымъ* сужденіемъ разрѣшалъ всѣ разногласія въ вопросахъ вѣры и нравственности, дабы вѣрующіе *не аялись всякимъ вопромъ ученія во лжи челоачестній, аз коварствъ козней мшениа*. А этотъ живой и *непогрѣшимый* авторитетъ „пребываетъ *только аз той церкви*, которая, будучи соизидена „Христомъ Господомъ на Петрѣ, главѣ, князѣ и пастырѣ всей „Церкви, коего вѣра, по обѣтованію Господню, никогда не „оскудѣетъ,—имѣетъ во всѣ времена своихъ законныхъ первосвященниковъ, которые ведутъ свое начало непрерывно отъ самого „Петра и пребываютъ на его кафедрѣ, какъ наслѣдники и носители его ученія, достоинства, чести и власти... ¹⁾“. Въ этихъ

¹⁾ „..... Plane apparet, in quanto errore illi etiam versentur, qui ratione abutentes ac Dei eloquia tanquam humane opus existimantes, proprie arbitrio illa explicare, interpretari temere audent, quum Deus ipse vivam constituerit auc-

словахъ очень ясно выражается мысль, что непогрѣшимостію обладаетъ одна только римская кафедра и, хотя при этомъ открыто и не говорится, что самъ папа не погрѣшимъ, однако слышкомъ ясно на это намекается. Поэтому трудно предположить, чтобы кто-нибудь могъ не понять истиннаго смысла приведенныхъ нами папскихъ словъ. Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, первые вполнѣ поняли и оцѣнили энциклику новаго папы—иезуиты и ультрамонтане. Вотъ, напр., какое сужденіе о ней высказалъ иезуитъ *Шрадеръ* въ своей книгѣ: „Der Papst und die modernen Ideen“: „Послѣ этихъ ясныхъ и недвусмысленныхъ словъ папы (говоритъ онъ объ энцикликѣ 1846 г.), ни одному католику не позволительно уже сомнѣваться въ томъ, что папа не погрѣшимъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся вѣры и нравовъ ¹⁾“. Какъ ни категорически звучатъ эти слова, однако нельзя сказать, чтобы среди всѣхъ католическихъ богословъ появленіе энциклики 1846 года вызвало такое же „смирненное“ сознание и „благоговѣйное“ убѣжденіе, что папа не погрѣшимъ *ex cathedra*. Нашлись люди,— правда, не особенно многочисленные,—которые со страхомъ встрѣтили новую энциклику и даже рѣшились поднять, по поводу ея появленія, свой голосъ съ отгѣнкомъ легкаго протеста. Въ числѣ ихъ находилась и *Вессенбергъ*, который написалъ и издалъ уже въ слѣдующемъ 1847 году, цѣлое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Die Erwartungen der katholischen Christenheit im XIX Jahrhundert von dem heiligen Stuhle zu Rom (Zürich 1847)“. Въ немъ онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Не возвышается ли здѣсь (т. е. въ энцикликѣ 1846 года) значеніе кафедры св.

toritatem, quae verum legitimumque coelestis suae revelationis sensum doceret, constabiliret omnesque controversias in rebus fidei et morum infallibili (курсивъ принадлежитъ намъ) iudicio dirimeret, ne fideles circumferantur omni vento doctrinae in nequitia hominum ad circumventionem erroris. Quae quidem viva et infallibilis (курсивъ нашъ) auctoritas in ea tantum viget Ecclesia, quae a Christo Domino supra Petrum, totius Ecclesiae caput, principem et pastorem, cujus fidem nunquam defecturam promisit, aedificata suos legitimos semper habet Pontifices, sine intermissione ab ipso Petro ducentes originem, in ejus cathedra collocatos et ejusdem etiam doctrinae, dignitatis, honoris ac potestatis haeredes et vindices“...

¹⁾ „Ist es keinem Katholiken mehr erlaubt, die Unfehlbarkeit des Papstes in allen Angelegenheiten des Glaubens und der Sitten, zu bezweifeln“. См. *Friedrich*, Gesch. d. Vatikan. Konzils, B. I, S. 415.

„Петра до такой степени, что можно бы допустить мысль, что непогрѣшимость (Untrüglichkeit), которая, по церковному ученію, приписывается лишь Церкви (nur der Kirche allein „zusteht“), принадлежитъ даже кафедрѣ св. Петра (dem Stuhl „Petri selbst zukomme“)? Не переносятся ли (при этомъ) слова „Христовы объ основаніи Церкви (Mat. 16, 18) произвольно „(ohne Grund) на лицо св. Петра и его преемниковъ, (тогда „какъ эти слова, по толкованію блаж. Иеронима и многихъ другихъ Отцевъ Церкви, указываютъ только на вѣру Церкви во „Христа, Сына Божія,—вѣру, которую св. Петръ непосредственно передъ тѣмъ (т. е. передъ изреченіемъ словъ Христовыхъ „къ нему) исповѣдалъ“? ¹⁾ Наконецъ, не оставляется ли въ энцикликѣ безъ вниманія то обстоятельство, что Церковь неоднократно пребывала безъ законнаго папы (ohne einen anerkannten rechtmässigen Papst gewesen sei); равно какъ и то, что Церковь, а также представляющій всю Церковь вселенскій соборъ *стоятъ выше папы*, на котораго должно смотрѣть какъ „лишь на перваго служителя (als der erste Diener) Церкви? (Не оставляется ли безъ вниманія въ этой энцикликѣ также „и то) что папа обязанъ *всегда повиноваться Церкви и вселенскому собору* (dass er der Kirche und einem allgemeinen „Konzil vollkommenen gehorsam schuldig sei)?“ ²⁾ Какъ ни деликатно выражень въ этихъ замѣчательныхъ словахъ протестъ

¹⁾ Замѣчательно, какъ приспомятливый святитель Филаретъ, митр. московскій, въ своемъ извѣстномъ словѣ, сказанномъ при освященіи Благоищенскаго храма Чудова монастыря, въ истолкованіи словъ: „Ты еси Петръ“... соединить въ одномъ гармоническомъ сочетаніи два святоотеческихъ объясненія этого мѣста: одно, въ которомъ подъ камнемъ разумѣется *твердая вѣра* ап. Петра, и другое, въ которомъ „однимъ, предвѣрля прочихъ Апостоловъ, исповѣдалъ Христа новымъ исповѣданіемъ „христіанскимъ: Ты еси Христосъ, Сынъ Бога Живаго; и потому однимъ, преимущественно предъ другими Апостолами, услышалъ новое слово Христа о Церкви: „и Азъ же тебѣ глаголю; и на первоначальномъ всеобщемъ каменѣ основана— „Христѣ положенъ первымъ изъ послѣдующихъ, меньшихъ камней основаніи, т. е. „Апостоловъ, и притомъ не столько самъ онъ, сколько его вѣра и его исповѣданіе. Такъ слово Христово толкуетъ Св. Златоустъ: *на семъ камени созижду Церковь Мою, сіе есть, на оутъ исповѣданія* (на Mat., Вес. 54)“. Таково православное пониманіе 18-го ст. 16-й гл. Ев. Матѳея. Вессенбергъ, какъ легко можетъ видѣть читатель, значительно приближался къ этому пониманію.

²⁾ *Friedrich*, I, 415—416.

противъ энциклики 1846 г., однако легко замѣтить, что, въ сущности, этотъ протестъ вполне опровергалъ то ультрамонтанское воззрѣніе на значеніе папской власти, которое изложено было въ этой энцикликѣ. Впрочемъ, протестующій голосъ Вессенберга былъ почти единичнымъ; поэтому онъ не могъ имѣть серьезнаго значенія не только въ глазахъ ультрамонтанъ, но и всѣхъ вообще католиковъ. Притомъ самъ папа вскорѣ очень ясно показалъ, какъ строго онъ относится къ такого рода протестамъ, когда подвергъ осужденію пастырскія посланія двухъ французскихъ епископовъ: монпельскаго—*Тибб* (Thibaut) и шартрскаго—*Клозель-де-Монталь* (Clausel de Montals),—за то, что эти прелаты рѣшились намекнуть въ своихъ посланіяхъ на противорѣчіе папской энциклики древнимъ преданіямъ ихъ отечественной церкви ¹⁾. Это обстоятельство особенно ясно показываетъ, какой важный шагъ сдѣлала курія на пути къ ультрамонтанскому порабощенію католической церкви, когда внушила новому папѣ обнародовать энциклику 1846 года: теперь ученіе о папской непогрѣшимости уже настолько получило право гражданства, что папа уже въ эти первые года своего управленія католическою церковію считаетъ возможнымъ примѣнить къ протестующимъ епископамъ ту самую тактику, которую, лѣтъ черезъ двадцать, онъ примѣнилъ въ подобномъ же случаѣ на Ватиканскомъ соборѣ.)

Не менѣе удачною мѣрою для подготовленія акта 18 іюля 1870 года послужило провозглашеніе въ 1854 году догмата о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи. Въ этомъ дѣлѣ искусная тактика иезуитовъ и ультрамонтанъ особенно ясно проявилась въ томъ, что они воспользовались для своихъ цѣлей искренно религіознымъ расположеніемъ большинства католиковъ и глубокимъ почитаніемъ среди нихъ Пресвятой Дѣвы.

Агитация со стороны иезуитовъ въ пользу провозглашенія новаго догмата началась съ первыхъ же годовъ правленія Пія IX. Первымъ рѣшительнымъ шагомъ въ этомъ отношеніи можно считать то распоряженіе папы (отъ 17 іюля 1847 года), по которому Доминиканскому ордену приказывалось отказаться отъ

¹⁾ Ibidem, I, 418—419. Этотъ намекъ былъ (увы!) однимъ изъ послѣднихъ признаковъ жизни умирающаго галликанства.

своего пѣковаго несочувствія ученію о непорочномъ зачатіи и признать это ученіе, по примѣру иезуитовъ и францисканцевъ, за истинно-церковное ¹⁾. Вторымъ не менѣе рѣшительнымъ и важнымъ шагомъ со стороны папы было изданіе энциклики отъ 21 марта 1853 года на имя всѣхъ французскихъ кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ. Правда, въ этомъ документѣ папа не касался вопроса о предстоящемъ въ скоромъ времени провозглашеніи новаго догмата, а только вообще выражалъ свою сердечную скорбь о недостаткѣ единодушія французскихъ прелатовъ по отношенію къ намѣреніямъ и дѣйствіямъ римскаго престола. Однако эта энциклика, изложенная въ довольно рѣшительномъ и недвусмысленномъ тонѣ, произвела то, что, послѣ нея, ни одинъ уже французскій епископъ не рѣшался раздражать своимъ собратьямъ—Тибб и Клозель-де-Монталь, чтобы не подвергнуться ихъ незавидной участи. Такимъ образомъ энциклика 1853 года, изданная какъ-бы наканунѣ провозглашенія догмата о непорочномъ зачатіи, послужила лучшимъ приготовленіемъ къ этому акту римской куріи.

Одновременно съ указанными приготовительными мѣрами, иезуиты всячески старались агитировать въ пользу провозглашенія новаго догмата и среди ученыхъ богослововъ. Для этой цѣли иезуитъ *Перроне* (Pergone) написалъ специальное сочиненіе о томъ, можно-ли возвести частное богословское мнѣніе о непорочномъ зачатіи на степень догмата ²⁾, и, конечно, доказывалъ въ немъ, что—можно.

Но самымъ важнымъ мѣропріятіемъ, направленнымъ къ той же цѣли, должно считать то, что въ 1849 году папа, находившійся тогда въ своемъ гаэтскомъ изгнаніи, далъ понять всѣмъ епископамъ, чтобы они сами заранѣе прислали ему свое согласіе относительно новаго догмата. Этимъ онъ, однако, не ограничился: онъ поручилъ епископамъ разныхъ католическихъ странъ собрать свѣдѣнія, какого мнѣнія касательно этого предмета держится народъ въ ихъ епархіяхъ. На первый взглядъ такое желаніе папы узнать мнѣніе мірянъ относительно догматическаго вопроса можетъ показаться нѣсколько необычнымъ

¹⁾ Friedrich, I, 335, 420, 421.

²⁾ Friedrich, I, 335, 425.

и непонятнымъ, потому—что извѣстно, что, по католическому воззрѣнію, мірянамъ не дано права голоса въ религиозныхъ вопросахъ. Но, если вдуматься въ истинный смыслъ такого желанія папы, то послѣднее легко объяснить тѣмъ, что Пій IX хотѣлъ удостовѣриться, „не встрѣтитъ-ли его новый догматъ въ народѣ отпора и не произведетъ-ли онъ раскола“¹⁾.

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на то обстоятельство, что папа не созвалъ въ Римѣ собора для провозглашенія новаго догмата, но, вмѣсто этого, заручился мнѣніемъ *отдѣльных* епископовъ или, иными словами, всей католической церкви, находящейся какъ-бы *въ разстѣпаніи* (ecclesiae dispersae). Легко понять истинную причину такого образа дѣйствія, если имѣть въ виду, что на соборѣ (буде такой былъ-бы созванъ) большинство епископовъ, опираясь на свою корпоративность, могло бы высказаться противъ новаго догмата. Этого-то и боялся папа, а еще болѣе опасались такого коллективнаго протеста іезуиты. Вотъ почему они и рѣшились собрать голоса каждаго изъ епископовъ *порознь*. Этимъ путемъ они и достигли того, что *все* епископы волей-неволей принуждены были дать свое согласіе,—одни прямо, а другіе въ формѣ такъ называемаго *tacitus consensus* (молчаливое согласіе). Никто изъ нихъ не дерзнулъ протестовать, опасаясь подвергнуться участи епископовъ шартрскаго и монпельскаго и въ то же время не имѣя возможности найти поддержку другъ въ другѣ.)

Такой-то незаконный образъ дѣйствія, при которомъ невольно вспоминается ультрамонтанская мысль кардинала Орси о бесполезности соборовъ, и былъ причиною того, что уже къ концу 1854 года вполне приготовлена была почва для провозглашенія новаго догмата.

8-го декабря этого года папа съ большою торжественностію провозгласилъ новый догматъ, въ присутствіи множества епископовъ, которыхъ онъ предварительно созвалъ со всѣхъ концовъ католическаго міра въ Римъ. Какъ ни многочисленно было это собраніе, однако его никакъ нельзя назвать *соборомъ*, потому—что самъ папа неоднократно очень рѣшительно заявлялъ на

¹⁾ „Свѣтъ съ Востока“, Овербека, стр. 17.

немъ, что онъ призвалъ епископовъ не какъ членовъ собора, для такого или иного рѣшенія догматическаго вопроса, а *только для участія въ торжественномъ праздникѣ при обнародованіи новаго догмата*¹⁾. Слѣдовательно, всѣ съѣхавшіеся въ Римъ прелаты являлись въ данномъ случаѣ не болѣе, какъ только аксессуарами, необходимыми для украшенія всей картины торжества папской идеи, имѣвшаго мѣсто въ „вѣчномъ“ городѣ 8 декабря 1854 года. Нельзя назвать съѣздъ епископовъ въ это памятное въ исторіи римской церкви число—соборомъ и потому, что здѣсь не доставало главнаго условія всякаго *соборнаго* съѣзда, — *свободныхъ* совѣщаній его членовъ: все уже заранее определено было самимъ папой; отъ епископовъ требовалъ только *присутствовать* (при провозглашеніи готоваго уже догмата) и *выражать свое согласіе*“ (*adstare et placere*, какъ выразился самъ Пій IX въ своей аллокуціи отъ 9 декабря).

Это было такое новое и необычайное зрѣлище, такое безпримѣрное (даже въ исторіи самой католической церкви) событіе, что ничего нѣтъ удивительнаго, что даже іезуитъ Шрадеръ, который находился въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ подготовленіи акта 8 декабря 1854 года, признался, что до Пія IX не было ни одного папы, рѣшившагося на подобный шагъ. Вотъ подлинныя слова Шрадера: „Провозглашеніе догмата о непорочномъ зачатіи есть актъ совершенно особаго рода и свойственный лишь понтификату Пія IX, такъ что „нельзя указать подобнаго акта ни при одномъ изъ прежнихъ папъ. Нельзя указать потому, что Пій IX самостоятельно и „своею собственною властію (aus eigener Machtvollkommenheit), „безъ содѣйствія собора (ohne Mitwirkung eines Konzils), опредѣлилъ этотъ догматъ. Такое самостоятельное провозглашеніе догмата заключаетъ въ себѣ одновременно, если и не „вполнѣ отчѣтливо (ansdrücklich) и формально, тѣмъ не менѣ „несомнѣнно и фактически, другое догматическое рѣшеніе, „именно: *рѣшеніе спорнаго вопроса, не погрѣшимъ-ли папа самъ „по себѣ, лично, въ дѣлахъ веры, или она должна выразить „такую непогрѣшимость лишь стоя во главѣ собора. Пій IX,*

¹⁾ „Свѣтъ съ Востока“, стр. 18.

„какъ сказано, черезъ актъ 8 декабря 1854 года, правда, не „опредѣлили непогрѣшимости папской въ теоріи, однако на „практикѣ уже принялъ её во вниманіе 1)“.

Послѣ такого объясненія значенія акта 1854 года, высказаннаго однимъ изъ его участниковъ, думаемъ, нѣтъ уже надобности съ нашей стороны что-либо прибавлять въ качествѣ комментарія этого событія.

ГЛАВА IV.

Адресъ епископовъ папѣ (1862 г.). Энциклика *Quanta cura* и силлабусъ (1864 года).

Въ 1862 году папѣ суждено было снова пережить пріятныя для него и для ультрамонтанской партіи впечатлѣнія, по поводу новаго яркаго успѣха, какой онъ имѣлъ 8 іюня этого года, во время торжественнаго съѣзда въ Римъ 300 епископовъ. Этотъ съѣздъ произошелъ по случаю канонизаціи въ Римѣ японскихъ мучениковъ и совпалъ какъ разъ съ праздникомъ Пятидесятницы. Съѣхавшіеся епископы дошли на этомъ торжествѣ до такого униженія, что поднесли папѣ *адресъ*, наполненный самыми льстивыми фразами, существенный смыслъ которыхъ сводился къ тому, что собранные въ Римѣ прелаты отказывались отъ важнѣйшихъ епископскихъ правъ и представляли папѣ неограниченное господство въ католической церкви. Значеніе этого адреса было тѣмъ болѣе важное, что, поднеся его папѣ, епископы чрезъ это какъ-бы подтвердили за послѣднимъ то право замѣнять собою цѣлый соборъ, которое онъ самовольно себѣ присвоилъ и которымъ такъ блистательно воспользовался въ 1854 году.

Для того, чтобы составить себѣ вполне вѣрное понятіе объ епископскомъ адресѣ 1862 года, достаточно привести изъ него нѣкоторыя наиболѣе характерныя выраженія. Вотъ что, между прочимъ, епископы говорили здѣсь папѣ: „Для апостоловъ ничего не могло быть отраднѣе, какъ находиться при первомъ „намѣстникѣ Христа на землѣ (т. е. при ап. Петрѣ). А для „насъ едва-ли что можетъ быть благопріятнѣе и святѣе, какъ „повергнуть къ стопамъ твоимъ живущія въ сердцахъ нашихъ „чувства благоговѣнія и любви къ твоему святѣйшеству... Ты

1) *Friedrich*, I, 126—127.

„для насъ виновникъ здраваго ученія, ты—средоточіе единства, ты—незаходимый свѣтъ для народовъ, который уготовляется „Божественною премудростію“... Но всего важнѣе то, что подписавшіеся подъ адресомъ епископы выражаютъ свою готовность безусловно принимать все то, что ни опредѣлитъ папа своею единоличною властію: они общаются „всею душею держатся того, чему *высшій Петръ* (т. е. папа Пій IX) учитъ, и „что онъ такъ рѣшительно постановляетъ и подтверждаетъ“. Притомъ они очень ясно высказываютъ, что догматъ о непорочномъ зачатіи провозглашенъ былъ *однимъ только папою* (безъ епископовъ), а также и то, что они заранѣе осуждаютъ все то, что осуждаетъ папа.

Уже на слѣдующій день послѣ поднесенія епископскаго адреса папѣ, т. е. 9 июня. Пій IX обратился къ собравшимся вокругъ него прелатамъ съ *аллокуціей*, въ которой перечислилъ всѣ заблужденія, распространенныя въ современномъ обществѣ и относящіяся къ области религіи и нравственности, и осудилъ ихъ. При этомъ и обнаружилось, какое важное значеніе имѣлъ епископскій адресъ для осуществленія ультрамонтанской мысли о единовластительствѣ папы. Послѣ поднесенія этого адреса, епископы уже не могли высказать по поводу запской аллокуціи никакого самостоятельнаго мнѣнія (о которомъ, впрочемъ, ихъ теперь и не спрашивали), но должны были безусловно согласиться со всѣми мыслями папы. Совершенно справедливо и очень мѣтко поэтому замѣтилъ іезуитъ Шрадеръ, что вся католическая церковь, въ лицѣ подавшихъ адресъ епископовъ, уже заранѣе какъ-бы отвѣтила папѣ на его аллокуцію: „мы осуждаемъ все то, что и ты осуждаешь.“¹⁾... Не даромъ самый адресъ, какъ документъ первой важности въ глазахъ ультрамонтанъ, былъ прочитанъ тотчасъ вслѣдъ за папской аллокуціей. Не даромъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1867 году, на тотъ же адресъ съ особенною силою ссылались ультрамонтанскіе богословы, въ подтвержденіе того, что предстоявшій въ 1869 году Ватиканскій соборъ долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, возвести ученіе о папской непогрѣшимости на

¹⁾ *Friedrich*, I, 357.

степень догмата вѣры (что, къ великому сожалѣнію, и случилось)¹⁾. Въ виду того, епископскій адресъ 1862 года вполнѣ справедливо можно назвать *смертнымъ приговоромъ*, который епископы легкомысленно произнесли подъ своими правами, въ угоду папѣ, и которымъ послѣдній не замедлилъ воспользоваться въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ сейчасъ увидимъ.

8 декабря 1864 года, т. е. ровно черезъ 10 лѣтъ послѣ провозглашенія догмата о непорочномъ зачатіи, Пій IX издалъ свою знаменитую *энциклику Quanta cura* и неразрывный съ нею *силлабусъ* (*syllabus*). Въ этихъ двухъ письменныхъ актахъ онъ, ~~какъ мы знаемъ~~, осудилъ почти всѣ заблужденія современнаго общества, касающіяся религіи и нравственности²⁾. (Мы не станемъ подробно разбирать здѣсь всего содержанія энциклики и силлабуса, такъ какъ это было-бы внѣ нашей задачи. Для насъ необходимо только разсмотрѣть, насколько проявилось въ изданіи ихъ стремленіе папы къ единовластію въ католической церкви (въ ущербъ власти епископовъ), а также и показать, какъ выражено въ нихъ ученіе о папской непогрѣшимости.)

Получивъ отъ собравшихъ въ Римѣ въ 1862 году епископовъ упомянутый нами адресъ, предоставившій ему фактически ту неограниченную власть въ дѣлахъ церковныхъ, какую въ теоріи призналъ за нимъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, Ватиканскій соборъ,—Пій IX, при изданіи энциклики 1864 года и силлабуса, является предъ нами уже вполнѣ какъ *episcopus universalis* (вселенскій епископъ) и какъ *papa infallibilis* (непогрѣшимый папа). Онъ не только не собираетъ, для осужденія современныхъ заблужденій, собора, но даже уже не дѣлаетъ и того, что онъ сдѣлалъ въ 1854 году: не приглашаетъ епископовъ съѣхаться въ Римъ для торжественнаго „аплодированія“ его распоряженію. Изъ этого обстоятельства особенно ясно видно, насколько ультрамонтанская систематическая работа въ пользу развитія ученія о папской непогрѣшимости, за

¹⁾ *Ibidem*, I, 358.

²⁾ Въ числѣ осужденныхъ папою заблужденій далеко не всѣ изъ нихъ можно дѣйствительно, назвать заблужденіями: многія изъ нихъ являются таковыми лишь, съ ультрамонтанской точки зрѣнія.

десять лѣтъ (начиная съ 1854 г.), сдѣлала успѣха. Папа не могъ яснѣе показать, что онъ не нуждается въ содѣйствіи епископовъ для осужденія „всѣхъ заблужденій, которыми такъ сильно страдаетъ наше время“¹⁾,—чѣмъ сколько онъ показалъ при изданіи энциклики *Quanta cura* и силлабуса. (Вотъ почему тотъ же Шрадеръ, который, какъ мы видѣли, такъ краснорѣчиво объяснилъ значеніе акта 1854 года, не оставилъ безъ такого же комментарія и актъ папской церковной политики 1864 года. Вотъ что онъ говоритъ: „Конечно, еще никогда верховный папъ-„стырь (der oberste Hirt) въ Римѣ не выступалъ среди такихъ „сѣбнительныхъ и опасныхъ обстоятельствъ“²⁾ такъ серьезно и съ такою силою, чтобы, предъ лицомъ неба и земли, удерживать и защитить вѣренное ему стадо отъ порчи (von den „Fäulnissen) и яда того пастбища, на которое врагъ Божій и „его дѣти стараются завлечь и погнать овецъ этого стада.— „какъ именно (выступилъ онъ) теперь, благодаря вѣчно памятному акту 8 декабря 1864 года“³⁾. Несмотря на всю краткость этихъ словъ, изъ нихъ легко можно вывести, что Шрадеръ, удивлявшійся въ свое время безпримѣрности въ исторіи папства акта 8 декабря 1854 года, теперь выражаетъ мысль, что актъ 8 декабря 1864 года еще болѣе безпримѣренъ и замѣчательнень, сравнительно съ первымъ. При изданіи энциклики 1864 года и силлабуса, папа, по словамъ этого іезуита, „выступилъ такъ серьезно и съ такою силою“, какъ никогда еще не выступалъ. Если принять во вниманіе, какой идеалъ папской власти всегда предносился предъ членами ордена Лойолы, то не трудно понять, *что* восхитило Шрадера въ папскомъ актѣ 1864 года, и *что* онъ разумѣлъ въ приведенныхъ словахъ. „Серьезность“ и „сила“, которыя находилъ онъ въ этомъ актѣ, конечно, въ томъ и заключались, *что*, издавая энциклику *Quanta cura* и силлабусъ, папа совершенно оставилъ въ сторонѣ епископовъ, какъ-бы игнорируя ихъ, и чрезъ это почти приравнивалъ ихъ къ простымъ священникамъ и даже къ мірянамъ.

¹⁾ *Schrader*, Der Papst und die modernen Ideen, II, 19.

²⁾ Шрадеръ говоритъ здѣсь, очевидно, объ опасномъ для папы положеніи Италіи за это время.

³⁾ *Friedrich*, I, 639—640.

Единственное отличіе, какого онъ ихъ удостоилъ, заключалось развѣ въ томъ, что онъ нѣсколько разъ назвалъ ихъ въ своей энцикликѣ: „*venerebiles fratres*“. Въ дѣйствительности же, ихъ правильнѣе можно было бы назвать теперь не *fratres*, а *filii*, потому—что имъ предлагалось уже вполне готовое осужденіе заблужденій, съ которыми они волей-неволей должны были согласиться, какъ рабски покорные сыны.

Если мы обратимся къ самому содержанію энциклики и силлабуса, то въ немъ мы найдемъ ясныя признаки вполне развившагося къ этому времени ученія о папской непогрѣшимости.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто энциклики: „Не можемъ мы также обойти молчаніемъ дерзости „тѣхъ, которые, не придерживаясь здраваго ученія, утверждаютъ, „что безъ всякаго грѣха и безъ всякаго отверженія католическаго исповѣданія можно не соглашаться съ тѣми рѣшеніями и опредѣленіями апостольскаго престола, которыя имѣютъ отношеніе къ общему благу Церкви и къ ея правамъ и „дисциплинѣ, и что можно не повиноваться имъ, поелику-де „они не касаются ученія вѣры и нравственности. *Нитъ, однако, ни одного такого человека, который не усматривалъ-бы „и не понималъ-бы со всею ясностію, насколько такое мнѣніе „противорѣчитъ католическому ученію о полной власти, дарованной Самимъ Христомъ Господомъ, Божественною Его властію, римскому первосвященнику для того, чтобы пасты всю „Церковь, а также господствовать надъ нею и управлять ею“* 1).

Въ этихъ словахъ содержится, можно сказать, ключъ для правильнаго пониманія истиннаго значенія всей энциклики 1864 года, какъ такого акта, относительно котораго самъ папа съ особенною силою высказался, что всеі сыны католической

1) *Atque silentio praeterire non possumus eorum audaciam, qui sanam non sustinentes doctrinam contendunt, „illis apostolicae sedis iudicis et decretis, quorum objectum ad bonum generale Ecclesiae, ejusdemque iura, ac disciplinam spectare declaratur, dummodo fidei morumque dogmata non attingant, posse assensum et obedientiam detrectari absque peccato, et absque ulla catholicae professionis iactura“. Quod quidem quantopere adversetur catholico dogmati plenae potestatis Romano pontifici ab ipso Christo Domino divinitus collatae universalem pascendi, regendi et gubernandi ecclesiam, nemo est qui non clare aperteque videat et intelligat“.*

церкви (т. е. не только миряне, но и сами пастыри, даже и архипастыри) обязаны безусловно согласиться со всеми осужденіями, содержащимися въ немъ, слѣдуя при этомъ рѣшительному желанію и даже приказанію самого папы ¹⁾. Пій IX въ приведенныхъ нами словахъ энциклики прямо и рѣшительно высказываетъ ту вполне ультрамонтанскую мысль, что онъ, какъ обладающій *полнотою власти* (*plena potestatis*) пасти всю Церковь, господствовать надъ нею и править ею,—не только не погрѣшимъ въ дѣлахъ, касающихся вѣры и нравственности, но и въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ вѣрѣ и нравственности, но касаются другихъ—общецерковныхъ, каноническихъ вопросовъ. Вотъ почему, по словамъ энциклики, тѣ, кто утверждаетъ, что по отношенію къ этимъ послѣднимъ вопросамъ можно не оказывать папѣ повиновенія, „съ удивительною смѣлостію, даже дерзостію, уклоняются отъ здраваго ученія“. Такимъ образомъ выходило, что *здравымъ ученіемъ* католической церкви слѣдовало признавать не только то ученіе, которое лѣтъ черезъ шесть послѣ энциклики 1864 года, должно было слѣдаться католическимъ *догматомъ* вѣры (т. е. ученіе о папской непогрѣшимости *ex cathedra*), но и то, въ силу котораго такая непогрѣшимость получала еще несравненно болѣе широкое приложение на практикѣ (такъ какъ обнимала собою обширную область церковной дисциплины). Это означало, что папа уже не обинуясь возводилъ на степень церковнаго ученія любимыя мысли своей партіи, которая даже на Ватиканскомъ соборѣ выражены были въ болѣе умѣренной формѣ. Отсюда понятно, какое важное значеніе имѣла для ультрамонтанскаго дѣла вся разбираемая нами энциклика: она не только служила прекраснымъ и въ высшей степени цѣлесообразнымъ подготовленіемъ акта 18 іюля 1870 года, но даже имѣла (какъ можно догадываться)

¹⁾ „Itaque“, говоритъ папа въ той же энцикликѣ, „omnes et singulas pravas opiniones et doctrinas singillatim hisce litteris commemoratas auctoritate Nostra Apostolica reprobamus, proscribimus atque damnamus, easque ab omnibus catholicis ecclesiae filiis, veluti reprobatas, proscriptas atque damnatas omnino haberi volumus et mandamus (курсивъ нашъ)“.—Предлагаемый латинскій текстъ энциклики заимствованъ нами изъ книги: „Die Encyclica Papst Pii Noni vom 8 Decem. ber 1864: Stimmen aus Maria-Laach“, I Band, SS. 9, 10.

своею цѣлію и дальнѣйшее, желательное, съ точки зрѣнія ультрамонтанъ, развитіе ученія о папской непогрѣшимости,—если не на практикѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ теоріи.

Что касается *силлабуса*, то въ немъ также легко найти очень ясныя указанія на то, что сущность и главное основаніе почти всѣхъ его тезисовъ есть то же ученіе о папской непогрѣшимости. Это всего яснѣе открывается изъ того отдѣла силлабуса (V-го), въ которомъ подвергаются осужденію различные тезисы, касающіеся ученія о Церкви и ея правахъ. Остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ частяхъ этого отдѣла.

Вотъ, напр., какого рода „заблужденіе“ осуждается папой въ 34-мъ параграфѣ: ученіе тѣхъ, которые утверждаютъ, что „взглядъ на римскаго первосвященника какъ на свободнаго повелителя, дѣйствующаго во всей Церкви, есть взглядъ средневѣковой“ ¹⁾. Очевидно, въ этомъ осуждаемомъ папой положеніи высказывается мысль, которая неоднократно и въ различныхъ формахъ повторялась и прежде представителями умѣреннаго католицизма,—и галликанцами, и другими,—и которая была направлена именно противъ ультрамонтанскаго ученія, что папа есть неограниченный монархъ Церкви. Собственно, самый этотъ тезисъ принадлежитъ итальянскому ученому *Нюйтсу* (Nuyts), который также можетъ быть отнесенъ къ умѣреннымъ католикамъ. Вотъ сущность его взгляда на папскую власть. По его словамъ, два воззрѣнія существуютъ на значеніе и на объемъ папской власти. Согласно съ первымъ изъ этихъ воззрѣній, папѣ усвоится право распоряжаться во всей церкви совершенно деспотически, причемъ епископы являются не болѣе, какъ только простыя делегаты папы. Что касается второго воззрѣнія (которое самъ Нюйтсъ считаетъ единственно правильнымъ и древнимъ), то по нему каждая отдѣльная нація, входящая въ составъ Церкви, должна имѣть свое собственное церковное управленіе, притомъ въ той формѣ, чтобы высшею инстанціею здѣсь былъ національный соборъ, подъ председательствомъ примаса. Папа, по мнѣнію Нюйтса, не долженъ имѣть

¹⁾ Въ § 34-мъ V-го отдѣла силлабуса осуждается такое именно положеніе „Doctrina comparantium Romanum Pontificem Principi libero et agenti in universa Ecclesia, doctrina est quae medio aevo praevaluit“.

пиваться въ такое управленіе помѣстныхъ церковей, за исключеніемъ развѣ двухъ случаевъ: 1) когда дѣло касается догматовъ и такихъ важнѣйшихъ сторонъ церковной дисциплины, которыя повсюду должны быть одинаковыми; 2) въ случаяхъ исключительныхъ, какъ, напр., при большихъ общецерковныхъ соблазнахъ ¹⁾).

Легко усмотрѣть, что въ своемъ воззрѣніи на папскую власть упомянутый итальянскій профессоръ такъ далеко разошелся съ ультрамонтанскимъ идеаломъ, что выразилъ мысль совершенно галликанскую объ ограниченномъ приматствѣ папы. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, онъ очень послѣдовательно пришелъ къ тому заключенію, что ультрамонтанское ученіе о строго монархическомъ характерѣ власти папы получило свое начало и развитіе въ среднихъ вѣкахъ (*medio aevo*), т. е. при папѣ Николаѣ I, особенно же со времени Григорія VII,—и что въ первые вѣка христіанства такого ученія въ церкви не было. Такимъ образомъ тезисъ Нюйтса былъ направленъ именно противъ любимой ультрамонтанской мысли, что папа обладаетъ единоличною непогрѣшимостію, въ силу того, что есть неограниченный повелитель всей церкви. И вотъ, силлабусъ ставитъ этотъ тезисъ въ число „заблужденій“, достойныхъ осужденія и, дѣйствительно, осуждаемыхъ папою.

Таковой же участи подвергся и другой тезисъ, принадлежащій тому же Нюйтсу и помѣщенный въ силлабусъ подъ 36-мъ пунктомъ V-го отдѣла ²⁾). Онъ также касается вопроса о необходимости известной самостоятельности для отдѣльныхъ національныхъ церковей по отношенію къ папскому престолу и о главномъ органѣ и средоточіи такой самостоятельности,—о національныхъ соборахъ ³⁾). Очевидно, и въ данномъ случаѣ дѣло касалось того же жгучаго для католическихъ канонистовъ вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли рѣшенія соборовъ помѣстныхъ (национальныхъ) подвергать папской цензурѣ, въ силу единого, будто бы, непогрѣшимаго въ церкви папскаго авторитета; или

¹⁾ *G. Schneemann*, „Der Papst, das Oberhaupt der Gesamtkirche“, S. 83.

²⁾ *Schneemann*, S. 83.

³⁾ „Nationalis concilii definitio nullam aliam admittit disputationem, civilisque administratio rem ad hosce terminos exigere potest“.

должно считать авторитетъ таковыхъ соборовъ вполне достаточнымъ для вопросовъ, касающихся управленія церковей помѣстныхъ. Мы видѣли, какъ рѣшили этотъ вопросъ ультрамонтане, когда мы рассматривали исторію ихъ отношеній къ провинціальнымъ соборамъ. Они (напомнимъ читателямъ) искусными маневрами достигли того, что мало по малу совершенно лишили указанные соборы всякой самостоятельности и чрезъ это произвели то, что не только возобновеніе *національныхъ* соборовъ стало не мыслимо, но и самые *провинціальныя* (въ собственномъ смыслѣ этого слова) соборы потеряли всякое значеніе, сохранивъ за собою лишь одно названіе *провинціальныя*.

Въ виду этого, понятно, почему и второй тезисъ Нюйтса, какъ радикально противорѣчащій такой тактикѣ, подвергся папскому осужденію въ силлабусѣ.

Если мы обратимся къ другимъ пунктамъ этого папскаго манифеста, то и въ нихъ мы легко усмотримъ тотъ же ультрамонтанскій мотивъ, именно: желаніе осуществить на практикѣ средневѣковой идеаль папской теократіи. Этимъ и объясняется, почему большая часть папскихъ анафематствъ, содержащихся въ силлабусѣ, такъ глубоко уязвила не только представителей не католическихъ свѣтскихъ правительствъ, но даже и католическихъ (напр., австрійскаго), которые всѣ не безъ основанія начали опасаться, что чрезмѣрное и совершенно незаконное возвышеніе папской власти въ смыслѣ ультрамонтанскомъ станетъ въ прямое противорѣчіе съ ихъ собственною, законною властію...

Всего сказаннаго объ энцикликѣ *Quanta cura* и силлабусѣ, думаемъ, достаточно для того, чтобы понять, что, издавъ эти важныя акты, Пій IX, въ сущности, уже провозгласилъ фактически (хотя еще не формально) ученіе о папской непогрѣшимости догматомъ вѣры. Теперь оставалось только сдѣлать это и формально, что и довершено было на Ватиканскомъ соборѣ, къ исторіи котораго мы и переходимъ въ слѣдующей, послѣдней, части нашего изслѣдованія.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ:

Какъ ультрамонтанское большинство постепенно одержало верхъ надъ представителями умѣреннаго католицизма на Ватиканскомъ соборѣ?

ГЛАВА I.

Первыя вѣсти о созваніи Ватиканскаго собора. Намеки на главную цѣль его. Нота Князя Рогенлозъ.

Съ самаго вступленія на папскій престолъ Пія IX вполне обнаружилось, какъ мы уже выше сказали, что наступаетъ, наконецъ, время, когда ученіе о папской единоличной непогрѣшимости *ex cathedra*, бывшее доселѣ частнымъ (и слѣдовательно, необязательнымъ для всѣхъ католиковъ) мнѣніемъ, возведено будетъ въ догматъ вѣры. Дальнѣйшіе акты новаго папы (окончательное вытѣсненіе изъ богослужебнаго чина французской церкви всякаго галликанскаго элемента; лишеніе провинціальныхъ соборовъ всякой самостоятельности; наконецъ, — провозглашеніе новаго догмата о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи и особенно обнародованіе силлабуса) — также какъ нельзя болѣе ясно подтверждали близость торжественнаго провозглашенія новаго ультрамонтанскаго догмата (Тѣмъ болѣе странно и непонятно, почему извѣстная часть умѣренныхъ католиковъ съ какой-то удивительною близорукостію ожидала отъ предстоявшаго собора совершенно другаго, — именно: не болѣе, какъ простаго осужденія всѣхъ заблужденій современнаго общества и возведенія въ догматъ положеній силлабуса (какъ будто бы догматизированіе послѣдняго могло быть неравно-

сильнымъ возведенію въ догматъ того же ученія о папской непогрѣшимости!)¹⁾. Объяснить эту странность можно только тѣмъ, что въ то время многіе епископы, и въ томъ числѣ *Дюпанлу*, епископъ Орлеанскій²⁾, всѣми мѣрами старались увѣрить своихъ пасомыхъ, что въ энцикликѣ 1864 г. и въ силлабусѣ папа изрекъ золотыя слова и осудилъ въ этихъ актахъ не иное что, какъ только злоупотребленіе свободою, но никакъ самую свободу. Это были прелаты-идеалисты, которые чуть-ли не до самаго засѣданія 18 іюля 1870 г., оставались въ слѣпной увѣренности, что никакихъ крайнихъ, ультрамонтанскихъ, воззрѣній, силлабусъ въ себѣ не содержитъ. Впрочемъ, въ такомъ блаженномъ невѣдѣніи о дѣйствительной цѣли Ватиканскаго собора находилась сравнительно небольшая часть умѣренныхъ католиковъ; большинство же изъ нихъ уже съ 1864 года не безъ основанія ожидало скорого провозглашенія догмата о папской непогрѣшимости и потому не безъ нѣкотораго опасенія помышляло о предстоявшемъ соборѣ.)

Зловѣщіе для всѣхъ умѣренныхъ католиковъ признаки близости этого событія стали обнаруживаться, какъ мы видѣли, еще съ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія; но только съ 1864 года, т. е. со времени изданія силлабуса, эти признаки

¹⁾ Такъ, даже во время засѣданій Ватиканскаго собора, притомъ уже тогда, когда для всякаго проникательнаго представителя умѣреннаго католицизма, казалось, вполне было ясно, къ какой ловушкѣ вели всѣхъ представителей меньшинства ультрамонтане, — даже и въ эту фазу соборныхъ совѣщаній, именно въ мартѣ 1870 года, такой видный представитель умѣреннаго католицизма, какъ орлеанскій епископъ *Дюпанлу* (Dupanloup), открыто анкетизировалъ падежду, что папа благоразумно обойдетъ на соборѣ вопросъ о своей непогрѣшимости *ex cathedra* и совершенно устранивъ его изъ программы соборныхъ занятій. „Вопросъ о папской непогрѣшимости“, писалъ орлеанскій епископъ въ своемъ открытомъ письмѣ къ ревностному поборнику ученія объ этой непогрѣшимости, малинскому (мехельнскому) архіепископу *Дешаму* (Dechamps), — „этотъ вопросъ не составляетъ цѣли собора (!), онъ не находится въ программѣ соборныхъ занятій (!)... И если папа, съ свойственною ему мудростію, просто устранивъ его, подобно тому, какъ это сдѣлалъ папа Пій IV на соборѣ Тридентскомъ, то несомнѣнно, что чрезъ такое распоряженіе онъ покажетъ міру высочайшій образецъ благоразумія, умѣренности и силы и еще больше увеличитъ свой авторитетъ, ибо внушитъ къ себѣ „всеобщее уваженіе“ (Réponse de Mgr. l'évêque d'Orléans à Mgr. Dechamps, второе изданіе, Paris. 1870, p. 43).

²⁾ См. его брошюру: „La convention du 16 septembre et l'encyclique du 8 décembre“, Paris 1868.

сдѣлались особенно ясны. Замѣчательно, что самъ папа съ особенною осторожностію, какъ-будто намѣренно, умалчивалъ о дѣйствительной цѣли собора, всякій разъ, когда ему приходилось въ такой или иной формѣ высказываться о скоромъ созваніи послѣдняго. Но въ то же время онъ не запрещалъ ультрамонтанскимъ ревнителямъ изъ духовенства и мірянъ всевозможными средствами вести агитацію въ пользу того, чтобы ученіе о его личной непогрѣшимости ex cathedra скорѣе объявлено было догматомъ вѣры. По всему видно было, что эта агитація была для него пріятна, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не палгалъ еще своего *veto* на тѣ голоса, которые возвышались противъ подобной агитаціи¹⁾. Однимъ словомъ, начиная съ 1864 г., папа сталъ дѣлать болѣе или менѣе прозрачныя намеки на то, что задуманный имъ „вселенскій“ соборъ главною своею цѣлію будетъ имѣть провозглашеніе догмата о его непогрѣшимости. Но дальше *намековъ* (хотя и весьма ясныхъ) онъ еще пока не шелъ. (Даже во время большаго сѣзда епископовъ въ Римѣ въ іюнѣ 1867 года, по поводу юбилейнаго празднованія кончины св. Ап. Петра, папа не сдѣлалъ никакихъ официальныхъ сообщеній по этому вопросу, хотя онъ и возвѣстилъ впервые, во время этого сѣзда, о своемъ намѣреніи созвать соборъ. Только развѣ въ томъ обнаружилось его истинное намѣреніе о цѣли созванія предстоявшаго собора, что онъ весьма благосклонно принялъ отъ собравшихся въ Римѣ прелатовъ адресъ, въ которомъ торжественно повторялись знаменательныя выраженія Флорентійскаго собора, въ коихъ папа именовался, между прочимъ, полновластнымъ носителемъ власти „части вселенскую Церковь и управлять ею“ (regendi et gubernandi universalem ecclesiam). Но, вѣдь, такого рода адресъ папа принималъ отъ епископовъ и раньше, какъ мы въ своемъ мѣстѣ видѣли; слѣдовательно, и здѣсь можно находить въ поступкѣ папы только намекъ, притомъ даже не полный, хотя и довольно знаменательный.)

Къ 29 іюня 1868 года относится та булла („Aeterni Pat-

¹⁾ Что таково именно было отношеніе Пій IX къ этой агитаціи, мы увидимъ скорѣе, когда будемъ раскрывать его отношенія къ газетамъ *Civiltà cattolica* и *Univers.*

ris...“), въ которой папа объявилъ всему католическому міру, что черезъ годъ съ небольшимъ, именно: 8 декабря 1869 года,—въ Римѣ созванъ будетъ „вселенскій“ Ватиканскій соборъ. Эта булла замѣчательна тѣмъ, что въ ней Пій IX не только совершенно умалчиваетъ о возведеніи въ догматъ ученія о папской непогрѣшимости, но даже неоднократно какъ бы съ намѣреніемъ подчеркиваетъ ту мысль, что на предстоящемъ соборѣ онъ не иначе будетъ рѣшать догматическіе вопросы, какъ *сообща съ епископами* (cum totius catholici orbis Episcopis..., collatis consiliis conjunctisque viribus... или еще: sua Nobiscum communicare et conferre consilia). (Для такихъ идеалистовъ, какимъ былъ, напр., Дюпанлу, всѣ такого рода обѣщанія папы получали значеніе не простыхъ фразъ, но содержали въ себѣ, какъ можно думать, основанія для ожиданія дѣйствительнаго охраненія епископскихъ правъ на соборѣ. Этимвъ, вѣроятно, и объясняется, почему нѣкоторые умѣренные католики, даже уже наканунѣ самаго собора, все еще тѣшили себя надеждою, что на соборѣ вовсе и не будетъ поднятъ вопросъ о папской непогрѣшимости.)

Прошло около полугода послѣ обнародованія буллы *Aeterni Patris*, и курія не замедлила сдѣлать важный намекъ на дѣйствительныя свои намѣренія относительно созываемаго собора. 6-го февраля 1869 года органъ куріи, газета *Civiltà cattolica*, помѣстила на своихъ страницахъ статью, въ которой говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Католики—либералы опасаются, что соборъ имѣетъ намѣреніе провозгласить доктрину „силлабуса“ догматическую непогрѣшимость папы; но при этомъ они не теряютъ надежды, что соборъ могъ бы видоизмѣнить или объяснить извѣстныя положенія силлабуса въ духѣ „благопріятномъ ихъ идеямъ, и что вопросъ о непогрѣшимости папы или не будетъ вовсе возбужденъ, или же останется нерѣшеннымъ.—Истинные же католики (т. е. огромное большинство вѣрующихъ) питаютъ противоположныя надежды.—Они желали бы, чтобы соборъ обнародовалъ доктрины силлабуса. Въ такомъ случаѣ дѣломъ собора было бы только высказать положительно и съ необходимыми объясненіями тѣ опредѣленія, которыя высказаны въ силлабусѣ отрицательно,

„и чрезъ то устранить существующія еще у нѣкоторыхъ недо-
 „разумѣнія“. Еще важнѣе тотъ намекъ, который высказанъ
 въ этой статьѣ далѣе. „Всякій знаетъ“, читаемъ мы въ ней,
 „что папа самъ не склоненъ принять инициативу относительно
 „положенія, касающагося его же самого; но однако же като-
 „лики питаютъ надежду, что соборъ, по откровенію Св. Духа,
 „единогласно утвердитъ непогрѣшимость папы“ (Знаменательно
 и предсказаніе итальянской газеты относительно того положе-
 нія, какое займутъ на соборѣ представители меньшинства (т. е.
 умѣренные католики), а также и относительно несомнѣнной по-
 бѣды надъ ними представителей большинства (т. е. ультра-
 монтанъ). „Католики думаютъ“, говоритъ газета, „что епископы
 „въ главныхъ предметахъ будутъ согласны между собою; мень-
 „шинство же епископовъ, при всей готовности оппонировать,
 „будетъ не въ состояніи долго противиться“¹⁾.

Чтобы вполне понять всю важность разоблаченій, которыя
 сдѣлала *Civiltà cattolica* въ приведенныхъ нами словахъ, необ-
 ходимо имѣть въ виду, что папа Пій IX еще 12-го февраля
 1866 года издалъ бреве, въ которомъ редакція этой газеты
 получала значеніе какъ бы нѣкотораго рода конгрегации при его
 лицѣ (и, слѣдовательно, объявлялась органомъ его правительства,
 не только свѣтскаго (котораго теперь оставалась почти одна
 только тѣнь), но особенно церковнаго, т. е. римской куріи.
 Вотъ почему появленіе указанной нами статьи обратило на
 себя вниманіе всѣхъ католиковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушило
 многимъ епископамъ, другимъ духовнымъ лицамъ и даже міря-
 намъ умѣреннаго лагеря серьезное опасеніе относительно по-
 слѣдствій задуманнаго на предстоящемъ соборѣ провозглаше-
 нія новаго догмата. Еще въ своихъ мартовскихъ номерахъ
 отъ 1869 года (отъ 6 и 10 марта), т. е. почти непосредствен-
 но послѣ появленія статьи Чивильты, газета „Augsburger Allge-
 meine Zeitung“ первая рѣшилась высказать мысль, что теперь
 уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ истинныхъ намѣ-
 реніяхъ куріи относительно предстоящаго собора. Мало того:
 она изложила даже весь планъ ультрамонтанскихъ руководи-

¹⁾ См. „Папа и соборъ“ Якуса, въ перев. прот. Ладанскаго, Берлинъ 1870 г.,
 стр. 19—20.—Курсивъ въ текстѣ принадлежитъ намъ.

телей этого собора, — планъ лукавый, сущность котораго сно-
 дилась къ тому, чтобы разными искусными отводами членовъ
 меньшинства отъ главнаго предмета соборныхъ совѣщаній
 (ученіе о папской непогрѣшимости) мало по малу совершенно
 ихъ запутать и даже разъединить между собою, и чрезъ это
 ускорить ихъ поражение. Статьи „Allgemeine Zeitung“ послу-
 жили, можно сказать, сигналомъ къ появленію цѣлаго ряда
 статей и сочиненій, принадлежащихъ перу богослововъ изъ
 лагеря умѣренныхъ католиковъ и, по преимуществу, герман-
 скихъ. Такъ, въ іюль 1869 года, напечатано было въ газетѣ
Kölnische Zeitung нѣчто въ родѣ манифеста германскихъ ка-
 толиковъ умѣреннаго лагеря по поводу предстоящаго собора.
 „Если“, читаемъ мы, между прочимъ, въ этомъ манифестѣ, „на
 „вселенскомъ соборѣ епископы имѣютъ исключительное право
 „совѣщаться другъ съ другомъ, то необходимо, чтобы при этомъ
 „приняты были во вниманіе мысли и желанія всѣхъ членовъ
 „Церкви, міряне могутъ при этомъ имѣть также вліяніе на
 „соборныя рѣшенія, какъ и священники. (Міряне изъ лагеря
 „ультрамонтанскаго широко пользуются этимъ правомъ, когда
 „печатаютъ свои мысли по поводу собора, въ разныхъ журна-
 „лахъ, которые никакъ нельзя назвать умѣренными. Не имѣтъ
 „ли, притомъ, ультрамонтанская партія въ Римѣ свой органъ,—
 „Civiltà cattolica“, которая очень рѣшительно стремится къ
 „осуществленію намѣченныхъ ею плановъ?) Неужели мы лишены
 „права сдѣлать такого рода заявленіе: „Отнюдь не симпатичны
 „ли не сродны намъ всѣ эти взгляды и чаянія! Со всею энер-
 „гіею готовы мы бороться съ ними“—?“—Далѣе въ той же статьѣ
 высказываются такія *pia desideria* германскихъ умѣренныхъ ка-
 толиковъ: „Германскіе католики требуютъ, чтобы, во-первыхъ,
 „Церковь отказалась отъ всякаго рода политической власти,
 „чтобы обѣ сферы власти—духовная и свѣтская—были неза-
 „висимыми одна отъ другой, и чтобы положенъ былъ конецъ всему
 „тому, что такъ или иначе напоминаетъ средневѣковую „тео-
 „кратію“. Дальнѣйшія желанія тѣхъ же католиковъ можно
 свести къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) чтобы римская цер-
 ковь перестала съ слѣпымъ фанатизмомъ враждовать противъ
 всякой культуры и науки (потому что не всякая же культура

и не всякое занятіе наукою противны христіанству); 2) чтобы міряне имѣли больше участія въ жизни Церкви, и 3) чтобы отысканъ былъ пресловутый *index*.

Вскорѣ послѣ такихъ энергическихъ заявленій Кельнской газеты, появились очень замѣчательныя по своей эрудици и исторической правдѣ статьи неизвѣстнаго автора въ газетѣ „Augsburger Allgemeine Zeitung“¹⁾. Онѣ сдѣлались особенно популярны съ тѣхъ поръ, какъ въ своей дальнѣйшей, распространенной редакціи изданы были въ видѣ особой книги, которая очень скоро стала знаменитою не только въ Германіи, но и во всѣхъ частяхъ свѣта, и переведена была почти на всѣ европейскіе языки. Эта книга была: „Der Papst und das Concil“, авторъ которой скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ Janus'a, намекая, конечно, чрезъ это на то, что онъ въ предлагаемомъ сочиненіи намѣренъ обратить свой строго-научный, безпристрастный взоръ, какъ на настоящее положеніе римско-католической церкви, такъ и на всю христіанскую древность, съ цѣлію показать читателямъ, какъ далеко ушла римская церковь отъ идеала истинной церкви, а также и то, какъ въ средніе вѣка шла постепенная порча со стороны Рима этого идеала. Лучшею и самою яркою похвалою этого замѣчательнаго произведенія „двуликаго Януса“ послужила та быстрая извѣстность, даже популярность, какую оно въ сравнительно краткое время успѣло приобрести во всемъ образованномъ мірѣ; такъ-что сами ультрамонтане сочли нужнымъ поручить одному изъ своихъ научныхъ корифеевъ, профессору церковнаго права и церковной исторіи при Вюрцбургскомъ университетѣ, д-ру *Hergenrother* (Hergenrother), впоследствии кардиналу, составить противъ „Януса“ отвѣтъ. Таковой появился уже въ 1870 г., подъ заглавіемъ „Anti-Janus“, хотя на самомъ дѣлѣ въ ней авторъ не только не опровергалъ вѣскихъ, всегда основанныхъ на строго-научныхъ данныхъ, доводовъ „Януса“, но даже, можно сказать, еще болѣе способствовалъ ихъ популярности, благодаря своимъ слабымъ и явно тенденціознымъ возраженіямъ на его положенія. Поэтому, если книга „Януса“ получила повсюду особенную извѣстность, то,

¹⁾ Не безъ основанія приписываютъ ихъ знаменитому Деллингеру.

напротивъ, „Анти-Янусъ“ прошелъ въ европейскомъ литературномъ мірѣ почти безслѣдно).

Изъ другихъ сочиненій, имѣвшихъ своею цѣлію протестовать противъ ультрамонтанской агитаціи въ пользу ученія о папской непогрѣшимости, особенно замѣчательна книга одного неизвѣстнаго по имени духовнаго лица изъ Богеміи: „Die Reform der Kirche an Haupt und Gliedern“. Самое уже заглавіе показываетъ, какой животрепещущій вопросъ раскрывался въ этомъ сочиненіи, вопросъ о преобразованіи католической церкви, — объ искорененіи всѣхъ злоупотребленій, которыя въ теченіи многихъ вѣковъ вкрались въ нее и затемнили въ ней идеаль истинно-церковный. Авторъ, между-прочимъ, обращается къ предстоящему собору съ увѣщаніемъ не развивать далѣе принципъ централизаціи высшей церковной власти въ лицѣ папы, но, нап-

¹⁾ Для прѣмбра того, какъ неудовлетворительно отыскать „Анти-Януса“ на тезисы „Януса“, укажемъ хотя бы на его разсужденіе о лалѣ Гоноріи. „Янусъ“ говоритъ о немъ такъ: „Въ самомъ началѣ (шестаго вселенскаго) собора, папа „Гонорій, спрошенный тремя патріархами, высказался въ пользу (моноелетскаго) „джеуенія, и чрезъ то оказалъ ересь могущественную поддержку... Соборъ сдѣлалъ торжественнымъ образомъ осудилъ Гоноріа за его еретическое ученіе, и „хоть-бы одинъ голосъ раздавался въ его защиту, хотя на соборѣ присутствовали „и папскіе легаты. Догматическія сочиненія Гоноріа, какъ зараженные ересію, „были сожжены.—Папы покорились необходимости, подписали анаемуму, и сами „заботились о томъ, чтобы еретикъ Гонорій, осужденный восточною и западною „церковію, былъ исключенъ изъ церковныхъ книгъ.—Это обстоятельство небы „свѣта доказываетъ, что тогда всей вселенской церкви было ничто неизвѣстно о „папской непогрѣшимости. Защитники непогрѣшимаго папы (Горквеллада, Беллар- „минъ и др.) не знали поэтому никакого другаго исхода, какъ заговорить под- „линность соборныхъ актовъ и приписали грекамъ ихъ искаженіе. Богословы иезу- „итскаго ордена оставались при этомъ мнѣніи до середины прошлаго столѣтія. Но „съ тѣхъ поръ, какъ что было похищено, устремился въ такое объясненіе словъ „Гоноріа, чтобы изъ нихъ можно было извлечь зало—малыскя православный смыслъ. „Удалось это или нѣтъ, но то несомнѣнно, что во времена Гоноріа вселенскій „соборъ и сами папы были убѣждены въ папской погрѣшимости“. Вотъ что ише- „теть по поводу осужденія Гоноріа „Янусъ“. Читатель легко можетъ понять, за- „кой именно отвѣтъ, по требованіямъ логики, должны были дать на эти сильныя „(по своей исторической правдѣ) доказательства противъ папской непогрѣшимости, „ультрамонтанскіе богословы. Имъ слѣдовало доказать 1) что въ дѣйствительности „папа Гонорій не былъ моноелетомъ; 2) что шестой вселенскій соборъ не пре- „давалъ его осужденію за эту ересь, и что догматическія сочиненія Гоноріа не „были сожжены, какъ еретическія; 3) что сами папы никогда не предъали Гоноріа „ананемъ; наконецъ, 4) что положеніе иезуитскихъ въ ультрамонтанскихъ богосло- „вовъ, будто соборные акты, въ которыхъ содержится осужденіе Гоноріа, не под-

ротивъ, свести эту власть къ тѣмъ ея предѣламъ, въ какихъ она проявляла свою дѣятельность въ древней нераздѣльной церкви, въ видѣ приматства по чести, но не по власти церкви вселенской. (Въ общемъ, названное сочиненіе есть краснорѣчивый и сильный протестъ противъ того плѣна, въ какомъ держали католическую церковь иезуиты и ультрамонтане, и который угрожалъ сдѣлаться еще безвыходнѣе и ужаснѣе послѣ окончанія собора Ватиканскаго.)

Не одна *Civiltà cattolica* раскрыла предъ людьми, не посвященными во всѣ тайны куріи, какова именно будетъ истинная дѣятельность предстоящаго собора: такую же роль истолковательницы намѣреній папы относительно созываемаго собора взяла на себя и другая ультрамонтанская газета (уже знакомая намъ изъ историческаго очерка дѣятельности въ текущемъ столѣтіи ультрамонтанской партіи во Франціи), пресловутая

Линни, в будто бы самія слова Гонорія православны, — есть вполне истинное. Только при твердомъ обоснованіи этихъ четырехъ тезисовъ можно было бы ультрамонтанамъ имѣть опровергнуть сильныя слова „Януса“. Посмотримъ, такъ ли поступаетъ „Анти-Янусъ“. Онъ приводитъ слова *Гагеманна* и *Штсманна*, которые ссылаются доказать, что Гонорій на самомъ дѣлѣ не зналъ въ ересь, но выразился только неосторожно, притомъ не въ *догматическомъ посланіи* (epistola dogmatica), а въ *частномъ* (privata); но при этомъ не указываетъ, какія именно основанія для такого мнѣнія. Правда, даже онъ представляетъ читателю свое личное соображеніе о томъ, что патріархъ Цареградскій Сергій нарочно съ лукавымъ намѣреніемъ палелъ папу Гонорія на ложный путь, — заставилъ его неосторожно употребить выраженіе въ Обѣдѣ, — но, вѣдь, по-первыхъ это личное (бездоказательное) мнѣніе самого Герценпретера, а во-вторыхъ, если бы такъ на самомъ дѣлѣ и было, какъ говоритъ послѣдній, то и въ такомъ случаѣ нельзя (говорилъ вполне безпристрастно) оправдать Гонорія: странно въ такомъ случаѣ считать его *непорочнымъ* въ вопросахъ догматическихъ, хотя бы и признавать, вмѣстѣ съ ультрамонтанскими богословами, его посланія къ патр. Сергію только *частными* (разграниченіе между *догматическими* и *частными* папскими посланіями слишкомъ неопредѣленное, субъективное и потому черезъ-чуръ растяжимое). Еще любопытнѣе, какъ объясняетъ „Анти-Янусъ“, то обстоятельство, почему папскіе легаты, бывшіе на шестомъ соборѣ, не протестовали противъ анаематствованія Гонорія. Ссылаясь опять на *Гагеманна*, „Анти-Янусъ“ говоритъ, что такое молчаніе легатовъ объясняется яко бы ихъ нежеланіемъ помѣшать ходу дѣла на соборѣ (!) Просилъ самого читателя сказать, подожда руку на сердце, можно ли считать подобное объясненіе удовлетворительнымъ. Такова бездоказательность и неустойчивость „Анти-Януса“ въ его отвѣтахъ на слова „Януса“. (Выдержка наша изъ „Януса“ взята изъ русск. перевода этой книги о. Ладискаго, стр. 99—101; а отвѣтъ на нее у „Анти-Януса“ см. въ изданіи его отъ 1870 г., въ Фрейбургѣ, стр. 52—53).

„Univers“. (И она, подобно Чивильтѣ, съ замѣчательною открывенностію поспѣшила возвѣстить своимъ читателямъ, что на Ватиканскомъ соборѣ будетъ провозглашенъ новый догматъ о папской непогрѣшимости, и даже прибавляла, что самое это провозглашеніе произойдетъ на основаніи простаго большинства голосовъ, по инициативѣ главныхъ сторонниковъ ученія о папской непогрѣшимости. (Кто были эти главные сторонники, это всякій легко могъ понять, вспоминая всю дѣятельность ультрамонтанъ хотя бы въ текущемъ столѣтіи). — Хотя редакция „Univers“, въ лицѣ своего главнаго представителя, Вельо, и не получила отъ папы такой санкціи, какую удостоилась получить *Civiltà cattolica*, однако ни для одного почти католика, не только во Франціи, но и за ея предѣлами, не было, кажется, тайной, какимъ благоволеніемъ пользовались и самъ Вельо, и его изданіе въ глазахъ папы Пія IX: послѣдній довольно ярко неоднократно выражалъ имъ свою благосклонность, хотя, большею частію, и не официально).

Такія краснорѣчивыя и многозначущія разоблаченія, какія сдѣланы были, относительно занятій Ватиканскаго собора, двумя ультрамонтанскими листками, — а еще болѣе собственная про-

1) Не даромъ, уже во время засѣданій Ватиканскаго собора, папа пригласилъ самого Вельо и его семью въ Римъ и даже, какъ прошелъ въ то время слухъ, поселилъ ихъ въ Ватиканскомъ дворцѣ (См. *Tagebuch. Während des Vaticanischen Concils geführt von Dr. I. Friedrich*, Nördlingen 1871, S. 161). Мало того: утверждали, что для Вельо отведено было особое потаенное мѣсто за кулисами той залы, въ которой происходили соборныя засѣданія (Ibidem, S. 162). Очень кстати принести здѣсь замѣчательныя слова, которыя сказалъ однажды Пій IX патріарху Венеціи, когда онъ представлялъ ему нѣкоторыхъ членовъ иепенциальныхъ католическихъ ассоціацій: „Я могъ бы“, говорилъ, между прочимъ, папа, „назвать намъ извѣстныхъ господъ (въ противнѣ, папа разумѣлъ среди нихъ и Дюпалу), которые „дѣлать 10 тому назадъ, просили меня, чтобы я приказалъ католической прессѣ „долчать... Знаете-ли, что я имъ отвѣтилъ? Я сказалъ имъ: хорошо, господа, я „исполню вашу просьбу, но только тогда, если вы мнѣ съ увѣренностію скажете, „это нѣтъ уже ни одного антикатолическаго журнала... Не скажу, чтобы не вредна и иной католическій листокъ не хваталъ черезъ край; но, вѣдь, тому, кому „приходится писать каждый день, весьма легко зайти слишкомъ далеко, особенно „въ отвѣтъ на нападки враждебныхъ изданій. О, въ наше время такіа газеты „весьма необходимы и дѣлаютъ много добра!“ Таковъ былъ панегирикъ Пія IX такимъ журналистамъ, какъ *Univers*. Понятно, что, сознавая за собою такое важное преимущество, какъ яркое благоволеніе къ себѣ папы, — эта газета особенно смѣло и рѣзко нападала на своихъ противниковъ. (См. *Tagebuch*, S. 365—366)

ницательность многих европейских дипломатов—не могли не внушить этим государственным людям серьезного опасения относительно последствий провозглашения догмата о папской непогрешимости в области международной политики.

Первый из них, кто обратил на это немаловажное обстоятельство внимание всех европейских правительств, был баварский министр—президент, князь Гогенлоэ (Hohenlohe), который, как родной брат кардинала, был хорошо осведомлен о намерениях римской курии. От 6 апреля 1869 г. он обнародовал циркулярную ноту, которую разослал всем иностранным дворам. В ней он старался убедить их, что истинная цель предстоящего собора совсем не сводится только к одним чисто богословским решениям, но имеет самую тесную связь с вопросом об отношении церкви и государства. (При этом он напоминал им о некоторых тезисах силлабуса, в которых очень недвусмысленно задвигалась власть светских правительств и давалось понять, что папа должен быть верховным владыкою и над ними; эти тезисы он ставил в связь с учением о папской непогрешимости, причем очень убедительно выяснял, как опасно сдвигается это учение, когда курия возведет его на собор в догмат веры. В виду такой опасности (конечно, для тех государств, где есть католические подданные), князь предлагал, не теряя времени, созвать конференцию, или же целый ряд конференций, на которых представители всех заинтересованных в данном вопросе государств могли бы изыскать средства необходимые для защиты своих законных прав против покушений на них со стороны предстоящего собора ¹⁾).

К сожалению, нота баварского министра не имела успеха. Причина этого заключалась скорее всего в том обстоятельстве, что между отдельными правительствами не было того единодушия, какое потребно было для такого важного образа действия, какой предлагал Гогенлоэ. Напрямь, Австрия уже потому отнеслась недоверчиво к его проекту, что подозревала, что за ним стояла Пруссия, "всегдашняя ее соперница"

¹⁾ Zur geschichte des Vaticanischen Conciles, von Lord Acton, München 1871, S. 19—20.

Австрийский канцлер, граф Бейсм (Beust), на предложение главы баварского министерства не обинуясь ответил, что не находить нужным еще до начала Ватиканского собора поднимать вопрос об отношении церкви к государству (и что лучше, по его мнению, уже впоследствии, в случае нужды, протестовать против того или другого постановления этого собора, если окажется, что оно противно интересам государственным). Холодный ответ Австрии на ноту Гогенлоэ послужил поводом к тому, что и все другие правительства отклонили эту ноту. (Так мысль благоразумного государственного мужа,—мысль вполне достойная лучшего приема, чем какой она имела,—и осталась без исполнения.)

(Не имело никакого успеха и другое предложение некоторых предусмотрительных католиков, в числе которых находились даже и духовные лица (напр., французский кардинал Бонноз (Bonchese) и некоторые епископы),—предложение послать на предстоящий собор представителей всех заинтересованных правительств ¹⁾). Нельзя не упомянуть здесь и о другом сродном проекте, который возник в Германии; сущность его сводилась к тому, чтобы на собор представителям германских католиков явился всеми уважаемый, маститый король саксонский, Иоанн, который, как католик и притом замечательный ученый, мог, по мнению многих, особенно способствовать благоприятному для германского правительства решению известных вопросов. Но почему-то и эта мысль не осуществилась на деле ²⁾...

(Вообще можно сказать, что даже накануне самого Ватиканского собора какое-то странное и непонятное ослепление настолько заслонило от взоров государственных людей Европы истинное положение вещей в Риме, что они решительно ничего не предприняли для предотвращения грозившей всем почти европейским правительствам опасности. А эта опасность, как грозная, темная туча, все ближе и ближе надвигалась.)

¹⁾ Ibidem, S. 21.

²⁾ Ibidem, S. 23.

ГЛАВА II.

Характеристика главѣйшихъ представителей умѣреннаго католицизма изъ французскаго духовенства ко времени созванія Ватиканскаго собора.

Прежде чѣмъ приступать къ описанію главныхъ моментовъ борьбы умѣренныхъ католиковъ съ ультрамонтанами на Ватиканскомъ соборѣ, необходимо, по нашему мнѣнію, познакомить читателя, хотя бы отчасти, съ важнѣйшими борцами съ той и другой стороны. Безъ такого предварительнаго знакомства съ ними, читатель не такъ скоро и не такъ легко пойметъ, почему именно на этомъ соборѣ, несмотря на то, что со стороны умѣреннаго меньшинства не было недостатка въ протестахъ (и даже, какъ увидимъ, нерѣдко весьма энергичныхъ),— ультрамонтанское большинство всетаки, наконецъ, одолѣло оппозицію. Но, въ виду того, что ультрамонтане составляли на соборѣ, какъ и слѣдовало ожидать, партію преобладающую по своей силѣ и по количеству членовъ, то, понятно, нѣтъ нужды съ особенною подробностію останавливаться на характеристикахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ членовъ въ отдѣльности: достаточно будетъ для нашей задачи ограничиться по отношенію къ нимъ сравнительно краткой характеристикой. И это, конечно, потому, что въ ультрамонтанской партіи, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться, всегда главная сила заключалась не въ отдѣльныхъ дѣятеляхъ (хотя бы и весьма энергичныхъ), но скорѣе во всей ихъ совокупности,—въ томъ объединяющемъ всѣхъ ихъ началѣ (фанатической преданности своей идеѣ), которая дѣлала изъ нихъ сильнѣйшую въ мірѣ корпорацію. Совершенно иной характеръ имѣла во всѣ времена партія умѣренныхъ католиковъ. Въ томъ и лежала главная, основная причина ея сравнительно слабой и частыхъ ея неудачъ и поражений, что ей не

доставало единства, корпоративности, чѣмъ такъ сильны были ея враги, ультрамонтане. А такое отсутствіе единства объясняется, конечно, тѣмъ, что въ основаніи воззрѣній умѣренныхъ католиковъ на Церковь лежала нѣкоторая непослѣдовательность и даже извѣстнаго рода самообманъ: съ одной стороны, они ужасались при мысли о неограниченной власти папы, но съ другой—какъ-будто не замѣчали, что, въ сущности, уже самая идея папскаго приматства заключаетъ въ себѣ, какъ бы въ зародышѣ, и идею о папской неограниченной власти въ Церкви или, что то же, идею о папской непогрѣшимости. Въ этой раздвоенности и заключалась, можно сказать, *Ахиллесова пята* всѣхъ умѣренныхъ католиковъ. Ультрамонтане хорошо это знали и потому всегда умѣли попадать въ это слабое мѣсто своихъ противниковъ. Насколько вѣренъ нашъ взглядъ на этотъ общій характеръ всѣхъ умѣренныхъ католиковъ, это лучше всего откроется изъ нашей характеристики отдѣльныхъ представителей этой партіи, сначала во Франціи, а затѣмъ и въ Германіи и Австро-Венгріи.

Изъ французскаго духовенства самыми замѣчательными представителями умѣреннаго католицизма къ концу 60-хъ годовъ можно назвать слѣдующихъ лицъ: парижскаго архіепископа *Дарбуа*, орлеанскаго епископа *Дюпанлу* (Dupanloup), епископа *in partibus infidelium* *Марэ* (Maret) и аббата *Гратри* (Gratry). Camp 266

1. *Дарбуа* можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ симпатичнѣйшихъ личностей среди французскаго духовенства шестидесятихъ годовъ. Его основательная и всесторонняя ученость, его свѣтлыя нравственные качества и особенно его кроткая обходительность со всѣми дѣлали его весьма популярнымъ прелатомъ. Одному только папѣ и ультрамонтанскимъ его сподвижникамъ *Дарбуа* былъ непріятенъ тѣмъ, что онъ былъ въ душѣ галликаномъ и потому не сочувствовалъ новымъ стремленіямъ въ католической церкви, направленнымъ къ чрезмѣрному, совершенно незаконному возвеличенію папской власти, въ ущербъ власти прочихъ епископовъ. Опала къ нему папы выразилась въ томъ, что онъ не былъ сдѣланъ кардиналомъ (хотя многіе другіе, несравненно менѣе заслуженные прелаты, но болѣе угодные Пію IX, получили это званіе); кромѣ того,

папа послалъ ему однажды посланіе, которое скорѣе имѣло характеръ выговора, чѣмъ отеческаго привѣта (котораго Дарбуа былъ бы весьма достоинъ). Другой прелатъ, на мѣстѣ парижскаго архіепископа, всячески и вездѣ, гдѣ только могъ, старался бы проявлять свое недовольство куріей; но не таковъ былъ Дарбуа: онъ не переставалъ во всемъ сохранять свое ровное и безстрастное расположеніе по отношенію ко всѣмъ распоряженіямъ, исходившимъ изъ Рима. Замѣчательны тѣ слова, съ которыми онъ обратился къ папѣ въ письмѣ къ нему, по поводу изданія силлабуса: „Твое порицаніе“, писалъ онъ Пію IX, „о намѣстникъ Христовъ, имѣетъ силу; но твое благословеніе еще несравненно могущественнѣе. Богъ возвелъ тебя на апостольскій престолъ въ срединѣ двухъ половинъ настоящаго столѣтія, чтобы ты одной изъ нихъ даровалъ папское разрѣшеніе (absolution), а другую освятилъ своимъ благословеніемъ. Пусть будетъ твоимъ дѣломъ—примирить разумъ съ вѣрою, свободу съ авторитетомъ, государства съ Церковію! Съ высоты той тройкой славы, какою увѣнчали тебя религія, старость и несчастіе,—все, чтобы ты ни дѣлалъ, и все, чтобы ты ни говорилъ, имѣетъ такое великое значеніе, что можетъ повергнуть народъ въ отчаяніе, или ободрить ихъ. Изреки имъ изъ твоего открытаго, пространнаго, священническаго сердца одно только слово, чтобы дать прощеніе прошедшему, укрѣпить настоящее и открыть, и освѣтить кругозоръ для будущаго“¹⁾! Не слышится ли въ этихъ смѣлыхъ и правдивыхъ словахъ голоса Бернарда Клервосскаго, который нѣкогда подобнымъ же образомъ наставлялъ папу Евгенія III-го? Нельзя не подивиться тому, какъ Дарбуа сумѣлъ соединить въ этихъ словахъ и легкую критику на образъ дѣйствія папы по отношенію къ современной цивилизаціи, и сыновнюю почтительность къ „намѣстнику Христову“, и замѣчательное,—можно сказать, величественное,—спокойствіе тона. Онъ ни унижается предъ папой, ни забываетъ, съ другой стороны, своего подчиненнаго положенія относительно его. Вообще приведенныя нами слова могутъ служить лучшею характеристикой свѣтлой лич-

ности парижскаго архіепископа. — Такимъ же показали онъ себя и во время своего пребыванія въ Римѣ, на соборѣ: вездѣ у него та же стойкость, но безъ рѣзкости, та же почтительность къ папѣ, но безъ лести, то же спокойствіе, но безъ апатіи къ своимъ убѣжденіямъ. Чтобы составить себѣ вполнѣ ясное понятіе объ этихъ убѣжденіяхъ, лучше всего познакомить читателя съ тою замѣчательною рѣчью, которую держалъ Дарбуа на соборѣ, за два мѣсяца до его окончательнаго засѣданія. Въ ней онъ высказываетъ мысль, что возведеніе въ догматъ ученіе о папской непогрѣшимости не только не усилитъ власти папы, но, напротивъ, пожалуй, ослабитъ ее, возбудивъ въ извѣстной части католической іерархіи (именно: въ епископахъ) только раздраженіе и ненависть. По его мнѣнію, вопросъ о возведеніи въ догматъ вѣры любимаго ультрамонтанскаго школьнаго мнѣнія только дастъ поводъ невѣрующимъ и вообще врагамъ католической Церкви увижать самый соборъ и даже глумиться надъ нимъ, какъ надъ чѣмъ-то недостойнымъ уваженія¹⁾. Далѣе онъ старается доказать, что новый догматъ не только не послужитъ панацеей для всѣхъ нравственныхъ недуговъ современнаго общества, но скорѣе повредитъ этому обществу, еще болѣе отдаливъ отъ Церкви однихъ, окончательно лишивъ вѣры другихъ. И это потому, что болѣзнь современнаго человѣчества заключается вовсе не въ томъ, что оно не имѣетъ средства узнать истину, но въ томъ, что, имѣя возможность ее узнать, оно все таки бѣжитъ отъ истины²⁾. Такимъ твер-

¹⁾ *Hanc de infallibilitate his conditionibus ortam (questionem) et isto modo introductam aggredi et definire non possumus, ut arbitror, quin eo ipso tristem viam sternamus tum cavillationibus impiorum, tum etiam objectionibus moralem hujus Concilii auctoritatem minuentibus*“.

(См. *Zur Gesch. d. Vat. Conciles, von Lord Acton, S. 109*).

Читая эти слова, нельзя не поразиться тѣмъ, какъ вѣрно предусматривалъ Дарбуа вредныя послѣдствія, какия имѣлъ для католической церкви Ватиканскій соборъ, усиливъ среди современнаго западно-европейскаго общества невѣріе и индифферентизмъ.

²⁾ „Porro, quod in tantis Ecclesiae angustiis laboranti mundo remedium afferatur? His omnibus qui ab humero indocili excutiant onera antiquitus imposita et consuetudine patrum veneranda, novum ideoque grave et odiosum onus imponi postulant schematis autores. Eos omnes, qui infirmae fidei sunt, novo et non satis opportuno dogmate quasi obruant, doctrina scilicet huiusque nondum de-

¹⁾ *Zur Gesch. des Vaticanischen Conciles, von Lord Acton, S. 62—63.*

дымъ убѣжденіямъ Дарбуа вполне соответствовало и то положеніе, какое онъ занималъ на соборѣ, съ начала до конца. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ вожаковъ оппозиціи новому папскому догмату, и въ его римской квартирѣ собирались французскіе епископы съ умѣренно-католической окраской. Когда уже послѣдовало на Ватиканскомъ соборѣ провозглашеніе этого догмата, то, по словамъ о. Владиміра *Гетте*,¹⁾ онъ не могъ сдержать своего негодованія и, измѣняя свою обычную ровность характера, дошелъ даже до того, что позволилъ себѣ подшутить надъ соборомъ. Такъ какъ было написано, что *почти* всѣ члены провозгласили догматъ непогрѣшимости, то онъ измѣнилъ слово *почти* (*ferè*) на *ferae*, которое соответствуетъ французскому слову *bêtes* (звѣри, дураки), и сказалъ, что *всѣ дураки* присоединились къ новому догмату. Конечно, такая нелестная для собора откровенность была допущена имъ не официально, во время соборныхъ засѣданій, но у себя на дому. Правдивый Дарбуа не могъ вынести печальнаго и унижительнаго зрѣлища постепеннаго подчиненія умѣреннаго меньшинства ультрамонтанскому большинству и уѣхалъ во Францію еще до пресловутаго засѣданія 18-го іюля 1870 года. Впрочемъ, какъ и всѣ оппозиціонные епископы, онъ, преклоняясь предъ извѣстнымъ правиломъ (искаженнымъ ультрамонтанами): *Roma locuta est, causa finita est*,—и самъ вскорѣ волеи-неволеи призналъ новый догматъ, хотя, всего вѣроятнѣе, призналъ все таки неискренно, но только наружно. Конечно, въ такомъ поступкѣ проявилась слабость, недостойная такой свѣтлой личности, какою былъ парижскій архіепископъ, погибшій вскорѣ мученическою смертію за свои патріотическія убѣжденія и чрезъ это какъ-бы искупившій невѣрность своимъ анти-ультрамонтанскимъ убѣжденіямъ.

2. *Дюпанлу*, епископъ орлеанскій, неоднократно упомянутый нами, можетъ быть названъ такъ же, какъ и Дарбуа одною

изъ звѣздъ первой величины въ числѣ епископовъ, составлявшихъ на Ватиканскомъ соборѣ оппозицію. Отличительною чертою его характера была чисто французская живость впечатлѣній, которая часто дѣлала его непослѣдовательнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, чему способствовалъ въ значительной мѣрѣ и его холерико-сангвиническій темпераментъ. Какъ и Дарбуа онъ былъ весьма ученымъ прелатомъ, но съ характеромъ скорѣе практическимъ. Его лучшія сочиненія были изъ области педагогики; не мало написалъ онъ также книгъ и брошюръ по гомилетикѣ. Когда нѣкто аббатъ *Гомъ* (*Gaume*), впоследствии епископъ, попалъ на классическое образованіе въ французскихъ школахъ, то Дюпанлу выступилъ противъ него съ очень сильнымъ и талантливымъ отвѣтомъ, причемъ показалъ и въ этой области большую эрудицію. Для нашей задачи особенно важно подробнѣе остановиться на другой его полемической статьѣ, которою онъ обличилъ Вельо за его агитацію въ пользу провозглашенія новаго догмата¹⁾. Общій тонъ ея таковъ, что даетъ основаніе думать, что Дюпанлу или совершенно не зналъ о дѣйствительныхъ отношеніяхъ редактора газеты *Univers* къ папѣ, или же (что вѣроятнѣе), если и зналъ о нихъ, то намѣренно дѣлалъ видъ, будто не знаетъ. Еще въ началѣ своей статьи онъ не обинуясь говоритъ, что Вельо, агитируя въ пользу ученія о папской непогрѣшимости, является въ одно и то же время и узурпаторомъ непринадлежащей ему власти церковнаго учителя, и какимъ-то возмутителемъ общественнаго мнѣнія предъ началомъ собора²⁾. Затѣмъ онъ уличаетъ своего противника въ противорѣчіи своимъ собственнымъ возрѣніямъ на сущность либерализма. „Сами же вы“, пишетъ онъ ему, между-прочимъ, „когда-то являлись либеральнѣе всякаго другаго, и конечно, все якобы для блага Церкви; потому что не вы ли говорили: „мы возненавидѣли всякій нелиберальный принципъ, какъ анти-

1) Lettre de Mgr. l'évêque d'Orléans aux prêtres de son diocèse pour leur donner communication de son avertissement à M. Louis Veuillot, Paris 1869, 3—ième édition.

2) „Vous, simple laïque... vous usurpez étrangement l'autorité de l'Église; vous agitez et troublez les esprits dans l'Église; vous faites une sorte de pieuse émeute „à la porte du Concile...“ (p. 6).

finita, praesentis discussionis vulnere nonnihil sauciata, et a Concilio, cujus libertatem minus aequo apparere plurimi autumnant et dicunt, pronuncianda... Mundus aut aeger est aut perit, non quod ignorat veritatem vel veritatis doctores, sed quod ab ea refugit eamque sibi non vult imperari“ Acton, S. 109).

1) См. его *Воспоминанія* „Вѣра и Разумъ“ 1892 г., № 23.

„христианскій“?... И вотъ вы же... съ жаромъ бросаетесь изъ „одной крайности въ другую...“, и производите въ Церкви партіи, „дѣлите всѣхъ католиковъ на два лагеря: на католиковъ *чистыхъ* или *собственно-католиковъ*, какъ вы сами, и на *партію умѣренную, партію либеральную*, какъ вы называете другой лагерь, считая людей, принадлежащихъ къ нему, дурными католиками, сообщниками еретиковъ, даже прямо еретиками. Вы „сочиняете въ Церкви ереси, и вы включаете въ число ихъ „послѣдователей самыхъ знаменитыхъ защитниковъ Церкви „среди насъ, чтобы осыпать ихъ гнусными оскорбленіями. Вотъ, „милостивый государь, что вы дѣлаете; вотъ задача вашей „школы“ 1). Въ этихъ словахъ очень вѣрно изображенъ весь характеръ публицистической дѣятельности Вельо, и нельзя не удивиться, какъ искусно сумѣлъ епископъ орлеанскій такъ спокойно и безстрастно, но въ то же время такъ мѣтко и притомъ въ краткихъ словахъ указать на главную причину зло-вредности Вельо и его *Univers*. Дѣйствительно, въ томъ и заключалась обычная тактика всѣхъ ультрамонтанскихъ дѣятелей настоящаго столѣтія, начиная съ Ламна, что они, подъ предлогомъ дарованія своимъ соотечественникамъ свободы, на самомъ дѣлѣ заковывали ихъ въ самое тяжелое рабство, — рабство духовное, стѣсняя ихъ совѣсть въ узкихъ рамкахъ мнимо церковнаго авторитета. Для достижения этой цѣли они (какъ мы это знаемъ изъ примѣра того же Ламна) не гнушались и такимъ антихристианскимъ средствомъ, какъ революція... Обличая Вельо въ незаконномъ присвоеніи себѣ званія церковнаго учителя, въ непослѣдовательности, въ фанатическомъ огульномъ обвиненіи всѣхъ умѣренныхъ католиковъ въ ереси, — Дюпанлу

1) „Vous qui prétendiez être autrefois plus libéral que personne, toujours bien entendu, au nom de l'Église; vous qui disiez: „Nous avons haï tout principe illibéral, comme anti-chrétien...“ Vous donc... vous vous jetez avec emportement dans „tous les excès contraires... Vous créez des partis dans l'Église, vous faites deux „parts des catholiques, les uns, catholiques *purs*, comme vous, *catholiques tout court*; les autres, que vous appelez *le parti modéré, le parti libéral*, ceux là mauvais catholiques, complices des hérétiques, hérétiques eux-mêmes: vous inventez „dans l'Église des hérésies, et vous y impliquez, pour les couvrir d'odieux outrages, „les plus illustres défenseurs de l'Église parmi nous. Voilà, Monsieur, ce que vous faites, vous et votre école“. (Ibidem, p. 7—8).

предвидить и его защиту противъ всѣхъ этихъ его обвиненій. „Вы скажете“, говоритъ онъ Вельо, „что вы защищаете ученіе „о папѣ и о Церкви. Въ этомъ и заключается ваше самообольщениіе: вы считаете себя самыми вѣрными истолкователями „ученія римской церкви... Между-тѣмъ вы заставляете Церковь „и папу говорить то, чего они не говорили; вы заставляете „ихъ осуждать то, чего они никогда и не думали осуждать...“ 1). Далѣе Дюпанлу переходитъ къ самому важному пункту своей полемики съ редакторомъ *Univers*, — къ ученію о папской непогрѣшимости, которое Вельо, во что бы то ни стало, желая видѣть скорѣе обязательнымъ для *всѣхъ безъ исключенія* католиковъ, какъ догматъ вѣры. Упрекая своего противника въ томъ, что онъ какъ-бы заранѣе предписывалъ предстоящему Ватиканскому собору программу его дѣятельности, — Дюпанлу говоритъ ему: „Почему вы первый изъ всѣхъ французскихъ „публицистовъ подняли этотъ столь деликатный и трудный вопросъ? Съ какого права позволили вы себѣ начертать епископамъ программу ихъ дѣятельности? Дѣлая это, вы присвоили „себѣ непринадлежащую вамъ роль, въ чемъ я, какъ епископъ, „имѣю право потребовать у васъ объясненія...“ 2). Затѣмъ начинается въ статьѣ орлеанскаго прелата довольно подробное опроверженіе ультрамонтанскаго ученія о еднотѣльной папской непогрѣшимости. При этомъ вопросъ, естественно, сводится къ тому, какое отношеніе имѣетъ папа къ вселенскому собору. Дюпанлу, какъ умѣренный католикъ, не отдѣляетъ власти послѣдняго отъ власти перваго, и потому никакъ не можетъ согласиться съ Вельо, будто-бы *одинъ папа, въ отдаленности отъ собора*, обладаетъ непогрѣшимостію. Его ужасаетъ и та мысль

1) „Nous défendons, dites—vous, la doctrine du pape et de l'Église. C'est là, „en effet, votre prétention: vous vous posez comme les interprètes les plus fidèles des doctrines romaines... Vous faites dire à l'Église et au pape ce qu'ils „n'ont pas dit; vous leur faites condamner ce qu'ils n'ont jamais songé à proscrire“. (ibidem, p. 14—15).

2) „Pourquoi, le premier dans la presse française, avez—vous soulevé cette si „délicate et si grave question? De quel droit vous êtes—vous permis de tracer „aux Evêques un programme? Il y a eu là de votre part intrusion dans un rôle „qui ne vous appartenait pas, et dont j'ai le droit, pour ma part du moins, moi „Evêque, de vous demander compte“ (p. 18).

редактора *Univers*, будто-бы на предстоящемъ соборѣ всякія разсужденія и изслѣдованія его отцовъ о папской непогрѣшимости излишни и даже *сблизнительны* для католиковъ (*jette- raient dans la stupeur les catholiques*), такъ-какъ всѣ эти разсужденія совершенно не нужны для собора, который руководится Духомъ Святымъ. Дюпанлу, напротивъ, утверждаетъ, что присутствіе Св. Духа на соборѣ нисколько не исключаетъ *ни свободныхъ разсужденій, ни добросовѣстныхъ изслѣдованій*; и это потому, что дѣйствіе Св. Духа на членовъ собора выражается въ томъ, что Онъ *направляетъ* ихъ въ ихъ занятіяхъ и *охраняетъ* ихъ при этомъ отъ всякаго уклоненія отъ истины¹⁾. Къ характеристикѣ возрѣвнѣй Дюпанлу можетъ служить и замѣчательное посланіе его къ духовенству своей епархіи, которое онъ написалъ и издалъ предъ своимъ отъѣздомъ въ Римъ, на Ватиканскій соборъ,—по поводу ходившаго тогда между французскими католиками (съ легкой руки Вельо) слуха о провозглашеніи на этомъ соборѣ догмата о папской непогрѣшимости²⁾. Цѣль этого посланія—успокоить орлеанское духовенство въ его опасеніяхъ по поводу этого слуха и высказать имъ, насколько этотъ новый догматъ противорѣчитъ всѣмъ преданіямъ ихъ отечественной церкви. Конечно, при этомъ Дюпанлу не оставляетъ безъ порицанія тѣхъ газетъ, которые взяли на себя задачу агитировать среди чадъ католической церкви въ пользу этого ультрамонтанскаго догмата. Онъ снова выражаетъ свое негодованіе противъ *Univers* и даже противъ *Civiltà catolica*, какъ-бы намѣренно игнорируя, какой высокій покровитель стоитъ за ними... Замѣчательно, что онъ находитъ ихъ агитаторскую дѣятельность совершенно не согласною съ тѣмъ распоряженіемъ папы, по которому членамъ-консульторамъ (*consultores*) римскихъ конгрегацій, специально учрежденныхъ для подготовленія соборнаго дѣлопроизводства, предписывалось безусловное молчаніе по отношенію къ предметамъ ихъ занятій³⁾. Не нравится ему и то, что два его собрата по званію,

¹⁾ Ibidem, pp. 20, 21 et sq.

²⁾ Lettre de Mgr. l'évêque d'Orléans au clergé de son diocèse relativement à la définition de l'infaillibilité au prochain concile, Paris 1869, 2-ième édition.

³⁾ Ibidem, p. 5.

архіепископъ малинскій *Дешанъ* (*Dechamps*) и архіепископъ вестминстерскій *Маннингъ* (*Manning*), специально выступили въ литературномъ мірѣ защитниками мысли, что на Ватиканскомъ соборѣ необходимо возвести на степень догмата ученіе о папской непогрѣшимости. Напротивъ, съ симпатіей упоминаетъ онъ о поступкѣ германскихъ епископовъ, которые, предъ отправленіемъ въ Римъ, на соборъ, собрались въ Фульдѣ и отсюда послали папѣ письменную просьбу о томъ, чтобы онъ не позволялъ вводить вопросъ о единоличной папской непогрѣшимости въ программу соборныхъ совѣщаній¹⁾. Дюпанлу никакъ не можетъ согласиться съ инфальбилистами прежде всего въ томъ, что ученіе о папской непогрѣшимости было всегдашнимъ ученіемъ католической церкви. Онъ приводитъ на память духовенству своей епархіи взглядъ на это ученіе Боссюэта и Фенелона, а по поводу Беллармина замѣчаетъ, что даже и онъ не вполнѣ согласуется въ этомъ пунктѣ съ современными ультрамонтанскими богословами²⁾. Впрочемъ, самъ орлеанскій епископъ спѣшитъ тутъ-же заявить въ своемъ посланіи, что онъ не вооружается, собственно, противъ папской непогрѣшимости, но лишь противъ той мысли, будто своевременно возвести это ученіе въ догматъ вѣры.

Нѣтъ, говоритъ Дюпанлу, это совершенно *не своевременно*. И вотъ какого рода соображеніе представляетъ онъ въ своемъ посланіи, для подтвержденія этой своей мысли. 1) Самъ папа ни разу еще не выразилъ официально желанія провозгласить на предстоящемъ соборѣ указанный догматъ. 2) Непогрѣшимость Церкви вполнѣ достаточна для жизни церковной; къ чему обязывать вѣрующихъ признавать, рядомъ съ сею непогрѣшимостію, еще непогрѣшимость папы? Какъ-будто-бы Церковь не можетъ на будущее время существовать безъ этого *новаго* догмата. 3) Соборъ Тридентскій благоразумно обошелъ ученіе о папской непогрѣшимости, руководясь правиломъ возводить на степень догмата вѣры только такіе вопросы, относительно которыхъ всѣ отцы собора будутъ согласны (*ne de-*

¹⁾ Ibidem, p. 6.

²⁾ Ibidem, p. 7.

finirentur, nisi ea, de quibus inter Patres unanimi consensione constaret). 4) Папа Иннокентій XI съ большою похвалою отозвался объ известномъ сочиненіи Боскуэта: *Exposition de la doctrine catholique*, не смотря на то, что въ этой книгѣ авторъ намѣренно умолчалъ объ ученіи о папской непогрѣшимости. 5) Самъ Пій IX, въ отвѣтъ на просьбу 188 англиканскихъ духовныхъ лицъ, желавшихъ узнать, на какихъ основаніяхъ могутъ они соединиться съ католическою церковію, — указавъ имъ, между прочимъ, на авторитетъ Церкви и на главенство папы, но совершенно умолчалъ о своей личной непогрѣшимости. 6) Провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости еще болѣе отдалить отъ римской церкви восточныхъ христіанъ, а также и протестантовъ. 7) Положеніе католическихъ подданныхъ въ тѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ правительства инославные, а также и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, сдѣлается еще затруднительнѣе, чѣмъ, оно сейчасъ, — въ случаѣ, если Ватиканскій соборъ провозгласитъ указанный догматъ. 8) Даже и католическія правительства съ подозрѣніемъ отнесутся къ церкви, послѣ такого провозглашенія, — хотя бы уже въ силу того, что невольно вспомнятъ о буллѣ Бонифація VIII „*Unam sanctam*“ и др. под. — 9) Въ самомъ вопросѣ о папской непогрѣшимости есть очень много богословскихъ затрудненій, напр. а) неопредѣленность самого понятія *ex cathedra*; б) трудность различенія между двумя сторонами личности римскаго епископа, — какъ частнаго лица и какъ папы; в) опасность провозглашенія новаго догмата, въ виду состоянія умовъ современнаго общества, и мн. др. 10) Особенно сильныя сомнѣнія противъ новаго догмата возбуждаетъ вся предшествующая исторія Церкви. Здѣсь Дюпанлу напоминаетъ своему духовенству о папѣ Стефанѣ и св. Кипріянѣ Карфагенскомъ, о папѣ Гоноріи и его моноелитскихъ выраженіяхъ въ посланіи къ патр. Сергію, о папахъ Вигиліи и Либеріи и, наконецъ, о папѣ Пасхалии II, котораго Каликстъ II, его преемникъ, прямо обвинилъ въ ереси ¹⁾.

¹⁾ Ibidem, pp. 9 et seq. — Надобно удивляться смѣлому тону и правдивости всего посланія Дюпанлу къ духовенству своей епархіи, особенно если вспомнить, что оно написано предъ отъѣздомъ на Ватиканскій соборъ.

Нельзя не замѣтить, что, хотя орлеанскій епископъ и говоритъ почти все время, собственно о *несвоевременности* (inopportunité) новаго догмата, однако онъ, въ сущности, выражаетъ свое сомнѣніе и въ самой истинности ученія о папской непогрѣшимости. Такое сомнѣніе проглядываетъ во всемъ его посланіи къ своему духовенству. Конечно, не безъ основанія и папа, уже во время соборныхъ засѣданій, считалъ его недостаточно надежнымъ (въ ультрамонтскомъ смыслѣ) членомъ собора, несмотря на то, что самъ Дюпанлу во все время своего пребыванія на соборѣ официально считался противникомъ только своевременности (opportunitatis) провозглашенія новаго догмата ¹⁾. Здѣсь нельзя не упомянуть и о другомъ литературномъ произведеніи его, которое первымъ своимъ изданіемъ появилось въ Неаполѣ, отъ 1-го марта 1870 г., такъ какъ въ Римѣ его не позволили печатать (такова была *свобода* членовъ Ватиканскаго собора!) Это его отвѣтъ епископу малинскому *Dehamps*: „Réponse de Mgr. l'évêque d'Orléans à Mgr. Dechamps, archevêque de Malines“, — напечатанный вторымъ изданіемъ въ Парижѣ, въ томъ же 1870 году. Мы уже имѣли случай мимоходомъ назвать это произведеніе, когда говорили объ удивительной близорукости епископа орлеанскаго по отношенію къ главной цѣли Ватиканскаго собора (о его наивной надеждѣ, что папа не провозгласитъ на этомъ соборѣ догмата о своей непогрѣшимости). Въ общемъ этотъ „Отвѣтъ“ есть, въ сущности, повтореніе тѣхъ же мыслей, которыя изложены и въ посланіи Дюпанлу къ орлеанскому духовенству. Первая половина „Отвѣта“ содержитъ въ себѣ защиту автора противъ нападеній малинскаго прелата на его возрѣнія на папскую непогрѣшимость. Во второй Дю-

¹⁾ Фридрихъ въ своемъ *Tagebuch* рассказываетъ по поводу отношеній папы къ орлеанскому епископу, во время собора, такой анекдотъ. Во время одной аудиенціи у папы, Дюпанлу пришелъ къ такому сердечному умаленію, что обнялъ и поцѣловалъ Пія IX. По поводу этого поцѣлуя, послѣдній будто-бы сказалъ, спустя нѣсколько времени, одному изъ своихъ приближенныхъ: „Только-бы этотъ поцѣлуй не былъ лобзаніемъ Іуды!“ И любивецъ Пія IX, Вельо, не пропустилъ случая съострить, намекая на этотъ случай и продолжая сравненіе Дюпанлу съ предателемъ, — когда въ своей *Unica* составилъ выраженіе *opportunitas* съ словами Евангелія: „et exinde (Iudas) quaerebat opportunitatem, ut eum traderet“. (См. *Tagebuch*, SS. 207 и 229).

панлу опровергаетъ одинъ за другимъ четыре аргумента своего противника въ пользу яко-бы необходимости провозглашенія на соборѣ догмата о папской непогрѣшимости. Вотъ эти аргументы: 1) вопросъ о папской непогрѣшимости не допускаетъ никакихъ возраженій, потому что на него отвѣчало утвердительно католическое богословіе всѣхъ временъ; 2) необходимость окончателнаго опроверженія галликанской деклараціи 1682 года; 3) современное положеніе вопроса о соборѣ во всей католической церкви и въ обществѣ также говоритъ въ пользу той-же необходимости, равно какъ 4) и вѣроятныя послѣдствія непроезглашенія того же догмата ¹⁾. Въ отвѣтъ на первый аргументъ, Дюпанлу перечисляетъ длинный рядъ католическихъ богослововъ (начиная съ XV столѣтія), которые не признавали папской непогрѣшимости. Въ числѣ ихъ встрѣчаются имена Иоанна Жерсона (*Gerson*), Николая Кузы, Петра Д'Алли (*d'Ailly*), Боссюэта, Флери, Турми, Буве и др. Основываясь на писаніяхъ всѣхъ этихъ ученыхъ, Дюпанлу дѣлаетъ выводъ, что никакъ нельзя, вмѣстѣ съ Дешанъ, сказать, что относительно папской непогрѣшимости существуетъ *единогласное преданіе* (*unanimis traditio*). Противъ втораго аргумента орлеанскій епископъ говоритъ прежде всего то, что еще несравненно гораздо раньше 1682 года мнѣніе, противное папской непогрѣшимости, уже существовало (напр. на соборѣ Тридентскомъ и даже раньше его). Указываетъ онъ и на то, что ни пана Пій IV, ни самый Тридентскій соборъ не нашли необходимымъ, даже въ виду протестантовъ, провозглашать ученіе о папской непогрѣшимости въ качествѣ догмата вѣры. Третій аргументъ Дюпанлу разбиваетъ тѣмъ, что современное возбужденіе вопроса о соборѣ въ литературѣ и въ обществѣ есть, по его словамъ, отчасти искусственное, какъ бы дутое, такъ какъ оно имѣетъ свою настоящую причину ту агитацію въ пользу папской непогрѣшимости, которую стали производить *Civiltà cattolica*, *Univers*, а также самъ Дешанъ, Маннингъ и компанія. — Наконецъ, относительно послѣдствій непроезглашенія

¹⁾ Réponse, p. 32.

новаго догмата Дюпанлу замѣчаетъ, что уже одно прискорбное раздѣленіе между епископами на соборѣ по поводу этого вопроса можетъ показывать, на сколько было бы лучше не провозглашать папской непогрѣшимости въ качествѣ догмата вѣры ¹⁾.—Все, что мы до сихъ поръ сказали о Дюпанлу, можетъ свидѣтельствовать о немъ, какъ о твердомъ и вполне убѣжденномъ борцѣ со стороны лагеря умѣренныхъ католиковъ. Но характеристика этого прелата была бы одностороннею и потому невѣрною, если бы мы закрыли предъ нашими читателями другія стороны его личности, рисующія намъ ее съ менѣе выгодной стороны. Мы уже замѣтили о немъ, что онъ часто являлся непослѣдовательнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и приписали это частію его живой натурѣ, частію его природному темпераменту. Не говоря уже о томъ, что и Дюпанлу въ послѣдствіи, по примѣру Дарбуа и другихъ представителей умѣреннаго меньшинства, покорился ватиканскому опредѣленію отъ 18-го іюля 1870 года,—нѣкоторые отдѣльные признаки непослѣдовательности въ своихъ убѣжденіяхъ проявилъ онъ и раньше и даже еще за нѣсколько лѣтъ до Ватиканскаго собора. Такъ, какъ намъ пришлось уже замѣтить мимоходомъ, онъ, будучи вообще довольно сильнымъ противникомъ не только вопроса о своевременности провозглашенія догмата о папской непогрѣшимости, но даже отчасти самаго этого ученія принципиально,—велѣдствіе какого то непонятнаго ослабленія, не захотѣлъ усмотрѣть въ энцикликѣ 1864 года и въ силлабусѣ ясныхъ предвѣстниковъ новаго ультрамонтанскаго догмата. Напротивъ, онъ даже написалъ особое сочиненіе: „*La convention du 15 septembre et l'encyclique du 8 décembre*“,—въ которомъ превозносилъ и энциклику, и силлабусъ до небесъ. Другой признакъ его непослѣдовательности можно усматривать въ томъ, что онъ еще въ 50-хъ годахъ выступилъ яркимъ защитникомъ свѣтской власти папы, какъ бы не замѣчая, что въ этомъ вопросѣ онъ являлся совершеннымъ ультрамонтаномъ ²⁾. Такая непослѣдовательность, конечно, значи-

¹⁾ Ibidem, pp. 32 et sq.

²⁾ *Pressensé, Das vaticanische Concil*, переводъ Фабарюса, Nördlingen 1872, S. 49.

тельно ослабляла всё его протесты против Вэльо, Дешанъ и имъ подобныхъ, которые (какъ и всё вообще ультрамонтане) были особенно сильны своею послѣдовательностію...

3. Марэ (Maret), сначала аббатъ и профессоръ богословія при парижскомъ университетѣ, а затѣмъ епископъ сурскій (évêque de Sura), in partibus infidelium,—личность особенно замѣчательная въ числѣ представителей умѣренного католицизма во Франціи ко времени созванія Ватиканскаго собора,—какъ своею многостороннею ученостію, такъ и своимъ прямымъ характеромъ, напомиравшемъ характеръ Дарбуа. Еще въ первые года своей профессорской дѣятельности (именно въ 30 годахъ) онъ выступилъ какъ замѣчательный философъ ¹⁾ и, пройдя послѣдовательно нѣсколько переходныхъ фазъ въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ ²⁾, сдѣлался поборникомъ самаго чистаго онтологизма ³⁾. Для насъ, конечно, интересны, собственно, его воззрѣнія на папство и на отношеніе послѣдняго къ церкви. Они отличаются своею галликанскою окраскою, хотя въ то же время не вполне чужды и нѣкоторыхъ уступокъ ультрамонтанскимъ взглядамъ. Сочиненіе, въ которомъ Марэ выразилъ свою симпатію къ галликанству, хотя и умѣренному, появилось почти одновременно съ появленіемъ въ Германіи книги „Януса“—*Der Papst und das Concil.* Хотя, по всей вѣроятности, это совершенно случайное совпаденіе, однако оно показываетъ, какъ во Франціи и въ Германіи въ одно и то же время созрѣла потребность высказать во всеуслышаніе здравый взглядъ на сущность отношеній между папой и соборомъ. Капитальный трудъ Марэ, сдѣлавшій его имя навсегда памятнымъ въ богословской литературѣ Франціи конца шестидесятихъ и начала семидеся-

¹⁾ Къ концу тридцатыхъ годовъ относится его книга: *Essai sur le Panthéisme*, изданная въ 1840 году.

²⁾ Эти фазы, по словамъ *Г. Введенскаго* (Очеркъ современной французской философіи, *Вѣра и Разумъ* 1893 г., № 24, стр. 552), были слѣдующія: сначала традиціонализмъ и фидеизмъ, затѣмъ рационализмъ.

³⁾ Г. Введенскій такъ характеризуетъ его онтологическія воззрѣнія: „Высшія метафизическія идеи... не могутъ имѣть свой образецъ и оригиналъ въ насъ, въ нашей душѣ... Эти идеи не отъ насъ: онѣ суть, по выраженію Боссюэта „мысль отъ Бога или, говори иначе и точнѣе, суть Самъ Богъ...—*sentit, простѣе, —идея всякаго чловѣка, являющая въ мірѣ*“ (Ibidem, стр. 552).

тыхъ годовъ,—носить такое заглавіе: „Le Concile général et la paix religieuse“. Чтобы дать въполнѣ точное понятіе о духѣ и направленіи этого сочиненія, приведемъ изъ него, хотя и краткую, но тѣмъ не менѣе весьма характерную выдержку. „Мы держимся“, говоритъ Марэ, „ученія Боссюэта, потому— „что считаемъ это ученіе вообще за истинное. Мы защищаемъ „его, такъ какъ на него дѣлались нападки, а также и потому, „что могущественная партія, во чтобы то ни стало, хочетъ до- „биться его осужденія. Это ученіе французскаго епископата и „парижской школы, нашей старой Сорбонны, сосредоточивается „для насъ въ трехъ главныхъ тезисахъ, въ трехъ основнѣхъ „истинахъ: 1) церковь есть монархія, ограниченная аристок- „ратіей; 2) высшая духовная власть (la souveraineté spirituelle) „въ дѣйствительности состоитъ изъ этихъ двухъ элементовъ, „хотя второй подчиненъ первому; 3) совмѣстное дѣйствіе этихъ „элементовъ необходимо для того, чтобы выработать обязатель- „ную для всякаго систему вѣроученія, т. е. чтобы совершить „тотъ актъ, который по преимуществу есть дѣло верховной пап- „ской власти (pour constituer l'acte par excellence de la souve- „raineté spirituelle“ ¹⁾. Если сопоставить это „исповѣданіе вѣры (profession de foi)“ Марэ съ тезисами знаменитой галликанской деклараціи 1682 года, то нельзя не найти между ними сходства, и особенно по отношенію къ 4-му тезису этой деклараціи, которая гласитъ слѣдующее: „папа имѣетъ общую „власть въ дѣлахъ вѣры; его опредѣленія имѣютъ отношеніе „ко всѣмъ церквамъ въ совокупности и къ каждой въ отдѣль- „ности. Однако его рѣшеніе только тогда неизмѣнно, когда съ „этимъ рѣшеніемъ согласна Церковь“ (т. е. епископъ) ²⁾. Оче- видно, и здѣсь рѣчь о монархіи, ограниченной аристократіей. Эта мысль есть, можно сказать, главный догматъ галликанства. Марэ взялся снова оживить его въ умахъ своихъ соотечественниковъ, что явилось особенно благовременно наканунѣ Ватиканскаго собора, на которомъ ультрамонтанство готовилось одержать рѣшительную побѣду надъ галликанствомъ. Но на

¹⁾ *Lord Acton, Zur Gesch. des Vaticanischen Conciles, S. 34.*

²⁾ *Alzog, Histoire universelle de l'Eglise, переводъ съ нѣмец. Гошлера, третіе изданіе, Paris 1855, tome III, p. 306.*

сколько это было одновременно, на столько же это являлось дѣломъ далеко не легкимъ и даже не безъопаснымъ: снова поднять знамя галликанства въ то время, когда самъ папа открыто становился во главѣ ультрамонтанскихъ борцовъ, съ тѣмъ, чтобы окончательно задуть все галликанское,—требовало отъ человѣка, рѣшившагося на этотъ смѣлый шагъ, большой энергии, правдивости и самоотверженія. Всѣми этими качествами Марэ обладалъ, можно сказать, въ полной мѣрѣ. Не даромъ онъ былъ въ большой немилости у папы. Не даромъ онъ не получилъ особой епархіи, но сдѣлалъ былъ только епископомъ титулярнымъ (in partibus); да и самое это титулярное епископство онъ получалъ отъ папы лишь послѣ большихъ колебаній со стороны послѣдняго ¹⁾.—Если сравнить основную мысль „Януса“ съ таковою же мыслию Марэ, то нельзя не усмотрѣть между ними нѣкотораго, довольно важнаго различія: между—тѣмъ, какъ у перваго, по всей его книгѣ, проходить одна главная мысль,—что при современномъ ненормальномъ строѣ католической церкви, истинный вселенскій соборъ есть дѣло не возможное; у втораго, напротивъ, основная мысль та, что и на Ватиканскомъ соборѣ можетъ проявиться истинный голосъ вселенской Церкви. Сопоставляя эти два воззрѣнія, нельзя не придти къ тому выводу, что „Янусъ“ показалъ себя гораздо болѣе послѣдовательнымъ провозвѣстникомъ галликанства, чѣмъ Марэ, который въ этомъ отношеніи сдѣлалъ какъ-бы нѣкоторую уступку ультрамонтанскому воззрѣнію на католическую Церковь. Имѣя въ виду тѣ качества, которыя мы только что приписали Марэ, (энергію, правдивость и самоотверженіе), мы, конечно, никакъ не можемъ допустить мысль, что эту уступку онъ сдѣлалъ изъ какой-нибудь слабости или ради какого либо расчета; но скорѣе должны объяснить ее тѣмъ, что онъ, при всей своей склонности къ галликанству, все-таки былъ

¹⁾ Говорятъ, что, когда шла рѣчь о его кандидатурѣ на епископскую степень, то препятствіемъ къ ней выставлено было то, что Марэ плохо слышитъ (!) *Présansé* очень остроумно замѣчаетъ по этому поводу, что онъ, дѣйствительно, былъ туго на ухо по отношенію ко всему, что касалось распоряженій, исходящихъ отъ римской курии. За такого—рода „глухоту“ и не любилъ его послѣдній (См. *Présansé*, Das vaticanische Concil, цитов. изданія, стр. 44).

всегда слишкомъ ортодоксальнымъ католикомъ, благоговѣвшимъ предъ властію папы. Слишкомъ радужныя надежды, по отношенію къ Ватиканскому собору, со стороны Марэ, были слѣдствіемъ того же идеализма, который ослѣплялъ Дюпанлу по отношенію къ энцикликѣ 1864 года и къ силлабусу. Отличительная черта книги Марэ—уклоненіе отъ всякаго рода полемики. Авторъ все время спокойными, но сильными и убѣдительными доводами старается показать читателю истинность своихъ воззрѣній. Подобно Боссюэту, онъ признаетъ за римской кафедрой свойство *indefectibilité* (нерушимости), но не соглашается съ тѣми, которые хотятъ самого папу увѣнчать свойствомъ непогрѣшимости. По ученію Марэ, всякій папа (лично, самъ по себѣ) можетъ погрѣшать, даже въ вопросахъ, касающихся вѣры и правовъ. Но его временное заблужденіе всегда проходитъ для папства безслѣдно, такъ-какъ самъ же погрѣшившій папа, или его преемникъ скорѣи сознаютъ это невольное уклоненіе отъ истины и исправляютъ его. Но такое исправленіе, добавляетъ Марэ, дѣлается не иначе, какъ при участіи епископата. Свойство непогрѣшимости, которое принадлежитъ церкви, этому духовному, мистическому тѣлу Христову, только и возможно подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всегда пребывала неразрывною связь между Главою и тѣломъ церковнымъ; въ силу чего, и видимый глава церкви—папа долженъ, по ученію Марэ, быть во всегдашнемъ неразрывномъ единеніи съ епископатою ¹⁾. Какъ ни замѣчательна книга Марэ по своей учености и по своему прекрасному изложенію, однако нѣкоторая двойственность въ воззрѣніи на папство, которою страдали всегда всѣ представители умѣреннаго католицизма, въ томъ числѣ и Боссюэтъ, и которую мы назвали *Ахиллесовой пятой* этого направленія,—значительно ослабляетъ общее благопріятное впечатлѣніе, какое производитъ это сочиненіе на всякаго безпристрастнаго читателя. Читая произведеніе Марэ, такъ и хочется сказать ему: „напрасно ты силишься объединить и согласить то, что не соединимо. Напрасно ты прилагаешь къ церкви, этому духовному

¹⁾ Въ этомъ пунктѣ ученія Марэ заключались, собственно, его галликанскія убѣжденія, сущность которыхъ кратко можно выразить въ слѣдующей формулѣ: „монархизмъ, ограниченный аристократіей“.

обществу, мѣру, которая прилична для общества гражданскаго. Церковь не есть монархія въ земномъ смыслѣ, и епископатъ не есть аристократія. Не нужно для церкви видимой, земной главы,—потому—что единая у нея Глава—Христосъ, Который и пребываетъ съ нею во всѣ времена и сохраняетъ ее отъ всякаго уклоненія отъ истины. Епископы суть только органы Его воздѣйствія на церковь, и папа такой же органъ, какъ и всѣ они". Но, конечно, какъ католикъ, Марэ, подобно всѣмъ вообще галликанамъ, никакъ не могъ усвоить себѣ такое чистое пониманіе церкви, и въ этомъ-то и заключалась слабая сторона его воззрѣній. Какъ и другіе представители умѣреннаго католицизма, онъ не могъ понять, что, признавая папское главенство въ церкви, непременно, рано или поздно, слѣдуетъ придти и къ признанію папской непогрѣшимости, что такъ вѣрно поняли ультрамонтане. Неудивительно, если онъ въ послѣдствіи волей—неволей принужденъ былъ покориться новому ватиканскому догмату: шаткая почва, на которой онъ построилъ всю свою аргументацію, несмотря на всю убѣдительность послѣдней, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ для членовъ меньшинства обстоятельствъ, такъ и ускользнула изъ подъ его ногу...

4. Въ числѣ замѣчательныхъ представителей умѣреннаго католицизма во Франціи, ко времени созванія Ватиканскаго собора, нельзя не упомянуть и аббата *Гратри* (Gratry), хотя онъ, какъ простой священникъ, и не могъ участвовать лично въ соборныхъ засѣданіяхъ. Но онъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поборниковъ умѣренно-католическихъ доктринъ и особенно какъ авторъ *четырехъ писемъ архіепископу миланскому Дешамъ о папѣ Гоноріи*, которыя появились въ печати въ Парижѣ, уже во время Ватиканскаго собора. Вопросъ о папѣ Гоноріи еще въ средніе вѣка служилъ для защитниковъ ученія о папской непогрѣшимости настоящимъ камнемъ преткновенія. Поэтому нисколько не удивительно, что эти богословы всячески старались какъ нибудь оправдать названнаго папу въ той тяжелой винѣ, о которой такъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ акты VI Вселенскаго собора. Не нашли они никакого иного средства для выполненія своего намѣренія, какъ заподозрить эти акты въ подлинности. Такой тактики они неиз-

мѣнно держались до тѣхъ поръ, пока въ церковно-исторической наукѣ не восторжествовало окончательное мнѣніе о несомнѣнной подлинности указанныхъ актовъ. Что оставалось имъ теперь дѣлать? Пришлось прибѣгнуть къ другой уловкѣ,—къ возможному оправданію самаго письма Гонорія къ патріарху Сергію, къ истолкованію его еретическихъ выраженій въ православномъ смыслѣ или, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ къ православному. Тѣмъ не менѣе вопросъ о Гоноріи (Honorius—Fragel) остался, и при нашихъ тенденціозныхъ истолкованіяхъ, крайне неудобнымъ для ультрамонтанскихъ богослововъ,—балластомъ, освободиться отъ котораго они были рѣшительно не въ силахъ. Не даромъ еще папа Пій V велѣлъ исключить имя Гонорія изъ того мѣста римскаго бревиарія, въ которомъ (подъ 28 іюня), при упоминаніи о VI Вселенскомъ соборѣ, въ числѣ моноелитовъ упомянуто было имя и этого папы¹⁾. Но, конечно, вычеркнуть его имя изъ бревиарія еще не значило уничтожить самый фактъ ереси папы Гонорія.—Если вопросъ о Гоноріи всегда сильно смущалъ ультрамонтанъ, какъ радикально противорѣчащій ихъ любимому ученію о папской непогрѣшимости, то понятно, что во время Ватиканскаго собора онъ еще болѣе долженъ былъ мѣшать имъ. И вотъ, въ это-то именно время и появились упомянутыя четыре письма Гратри объ этомъ вопросѣ. Неудивительно, что авторъ ихъ сдѣлался предметомъ самыхъ ярыхъ нападокъ и обвиненій со стороны инфальбилистовъ.

Постараемся возможно короче, хотя и въ существенныхъ чертахъ изложить здѣсь главныя положенія, которыя Гратри обосновываетъ въ этихъ письмахъ. Прежде всего онъ весьма убѣдительно показываетъ, что папа Гонорій, утверждая въ своемъ письмѣ къ патріарху Сергію, что во Христѣ только одна воля, нисколько не отличался въ такомъ утвержденіи отъ прочихъ моноелитовъ, и потому вполне удовлетворилъ еретическую патріарха Сергія. Въ защиту Гонорія ультрамонтане выставили противъ Гратри свои обычныя разсужденія и предположенія: они стали доказывать, 1) что Гонорій не заслуживалъ за

¹⁾ *Pressensé*, цитов. соч. и переводъ, стр. 179.

свое письмо къ патриарху Сергію обвиненія въ ереси; 2) что самое его письмо къ этому патриарху есть только *письмо частного человека*, а не папы, слѣдовательно не есть актъ общецерковнаго характера или *ex cathedra*. На первый изъ этихъ ультрамонтанскихъ антитезисовъ Гратри даетъ такой отвѣтъ: напрасно ультрамонтане утверждаютъ, будто-бы папа Гонорій потому только допустилъ во Христѣ одну волю, что желалъ нагляднѣе выразить невозможность борьбы въ Немъ между добромъ и зломъ. Даже если бы и можно было допустить такое объясненіе словъ Гонорія, то въ такомъ случаѣ совершенно неизвинительнымъ остается отрппаніе имъ во Христѣ двухъ волей, какъ необходимыхъ атрибутовъ Его двухъ естествъ, — Божескаго и чловѣческаго; потому-что исповѣдывать въ Спасителѣ двѣ воли, вовсе не значить въ то же время признавать въ Его душѣ борьбу между добромъ и зломъ. — На второй ультрамонтанскій антитезисъ Гратри справедливо замѣчаетъ, что совершенно не основательно считать посланіе Гонорія къ Сергію не болѣе какъ *только частнымъ письмомъ*, потому-что это посланіе написано было имъ въ отвѣтъ на такое письмо Сергія, которое содержало въ себѣ важнѣйшій и, можно сказать, животрепещущій вопросъ того времени, отъ такого или иного рѣшенія коего зависило наименованіе: *православный* или *еретикъ*. Послѣ этого, остается только по остроумному замѣчанію Гратри, называть то ученіе папы изреченнымъ *ex cathedra*, которое онъ изложилъ съ своего балкона въ базиликѣ св. Петра! Но и сами ультрамонтане, конечно, не согласятся на такое исключительное условіе признанія папскихъ актовъ актами *ex cathedra*. — Таково въ общихъ чертахъ содержаніе четырехъ писемъ аббата Гратри, которыя въ свое время надѣлали столько шума среди современниковъ Ватиканскаго собора. Очень характерно сужденіе ихъ автора о той недобросовѣстности, съ какою всегда относились и относятся къ вопросу о папѣ Гоноріи ультрамонтанскіе богословы. Въ виду этого, позволяемъ себѣ привести его здѣсь въ существенныхъ чертахъ; оно послужитъ, по нашему мнѣнію, самымъ лучшимъ образцомъ того, какъ правдиво и честно относился аббатъ Гратри къ вопросу о еретичествѣ папы Гонорія. „Эта защита (папы Гонорія), лишенная

откровенности и прямоты^а, говоритъ Гратри, „въ теченіи цѣлыхъ столѣтій является одною изъ причинъ нашего религіознаго упадка... Кто мы такіе на самомъ дѣлѣ? Проповѣдники „ли жи, или апостолы истины? развѣ не настало уже время „— съ отвращеніемъ отвергнуть отъ себя тѣ обману, подлоги „и искаженіе, котораго наши величайшіе враги — искажители „церковной исторіи не постыдились вкоренить среди насъ? ¹⁾. Какъ жаль, невольно подумаешь при чтеніи этихъ правдивыхъ словъ честнаго католическаго ученаго, — какъ жаль, что на Ватиканскомъ соборѣ его члены не прониклись тѣмъ же правдивымъ духомъ и не воспрепятствовали возведенію въ догматы вѣры такого ученія, которому прямо противорѣчилъ несомнѣнный историческій фактъ еретичества папы Гонорія! Къ сожалѣнію, Гратри, какъ простой аббатъ, и не присутствовалъ на этомъ соборѣ; да если бы и присутствовалъ, то едва-ли его одинокій голосъ, заглушаемый преобладающимъ числомъ ультрамонтанскихъ защитниковъ папы Гонорія, могъ одержать верхъ... Года два послѣ собора, онъ скончался, — бытъ можетъ отчасти отъ огорченія, при видѣ торжества защитниковъ ученія о папской непогрѣшимости, которое и самъ онъ, скрѣпя сердце, призналъ за догматы вѣры, покоряясь авторитету собора (конечно, призналъ наружно, вопреки своему внутреннему убѣжденію)...

Познакомивъ читателей съ главнѣйшими представителями умѣреннаго католицизма во Франціи, ко времени созванія Ватиканскаго собора, перейдемъ въ слѣдующей главѣ къ характеристикѣ представителей того же направленія въ Германіи и Австро-Венгріи за это же время.

¹⁾ *Lord Acton*, цитов. соч., стр. 81.

ГЛАВА III.

Характеристика замѣчательнѣйшихъ представителей умѣреннаго католицизма въ Германіи и Австро-Венгріи ко времени созванія Ватиканскаго собора.

Если изъ представителей французскаго духовенства мы указали на нѣкоторыхъ замѣчательныхъ дѣятелей умѣренно-католическаго оттѣнка, то еще несравненно большее число такихъ дѣятелей можно указать, ко времени Ватиканскаго собора, среди католическаго духовенства въ Германіи и Австро-Венгріи. И это, конечно, потому, что въ этихъ странахъ, особенно въ первой, умѣренно-католическая партія всегда была, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, довольно сильна; хотя къ 60-мъ годамъ текущаго столѣтія ультрамонтане почти совсѣмъ задушили ее, однако отдѣльныя личности, даже и изъ числа епископовъ, не говоря уже о другихъ духовныхъ лицахъ, и теперь во многихъ своихъ воззрѣніяхъ держались еще умѣренно-католическихъ воззрѣній; это и обнаружилось по поводу созванія Ватиканскаго собора, а также и во время самаго собора.

Прежде всего укажемъ таковыхъ лицъ среди германскаго епископата. Наиболѣе замѣчательными изъ нихъ были слѣдующіе епископы: *Гефеле* (Hefele) роттенбургскій, *Кеттелеръ* (von Ketteler) майнцскій, *Мельхерсъ* (Melchers) кельнскій и *Крементъ* (Krementz) эрмеландскій.

1. *Гефеле*, епископъ г. Роттенбурга въ Вюртембергскомъ королевствѣ, безъ сомнѣнія, можетъ быть названъ ученѣйшимъ прелатомъ своего времени. Изъ научныхъ трудовъ его особенно извѣстна „Исторія соборовъ“ (Conciliengeschichte), въ которой онъ показалъ много учености и даже, мѣстами, довольно на-

учнаго безпристрастія (что для католика, тѣмъ болѣе для католическаго епископа, далеко не обычно). При такомъ литературномъ качествѣ, онъ, естественно, не могъ быть слишкомъ угоднымъ римской куріи; не даромъ ему дали въ управленіе епархію бѣдную и небольшую. Все-таки, еще до своего епископства, онъ, какъ авторитетное лицо въ церковно-историческихъ вопросахъ, былъ назначенъ однимъ изъ консульторовъ той конгрегациі кардиналовъ, которая учреждена была Пиемъ IX специально для приготовительныхъ работъ къ предстоящему собору. При этомъ ему, однако, дали только то сравнительно ничтожное порученіе, чтобы онъ сдѣлалъ историческую справку о церемоніалѣ, который наблюдался на Тридентскомъ соборѣ; а затѣмъ, когда онъ исполнилъ это порученіе, его отпустили изъ названной конгрегациі съ миромъ во свояси, вѣроятно, изъ опасенія, какъ-бы его научное безпристрастіе не повредило ультрамонтанскимъ планамъ прочихъ консульторовъ¹⁾. Но особенно показалъ онъ себя неприятнымъ куріи на самомъ Ватиканскомъ соборѣ. Съ перваго засѣданія до того дня, какъ онъ уѣхалъ изъ Рима, онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и энергичныхъ членовъ умѣренно-католической оппозиціи новому догмату о папской непогрѣшимости. Ни одинъ адресъ со стороны этой оппозиціи, направленный противъ этого ультрамонтанскаго ученія, не былъ поданъ на соборѣ безъ его подписи. И конечно, эта подпись должна была особенно мозолить глаза папы и его ближайшихъ совѣтниковъ, какъ принадлежащая такому авторитетному церковному историку, какимъ былъ онъ. Очень замѣчателенъ тотъ меморандумъ, который составилъ для оппозиціонныхъ епископовъ на соборѣ Гефеле въ началѣ апрѣля 1870 года. Существеннѣйшіе пункты этого документа сводятся къ слѣдующимъ мѣстамъ: 1) папа и курія съ особеннымъ удовольствіемъ готовы отпускать изъ Рима въ ихъ епархіи тѣхъ епископовъ, которые составляютъ на соборѣ оппозицію и, къ сожалѣнію, меньшинство. Такая готовность отпускать членовъ меньшинства домой слишкомъ понятна: ультрамонтанское боль-

1) *Quirinus* (Döllinger), *Römische Briefe vom Concil*, S. 98.

шинство, во что бы то ни стало, желаетъ добиться того, чтобы это меньшинство сдѣлалось еще малочисленнѣе. Но пусть епископы, составляющіе меньшинство и, вмѣстѣ, оппозицію, всячески стараются не покидать Рима до окончанія собора. Иначе дѣло ихъ можетъ погибнуть. 2) Члены меньшинства должны всячески противиться тому, чтобы на соборѣ сдѣлано было догматическое опредѣленіе противъ ихъ мнѣнія (ihr Votum). 3) Четыре американскихъ епископа объявили президенту собора, что, въ случаѣ, если бы допущено было на одномъ изъ соборныхъ засѣданій рѣшеніе простымъ большинствомъ голосовъ, то они немедленно же оставятъ соборъ и уѣдутъ въ свои епархіи и, уже по возвращеніи туда, пришлютъ оттуда официальное объясненіе своего поступка. Пусть всѣ члены меньшинства слѣдуютъ таковой же программѣ. 4) Въ программѣ соборныхъ засѣданій постановлено, чтобы почти каждый членъ меньшинства освѣтилъ вопросъ о папской непогрѣшимости съ особенной точки зрѣнія. Заключение дебатовъ можетъ послѣдовать еще до произношенія членами меньшинства своихъ рѣчей только въ томъ случаѣ, если бы настоящій порядокъ веденія дѣлъ на соборѣ былъ неожиданно нарушенъ. Но если бы такого внезапнаго нарушенія того порядка не послѣдовало, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы воспрепятствовать стѣсненію свободы слова для меньшинства,—воспрепятствовать посредствомъ особеннаго торжественнаго заявленія. Также необходимо, чтобы меньшинство присутствовало при голосованіи. 5) Ультрамонтанское большинство объявляетъ, что оно побѣдитъ умѣренно-католическое меньшинство тѣмъ, что выставитъ вопросъ о *своевременности* (Opportunität) на первомъ планѣ; причемъ этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ утвердительно простымъ большинствомъ голосовъ; а, уже вслѣдъ за симъ, послѣдуетъ рѣшеніе и главнаго вопроса о папской непогрѣшимости. Изъ двухъ категорій сторонниковъ *несвоевременности* (der Nicht-Opportunisten) одну категорію уже нечего считать за существующую, именно ту, которая считаетъ за несвоевременное только совѣщаніе о догматѣ (папской непогрѣшимости), потому-что тотъ вопросъ уже рѣшенъ папой. Что касается другой категоріи, которая стоитъ за совершенную невозможность

возведенія въ догматъ (Indefinibilität des Dogma) ученія о папской непогрѣшимости, то эта категорія непременно должна на каждое предложеніе большинства отвѣчать однимъ: *non placet* (т. е. *не угодно* или: „я не соглашаюсь“). 6) Пятьдесятъ епископовъ значительнѣйшихъ церквей во всякомъ случаѣ составляютъ изъ себя значительное меньшинство, которое никоимъ образомъ не слѣдуетъ презирать. Если, въ виду этого, такого рода меньшинство будетъ твердо держаться своей основной точки зрѣнія, то, по мнѣнію большинства, одному папѣ предоставляется опредѣлять новый догматъ, или не опредѣлять; причемъ (по мнѣнію того же большинства) меньшинство должно будетъ считать въ такомъ случаѣ свое заявленіе относительно недостатка необходимыхъ условій вселенскаго характера новаго догмата—отвергнутымъ (abgelehnt). Касательно этого пункта хорошо было-бы, если бы епископы и правительства вошли къ папѣ съ представленіями. 7) Та формула, въ которой соборные декреты должны будутъ быть обнародованы, конечно, будетъ предварительно предложена въ печатномъ видѣ епископамъ, на ихъ усмотрѣніе. Въ такомъ случаѣ хорошо сдѣлало бы меньшинство, если бы оно открыто выразило протестъ противъ рѣшенія членовъ большинства и засимъ пошло бы Римъ; но покинуло бы не вслѣдствіе временнаго отгулка отъ папы, но вполне свободно, единственно вслѣдствіе протеста, а не по вызову правительствъ ¹⁾).

Мы намѣренно изложили сущность меморандума епископа Гефеле, чтобы дать понятіе читателямъ о томъ твердомъ, независимомъ характерѣ, съ какимъ этотъ замѣчательный прелатъ держалъ знамя меньшинства во все время соборныхъ засѣданій. Не даромъ ультрамонтанское большинство видѣло въ немъ одного изъ главныхъ и серіознѣйшихъ своихъ противниковъ.—Весьма ярко проявился также независимый характеръ Гефеле въ томъ, что въ апрѣлѣ 1870 года, слѣдовательно, когда уже вполне было ясно для всѣхъ членовъ собора, что главный вопросъ, имѣющій быть рѣшеннымъ на немъ, есть вопросъ о

1) *Friedrich, Tagebuch....., S. 300—302.*

папской непогрѣшимости,—этотъ ученый вождь оппозиціи роздалъ членамъ собора только-что выпедшій въ свѣтъ, въ Неаполѣ, свой новый научный трудъ о папѣ Гоноріи, подъ заглавіемъ: „Causa Honorii Papae“. Надобно удивляться научной правдивости и безпристрастію, съ которыми авторъ высказываетъ здѣсь свои сужденія объ этомъ папѣ. Вотъ главные его тезисы: 1) Папа Гонорій отбросилъ специфически—техническое православное выраженіе *δύο ἐνέργεια* (двѣ воли), а специфически—еретическое выраженіе *ἐν Θείῳ* (одна воля) призналъ за истинное, и кромѣ того, приказалъ вѣрить этому своему двойному заблужденію. 2) Шестой вселенскій соборъ взялъ на себя право (*hat sich das Recht beigelegt*, какъ передаетъ слова Гефеле въ нѣмецкихъ выраженіяхъ Шульте)—высказать рѣшеніе относительно папы, учащаго *ex cathedra*, и осудилъ изданное имъ догматическое опредѣленіе *ex cathedra*, а самого папу анаематствовалъ за то, что онъ одобрилъ еретическое ученіе. 3) До XI-го вѣка каждый папа долженъ былъ, при вступленіи на папскій престолъ, клятвенно признать истинность слѣдующихъ положеній: а) что вселенскій соборъ имѣетъ власть судить папу,—по меньшей мѣрѣ, въ ереси; б) что Гонорій вполне справедливо преданъ анаемѣ на VI вселенскомъ соборѣ, такъ-какъ онъ одобрилъ въ своемъ догматическомъ опредѣленіи еретическое ученіе.—Въ послѣдней главѣ своего сочиненія о Гоноріи Гефеле высказываетъ такую мысль, которую онъ тутъ-же доказываетъ историческими фактами: что „ученіе о непогрѣшимости римскаго папы, по его мнѣнію, не обосновано ни въ Священномъ Писаніи, ни въ церковномъ Преданіи“; и что „христианская древность“, какъ ему кажется (*wenn ich nicht irre*), *держалась противоположнаго ученія*¹⁾.

Читатель легко замѣтитъ, что такое анти-ультрамонтанское ученіе о Гоноріи отличается у Гефеле еще большею смѣлостію, чѣмъ у Гратри, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Гефеле былъ, во-первыхъ, не простымъ аббатомъ какъ Гратри, но *эми-*

1) *Von Schulte, Der Altkatholicismus, Geschichte seiner Entwicklung, inneren Gestaltung und rechtlichen Stellung in Deutschland, S. 216.*

скопомъ, и во-вторыхъ, что еще удивительнѣе, былъ членомъ *Ватиканскаго собора*, на которомъ слишкомъ независимые мнѣнія и взгляды вообще не терпѣлись¹⁾. Впрочемъ, самъ Гефеле, издавая свою книгу о папѣ Гоноріи, очень хорошо понималъ, что она уже не въ состояніи произвести серьезнаго и рѣшительнаго поворота во всемъ ходѣ соборныхъ дебатовъ, и потому смотрѣлъ на нее, какъ на одно изъ послѣднихъ средствъ „утвердить братію“, т. е. своихъ сотоварищей по оппозиціи, число которыхъ (увы) къ тому времени все болѣе и болѣе сокращалось, такъ-что въ рядахъ меньшинства оставались только самые твердые и непоколебимые столпы оппозиціи, въ родѣ самого Гефеле и ему подобныхъ. Когда мы въ своемъ мѣстѣ будемъ специально разсматривать послѣдовательный ходъ соборныхъ засѣданій, то увидимъ, какая была, собственно, причина такого постепеннаго уменьшенія числа оппозиціонныхъ прелатовъ; а пока приведемъ, для лучшей характеристики Гефеле, нѣкоторыя выдержки изъ его замѣчательныхъ писемъ къ Деллингеру, писанныхъ изъ Рима въ апрѣлѣ, въ маѣ и въ іюлѣ 1870 г. Вотъ, напр., что онъ пишетъ къ нему въ письмѣ отъ 2 апрѣля: „раздраженіе противъ насъ (Гефеле разумѣетъ членовъ меньшинства) ультрамонтанскаго большинства дошло теперь до такой сильной степени, что свобода слова на соборѣ въ настоящее время весьма стѣснена. Въ виду этого, мы (Гефеле разумѣетъ опять членовъ меньшинства) вчера постановили въ нашемъ международномъ собраніи подать президенту собора заявленіе о томъ, чтобы такое незаконное стѣсненіе не имѣло мѣста на будущее время. Насколько самъ папа жаждетъ догмата о своей непогрѣшимости и публично цорипааетъ

1) Какъ непріязненно было встрѣчено на соборѣ сочиненіе Гефеле о Гоноріи со стороны ультрамонтанской партіи, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать слѣдующія слова газеты *Univers* отъ 18—19 апрѣля 1870 г.: „Брошюра *Causa Honorii Papae* принадлежитъ перу епископа Гефеле, и жѣ (т. е. конечно, только) ультрамонтане, прибавилъ мы отъ себя) согласны въ томъ, что, если, съ одной стороны, она ничего не прибавляетъ къ сокровищамъ науки (!), то, съ другой стороны, невинность папы Гоноріи открывается изъ нея еще яснѣе и совершеннѣе (!), именно по причинѣ видимыхъ усилій епископа роттенбургскаго къ отрицанію этой невинности“. (*Friedrich, Tagebuch, S. 341*).

„(brandmarkt) оппонентовъ этому догмату, объ этомъ вы уже „знаете изъ газеты. Подобныя обстоятельства, какъ кажется, „дѣйствуютъ на расположеніе нѣкоторыхъ епископовъ какъ все-„уничтожающій порохъ, такъ-что та горсточка, которая соби-„рается у Раушера ¹⁾, становится все малочисленнѣе. Что ста-„нется, когда петля будетъ наброшена на шею всѣмъ намъ? „Едва ли кто, или, вѣрнѣе, лишь весьма немногіе хотятъ раз-„суждать о томъ, что въ концѣ концовъ (finaliter) слѣдовало „бы предпринять“. „Большинство“ настолько любезно, что дер-„житъ къ намъ такія рѣчи: „вы вовсе не будете слиты съ боль-„шинствомъ, но, послѣ голосованія, будутъ предложены на усмот-„рѣніе папы постановленія, какъ большинства, такъ и мень-„шинства. Если онъ утвердитъ наше постановленіе, то поко-„рятся мы; если же онъ утвердитъ наше постановленіе, то долж-„ны покориться вы. А кто не хочетъ покориться, тотъ, вѣдь, „можетъ выйти изъ церкви“. И такъ, дѣло будетъ сдѣлано имен-„но такъ. „При этомъ вовсе не спрашиваютъ объ основаніяхъ, и „всякое обоснованіе является совершенно излишнимъ; потому— „что все уже вполне рѣшено. Несмотря, однако, на такое без-„надежное состояніе, я все-таки составилъ небольшое сочиненіе „(ein Schriftchen) по поводу дѣла папы Гонорія и ближайшимъ „образомъ для друзей, чтобы они могли ориентироваться; но „такъ-какъ это сочиненіе имѣло успѣхъ (weil es Anklang ge-„funden hat), то оно и печатается въ настоящее время по-ла-„тинѣ въ Неаполѣ и уже теперь готово... Убѣдить кого-либо „изъ „большинства“—дѣло невозможное; въ виду этого, я счи-„таю своею задачею *утвердить свою братію* (die Brüder zu stärken)... Но и это утвержденіе братіи плохо удастся мнѣ“ ²⁾... Отъ 27 мая Гефеле пишетъ Деллингеру, между—прочимъ, слѣ-„дующее: „Мы здѣсь среди борьбы... Мы не лишены всякой на-„дежды, но надежды у насъ немного. Только бы мы пребывали „въ единеніи и твердыми“ ³⁾... Но особенно замѣчательно по „своей смѣлости письмо Гефеле къ тому же Деллингеру, отъ 7

¹⁾ Раушеръ (Rauscher), кардиналъ и архіепископъ вѣнскій, о которомъ у насъ рѣчь ниже, былъ одинъ изъ главныхъ вожаковъ оппозиціи.

²⁾ Von Schulte, цитов. сочиненіе, стр. 217—218.

³⁾ Ibidem, стр. 218.

іюля. Здѣсь роттенбургскій епископъ съ удивительною откро-„венностію сообщаетъ своему другу и собрату по наукѣ свои „личныя впечатлѣнія относительно папы Пія IX. „Папа“, гово-„рить онъ, „производитъ на членовъ собора сильное давленіе „(er übt die stärkste pression aus). Но онъ пожнетъ и плоды „этого давленія! И если бы *только одинъ онъ и курія* могли по-„жать эти плоды; по *delirant reges, plectuntur Acherivi* ¹⁾. Въ „случаѣ, если бы не послѣдовало хорошаго окончанія (gütlicher „Ausgleich) собора, то случится ужасное зло. *Cruis de cruce* ²⁾. „Послѣ того, какъ онъ (папа) погубилъ церковную область (den „Kirchenstaat), хочетъ онъ опустошить (verwüsten) и церковь“ ³⁾. И это писалъ *католическій* епископъ! Читаешь и съ трудомъ вѣришь... Такой правдивости и независимости мы не нашли даже у Дарбуа и Дюпанлу. Весьма характерно для оцѣнки лич-„ности Гефеле и то положеніе, которое онъ занялъ по окон-„чаніи Ватиканскаго собора. Онъ былъ однимъ изъ числа тѣхъ „немногихъ прелатовъ, которые и послѣ собора довольно долго „не соглашались съ новымъ ватиканскимъ догматомъ и даже на-„рочно медлили официально возвѣстять его въ своихъ епархі-„яхъ. Конечно, ихъ положеніе какъ епископовъ становилось „черезъ это крайне неопредѣленнымъ и щекотливымъ, потому-„что со дня на день они могли ожидать себѣ изъ Рима своего „рода ультиматума съ вопросомъ: признаютъ-ли они, наконецъ, „новый догматъ, или нѣтъ? Или иными словами: желаютъ-ли „они оставаться католическими епископами, или не желаютъ? „Вотъ что пишетъ Гефеле Деллингеру относительно своего па-„мѣренія и теперь, послѣ собора, не уступать ультрамонтан-„скому ученію, возведенному въ догматъ (письмо относится

¹⁾ Эта пословица имѣетъ такое значеніе: „пустъ безумствуютъ царя, а под-„данные должны нести наказаніе“. А въ приложеніи къ папѣ Пію IX она можетъ имѣть такой смыслъ: „пустъ безумствуетъ папа, а вся католическая церковь долж-„на нести за это наказаніе“.

²⁾ *Cruis de cruce* такими лапидарными словами охарактеризовано въ доволь-„но извѣстномъ средневѣковомъ пророчествѣ время правленія Пія IX; Гефеле, очевидно, понимаетъ эти слова въ томъ смыслѣ, что этотъ папа причинилъ много „зла католической церкви, хотя и самъ при этомъ долженъ былъ пожать плоды „своихъ ошибокъ.

³⁾ Von Schulte, цитов. соч., стр. 219.

къ 14-го сентября 1870 года): „До тѣхъ поръ пока изъ „Рима прямо не потребуютъ (So lange von Rom nicht direct verlangt wird), я буду держаться положенія пассивнаго; „если же прислано мнѣ будетъ категорическое требованіе (ein „Verlangen), то я откажусь его исполнить ¹⁾ и буду спокойно „ожидать низложеніе своего (die Suspension). Правда, я уже „теперь помышлялъ объ отреченіи отъ сана епископскаго, но „снова оставилъ эту мысль и хочу испить чашу, которую мнѣ „приходится пить. По крайней мѣрѣ, я не могу поступить ни- „какимъ образомъ иначе. Признать то, что само по себѣ „естъ ложь, за откровенное отъ Бога ученіе,—пусть дѣлаетъ „это кто другой, а я не могу (non possum) ²⁾“ „Я не стану „возвѣщать“, пишетъ тотъ же Гефеле Деллингеру отъ 11 ноя- „бря того же года „новый догматъ въ своей епархіи, и факти- „чески лишь немногія духовныя лица учатъ въ ней о папской „непогрѣшимости. Несравненно большее ихъ число игнорируетъ „новый догматъ, и народъ (за исключеніемъ опять весьма немногихъ, особенно изъ привилегированныхъ классовъ) совсѣмъ равнодушенъ къ нему и потому очень доволенъ, что ихъ епископъ „(Гефеле разумѣетъ себя) объ этомъ молчитъ. Зато тѣмъ больш- „шее недовольство мною показываютъ съ другой стороны (Гефеле „разумѣетъ здѣсь Римъ), и послѣдствія этого недовольства не „заставятъ себя долго ждать. Я готовъ лучше потерять епи- „скопскую кафедру, чѣмъ миръ своей совѣсти (курсивъ нашъ)... „Но при всемъ томъ мнѣ кажется, что самое лучшее—насколько „возможно, подольше выждать (die dilatio quam maxima) безъ „формальнаго раскола, послѣдствія котораго могутъ быть весьма „серіозны. Гдѣ труднѣе положеніе, тамъ Богъ всего ближе. А „медлительность заключаетъ въ себѣ и нежеланіе подчиниться ³⁾“.

Итакъ, пассивно выжидать, когда и какъ выразить Римъ свой гнѣвъ по поводу невозвѣщенія въ роттенбургской епархіи новаго догмата,—такова была программа, которую усвоилъ себѣ Гефеле послѣ собора. Черезъ это онъ выражалъ и свое кос-

венное неодобреніе старокатоликомъ, съ Деллингеромъ, во главѣ, которые, нисколько не медля, отдѣлились отъ Рима ради своихъ убѣжденій. Но въ этой-то пассивности и выразилась вся непослѣдовательность роттенбургскаго прелата: въ самомъ дѣлѣ, опасаясь прямо и открыто отказаться отъ своего епископскаго званія въ лонѣ той церкви, которая возвела на степенъ догмата вѣры ученіе, признаваемое самимъ Гефеле ложью,—этотъ епископъ какъ-бы проявлялъ нѣкоторое двоедушіе, которое вскорѣ и погубило всю его твердость... Уже 10 апрѣля 1871 г. тотъ же твердый и непоколебимый дотогдѣ Гефеле *возвѣстилъ, наконецъ, въ своей епархіи новый догматъ (!)*. Его посланіе къ своимъ пасомымъ по этому поводу настолько характерно, что, по нашему мнѣнію, необходимо привести его здѣсь, хотя бы по частямъ. Посланіе начинается съ того, что Гефеле старается объяснять свое положеніе на Ватиканскомъ соборѣ и свое долгое несочувственное отношеніе къ возведенію въ догматъ ученія о папской непогрѣшимости. При этомъ еще проглядываетъ прежній Гефеле, какимъ онъ являлъ себя до 10 апрѣля 1871: онъ честно и открыто заявляетъ, что его совѣсть никогда не упрекала его въ такомъ продолжительномъ несочувствіи (mein Gewissen hat mir hierüber noch nie den leisesten Vorwurf gemacht)⁴⁾. Но непосредственно засимъ слѣдуетъ нѣчто такое, что нельзя не назвать прямо неискренностію и даже лицемеріемъ, особенно если принять во вниманіе все то, что писалъ Гефеле Деллингеру до 10 апрѣля 1871 года. Роттенбургскій епископъ пишетъ своимъ пасомымъ, будто бы со времени 18 іюля 1870 года онъ руководствовался во всей своей дѣятельности слѣдующими двумя главными мыслями (Hauptgedanken): во-первыхъ, прежде всего мыслію объ избѣжаніи всякаго рода повода къ нарушенію единенія съ римскою церковію; во-вторыхъ, мыслію о томъ, что онъ считалъ догматъ о папской непогрѣшимости еще не вполне законченнымъ и формулированнымъ ученіемъ и, въ виду этого, объяснялъ его себѣ въ смыслѣ первой половины ученія о Церкви вообще; хотя онъ и зналъ, что соборъ Ватиканскій прекратилъ свои засѣданія послѣ 18 іюля 1870 г., однако же зналъ и то, что онъ не формально оконченъ. Все это давало-де ему основаніе для

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Von Schulte, цитов. соч., стр. 223.

³⁾ Von Schulte, цит. соч., стр. 224—225.

успокоенія себя относительно новаго догмата. Что касается первой мысли (о сохраненіи единенія съ Римомъ), то ее можно, пожалуй, считать правдивою (вспомнимъ долгія колебанія Гефеле по поводу отношеній своихъ къ Риму) хотя и не вполне („если прислано будетъ изъ Рима категорическое требованіе, я откажусь его исполнить“, писалъ онъ Деллингеру). Но вторая его мысль (о томъ, будто-бы догматъ не такъ страшенъ, какимъ кажется на первый взглядъ)—совершенно не правдива,—вспомнимъ хотя бы его слова „признавать то, что—само по себѣ есть ложь, за откровенное отъ Бога ученіе,—пусть дѣлаетъ это кто другой, а я не могу“. Такова была прискорбная неискренность Гефеле. Не даромъ Шульце замѣчаетъ, что онъ покорился ватиканскому догмату съ тою цѣлю, чтобы имѣть покой (um Ruhe zu haben),—но, конечно, не покой совѣсти, но покой вѣншній... ¹⁾ Этотъ послѣдній покой онъ, дѣйствительно, повидимому, получилъ, такъ какъ умеръ въ единеніи съ Римомъ и въ санѣ католическаго епископа; но получилъ-ли онъ покой внутренній, миръ совѣсти, въ этомъ позволимъ себѣ очень и очень сомнѣваться...

2. Кеттелера, епископъ майнцскій, занимаетъ въ исторіи Ватиканскаго собора крайне странное положеніе: въ числѣ членовъ оппозиціоннаго меньшинства онъ, почти въ продолженіе всего собора, считается однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей, и въ то же время нѣкоторые его поступки на томъ же соборѣ заставляютъ нерѣдко подозрѣвать искренность его умѣренно-католическихъ воззрѣній. Еще предъ отъѣздомъ своимъ на соборъ, онъ обнародовалъ для своихъ пасомыхъ пастырское посланіе отъ 12 ноября 1869 года. Въ немъ онъ съ особенною силою подчеркиваетъ мысль о важности для соборныхъ рѣшеній голоса епископовъ, которые нисколько, по его словамъ, не стѣсняють собою дѣятельности самого папы, подобно тому, какъ власть другихъ Апостоловъ не стѣсняла власти св. Ап. Петра ²⁾. Относительно предстоящаго собора онъ заранѣе заявляетъ, что на немъ будетъ господствовать полная свобода

¹⁾ Ibidem, S. 232.

²⁾ Ibidem, S. 211.

при совѣщаніяхъ. Затѣмъ онъ выводитъ нѣкоторыя правила, которыми, по его мнѣнію, долженъ руководиться всякій соборъ, и которыя, по его словамъ, прямо вытекаютъ изъ примѣра Апостольскаго собора въ Иерусалимѣ. Во-первыхъ, говоритъ онъ, Церковь должна дѣлать предметомъ своихъ соборныхъ постановленій только тѣ вопросы вѣроученія, которые необходимо должны быть рѣшены по обстоятельствамъ времени; во-вторыхъ, даже и въ этихъ постановленіяхъ она должна ограничиваться только существенно важнымъ, т. е. тѣмъ, что прямо относится къ ея главной задачѣ—учить всѣхъ людей исполнять Евангельскія заповѣди, и, соотвѣтственно съ этимъ, предохранивъ истину Христову отъ всякаго искаженія; въ третьихъ, необходимо, чтобы всѣ постановленія собора дѣлались не на основаніи большинства голосовъ, но на основаніи единодушнаго согласія всѣхъ представителей учащей Церкви (durch die Einmütigkeit des gesammten Lehramtes) ¹⁾. Очевидно, что всѣ эти мысли настолько правильны, что можно съ полнымъ основаніемъ причислить Кеттелера къ лагерю умѣренныхъ католиковъ. Невольно вспоминаешь, однако, при этомъ его прошедшее, и именно его дѣятельное участіе въ организаціи въ Майнцѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ какъ-бы особаго отдѣла германской ультрамонтанской партіи, а также и дѣятельность его по устройству извѣстныхъ уже намъ ассоціацій Пія (Pius-Vereine);—вспоминаешь и такъ же невольно дивишься, какъ, съ какого времени и по какимъ побужденіямъ сдѣлался майнцскій епископъ поборникомъ умѣренно-католическихъ воззрѣній... Еще загадочнѣе положеніе Кеттелера на самомъ Ватиканскомъ соборѣ. Когда, еще почти при началѣ соборныхъ засѣданій, ревностные сторонники папской непогрѣшимости (иначе: ультрамонтане) подняли вопросъ о составленіи адреса въ пользу этого ученія и о поднесеніи этого адреса папѣ, Кеттелеръ, хотя и находился въ числѣ оппозиціи, однако объявилъ, что онъ воздерживается отъ рѣшительнаго мнѣнія противъ адреса, для того, чтобы имѣть возможность при благоприятномъ случаѣ высказаться и за него ²⁾. Очень понятно, что, послѣ такого

¹⁾ Ibidem, s. 212.

²⁾ Friedrich, Tagebuch..., s. 327.

страннаго заявленія, многіе представители оппозиціоннаго меньшинства на соборѣ часто съ недоумѣніемъ и даже прямо съ недоумѣріемъ смотрѣли на Кеттелера ¹⁾, который въ разговорахъ съ другими епископами не скрывалъ своихъ симпатій къ іезуитамъ и даже однажды, въ собраніи германскихъ епископовъ, поспорилъ съ Гефеле изъ-за катихизисовъ Дегарье, на которые епископъ роттенбургскій справедливо нападалъ: Кеттелеръ стоялъ за нихъ горой ²⁾. Съ своей стороны, самъ Кеттелеръ въ особой, специально написанной статьѣ, напалъ въ маѣ 1870 года на Деллингера за его статьи о Ватиканскомъ соборѣ (появлявшіяся въ газетѣ „Allgemeine Zeitung“ подъ заглавіемъ: „Römische Briefe“) ³⁾. Конечно, и это обстоятельство должно было немало охладить къ майнцкому епископу членовъ оппозиціоннаго меньшинства. Но рядомъ со всѣми этими фактами, свидѣтельствующими о нѣкоторой неискренности положенія Кеттелера среди сторонниковъ оппозиціи, можно указать и на такіе факты, которые говорятъ, если не о вполне искреннихъ умѣренно-католическихъ взглядахъ этого прелата, то во всякомъ случаѣ о его мнѣніи о *несвоевременности* провозглашенія догмата о папской непогрѣшимости. Разумѣемъ два трактата, которые Кеттелеръ раздавалъ на соборѣ его членамъ; хотя авторъ этихъ двухъ сочиненій официально и не извѣ-

¹⁾ Такъ, авторъ „Дневника во время Ватиканскаго собора“ (Tagebuch...), извѣстный проф. Фридрихъ, не обмануясь, уже 9 марта 1870 года, причисляетъ Кеттелера къ скрытымъ сторонникамъ іезуитовъ и потому весьма сильно заподозрѣваетъ искренность его умѣренно-католическихъ убѣжденій. „Человѣкъ съ іезуитскими убѣжденіями, каковъ Кеттелеръ, не можетъ на самомъ дѣлѣ помыслить о серьезномъ шагѣ противъ курии; притомъ какъ сторонникъ только *несвоевременности* (Inopportunität) провозглашенія догмата о папской непогрѣшимости, онъ можетъ, въ концѣ концовъ, остаться довольнымъ, если вопросъ о непогрѣшимости будетъ рѣшенъ вѣроятно и согласно желанію большинства.“ (Tagebuch..., s. 227). Въ другомъ мѣстѣ того же „Дневника“ проф. Фридрихъ говоритъ о Кеттелерѣ, что его отношенія къ умѣренно-католической оппозиціи было уже потому подозрительное, что самъ онъ жилъ въ Римѣ „у своихъ старыхъ друзей, іезуитовъ“ и повсюду открыто объявлялъ, что самъ онъ, лично, вѣрять въ непогрѣшимость папы, долгое время еще до собора ратовалъ за нее въ своей епархіи и намеренъ и послѣ собора продолжать дѣйствовать въ пользу этого ученія. Такъ что въ сущности, выходило, что Кеттелеръ безъ труда могъ перейти на сторону большинства, если бы оно одержало верхъ (S. 236—237).

²⁾ Tagebuch..., s. 138.

³⁾ Ibidem, s. 372.

стенъ, однако, конечно, болѣе чѣмъ вѣроятно, что самъ Кеттелеръ ихъ и составилъ, или принималъ личное участіе въ ихъ написаніи: иначе было бы не понятно, почему именно онъ сталъ бы распространять ихъ въ Римѣ, во время собора. Первый изъ этихъ трактатовъ—это такъ-называемая „*Quaestio*“; второй—„*De sancta Ecclesia Catholica*“.

Посвятимъ сперва нѣсколько словъ первому. „*Вопросомъ*“ (*Quaestio*) озаглавленъ этотъ трактатъ потому, что въ самомъ его началѣ авторъ предлагаетъ такой вопросъ, который и рѣшается во всемъ сочиненіи: должно-ли церковное правительство быть монархическимъ неограниченнымъ (*monarchicum absolutum*), или монархическимъ ограниченнымъ (*monarchicum temperatum*)? Иными словами: онъ спрашиваетъ, получили-ли римскій епископъ отъ Христа всю полноту власти въ Церкви (*tota omnino plenitudo potestatis*), или же, хотя и высшую власть, но ни исключительно ему одному принадлежащую (*potissima quaedam pars potestatis, sed non tota*). А этотъ вопросъ, въ свою очередь, имѣетъ, по словамъ автора, такое значеніе: присуща-ли непогрѣшимая власть ученія и управленія римскому епископу настолько, чтобы онъ самъ, независимо отъ какого-бы то ни было содѣйствія и согласія епископовъ, могъ быть названъ верховнымъ и непогрѣшимымъ судьей? Все сочиненіе *Quaestio* служитъ отвѣтомъ на эти вопросы, но притомъ въ смыслѣ совершенно галликанскомъ,—слѣдовательно, написано противъ единоличной папской непогрѣшимости. Свои аргументы въ пользу мысли объ ограниченно-монархической власти церковной авторъ почерпаетъ 1) изъ Св. Писанія (т. е. изъ Евангелія), причемъ съ особенною подробностію разсматривается знаменитое мѣсто *Матѣ. 16, 18* съ толкованіями на него многихъ Отцевъ и Учителей Церкви (напр., Григорія Нисскаго, Златоуста, Акакія Мелитинскаго, Кирилла Александрійскаго, Ювеналія Іерусалимскаго, Іоанна Дамаскина, даже многихъ папъ и нѣк. др.). Тутъ же толкуется и другое Евангельское мѣсто: *Іоанн. 21, 15—17*, и опять, на основаніи многихъ святоотеческихъ свидѣтельствъ, въ смыслѣ умѣренно-католическомъ. 2) Второй источникъ, откуда авторъ *Quaestio* почерпаетъ доказательства для своей главной мысли, есть церковная исторія.

И въ этомъ отдѣлѣ названнаго трактата очень добросовѣстно разсматриваются различныя факты изъ жизни древней Церкви, которые, по мнѣнію автора, такъ или иначе подтверждаютъ мысль его. Особенно интересны ссылки на вселенскіе соборы, а также на извѣстный споръ III вѣка—о крещеніи еретиковъ. Авторъ *Quaestio* не ограничивается этимъ, но приводитъ даже въ подтвержденіе своихъ мнѣній позднѣйшіе соборы, бывшіе на Западѣ, какъ-то: Пизанскій и Констанцскій. Замѣчательно, что относительно IV и V засѣданій послѣдняго изъ этихъ соборовъ онъ держится также вполне умѣренно-католическихъ взглядовъ ¹⁾.

Переходимъ ко второму трактату изъ числа тѣхъ, которые раздавались на Ватиканскомъ соборѣ Кеттелеромъ, именно къ трактату: *De sancta Ecclesia Catholica*, который довольно кратко, но тѣмъ не менѣе въ сильныхъ и точныхъ выраженіяхъ, излагаетъ ученіе о Церкви, въ 15 главахъ. И въ этомъ сочиненіи, даже въ тѣхъ главахъ, въ которыхъ можно было бы ожидать отъ католика указанія на папскую непогрѣшимость (напримѣръ, въ *н. V*: omnibus Apostolis Christus Petrum praefecit, или въ *н. XII*, которая специально посвящена папской власти),—ученіе объ этой непогрѣшимости краснорѣчиво отсутствуетъ ²⁾.

Наша характеристика Кеттелера, какъ одного изъ представителей умѣреннаго католицизма на соборѣ, была бы, конечно, не полна, если бы мы не упомянули здѣсь о его замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ по поводу *дополнительной главы*, прибавленной къ догматическому опредѣленію (Constitutio dogmatica) о Церкви Христовой (de Ecclesia Christi) и озаглавленной: *Caput addendum decreto de Romani Pontificis primatu* (или вѣрнѣе: *infallibilitate*). Эти замѣчанія начинаются съ такого заявленія самого Кеттелера: „хотя я самъ считаю мнѣніе о непогрѣшимости римскаго папы весьма близкимъ къ вѣрѣ (fidei proximum) и всегда держался и держусь этого мнѣнія, какъ основанія и нормы для дѣятельности своей; и хотя особенно близко

¹⁾ Весь трактатъ *Quaestio* помѣщенъ въ сборникѣ проф. Фридриха: *Documenta ad illustrandum Concilium Vaticanum*, въ I томѣ, стр. 1—128.

²⁾ Трактатъ *De sancta Ecclesia Catholica* см. тамъ же, II т., стр. 404—416.

„моему сердцу, чтобы его держались всѣ мои пасомые (qui subgae meae subditi sunt); тѣмъ не менѣе моя совѣсть требуетъ отъ меня, чтобы я выразилъ серьезныя недоумѣнія по поводу „предложеннаго (на разсмотрѣніе) догматическаго опредѣленія“. Далѣе онъ излагаетъ, какія, собственно, недоумѣнія возбуждаетъ въ немъ это опредѣленіе. Вотъ эти недоумѣнія: 1) указанное опредѣленіе едва-ли нужно: папскій авторитетъ и безъ того въ наше время достаточно силенъ; 2) и послѣ такого опредѣленія люди съ дурнымъ расположеніемъ воли (qui malae voluntatis sunt), весьма вѣроятно, будутъ продолжать неправильно рассуждать о папской непогрѣшимости; 3) во многихъ мѣстностяхъ ученіе о папской непогрѣшимости совсѣмъ не извѣстно; и во многихъ катихизисахъ этого ученія не заключается. Часто на увѣреніе лютеранъ и кальвинистовъ, будто бы отъ католиковъ требуется не только признаніе непогрѣшимости Церкви, но и папы, сама католическая церковь отвѣчала, что такое утвержденіе не основательно и ложно; въ виду этого, разумно-ли было бы дѣлать на соборѣ опредѣленіе о папской непогрѣшимости? 4) Слишкомъ много существуетъ затрудненій противъ ученія объ этой непогрѣшимости,—затрудненій, вытекающихъ изъ исторіи соборовъ и ученія Отцовъ; 5) на всѣхъ прежнихъ соборахъ всѣ догматическіе вопросы рѣшались не простымъ большинствомъ голосовъ, но моральнымъ, часто неожиданнымъ согласіемъ всѣхъ членовъ ¹⁾.—Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній Кеттелера можно, по нашему мнѣнію, сдѣлать то заключеніе о его возрѣніяхъ на папскую непогрѣшимость, что въ принципѣ онъ не отвергалъ ея, но только ратовалъ за несовременность возведенія ея въ догматъ вѣры. Но такое колебаніе во взглядѣ на это ученіе и являлось главною причиною неустойчивости и потому неопредѣленности его убѣжденій относительно даннаго вопроса. Поэтому ни знаменитое *колѣнопреклоненіе* Кеттелера предъ папой 15 іюля 1870 г., съ просьбой не провозглашать новаго догмата; ни его категорическій отказъ въ засѣданіи 13 іюля подписать новое догматическое опредѣленіе,—не могли удержать его въ тѣхъ мысляхъ отно-

¹⁾ См. *Friedrich, Documenta...*, B. II, S. 217—218.

сительно послѣдняго, какимъ онъ держался на соборѣ, послѣ того, какъ послѣдовало знаменитое заключительное засѣданіе 18 іюля (на которомъ онъ, впрочемъ, уже не присутствовалъ). По возвращеніи изъ Рима въ свою епархію, онъ рѣзко повернулъ въ сторону инфальIBILISTОВЪ (которымъ всегда въ глубинѣ души сочувствовалъ).

Уже въ 1871 году издана была имъ брошюра: *Das unfehlbare Lehramt des Papstes*, гдѣ онъ прямо и открыто проповѣдывалъ „догматъ“ о папской непогрѣшимости, хотя еще въ августѣ 1870 г., т. е. почти непосредственно послѣ окончанія Ватиканскаго собора, онъ въ особомъ пастырскомъ посланіи возвѣстилъ своей паствѣ ватиканскіе декреты ¹⁾. Въ 1877 г. онъ умеръ.—

3. *Мельхерсъ*, епископъ кельнскій, по своимъ убѣжденіямъ и вообще по своему положенію на соборѣ, очень напоминаетъ Кеттелера. Это видно особенно изъ его замѣчаній на *Caput addendum*... И онъ, подобно Кеттелеру, начинаетъ ихъ съ того, что высказываетъ свою склонность къ ученію о папской непогрѣшимости. „Я склоненъ думать“, говоритъ онъ „что Богъ никогда не допуститъ, чтобы его намѣстникъ на землѣ, которому дана верховая власть учить и управлять Церковію, могъ уклониться отъ истины (a veritatis tramite aberrare)“. „Но“, прибавляетъ онъ нѣсколько ниже, „я не могу дать свое „согласіе на предлагаемое опредѣленіе о папской непогрѣшимости, по различнымъ основаніямъ“. Основанія его такіа: 1) онъ не убѣжденъ, чтобы это опредѣленіе было полезно; 2) среди самихъ католическихъ богослововъ еще много несогласій относительно ученія о папской непогрѣшимости, и потому нельзя ожидать единодушнаго согласія на опредѣленіе, касающееся этого ученія; 3) многіе католики никогда и не слыхали объ этомъ ученіи; 4) инославные христіане еще болѣе удалятся отъ католической церкви, если сдѣлано будетъ названное опредѣленіе; 5) наконецъ, оно не только не уможитъ въ вѣрующихъ любви и преданности къ папѣ, но скорѣе ослабитъ въ нихъ эти чувства. Для характеристики той непослѣдовательности, какая за-

¹⁾ von Schulte, цитов. соч., стр. 214 и 215.

мѣчалась на соборѣ и у Мельхерса, подобно Кеттелеру, нельзя не указать здѣсь на то прибавленіе, которое кельнскій префектъ предлагалъ сдѣлать къ XI главѣ схемы *de Ecclesia Christi*. Вотъ оно: „Папа обладаетъ высшимъ авторитетомъ въ ученіи и сужденіи о предметахъ вѣры и нравственности, и все вѣрующіе обязаны вполне повиноваться его декретамъ и рѣшеніямъ“ ¹⁾. Фридрихъ въ своемъ „Дневникѣ“ очень справедливо замѣчаетъ, что такимъ прибавленіемъ Мельхерсъ совершенно напрасно думалъ угодить открытымъ сторонникамъ папской непогрѣшимости, хотя находить, что въ этомъ же прибавленіи содержатся такіа выраженія, которыя содержатъ въ себѣ въ зачаткѣ несравненно болѣе деспотизмъ, чѣмъ въ формально изложенномъ ученіи о папской непогрѣшимости. Въ самомъ дѣлѣ, полное, безусловное повиновеніе *всѣмъ* опредѣленіямъ папы безъ исключенія—это такое требованіе, котораго даже инфальIBILISTЫ не высказывали ²⁾.

Въ засѣданіи 13 іюля 1870 года Мельхерсъ, если и не такъ рѣшительно, какъ Кеттелеръ, но все-таки не согласился съ опредѣленіемъ о папской непогрѣшимости, подписавшись подъ нимъ: „*placet juxta modum*“, т. е.: „я согласенъ, но только съ тѣмъ измѣненіемъ, которое я предложилъ, а не иначе“. На заключительномъ засѣданіи (18 іюля) онъ совсѣмъ не присутствовалъ. Но все это не помѣшало ему не только возвѣстить новый догматъ уже 24 іюля, но и принудить профессоровъ Кельнскаго университета признать его, чего они далеко не всѣ сдѣлали, какъ увидимъ ниже ³⁾.

4. *Кремезъ*, епископъ эрмеландскій, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ представителей умѣреннаго католицизма на соборѣ. Это вполне открывается изъ его замѣчаній по поводу *Caput addendum*... Онъ держался того мнѣнія, что лучше всего ограничиться въ этой дополнительной главѣ тѣмъ опредѣленіемъ о папской власти, которое сдѣлано было еще на Флорентинскомъ соборѣ; а въ флорентійскомъ опредѣленіи, хотя и весьма ясно говорится о необходимости покоряться

¹⁾ Friedrich, „Documenta“... II, 225—226.

²⁾ „Tagebuch“... s. 333.

³⁾ von Schulte, цитов. соч., стр. 126 и далѣе.

во всем авторитету папы, однако собственно о непогрѣшимости его ничего не сказано. Къ этому опредѣленію Кременць предлагалъ прибавить еще ту часть буллы Климента XI *Vinea Domini*, въ которой этотъ папа увѣщаетъ всѣхъ католиковъ къ такому же безусловному признанію папскаго авторитета. Далѣе онъ доказываетъ, почему именно, по его мнѣнію, нѣтъ надобности дѣлать новое опредѣленіе, о папской непогрѣшимости. Такъ-какъ въ общемъ его доказательствѣ почти тѣ же, какія мы видѣли у Кеттелера и у Мельхерса, то мы, во избѣжаніе излишнихъ повтореній, не станемъ приводить ихъ всѣ подрядъ, но ограничимся только указаніемъ на самыя замѣчательныя изъ нихъ. Такъ, между прочимъ, Кременць подтверждаетъ свой взглядъ тѣмъ, что во многихъ епархіяхъ Германіи, Франціи, Богеміи, Венгріи, Зибенбюргена и др. мѣстностей народъ не знаетъ даже самыхъ словъ: папская непогрѣшимость. Въ частности, Кременць свидѣтельствуетъ, что и въ его, эрмеландской, епархіи ученіе объ этой непогрѣшимости уже давно исключено изъ области богословской науки (*ex scholis theologicis jamdudum exulasse*), и никогда не преподавалось народу ни въ катихизисахъ, ни проповѣдяхъ (*in catechesibus et sermonibus nunquam tradit*¹⁾). Если мы вспомнимъ все то, что мы въ своемъ мѣстѣ сказали о многихъ католическихъ катихизисахъ прошлаго и начала текущаго столѣтія, въ которыхъ не было часто даже намека на папскую непогрѣшимость, то нельзя не отдать должной дани правдивости и смѣлости эрмеландскаго епископа. Въ его поведеніи на соборѣ одно только можетъ, пожалуй, возбудить нѣкоторое недоумѣніе: то, что, по словамъ Фридриха²⁾, онъ сначала подписалъ—было извѣстный январскій адресъ сторонниковъ непогрѣшимости, поданный ими папѣ, но потомъ снова взялъ свою подпись назадъ и открыто сталъ на сторону противниковъ папской непогрѣшимости. Но этотъ поступокъ свидѣтельствуетъ, какъ полагаетъ тотъ же историкъ собора, не о двоедушіи Кременца, но скорѣе о его честности и искренности, потому-что есть основаніе думать, что еп. падерборнскій *Мар-*

1) *Friedrich*, „Documenta“... II, S. 272.

2) *Friedrich*, „Tagebuch“... S. 139.

тинъ (одинъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ папской непогрѣшимости) помѣстилъ его подпись *безъ его ведома*, думая, что Кременць также инфальIBILИСТЪ¹⁾.—Впрочемъ, и Кременць кончилъ тѣмъ же, чѣмъ и другіе сторонники умѣреннаго католицизма: хотя онъ и уѣхалъ изъ Рима до окончанія собора и не согласившись съ „догматическимъ“ опредѣленіемъ о папской непогрѣшимости, однако уже 8 сентября 1870 года возвѣстилъ своимъ пасомымъ новый догматъ. Видно, что и онъ, какъ и другіе прелаты, подававшіе свой голосъ на соборѣ противъ новаго догмата, ставили выше славу человѣческую,—чѣмъ славу Божию, когда, почти непосредственно послѣ собора, отреклись отъ своихъ убѣжденій, опасаясь навлечь на себя папское отлученіе.

5. Совершенно въ иномъ духѣ ратовалъ за правое дѣло другой представитель умѣренно-католическаго направленія, знаменитый профессоръ церковной исторіи при Мюнхенскомъ университетѣ, *Деллингеръ*, о которомъ намъ уже неоднократно приходилось говорить. Какъ простой священникъ, онъ не присутствовалъ на соборѣ, а какъ лицо, еще до начала собора успѣвшее заявить себя открытымъ противникомъ ультрамонтанскихъ стремленій (его статьи въ „*Augsburger Allgemeine Zeitung*“; его книга „*Papst und Concil*“ von Ianus), онъ не былъ даже и въ Римѣ, во время собора. Но тѣмъ не менѣе его научный авторитетъ и самое обаяніе его мощной личности были настолько велики, что сами противники его, при всей своей ненависти къ нему, невольно должны были считаться съ его воззрѣніями. Особенно часто нападала на него пресловутая газета *Univers*, но всѣ ея нападки были, конечно, настолько же стршны для Деллингера, на сколько лай москки можетъ быть страшенъ для слона²⁾. Выступилъ противъ Деллингера и двуличнѣй

1) *Ibidem*.

2) Вотъ напр., что писала эта газета о „Янусѣ“ и вообще о представителяхъ умѣреннаго католицизма: „У тѣхъ, которые, подобно *Янусу*, не только дерзаютъ высказывать сомнѣніе въ папской непогрѣшимости, но даже и отрицать ее под тѣмъ предлогомъ, что она опровергается историческими фактами,—мы коротко (simplement) спросимъ, католики—ли они, т. е. намѣремы ли они оставаться таковыми, послѣ того, какъ опредѣленіе о папской непогрѣшимости состоится. Если они отнѣтять отрицательно, то они осуждены. Если—положительно, то они готовы для себя вѣру и послушаніе мало разумныя“... (См. *Friedrich* „Tagebuch“... S. 365).

Кеттелеръ, который попалъ на извѣстныя статьи этого мюнхенскаго богослова, появившіяся во все время соборныхъ засѣданій въ газетѣ „Allgemeine Zeitung“, подъ заглавіемъ: *Römische Briefe vom Concil.* Но и его критика не могла слишкомъ уязвить Деллингера, который тѣмъ особенно и былъ силенъ, что никогда ни въ чемъ не допускалъ двуличности, но всегда все дѣлалъ и говорилъ правдиво и откровенно.

Для лучшей оцѣнки личности великаго мюнхенскаго богослова напомнимъ читателямъ, что онъ не всегда держался умѣренно-католическихъ воззрѣній, но одно время принадлежалъ къ ультрамонтанскому лагерю, хотя и умѣренному (къ фракціи Герреса). Напомнимъ имъ и тотъ поводъ, который заставилъ Деллингера порвать съ ультрамонтанскимъ міромъ: это были его *Одеонскія рчи* (Odeons-Vorträge), въ которыхъ онъ предрекалъ скорое паденіе свѣтской власти папы. Въ своемъ мѣстѣ мы приводили и тѣ замѣчательныя слова изъ письма Деллингера къ архіепископу мюнхенскому Шерру, въ которыхъ Деллингерь 'привноситъ самое искреннее покаяніе въ томъ, что онъ въ продолженіи 47 лѣтъ писалъ сочиненія и произносилъ рчи въ духѣ ультрамонтанскомъ ¹⁾).

Все чтѣ Деллингерь писалъ, настолько обширно и капитально, что обзорніе всѣхъ его, даже самыхъ замѣчательныхъ произведеній, вывело бы насъ за предѣлы нашей характеристики, да и для самой задачи нашего изслѣдованія являлось бы даже ненужнымъ. Для насъ существенно важно узнать его воззрѣніе на ультрамонтанское ученіе о папской непогрѣшимости. Поэтому постараемся возможно добросовѣстнѣе изложить здѣсь содержаніе той въ своемъ родѣ классической статьи, которую онъ напечаталъ въ Мюнхенѣ еще въ октябрѣ 1869 года, подъ заглавіемъ: *Erwägungen für die Bischöfe des Conciliums über die Frage der papstlichen Unfehlbarkeit* (т. е. тезисы для епископовъ, имѣющихъ быть на соборѣ, относительно вопроса о папской непогрѣшимости). Это сочиненіе раздѣлено на 26 небольшихъ параграфовъ, въ которыхъ авторъ всесторонне изла-

1) Это письмо писалъ 29 января 1871 г. и помѣщено у Шульце, въ цитов. соч., на стр. 190—191.—

гаетъ свои убѣжденія относительно папской непогрѣшимости. Постараемся представить здѣсь читателямъ вкратцѣ (въ видѣ заглавій, а иногда и нѣсколько подробнѣе), содержаніе каждого изъ этихъ параграфовъ.

1) Всегдашность, повсемѣстность и всеобщность (semper, ubique, ab omnibus)—суть необходимыя условія для признанія всякаго ученія православнымъ, церковнымъ ученіемъ. Ученіе о папской непогрѣшимости не обладаетъ этими признаками и потому не есть истинное, православное ученіе.

2) Въ древней Церкви не появлялось ни одного еретика, который начиналъ бы съ отрицанія авторитета папы въ вопросахъ вѣры. Это показываетъ, что, слѣдовательно, папа и не обладалъ непогрѣшимостію въ дѣлахъ вѣры.

3) Ни у одного изъ тѣхъ отцовъ и учителей, которые писали о церковномъ авторитетѣ (напр. Тертуліана, св. Кипріяна, блаж. Августина, св. Геннадія и Викентія Лиринскаго), мы не находимъ указанія на то, что въ вопросахъ, касающихся вѣры, слѣдуетъ обращаться за рѣшеніемъ къ папѣ. Единственнымъ руководительнымъ началомъ при рѣшеніи этихъ вопросовъ они считаютъ церковное Преданіе.

4) Ученіе о папской непогрѣшимости явилось даже на западѣ довольно поздно (около конца XIII вѣка) и подъ вліяніемъ многихъ подлоговъ и измышленій.

5) Съ точки зрѣнія защитниковъ папской непогрѣшимости совершенно непонятнымъ является тотъ историческій фактъ, почему въ древней Церкви собирались соборы и вообще такъ много разсуждали о предметахъ вѣры, когда, казалось бы, довольно было бы прибѣгнуть къ посредничеству папы.

6) Ученіе о папской непогрѣшимости не только не вытекаетъ логически изъ древне-церковнаго ученія о непогрѣшимости вселенской Церкви, но, напротивъ, противорѣчитъ ему.

7) Еще на іерусалимскомъ (Апостольскомъ) соборѣ вопросъ, изъ-за котораго созванъ былъ этотъ соборъ, былъ рѣшенъ не однимъ св. Ап. Петромъ, но послѣ долгаго обсужденія, всеми святыми Апостолами вмѣстѣ, почему и самое опредѣленіе этого собора было составлено отъ лица всѣхъ ихъ.

8) Постановленія древнихъ соборовъ имѣли обязательную

силу и безъ утверждения ихъ папой (особенно это открывается изъ исторіи II-го Вселенскаго собора).

9) Самыя догматическія посланія папъ разсматривались неоднократно на соборахъ, которые высказывали о нихъ свое рѣшеніе, православны ли они, или нѣтъ.

10) Толковать Евангельское мѣсто *Лука, 22, 32* въ смыслѣ указанія на папскую непогрѣшимость нельзя потому, что а) такое толкованіе было бы не согласно съ Преданіемъ древней Церкви; б) оно противорѣчило бы смыслу священнической и епископской присяги; в) оно было бы не согласно съ правилами экзегетики; г) оно опровергается цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ (напр. ересь Гонорія и др.).

11) Извѣстное свидѣтельство св. Иринея Лионскаго, на которое такъ любятъ ссылаться инфальбилисты, не только не подтверждаетъ ихъ любимаго ученія, но говоритъ, напротивъ, въ пользу того, что самое ученіе римской церкви ставится въ зависимость отъ ученія Церкви вселенской, а не наоборотъ, какъ дѣлаютъ сторонники папской непогрѣшимости.

12) Исторія спора о крещеніи еретиковъ также противорѣчитъ ученію объ этой непогрѣшимости (св. Киприанъ и папа Стефанъ).

13) Точно также противорѣчитъ этому ученію и осужденіе папы Гонорія на VI Всел. соборѣ.

14) Мысль, что „первый престолъ (римскій) никѣмъ не можетъ быть судимымъ“, была, можно сказать, основаніемъ для этого ученія; а между-тѣмъ вся древняя Церковь не знала этой мысли.

15) Констанцскій и Базельскій соборы двукратно осудили ученіе о неподсудности папы и постановили, что и папа подчиненъ вселенскому собору.

16) Констанцскій соборъ и особенно его IV-е и V-е засѣданія (на которыхъ и рѣшенъ былъ вопросъ о подчиненіи папы собору) признаны были многими папами, какъ истинно вселенскіе.

17) Въ случаѣ, если бы ученіе о папской непогрѣшимости возведено было на степень догмата вѣры, то слѣдовало бы отмѣнить постановленіе Констанцкаго и Базельскаго соборовъ.

А тогда явилось бы явное противорѣчіе въ дѣйствіяхъ одной и той же римской церкви.

18) Возведя ученіе о папской непогрѣшимости на степень догмата, римская церковь чрезъ это признаетъ за Божественную истину и ученіе о нетерпимости въ католическихъ государствахъ другихъ исповѣданій, а также санкціонируетъ и такой нехристіанскій институтъ, какъ инквизиція, папы въ свое время проповѣдывали *ex cathedra* и то, и другое.

19) Съ возведеніемъ ученія о папской непогрѣшимости на степень догмата вѣры, получить догматическое значеніе и то ученіе, которое проповѣдывали папы Григорій VII и Бонифацій VIII, о подчиненіи свѣтскихъ государей папскому престолу.

20) Съ возденіемъ ученія о папской непогрѣшимости въ догматъ вѣры, необходимо будетъ признать за православное ученіе извѣстное догматическое опредѣленіе Евгенія IV (отъ 1439 года), въ которомъ, однако, содержится основаніе для мысли, что въ католической церкви не существуетъ болѣе правильнаго іерархическаго преемства.

21) И Тридентскій соборъ, не смотря на то, что имѣлъ бы, повидимому, поводъ провозгласить догматъ о папской непогрѣшимости, однако же не сдѣлалъ этого.

22) Мнѣніе о папской непогрѣшимости распространилось на Западъ только подъ вліяніемъ насилія со стороны инквизиціи и иезуитовъ.

23) Если сравнить богослововъ, учившихъ о непогрѣшимости Церкви, съ богословами, учившими о папской непогрѣшимости, то, конечно, первыхъ слѣдуетъ признать несравненно болѣе учеными и авторитетными, чѣмъ вторыхъ.

24) Фикціи, фальсификаціи и явные подлоги во все времена служили основаніемъ для ученія о папской непогрѣшимости, какъ и доселѣ служатъ.

25) Съ возведеніемъ ученія о папской непогрѣшимости въ догматъ вѣры, полемика съ инославными богословами (Греко-Россійской церкви и протестантскими) сдѣлается для римской церкви гораздо серіознѣе и труднѣе.

26) Этотъ же новый догматъ можетъ упизить римскую церковь въ глазахъ всехъ католиковъ, которые могутъ соблазниться

тѣмъ, что въ основаніи его положено столько подлоговъ и искаженій ¹⁾).

Таково содержаніе названнаго нами замѣчательнаго сочиненія Деллингера о папской непогрѣшимости. Легко замѣтить, что, въ сущности, это сочиненіе есть въ сокращеніи тотъ же „Янусъ“, о которомъ мы въ своемъ мѣстѣ упомянули. Нельзя не удивиться, какъ всесторонне и обстоятельно обсуждалъ авторъ вопросъ о непогрѣшимости въ указанныхъ 26 параграфахъ. Понятно, почему ультрамонтане не замедлили причислить Деллингера за это сочиненіе, равно какъ и за книгу „Папа и соборъ“—къ еретикамъ; хотя до 18 іюля 1870 г. это наименованіе прилагалось къ нему неофициально, и только послѣ этого дня (да и то не непосредственно, но лишь спустя полгода съ небольшимъ послѣ окончанія Ватиканскаго собора), онъ былъ объявленъ формально впадшимъ въ ересь. И замѣтельно, что Деллингеръ не пошелъ по стопамъ непослѣдовательныхъ и малодушныхъ прелатовъ умѣренно-католическаго меньшинства, которые не устояли въ своемъ протестѣ противъ новаго догмата, но предпочли личное спокойствіе истинѣ. Деллингеръ, напротивъ, не убоаясь угрозъ Ватикана, но, какъ извѣстно, со многими духовными и свѣтскими католиками, не покорившимися ватиканскому догмату, отдѣлился отъ Рима и образовалъ особую церковь, извѣстную подъ именемъ *старокатолической*. Эта юная церковь, съ перваго же года своего основанія, стала стремиться къ сближенію съ нашею православною Греко-Россійскою Церковію и до сихъ поръ не оставляетъ этого вожделѣннаго дѣла... Дай только Богъ, чтобы оно скорѣе осуществилось, т. е. чтобы старокатолики вошли, наконецъ, въ спасительное лоно нашей св. Церкви!—Деллингеръ до самой смерти своей остался непоколебимымъ и убѣжденнымъ борцомъ противъ Рима.

Сдѣлавши характеристику замѣчательнѣйшихъ германскихъ представителей умѣренно-католическаго направленія ко времени Ватиканскаго собора, перейдемъ къ таковымъ же представителямъ въ Австро-Венгріи.

¹⁾ См. книгу: *Briefe und Erklärungen von Dollinger*, München. 1890, стр. 1, 28.

Здѣсь замѣчательны слѣдующіе прелаты: вѣнскій архіепископъ, кардиналъ *Раушеръ* (Rauscher); пражскій князь-епископъ* (Fürstbischof) и кардиналъ *Шварценбергъ* (Schwarzenberg); дьяковарскій епископъ *Штроссмайеръ* (Strossmayer); примасъ Венгріи, архіепископъ *Симоръ* (Simor) и колочскій архіепископъ *Гайналдъ* (Haunald).

1. Кардиналъ *Раушеръ* принадлежалъ къ наиболѣе рѣшительнымъ и энергическимъ членамъ умѣренно-католической оппозиціи на соборѣ. Такъ, онъ издалъ, во время соборныхъ засѣданій, замѣчательное сочиненіе *Observationes quaedam de infallibilitatis ecclesiae subjecto*, которое напечатано было въ Неаполѣ и роздано авторомъ членамъ собора; а въ засѣданіи отъ 13 іюля онъ рѣшительно отвѣчалъ на опредѣленіе о папской непогрѣшимости словами: „non placet“. Его *Observationes* содержатъ въ себѣ очень вѣскія доказательства противъ новаго догмата. Когда онъ вернулся въ свою епархію, то пошелъ по слѣдамъ нѣкоторыхъ германскихъ епископовъ,—началъ измѣнять тѣмъ убѣжденіямъ, поборникомъ которыхъ онъ выступилъ на соборѣ. Но, какъ человекъ нѣсколько двуличный, онъ довольно долго лицемѣрилъ и предъ ультрамонтанами, и предъ умѣренно-католическимъ меньшинствомъ; это лицемѣріе выразилось въ томъ, что онъ, хотя и медлилъ обнародовать въ своей епархіи ватиканскіе декреты, однако уже въ № своей епархіальной газеты отъ 8 августа 1870 года велѣлъ ихъ напечатать. Онъ думалъ, что такимъ путемъ онъ одновременно удовлетворитъ два лагеря, но жестоко ошибся: Римъ не допуская никакой полумѣры, и потому и самого Раушера скорѣе привудилъ открыто стать провозвѣстникомъ соборнаго опредѣленія. Прошло съ небольшимъ полгода послѣ окончанія собора, и Раушеръ возвѣстилъ, наконецъ, своему клиру и всей своей паствѣ, въ своемъ великопостномъ пастырскомъ посланіи (*Fastenhirtenbrief*) отъ 5 февраля 1871 года, волю Ватикана и чрезъ это открыто отпалъ отъ той партіи (разумѣемъ умѣренныхъ католиковъ), которая теперь, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, спасалась отъ всеокрушающаго ультрамонтанскаго побѣдоноснаго шествія въ лоно юной старокатолической церкви ¹⁾).

¹⁾ См. *von Schulte*, литов. соч., стр. 236—237, 241.

2. Кардиналь *Шварценбергъ*, по своему характеру и особенно по своему сравнительно твердому положенію среди членовъ оппозиціи, напоминаетъ нѣсколько Гёфеле. Еще задолго до Ватиканскаго собора онъ искренно сочувствовалъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ умѣренного католицизма и даже сдѣлался сторонникомъ философіи *Гюггера* (которую папа потомъ осудилъ). На соборѣ онъ всегда дѣйствовалъ прямо, честно и открыто, а не такъ, какъ Кеттелеръ. Такъ, его подпись подъ адресомъ австро-германскихъ епископовъ, который они подали папѣ 12 января 1870 г. и въ которомъ просили Пія IX не возводить ученіе о папской непогрѣшимости въ догматъ вѣры,—его подпись занимаетъ *первое* мѣсто. Затѣмъ онъ раздалъ членамъ собора сочиненіе, написанное его богословомъ во время соборныхъ засѣданій, проф. *Майеромъ* (Mayer): *De summi Pontificis infallibilitate personali* (Неаполь 1870), въ которомъ очень основательно доказывалось, какъ не нужно и не своевременно провозглашеніе новаго догмата. Въ высшей степени замѣчательно и его мнѣніе по поводу *Caput addendum...* „Я считаю себя обязаннымъ, въ силу своего епископскаго достоинства,—обязаннымъ „предъ Богомъ и Господомъ Иисусомъ Христомъ, имѣющимъ „судить живыхъ и мертвыхъ,—высказать, что предлагаемое на „разсмотрѣніе членовъ собора опредѣленіе (о папской непогрѣшимости) должно быть совершенно оставлено и удалено „съ собора“. И вотъ на какихъ основаніяхъ требуетъ онъ не допускать названнаго опредѣленія къ голосованію: 1) оно совершенно противно и Св. Писанію, и Св. Преданію; 2) оно можетъ имѣть самыя печальныя и вредныя послѣдствія въ дѣлѣ самой католической церкви; и, наконецъ, 3) оно и въ самомъ своемъ содержаніи заключаетъ въ себѣ много неяснаго, противорѣчиваго и дающаго основаніе для нескончаемыхъ преній и несогласій¹⁾).

Шварценбергъ не только не подписалъ ватиканскаго опредѣленія въ засѣданіи 13 іюля 1870 г., но и уѣхалъ изъ Рима въ числѣ недовольныхъ соборнымъ рѣшеніемъ.

Около полгода прошло, и дотогъ твердый Шварценбергъ не

устоялъ предъ нелегкимъ подвигомъ лишенія архіепископства и кардинальства; и возвѣстилъ, наконецъ, своей пастырь то опредѣленіе, противъ котораго такъ долго и такъ неустрашимо ратовалъ!

3. Несравненно тверже показалъ себя дяковарскій епископъ *Штроссмайеръ*, личность, по нашему мнѣнію, пожалуй, единственная въ своемъ родѣ среди прелатовъ Ватиканскаго собора. Всякому, кто будетъ заниматься исторіей этого собора, придется съ особеннымъ уваженіемъ упомянуть объ этомъ удивительномъ человѣкѣ, который не только на соборѣ показалъ себя безстрашнымъ защитникомъ истины и обличителемъ ультрамонтанской неправды, но и *весьма долгое время* послѣ собора (до 28 февраля 1881 года, слѣдовательно уже при Львѣ XIII!) не признавалъ папской непогрѣшимости.—Всякому извѣстно (всякому, кто въ свое время слѣдилъ даже только по газетамъ и журналамъ за ходомъ Ватиканскаго собора),—какъ этотъ убѣжденный прелатъ смѣло говорилъ предъ всѣмъ соборомъ въ засѣданіи 22 марта 1870 года, по поводу тѣхъ рѣзкихъ нападокъ на протестантовъ, которыя предполагалось выразить во введеніи къ догматическому декрету собора. Онъ доказывалъ въ своей рѣчи, какъ не справедливо и противно христіанской любви утверждать, что усиленіе невѣрія въ наше время единственно имѣетъ причиною протестантизмъ. Невѣріе, въ своихъ зачаткахъ, появилось еще до реформациі. Притомъ очень многие протестанты были замѣчательными защитниками христіанства. Особенно интересно, какъ Штроссмайеръ защищаетъ протестантовъ противъ рѣзкихъ нападокъ на нихъ ультрамонтальной партіи. „Правда“, говоритъ онъ, протестанты совершили великій „грѣхъ“, когда они, презрѣвши Божественный авторитетъ Церкви, „подчинили вѣчныя и неизмѣнныя истины вѣры субъективному „истолкованію и сужденію. Такое поощреніе человѣческой гордости всегда давало поводъ къ весьма прискорбнымъ явленіямъ,—къ раціонализму и къ критицизму. Но нельзя обойти молчаніемъ, съ другой стороны, и того, что корни, какъ самого протестантизма, такъ и находящагося въ связи съ нимъ раціонализма, уже существовали до XVI вѣка и именно подъ видомъ „гуманизма и классицизма, которыми неосторожно увлекались

¹⁾ Friedrich, „Documenta...“, II, S. 221.

„даже весьма авторитетныя лица ¹⁾“... Немного далѣе ораторъ указываетъ на Лейбница, какъ на весьма выразительный примѣръ того, что среди протестантовъ встрѣчались замѣчательные защитники христіанства ²⁾. Когда смѣлый Штроссмайеръ похвалилъ этого знаменитаго германскаго философа, то среди членовъ собора начался невообразимый шумъ. Послышались негодующіе голоса: „долой еретика!“ а президентъ, кардиналъ *де-Ангелисъ* нашелъ нужнымъ прервать рѣчь звонкомъ ³⁾. Но неустрашимый дьяковарскій прелатъ не унимался. Отдавъ должную дань протестантамъ, онъ перешелъ къ обсужденію самаго порядка веденія дѣлъ на Ватиканскомъ соборѣ. Сильно напалъ онъ на то, что все вопросы, согласно этому порядку, должны быть рѣшаемы большинствомъ голосовъ: такой способъ рѣшенія, по его словамъ, противорѣчитъ практикѣ всѣхъ древнихъ и даже позднѣйшихъ соборовъ ⁴⁾. И эта часть рѣчи Штроссмайера, какъ и слѣдовало ожидать, не прошла безъ сильнѣйшаго протеста со стороны членовъ собора (конечно, только ультрамонтанъ). Послышались угрожающіе и даже прямо неприличные критики по адресу оратора, послѣ чего кардиналъ *де-Ангелисъ* окончательно прервалъ его рѣчь, такъ-что онъ долженъ былъ, не окончивши ея, оставить ораторскую кафедру ⁵⁾.

Такимъ твердымъ и энергичнымъ показалъ себя на соборѣ Штроссмайеръ. Надобно удивляться, какъ, послѣ столь яркихъ

1) „Verum quidem est, protestantes gravissimam commisisse culpam. dum „spretâ et insuperhabita divina Ecclesiae auctoritate aeternas et immutabiles fidei „veritates subjectivae rationis iudicio et arbitrio subiecissent. Hoc superbiae humanae fomentum gravissimis certe malis, rationalismo et criticismo occasionem „dedit. At hoc quoque respectu dici debet, protestantismi ejus cum eodem in nexu „extitit rationalismi germen saeculo XVI praeextitisse in sic dicto humanismo et „classicismo, quem in sanctuario ipso quidam summae auctoritatis viri incauto „consilio fovebant et nutriebant“...

2) „*Laibnitius* erat certe vir eruditus et omni sub respectu praestans“...

3) *Lord Acton*, цитов. соч., стр. 90.

4) „Decreto, quod in supplementum ordinis interioris nobis nuper communicatum est, statuitur, res in Concilio hocce suffragiorum majoritate decidendas fore. „Contra hoc principium, quod omnium praecedentium Conciliorum praxim funditus evertit, multi episcopi reclamaverunt“...

5) *Lord Aston*, цитов. соч., стр. 92.—Примѣръ того, какъ поступили на соборѣ съ Штроссмайеромъ, лучше всего показываетъ, что на этомъ соборѣ не доставало истинной свободы его членовъ.

доказательствъ твердости и энергіи, могъ онъ, наконецъ, также признать Ватиканскіе декреты. Видно, и для него единеніе съ Римомъ было выше истины...

4. Архіепископъ *Симоръ*, примасъ Венгріи, находился на соборѣ также въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ и, повидимому, весьма убѣжденных членовъ оппозиціи. Каковы именно были его убѣжденія, лучше всего видно изъ того, что на международномъ засѣданіи членовъ собора, принадлежавшихъ къ оппозиціонному меньшинству, — засѣданіи, имѣвшемъ мѣсто 12 іюля 1870 г., — онъ рѣшительно высказался (вмѣстѣ съ сравнительно немногими епископами) противъ предложенія *Кеттелера*, *Мельхерса* и *Ландріо* (*Landriot*) реймскаго, которые полагали, что можно будетъ всемъ членамъ оппозиціи высказать относительно опредѣленія о папской непогрѣшимости: *placet juxta modum* („я согласенъ, но съ оговоркою“). *Симоръ* справедливо находилъ (вмѣстѣ со Штроссмайеромъ и нѣк. др.), что это было бы, въ сущности, равносильно согласію на опредѣленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ находилъ, что оппозиціонные епископы только тогда и могутъ спасти свое дѣло, если они прямо скажутъ: *non placet* (т. е. „мы не согласны“). Иначе все ихъ долговременные труды, вся ихъ продолжительная и нелегкая борьба останутся безъ всякаго результата ¹⁾. Соответственно такимъ убѣжденіямъ, онъ самъ подписалъ, въ засѣданіи 13-го іюля, подъ опредѣленіемъ о папской непогрѣшимости: *non placet* ²⁾. И 17 іюля его подпись находилась на знаменитомъ протестѣ оппозиціонныхъ епископовъ въ числѣ первыхъ ³⁾. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ удивляться тому, что онъ, вскорѣ послѣ собора, рѣшился официально, во многихъ своихъ пастырскихъ посланіяхъ, утверждать, будто-бы ученіе о папской непогрѣшимости всегда и повсюду въ Венгріи составляло вѣрованіе всѣхъ классовъ общества ⁴⁾. Такое утвержденіе прямо противорѣчило всемъ его заявленіямъ противъ этого ученія, которыя онъ сдѣлалъ на соборѣ, и, конечно, не говорило въ пользу его искренности и даже честности...

1) *Römische Briefe vom Concil, von Quirinus* (Döllinger), München 1870, S. 603.

2) *von Schulte*, цитов. соч., стр. 250.

3) *Friedrich, Documenta...* I, s. 264.

4) *von Schulte*, цитов. соч., стр. 251.

5. *Гайнальда*, архієпископъ колочскій (von Colocsa), также изъ Венгрии, по своимъ воззрѣніямъ, высказаннымъ неоднократно на соборѣ, а также и по своимъ дѣйствіямъ послѣ собора, очень похожъ на своего собрата — Симора. И онъ высказалъ на засѣданіи 13 іюля: *non placet*, а также подписалъ протестъ 17 іюля ¹⁾. Насколько онъ былъ открытымъ защитникомъ воззрѣній оппозиціоннаго меньшинства, видно, напр., изъ того, что онъ на засѣданіи 16 іюля не далъ своего согласія на предложеніе папскихъ легатовъ и членовъ большинства — осудить (какъ еретическую) брошюру: *La dernière heure du Concile*, находя, что она ничего противнаго истинѣ въ себѣ не содержитъ. Чтобы понять, насколько такое заявленіе Гайнальда имѣло значеніе умѣренно-католическаго *professio fidei*, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ этой брошюрѣ очень ярко представлено было, какъ тираннически относился папа и вообще все ультрамонтанское большинство къ несчастному меньшинству на соборѣ ²⁾. Конечно, за такую откровенность это небольшое сочиненіе и подверглось опалѣ со стороны папы. Во всякомъ случаѣ выступить въ защиту этой опальной книжки было дѣломъ довольно похвальной смѣлости со стороны Гайнальда.

Но увы, какъ и Симоръ, и этотъ прелать, по окончаніи Ватиканскаго собора, въ своемъ пастырскомъ посланіи высказалъ, что онъ *жертвуетъ своими личными убѣжденіями и подчиняетъ ихъ суду Церкви* (т. е. лучше бы сказать: суду папы); слѣдовательно, иными словами, онъ отрекся отъ своихъ умѣренно-католическихъ убѣжденій, чтобы не подпасть подъ папское осужденіе. Таковъ былъ обычный образъ дѣйствія всѣхъ представителей меньшинства на соборѣ, какъ мы уже имѣли случай это видѣть.

Всего сказаннаго о самыхъ замѣчательныхъ представителяхъ умѣренно-католическихъ воззрѣній во время Ватиканскаго собора, на самомъ соборѣ и внѣ его, изъ французскаго, герман-

скаго и австро-венгерскаго духовенства, — думаемъ, достаточно, чтобы уяснить себѣ, почему именно, какъ увидимъ далѣе, ультрамонтанское большинство одержало верхъ надъ меньшинствомъ на соборѣ. Эта побѣда объясняется именно тѣмъ, что рѣшительно всѣ представители меньшинства въ глубинѣ души были послушными чадами папы и римской курии, хотя до извѣстнаго времени (пока дѣло не доходило до рѣшительныхъ шаговъ, — до вопроса: оставаться въ единеніи съ Римомъ, или нѣтъ?) они и выражали свои протесты противъ новаго догмата. Ультрамонтане хорошо знали слабость меньшинства и потому, еще съ самаго начала собора, смѣло сознавали свое превосходство надъ нимъ, что мы и увидимъ далѣе.

¹⁾ Ibidem, s. 250. См. также *Friedrich, Documenta.* I, ss. 263—264. *Quirinus, Römische Briefe...*, s. 609.

²⁾ *Quirinus, Römische Briefe*, ss. 629—630.

ГЛАВА IV.

Общая характеристика ультрамонтанского большинства на соборѣ, въ связи съ указаніемъ на главнѣйшіе моменты борьбы между большинствомъ и меньшинствомъ, съ начала соборныхъ засѣданій до введенія новаго порядка дѣлопроизводства.

Нетрудно понять, почему на Ватиканскомъ соборѣ, уже начиная съ первыхъ засѣданій, несомнѣнный перевѣсъ во вліяніи на соборныя дѣла оказывался на сторонѣ ультрамонтанскаго большинства. Это объясняется отчасти уже тѣмъ, что мы сказали о нерѣшительности и неустойчивости важнѣйшихъ представителей и, можно сказать, вождей умѣренно-католическаго меньшинства на томъ же соборѣ. Но, конечно, главная причина силы ультрамонтанскихъ членовъ этого собора заключалась прежде всего въ значительномъ количественномъ превосходствѣ ихъ сравнительно съ умѣренными католиками ¹⁾, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той несомнѣнной симпатіи, которую питалъ къ ихъ партіи самъ папа, и которую онъ очень нерѣдко и довольно ярко обнаруживалъ на соборѣ.

Свое благоволеніе къ членамъ большинства Пій выражалъ и въ специальныхъ бресе, и въ частныхъ аллокуціяхъ. Такъ, когда во Франціи патеръ Рамьеръ (Ramière) выступилъ противъ епископа Марэ съ особой брошюрой, написанной въ ультра-

¹⁾ Впрочемъ, многіе члены большинства, хотя и епископы, не могли, строго говоря, считаться истинными представителями возрѣвній своихъ частныхъ церквей на ученіе о папской непогрѣбности (главный предметъ соборныхъ совѣщаній), такъ-какъ были епископами *безъ епархій* (такъ называемые, *in partibus infidelium*) и, слѣд., только номинальными. Такое право голоса епископовъ безъ епархій было совершенно незаконно, и на эту незаконность многіе члены меньшинства, напр. Кеттелеръ, не безъ основанія указывали (См. *Friedrich, Tagebuch*, S. 214).

монтанскомъ духѣ, папа издалъ на имя автора этой брошюры особое бресе, въ которомъ очень хвалилъ его за то, что „онъ такъ хорошо сумѣлъ поставить своего противника въ противорѣчіе съ самимъ собою“ ¹⁾. Это бресе относится къ 22 января 1870 г. И мѣсяца не прошло послѣ его изданія, какъ появилось (12 февраля) новое бресе, направленное специально противъ писемъ орлеанскаго епископа *Дюпанлу*, которыя папа очень откровенно именуетъ „суетными, враждебными софизмами, которые являются единственною и исключительною причиною начавшихся волненій умовъ“ ²⁾. Замѣчательны также папскія бресе къ духовенству епархій нимской (Nîmes), авиньонской (Avignon), гренобльской (Grenoble) и монпельесской (Montpellier), а также къ тремъ священникамъ орлеанскимъ. (Въ такомъ антиканоническомъ обращеніи къ низшему клиру, помимо епархіальныхъ епископовъ, Пій IX подражалъ Пію VII, который какъ мы видѣли въ I-й части нашего изслѣдованія, также дѣйствовалъ въ такомъ же смыслѣ, желая усилить свое вліяніе надъ французскимъ духовенствомъ. Самое содержаніе всѣхъ названныхъ бресе было проникнуто одною общею мыслию: какъ-бы выразительнѣе дать понять французскому духовенству, чего, собственно, желалъ-бы папа съ ихъ стороны.) Во всѣхъ этихъ посланіяхъ преподается папское благословеніе тѣмъ представителямъ этого духовенства, которые шли въ разрѣзъ съ своими епископами, — галликанами или полу-галликанами, и проявляли дѣятельность, проникнутую вполне ультрамонтанскимъ духомъ ³⁾. Нельзя здѣсь не упомянуть также папскаго бресе къ извѣстному поборнику ультрамонтанскихъ идей во Франціи, аббату солемскаго монастыря (Solesmes), *Дону-Гэранжэ*, о которомъ мы также уже упоминали неоднократно. Въ этомъ бресе папа очень рѣзко вооружается противъ умѣренныхъ католиковъ, называя ихъ прямо „людьми, коихъ убѣжденія пагубны и зловредны“ ⁴⁾. (Если вспомнить еще тѣ яркіе

¹⁾ *Préssensé*, цитов. соч. въ нѣмецк. переводѣ, стр. 188.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Préssensé*, цитов. соч., стр. 189.

⁴⁾ *Ibidem*.

знаки благоволенія, которые неоднократно выказывалъ Пій IX пресловутому Велью, поощряя его страстныя филиппики противъ умѣренныхъ католиковъ,—то исполнѣе станетъ понятнымъ, на сколько не равна была сила большинства и меньшинства на Ватиканскомъ соборѣ, даже и безъ отношенія къ числу членовъ того и другого.

Совершенно такое же заключеніе можно сдѣлать и на основаніи папскихъ аллокуцій, ко каковыхъ Пій IX вообще былъ великій охотникъ. И въ этихъ оныхъ очень ясно давалъ понять, что всѣ его личныя симпатіи—на сторонѣ ультрамонтанъ, а никакъ не умѣренно-католическаго меньшинства. Однажды у него вырвалось даже такое откровенное восклицаніе: „*либеральные* (читай: умѣренные) *католики* *суть только на половину католики!*“¹⁾.

Предоставляемъ всякому безпристрастному читателю судить, на сколько благоразумно поступилъ папа, когда такъ ярко показывалъ свое предпочтеніе членамъ большинства на соборѣ. Черезъ это онъ какъ-бы заранѣе лишалъ борьбу между большинствомъ и меньшинствомъ той свободы, которая составляетъ одно изъ существеннѣйшихъ и необходимѣйшихъ условій всякаго собора, тѣмъ болѣе *вселенскаго*, какимъ именовалъ себя соборъ Ватиканскій. Въ самомъ дѣлѣ: могла-ли быть свобода тамъ, гдѣ почти открыто заявлялось, что только тотъ истинный сынъ „единоспасающей“ римской церкви, кто держится ультрамонтанскихъ воззрѣній, и что, напротивъ того, всякій, кто не раздѣляетъ сихъ послѣднихъ, не есть истинное чадо сей церкви, но только *на половину католикъ*? Очевидно, такой дилеммой папа заранѣе какъ-бы намѣчалъ отцамъ собора ту программу, какой они должны были слѣдовать, чтобы быть ему угодными. А черезъ это весь Ватиканскій соборъ долженъ былъ сдѣлаться (какъ онъ, въ дѣйствительности, и сдѣлался) не болѣе, какъ папской канцеляріей.

На сколько папа всячески показывалъ членамъ меньшинства свое неблаговоленіе, (на столько и члены большинства, по-

ощряемые примѣромъ самого „главы Церкви“, всѣми мѣрами старались выразить умѣренно-католической оппозиціи свою вражду, и если не словомъ, то дѣломъ нанести ударъ ихъ вліянію на соборѣ (—вліянію, увы, и безъ того слишкомъ ничтожному). Впрочемъ, нѣкоторые представители большинства, равно какъ и лица, хотя и не бывшія на соборѣ, но во всемъ сочувствовавшія ультрамонтанскимъ воззрѣніямъ, дѣлали неоднократныя попытки напасть на своихъ противниковъ и съ помощію литературнаго оружія. Такого рода попытками особенно извѣстны два изъ числа наиболѣе ревностныхъ ультрамонтанскихъ прелатовъ: англійскій кардиналъ *Маннингъ* (архіепископъ кентерберійскій) и бельгійскій прелатъ *Дешанъ*, епископъ малипскій (или мехельнскій). Первый, еще до своего отправленія на соборъ, обнародовалъ окружное посланіе къ своей паствѣ, въ которомъ проводилъ мысль, совершенно противоположную той, какую защищалъ Дюпанлу (о несвоевременности провозглашенія догмата о папской непогрѣшимости). Именно Маннингъ силится доказать, что именно потому это провозглашеніе и своевременно, что въ католической церкви еще слышатся голоса съ галликанскими взглядами и мнѣніями. По мнѣнію его, галликанство есть самая опасная язва въ Церкви,—гораздо болѣе опасная, чѣмъ англиканство: послѣднее, по крайней мѣрѣ, является открытымъ врагомъ, а первое—все равно, что измѣнникъ въ крѣпости¹⁾. вмѣстѣ съ такимъ воззрѣніемъ на галликанство (высказывая которое, Маннингъ, можно сказать, дѣлалъ открытый вызовъ всѣмъ умѣреннымъ католикамъ),—англійскій кардиналъ отзывался съ особенной похвалой о пресловутомъ *силлабусѣ* и считаетъ его основаніемъ христіанскаго ученія объ отношеніи Церкви къ государству²⁾. Во время самого собора, перу Маннинга принадлежитъ небольшое сочиненіе противъ богословскаго факультета Мюнхенскаго университета. Въ немъ онъ, между прочимъ, говоритъ, что историческое направленіе въ богословіи наиболѣе опасно для като-

1) *Préssensé*, цитов. соч., стр. 191.

1) *Préssensé*, цитов. соч., стр. 151.

2) *Ibidem.*, стр. 152.

лической церкви. Въ сущности это сочиненіе было не что иное, какъ третья часть его окружного пастырскаго посланія, но только въ италіанскомъ переводѣ ¹⁾). По всей вѣроятности, Маншингъ и самъ не замѣчалъ, какъ онъ обнаружилъ слабую сторону ультрамонтанскаго богословія, когда вооружился противъ историческаго метода въ богословской наукѣ. Въ томъ именно и хромали ультрамонтанскіе богословы, что слишкомъ презирали безпристрастное и, слѣдовательно, дѣйствительно научное изученіе церковной исторіи; напротивъ, мюнхенскіе богословы тѣмъ и спискали себѣ во всемъ ученое мірѣ особенное уваженіе, что всегда свято держались правила: историческая истина прежде всего и выше всего.

Что касается епископа *Дешана*, то о его сочиненіи противъ орлеанскаго епископа *Дюпанлу* мы уже имѣли случай говорить, когда разсматривали литературную дѣятельность этого послѣдняго. Поэтому не будемъ здѣсь снова вести рѣчь о бельгійскомъ прелатѣ, какъ о полемистѣ.

Изъ числа литературныхъ борцовъ, которые, хотя и не были официальными членами Ватиканскаго собора, однако въ своихъ сочиненіяхъ съ ревностію, достойной лучшей дѣли, защищали свои ультрамонтанскія воззрѣнія и въ то же время нападали на своихъ противниковъ, особенно выдавался уже извѣстный нашимъ читателямъ *Донъ-Геранжэ*. Его перу принадлежитъ, между прочимъ, книга: *La monarchie pontificale*. Основная мысль, которую онъ въ ней проводитъ, та, что папа ничего не заимствуетъ у Церкви, но самъ все ей подаетъ,— подобно тому, какъ и Ап. Петръ ничего не заимствовалъ отъ Апостоловъ, но самъ лично являлся представителемъ Господа Иисуса Христа ²⁾). Иными словами, это значитъ, что римскій первосвященникъ обладаетъ *всей полнотою власти* въ Церкви, и что онъ изъ этой полноты удѣляетъ извѣстные права епископамъ, которые безъ папы Церкви не составляютъ. Эта мысль была во все времена любимою мыслию всѣхъ представителей

¹⁾ *Friedrich, Tagebuch...*, Ss. 79—80.

²⁾ *La monarchie pontificale*, p. 79.

ультрамонтанской партіи, и *Донъ-Геранжэ* сумѣлъ очень своевременно развить ее въ цѣломъ сочиненіи. Онъ, дѣйствительно, весьма удачно выбралъ для этого минуту, такъ-какъ его книга появилась въ свѣтъ какъ разъ, можно сказать, наканунѣ того собора, на которомъ названная мысль должна была восторжествовать надъ противоположной ей теоріей умѣренныхъ католиковъ.

Что касается самаго собора, то съ первыхъ же его засѣданій обнаружилось, какого рода положеніе займутъ на немъ представители большинства, и какой тактики они будутъ держаться. Это положеніе можно охарактеризовать въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: крайне деспотическій образъ дѣйствія по отношенію къ оппозиціонному меньшинству, прикрываемый лицемѣрными увѣреніями въ томъ, что на соборѣ всегда сохраняется полная свобода всѣхъ его членовъ. Соотвѣтственно такой основной своей программѣ, большинство, во все время соборныхъ засѣданій, всегда слѣдовало самой лукавой и опасной для меньшинства тактикѣ,—тактикѣ постояннаго стѣсненія членовъ оппозиціи въ ихъ справедливомъ желаніи высказывать на соборѣ свои мнѣнія. Такое стѣсненіе выражалось во многихъ оскорбительныхъ для меньшинства распоряженіяхъ, которыя исходили (конечно, не безъ изволенія на то самого папы) отъ главныхъ руководителей дѣлопроизводства на соборѣ, принадлежавшихъ къ большинству. Къ такого рода распоряженіямъ можно отнести: 1) насильственное сокращеніе срока для преній между большинствомъ и меньшинствомъ; 2) не менѣе насильственное прерываніе рѣчей членовъ меньшинства; 3) полнѣйшее неуваженіе къ заявленіямъ и просьбамъ этого послѣдняго относительно нѣкоторыхъ незаконныхъ сторонъ соборнаго дѣлопроизводства; 4) совершенно незаконное покровительство самого папы большинству въ ущербъ интересамъ меньшинства; 5) поощреніе папой ультрамонтанской прессы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещеніе членамъ меньшинства печатать свои книги и брошюры, касающіяся вопроса о папской непогрѣшимости, въ Римѣ; наконецъ, 6) искусственная, преждевременная и потому совершенно неожиданная для меньшинства постановка вопроса о возведеніи ученія о папской непогрѣшимости въ догматъ вѣры.

Какъ извѣстно, еще въ теченіе зимы 1868—1869 года въ Римѣ образованы были особыя комиссіи, специальная цѣль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы заранѣе подготовить извѣстныя *схемы* для предстоявшаго собора и чрезъ то, по возможности, облегчить на немъ дѣлопроизводство и ускорить его окончательныя опредѣленія. Для нашей задачи нѣтъ нужды упоминать здѣсь о каждой изъ этихъ комиссій въ отдѣльности: достаточно назвать одну ту комиссію, которая образована была для подготовительнаго рѣшенія вопросовъ *догматическихкихъ*; потому-что въ задачу именно этой комиссіи входило обсужденіе главнаго догматическаго вопроса, имѣвшаго быть рѣшеннымъ на Ватиканскомъ соборѣ,—о папской непогрѣшимости. Знаменательно, что составъ этой, важнѣйшей по своему значенію комиссіи былъ іезуитскій: папа намѣреннo назначилъ въ нее самыхъ выдающихся по своей учености членовъ ордена Лойолы, вапр. *Нерроне, Шрадера* и *Францелина*. По-пятно, какъ односторонне и, слѣд., пристрастно долженъ былъ рѣшиться среди нихъ вышеназванный вопросъ. Нисколько не удивительно, если не только сами члены названной комиссіи, но и всѣ вообще представители большинства, идеалы которыхъ были совершенно тѣ же, что и у лицъ, входившихъ въ составъ комиссіи,—совершенно серьезно полагали, что соборъ приступить къ окончательному рѣшенію вопроса о папской непогрѣшимости уже въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій. Это тѣмъ болѣе было для нихъ вѣроятно, что папа заблаговременно озабочился о томъ, чтобы важнѣйшія должности на соборѣ заняты были лицами, преданность которыхъ ультрамонтанскимъ идеалъ стояла внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ, президентомъ собора назначенъ былъ кардиналъ *Рейзахъ* (Reisach). Этотъ прелатъ успѣлъ заявить себя вполне убѣжденнымъ ультрамонтаниномъ еще въ то время, когда онъ занималъ мѣсто мюнхенскаго архіепископа. По переѣздѣ въ Римъ, онъ еще болѣе сталъ угоднымъ куріи, особенно когда сдѣлался однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и усердныхъ сотрудниковъ пресловутой *Чисилты*¹⁾. Безъ сомнѣнія, папа потому и назначилъ его на трудное и

¹⁾ *Lord Acton*, цитов. соч., стр. 16.

отвѣтственное мѣсто президента, что вполне былъ увѣренъ въ его безграничной преданности ультрамонтанскимъ идеалъ. Тѣмъ тяжелѣе должна была быть для Пія IX и вообще для большинства его смерть, послѣдовавшая еще въ декабрѣ 1869 года, т. е. въ самомъ началѣ соборныхъ засѣданій. Напротивъ, меньшинство скорѣе радовалось этому событію, потому-что не безъ основанія ожидало отъ Рейзаха самаго враждебнаго отношенія къ своему дѣлу¹⁾. Впрочемъ, курія сумѣла замѣнить его вполне сообразно своимъ завѣтнымъ цѣлямъ и стремленіямъ, хотя на этотъ разъ ея выборъ палъ на такое лицо, которое, повидимому, не могло сдѣлаться вполне энергичнымъ вождемъ большинства и, вмѣстѣ, точнымъ исполнителемъ воли самого папы; этимъ лицомъ былъ кардиналъ *де-Анджелисъ* (de Angelis), который, сравнительно со многими другими ультрамонтанскими прелатами, не имѣлъ за собою особенно замѣчательнаго прошлаго. Причина, почему курія обратила на него свое вниманіе, заключалась развѣ въ томъ, что, во-первыхъ, онъ однажды посаженъ былъ въ тюрьму въ Туринѣ за свои дѣйствія, проникнутыя ультрамонтанскимъ духомъ, а во-вторыхъ, оказалъ нѣкоторыя услуги ультрамонтанскому дѣлу во время засѣданія подготовительныхъ комиссій. Тѣмъ не менѣе онъ не отличался достаточною опытностію для того, чтобы стать президентомъ цѣлаго собора, притомъ такого, какимъ былъ Ватиканскій. Очевидно, назначая на такую должность именно его, папа имѣлъ въ виду особыя цѣли, которыя, вѣроятнѣе всего, слѣдуетъ опредѣлить такъ: успокоить на время умѣреннo-католическую оппозицію въ ея опасеніяхъ относительно назначенія новаго президента,—успокоить выборомъ такого мало-замѣчательнаго лица, какимъ былъ де-Анджелисъ. Но въ то же время не упущены были при такомъ назначеніи и интересы ультрамонтанскаго большинства, такъ-какъ *фактически* президентомъ собора являлся вовсе не де-Анджелисъ, но скорѣе истинными президентами можно считать двухъ другихъ кардиналовъ, его помощниковъ: *Биліо* (Bilio) и *Капальти* (Capalti), которые, собственно, и замѣнили почившаго Рейзаха;

¹⁾ Фридрихъ въ своемъ *Tagebuch* (стр. 40) замѣчаетъ по поводу смерти Рейзаха, что въ этомъ событіи нельзя не видѣть особаго дѣйствія Провидѣнія.

(такъ-что кардиналъ де-Анджелисъ являлся, въ сущности, не болѣе, какъ только *подставнымъ, номинальнымъ* президентомъ, который долженъ былъ исполнять всѣ внушенія этихъ своихъ помощниковъ ¹⁾). Что касается должности секретаря собора, не менѣе ответственной и важной, тѣмъ должность президента, то на нее папа назначилъ *Fesslera* (Fessler), епископа австрийскаго городка *St. Pölten*. Это былъ человекъ всецѣло преданный куріи. Еще до собора онъ открыто заявилъ себя сторонникомъ догматизаціи ученія о папской непогрѣшимости въ своемъ сочиненіи: „*Das letzte und das nächste allgemeine Concilium* (Freiburg, 1869)“. Такое смѣлое и открытое заявленіе главнымъ образомъ и обратило на него вниманіе папы, который, намѣчая его на должность секретаря, хотѣлъ чрезъ это не только получить въ немъ дѣятельнаго и энергичнаго исполнителя своихъ предначертаній, но также доказать всему католическому міру и особенно епископамъ, что къ руководительной дѣятельности на соборѣ ²⁾ призываются не одни италіянцы, но и прелаты другихъ націй.

На сколько стѣнительны были для меньшинства всѣ порядки на Ватиканскомъ соборѣ, это обнаружилось еще въ самомъ его началѣ, когда папа издалъ буллу *Multiplices inter*, въ которой опредѣленъ былъ порядокъ соборнаго дѣлопроизводства. Эта булла такъ замѣчательна, что мы остановимся на ней поподробнѣе. Въ началѣ ея папа высказываетъ свою радость по поводу того, что соборъ созывается для искорененія различныхъ заблужденій, притомъ собирается въ день празднованія Непорочнаго зачатія Божіей Матери и въ ватиканской базиликѣ, у мощей св. Ап. Петра, (который, пребывая постоянно въ дарованной (ему отъ Бога) твердости скалы, не оставилъ взятаго имъ (на себя) управленія Церковію; и въ которомъ неизмѣнно пребываетъ попеченіе о всѣхъ пастыряхъ, а также и охраненіе препорученныхъ имъ (словесныхъ) овецъ³⁾).

Затѣмъ, напоминая епископамъ о важности той ответственной

¹⁾ См. объ этомъ *Lord Acton*, цитов. соч., стр. 76.

²⁾ Qui in accepta fortitudine petrae perseverans suscepta Ecclesiae gubernacula non reliquit, et in quo omnium Pastorum sollicitudo, cum commendatarum sibi ovium custodia perseverat.

ной задачи, которую взялъ на себя соборъ (искорененіе заблужденій, возстановленіе древнихъ церковныхъ правилъ, исправленіе нравовъ и др.),—папа переходитъ прямо къ изложенію правилъ, которыя необходимо наблюдать на соборѣ всѣмъ его членамъ. Всѣ эти правила изложены далѣе въ 10 главахъ. Первая глава озаглавлена: *De modo vivendi in Concilio* (т. е. объ образѣ жизни членовъ собора). Здѣсь папа увѣщаетъ собравшихся въ Римъ прелатовъ, чтобы они вели жизнь исполнѣе достойную своего званія, чаще занимались бы чтеніемъ слова Божія и размышленіемъ о предметахъ духовныхъ и въ опредѣленные часы дня непремѣнно присутствовали бы за Богослуженіемъ. Вторая глава, озаглавленная: *De jure et modo proponendi* (т. е. о правѣ вносить на соборѣ предложенія и о томъ, какъ ихъ вносить),—самая важная, потому-что изъ нея-то, собственно, и усматривается, какъ мало предоставлено членамъ собора дѣйствительной свободы. „Хотя“, говоритъ булла, „право „и обязанность вносить предложенія о предметахъ совѣщанія „на святомъ вселенскомъ соборѣ, а также и (право и обязанность) собирать (или вѣриче: *спрашивать*) мнѣнія отцовъ „(собора) относительно этихъ предложеній принадлежитъ никому „другому, какъ только намъ (т. е. папѣ) и сему апостольскому „престолу; тѣмъ не менѣе мы (разумѣется опять папа) не „только просимъ, но и увѣщаемъ, чтобы отцы собора свободно высказывали (на соборѣ) все то, что имъ будетъ возможнымъ предложить и что касалось бы общественной пользы ¹⁾“. Далѣе булла поставляетъ для членовъ собора, вносящихъ предложенія, слѣдующія непремѣнныя условія: 1) чтобы эти предложенія дѣлались ими письменно (*ut scripto mandetur*) и затѣмъ обсуждались бы *частнымъ образомъ* въ собраніи нѣкоторыхъ кардиналовъ или другихъ отцовъ, специально назначенныхъ для этого (*ac peculiari Congregationi nonnullorum, tum Vene-*

¹⁾ „Licet jus et munus proponendi negotia, quae in sancta oecumenica Synodo tractari debebant, de iisque Patrum sententias rogandi non nisi ad Nos, et ad hanc Apostolicam Sedem pertineat, nihilominus non modo optamus, sed etiam hortamur, ut si qui inter Concilii Patres aliquid proponendum habuerint, quod ad publicam utilitatem conferre posse existiment, id libere exequi velint“. (Латинскій текстъ буллы взятъ нами изъ книги: *Acta et decreta sacrosancti oecumenici concilii Vaticani, Romae 1872*).

rabilium Fratrum Nostrorum... Cardinalium, tum aliorum Synodi Patrum a Nobis deputandae *privatim* exhibeatur) 2) чтобы каждое из вносимых предложений касалось непременно всей Церкви (*publicum rei christianae bonum vere respiciat*), а не интересовъ отдельных только епархій (*non singularem dumtaxat unum vel alterius dioecesis utilitatem*); 3) чтобы предложения заключали въ себѣ такого рода положенія, которыя дѣлали бы каждое предложение полезнымъ и своевременнымъ (*ut rationes contineat, ob quas utilis et opportuna censetur*); наконецъ, 4) чтобы названныя предложения не содержали въ себѣ ничего такого, что было бы чуждо всегдашнему духу Церкви и ея неизмѣннымъ преданіямъ (*ut nihil praeseferat, quod a constanti Ecclesiae sensu, ejusque inviolabilibus traditionibus alienum sit*). Изложивъ всѣ указанныя условія, которыя слѣдуетъ соблюдать всякому члену собора, желающему внести предложение, булла дѣлаетъ такое знаменательное прибавленіе: „Вышеназванная специальная конгрегация тщательно взвѣшиваетъ предложенныя на ея усмотрѣніе вопросы и подчиняетъ свое собственное заключеніе относительно ихъ допущенія или недопущенія (на соборное обсужденіе) нашему (т. е. папскому) рѣшенію, дабы мы (т. е. папа), послѣ зрѣлаго разсмотрѣнія, сдѣлали постановленіе относительно ихъ, слѣдуетъ ли допустить ихъ до соборнаго обсужденія“ 1).

Если мы вспомнимъ исторію другихъ соборовъ, даже собора Тридентскаго, то увидимъ, что на нихъ право вносить предложения всегда принадлежало всѣмъ членамъ собора, притомъ было ихъ совершенно неотъемлемымъ правомъ, которое являлось необходимою принадлежностію ихъ званія соборныхъ членовъ. Правда и въ буллѣ „*Multiplices inter*“ (допускается, повидимому, свободное высказываніе со стороны *каждаго члена различныхъ предложений*; но при этомъ прямо говорится, что „право и обязанность вносить предложения и собирать мнѣнія отцовъ относительно этихъ предложений принадлежитъ исключительно

1) „*Peculiaris praedicta Congregatio propositiones sibi exhibitas diligenter expendet, suumque circa earum admissionem vel exclusionem consilium Nostro judicio submittet, ut Nos deinde matura consideratione de iis statuamus, utrum ad synodalem deliberationem deferri debeant*“.

„папѣ“. Такимъ образомъ въ данномъ мѣстѣ булла явно себѣ противорѣчитъ, потому-что какая же возможна свобода при высказываніи своихъ мнѣній, когда, по словамъ той же буллы, одинъ только папа, собственно обладаетъ въ дѣйствительности правомъ вносить предложенія и обсуждать ихъ? Еще болѣе открывается полнѣйшее отсутствіе на Ватиканскомъ соборѣ свободы во внесеніи предложеній и въ обсужденіи ихъ изъ тѣхъ условій, которыми обставлена вся процедура этого дѣла, въ особенности изъ перваго условія, въ силу котораго всякое вносимое предложеніе сначала должно обсуждаться въ специальной конгрегации, нарочно назначенной для того папой, или, иными словами, должно обсуждаться самимъ папой. Выходить, слѣдовательно, нѣчто весьма оригинальное, чего никогда не бывало ни на одномъ вселенскомъ соборѣ, чего не было даже на соборѣ Тридентскомъ: отъ одного только папы зависить и внести на обсужденіе всего собора извѣстное предложеніе, и въ то же время ему только одному предоставляется рѣшить, достойно-ли оно такого обсужденія, или нѣтъ. Итакъ, вездѣ только одинъ папа, и болѣе ни кто другой; такъ-что самый соборъ есть не болѣе, какъ только декорация собора, а на самомъ дѣлѣ, въ сущности, какъ мы и выше сказали, канцелярія того же папы. Нельзя не остановиться и на третьемъ и четвертомъ условіяхъ, указанныхъ въ буллѣ, именно на условіи, чтобы вносимое предложеніе имѣло непременно полезный и своевременный характеръ, а также и на другомъ условіи, чтобы такое предложеніе всегда соответствовало духу церковному и согласовалось съ преданіями Церкви. Является вопросъ: кто-же долженъ рѣшить, соответствуетъ-ли извѣстное предложеніе этимъ двумъ условіямъ, или нѣтъ? Булла очевидно дѣлаетъ судіею объ этомъ вопросѣ ту же конгрегацию, когда говоритъ: „эта конгрегация тщательно взвѣшиваетъ предложенныя... вопросы“; но въ то же время опять все рѣшительно подчиняется рѣшенію того же одного „всемогущаго“ папы, когда прибавляетъ: „она (конгрегация) подчиняетъ свое собственное заключеніе папскому рѣшенію“. Слѣдовательно, такъ называемое соборное рѣшеніе есть, на языкѣ куріи, рѣшеніе извѣстнаго только кружка кардиналовъ и епископовъ, или, если еще

больше объяснять выражение „соборное рѣшеніе“, то придется придти снова къ тому же папѣ, какъ всецѣло замѣняющему собою всякій соборъ, въ силу положенія: *papa princeps canonis*.

Третья глава буллы *Multiplices inter* касается одного изъ самыхъ необходимыхъ условий, которыя слѣдовало имѣть въ виду всѣмъ членамъ Ватиканскаго собора, именно: сохраненіе тайны относительно всѣхъ соборныхъ разсужденій и преній (*De secreto servando in Concilio*),—конечно только во время самого собора.

Четвертая глава касается вопроса о томъ порядкѣ, какой должны наблюдать члены собора относительно занимаемыхъ ими въ соборныхъ засѣданіяхъ мѣсть. Здѣсь же говорится и о томъ, чтобы, въ случаѣ неправильнаго занятія кѣмъ-либо своихъ мѣсть и даже подачи съ этихъ мѣсть своихъ мнѣній, таковыя члены не приобрѣтали чрезъ это никакого новаго права, которое нарушало бы установленный буллой порядокъ. Эта глава озаглавляется такъ: „*De ordine sedendi et de non inferendo alicui praejudicio*“.

Въ пятой главѣ содержится узаконеніе о, такъ называемыхъ, *судьяхъ для разбора извиненій* со стороны отсутствующихъ или опаздывающихъ на соборъ прелатовъ, а также о *судьяхъ для разбора несогласій* между членами собора (*De iudicibus excusationum et querelarum*).

Шестая глава (*De Officialibus Concilii*) трактуетъ о должностныхъ лицахъ Ватиканскаго собора.

На седьмой главѣ (*De Congregationibus generalibus Patrum*) необходимо намъ опять остановиться подольше, такъ-какъ изъ нея такъ же, какъ изъ второй главы, весьма ясно открывается, какъ курія стѣснила членовъ собора, когда всецѣло подчинила ихъ мнѣнію и предложенія цензурѣ немногихъ лицъ, нарочито избранныхъ папой.

Здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ *генеральныхъ конгрегацияхъ* (*Congregationes generales*), которыя имѣли назначеніе готовить известныя рѣшенія для *публичныхъ засѣданій* (*Sessiones publicae*). Для того, чтобы руководить преніями на этихъ конгрегацияхъ (или, если назвать ихъ точнѣе,—на этихъ частныхъ, предварительныхъ засѣданіяхъ), папа назначилъ пять прези-

дентовъ, (именно: кардинала *Рейсаха* (главнаго президента собора), кардинала *де-Лука*, кардинала *Бишцарри*, кардинала *Биліо* и кардинала *Канальти*) Самая процедура дѣлопроизводства представляется въ разбираемой нами главѣ въ такихъ чертахъ. За нѣсколько дней до генеральной конгрегации, всѣмъ членамъ собора рассылаются схемы всѣхъ тѣхъ декретовъ и правилъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ этой конгрегации, съ тѣмъ, чтобы они заранѣе познакомились съ ними и могли еще до начала конгрегации придти къ известному рѣшенію относительно ихъ. Въ случаѣ, если бы кто-либо изъ отцовъ собора пожелалъ въ предстоящей конгрегации произнести рѣчь, касающуюся разосланной схемы, то онъ долженъ объ этомъ своемъ намѣреніи заявить, не позднѣе кануна дня конгрегации, названнымъ президентамъ для того, чтобы, во время самой конгрегации, можно было установить правильную очередь между ораторами (*ad debitum inter oratores ordinem pro cuiusque dignitatis gradu servandum*). Если бы кто изъ присутствующихъ на конгрегации отцовъ захотѣлъ говорить предъ собраніемъ уже послѣ того, какъ всѣ тѣ ораторы окончатъ свои рѣчи, то это только въ такомъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто (*hoc iisdem fas erit*), если желающій говорить получить на то позволеніе отъ президентовъ (*obtenta prius a Praesidibus dicendi venia*), и если онъ будетъ въ своей рѣчи придерживаться того порядка (*eo ordine*), который будетъ зависѣть отъ званія ораторовъ (*quem dicentium dignitas postulaverit*). Но этимъ не кончается стѣсненіе членовъ собора со стороны куріи. Даже и на тотъ случай, если бы въ известной конгрегации относительно той или другой схемы возникли несогласія и недоумѣнія, то и тогда рѣшающее значеніе имѣютъ не сами члены собора, но опять спеціальныя комиссіи, нарочито назначенныя папой для разрѣшенія подобныхъ недоумѣній, числомъ четыре: одна—для вопросовъ, касающихся предметовъ вѣры, другая—для вопросовъ, относящихся къ церковной дисциплинѣ, третья—для дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ монашескимъ орденамъ, и четвертая—для дѣлъ, касающихся восточнаго обряда. Для каждой изъ этихъ комиссій или депутацій самъ папа назначаетъ президента. Итакъ, и здѣсь все, въ сущности, зависить отъ самого папы, такъ-какъ

онъ, и только онъ, является во всемъ порядкѣ дѣлопроизводства, узаконяемомъ буллою, единственнымъ и полновластнымъ распорядителемъ. Спрашивается: къ чему же послѣ того служить тѣ кажущіяся льготы, которыя предоставляются въ разбираемой нами главѣ отцамъ собора (напр., право разсматривать заранѣе схемы, произносить рѣчи съ изложениемъ своихъ собственныхъ взглядовъ на эти схемы и т. д.), когда во всякомъ случаѣ конецъ всѣмъ преніямъ, недоумѣніямъ и отдѣльнымъ мнѣніямъ полагаетъ одинъ папа, хотя бы чрезъ посредство комиссій, имъ же назначаемыхъ?

Переходимъ къ разсмотрѣнію восьмой главы, трактующей о публичныхъ засѣданіяхъ (de Sessionibus publicis). Здѣсь въ особенности поражаетъ та формула, которая, по опредѣленію буллы, ставится во главѣ всѣхъ декретовъ, окончательно редактированныхъ и торжественно провозглашаемыхъ на этихъ засѣданіяхъ: *Pius Episcopus, Servus Servorum Dei, sacro approbante Concilio, (ad perpetuam rei memoriam)* Слова: *sacro approbante Concilio*, т. е. съ согласія священнаго собора, звучатъ крайне странно, (если вспомнить, какъ мало значенія имѣлъ соборъ въ дѣйствительности при рѣшеніи вопросовъ, вошедшихъ въ составъ названныхъ декретовъ. Какое же, въ самомъ дѣлѣ, возможно было для членовъ собора участіе при рѣшеніи такихъ вопросовъ, когда мы знаемъ изъ седьмой главы буллы *Multiplices inter*, что въ тѣхъ конгрегаціяхъ, гдѣ эти вопросы рѣшались, все зависѣло исключительно отъ папы и открытыхъ сторонниковъ его личныхъ взглядовъ?) Очевидно, что при такомъ положеніи вещей, самая фраза: *sacro approbante Concilio* являлась или рѣшительно ничего не значущею, или же злою насмѣшкою надъ отцами собора. Подобная же насмѣшка слышится и въ томъ, что въ той же 8-й главѣ, нѣсколько ниже, предоставляется отцамъ собора, даже въ публичномъ уже засѣданіи (т. е. при провозглашеніи окончательной редакціи соборныхъ декретовъ), высказывать свое согласіе или несогласіе съ тѣмъ или другимъ декретомъ краткими отзывами: *placet* или *non placet*. Такіе отзывы имѣли бы, конечно, только въ томъ случаѣ значеніе, если бы, напр., *non placet* могло заставить перерѣшить извѣстный декретъ. Но именно этой-то переменѣ

въ рѣшеніи декретовъ *non placet* даже многихъ членовъ (не говоря уже объ одномъ членѣ) и не производитъ, по смыслу буллы. (Напротивъ, нисколько не обращая вниманія на *placet* и *non placet* отцовъ собора, секретарь собора повергаетъ всякій декретъ, внесенный на публичное засѣданіе, на единственное усмотрѣніе папы, (причемъ вставляетъ въ окончательную редакцію этого опредѣленія такое выраженіе: „*decreta modo lecta placuerunt omnibus Patribus nemine dissentiente (vel si qui forte dissenserint), tot numero exceptis; Nosque, sacro approbante Concilio, illa ita decernimus statuimus atque sancimus, ut lecta sunt*“; т. е. „только-что прочитанные декреты приняты всѣми отцами, такъ-что никто изъ нихъ не выразилъ несогласія, (или если кто и не согласился) за исключеніемъ такого-то числа. И мы (т. е. папа), съ согласія священнаго собора, въ такомъ именно видѣ рѣшаемъ, узаконяемъ и санкціонируемъ эти декреты, въ какомъ они были прочитаны“). Какъ видно изъ этихъ словъ, несогласіе нѣкоторыхъ отцовъ съ извѣстнымъ опредѣленіемъ, хотя и принимается къ свѣдѣнію, но и только; на самомъ же дѣлѣ папа не обращаетъ на это обстоятельство никакого вниманія, но, не смотря ни на какую оппозицію, повелѣваетъ собору принять указанное опредѣленіе.) Гдѣ же тутъ та свобода, которою такъ хвалятся ультрамонтанскіе историки Ватиканскаго собора, представляя послѣдній во всемъ подобнымъ древнимъ вселенскимъ соборамъ, гдѣ свобода въ совѣщаніяхъ составляла всегда существующую принадлежность? Очень мѣтко характеризуетъ Ватиканскій соборъ профессоръ Фридрихъ ¹⁾, когда, вслѣдъ за Деллингеромъ, называетъ этотъ соборъ *eine Schmeichlersynode* (т. е. льстивый соборъ), сопоставляя его отчасти съ извѣстнымъ разбойничьимъ Ефесскимъ соборомъ (*Räubersynode*). Дѣйствительно, на Ватиканскомъ соборѣ оппозиція потому и не могла имѣть никакого значенія, что всѣмъ ходомъ дѣлопроизводства управляло здѣсь всемогущее ультрамонтанское большинство, которое тѣмъ и было сильно, что съ поразительнымъ подобострастіемъ и лестію всегда ратовало за папское единовластіе въ Церкви и чрезъ

¹⁾ *Tagebuch...*, S. 47.

это, конечно, всегда пользовалось особеннымъ благоволеніемъ „св. отца“ 1)

Девятая и десятая главы буллы *Multiplices inter* (первая изъ нихъ: *De non discedendo a Concilio*, а вторая: *Indultum Apostolicum de non residentia pro iis qui Concilio intersunt*)—не имѣютъ для нашей задачи особенной важности; въ виду этого, мы и не останавливаемся на нихъ.)

Мы для того съ такою подробностію остановились на буллѣ *Multiplices inter*, чтобы лучше объяснить читателямъ, въ чемъ именно заключалась тактика куріи и ультрамонтанскаго большинства по отношенію къ меньшинству. Теперь намъ легче будетъ изложить важнѣйшіе моменты борьбы между большинствомъ и меньшинствомъ на соборѣ, начиная съ его начала и до конца февраля 1870 года (включительно), когда порядокъ дѣлопроизводства былъ измѣненъ.

Остановимся прежде всего на замѣчательномъ протестѣ, который подали папѣ 14 французскихъ епископовъ и дяковарскій епископъ Штросмайеръ. Это было около 10 декабря (по мнѣнію проф. Фридриха 2), хотя самый этотъ документъ подписанъ только „Mense Decembris 1869“ 3). Подписавшіе названный протестъ члены меньшинства выставляютъ въ немъ слѣдующія пять своихъ *ria desideria*: 1) чтобы въ составъ членовъ каждой изъ 4-хъ соборныхъ комиссій или депутацій (о которыхъ идетъ рѣчь въ буллѣ *Multiplices inter*) входило непременно нѣсколько лицъ, избранныхъ самими же соборомъ (*si aliquot patres a Concilio electi huic deputationi adjungantur*); 2) чтобы во время собора, его члены наиболѣе ученые и способные (*doctores viri et ad rem aptiores*) имѣли возможность ближе и основательнѣе (*liquido et scienter*) узнать другъ друга, такъ чтобы не могло случиться, что въ члены депута-

1) На сколько порядокъ дѣлопроизводства, изложенный въ буллѣ *Multiplices inter*, былъ ненормаленъ и незаконенъ, это признавали даже иногда и сами римскіе прелаты (т. е. сторонники ультрамонтанскихъ идей). Такъ архіепископъ Франки (Franchi), бывший прежде нуціемъ въ Мадридѣ, прямо однажды сказала во время собора, что этотъ порядокъ слѣдовало бы непремѣнно измѣнить (*Friedrich, Tagebuch...*, S. 117).

2) См. изданный изъ сборника: *Documenta ad illustrandum Concilium Vaticanum anni 1870. Nördlingen 1871; II тома, стр. 383.*

цій избирались извѣстные лица случайно и какъ-бы по слѣпому случаю (*fortuito et quasi coeaso casu*); 3) чтобы самыя упомянутыя депутаціи имѣли нѣсколько отдѣловъ, для болѣе спеціального рѣшенія вопросовъ, которые должны рѣшаться на соборѣ; и чтобы въ эти отдѣлы имѣли свободный доступъ отцы собора (*ad quas Patribus omnibus liber sit aditus*), такъ чтобы никто не былъ отчужденъ отъ соборнаго дѣла (*et ita nemo ab ore Concilii sit alienus*). 4) Чтобы ни одинъ вопросъ не переносился на разсмотрѣніе генеральныхъ конгрегацій раньше всесторонняго обсуждения его со стороны самихъ депутатовъ (*nisi ante ab ipsis deputatis visa et attentissime perrepta*). 5) Что касается предписанія буллы о сохраненіи тайны относительно соборныхъ рѣшеній, то желательно было бы понимать это предписаніе въ томъ смыслѣ, что здѣсь разумѣется не то, будто члены собора обязаны хранить безусловное молчаніе о соборныхъ занятіяхъ, но то, что отцы собора должны быть только осторожны въ своихъ сообщеніяхъ, хотя могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ (напр. когда встрѣчаютъ въ обществѣ неосновательныя подозрѣнія относительно собора или ложныя сообщенія о дѣятельности послѣдняго), для возстановленія истины, кое-что сообщать о соборѣ 1). Легко понять, что въ этомъ протестѣ во всѣхъ пяти пунктахъ проходитъ одна основная мысль: что булла *Multiplices inter* слишкомъ стѣсняетъ отцовъ собора, дѣлая изъ нихъ не болѣе, какъ простыхъ неполнителей воли непогихъ привилегированныхъ папою лицъ.

Немного позднѣе поданъ былъ другой протестъ противъ того же порядка дѣлопроизводства.—на этотъ разъ отъ лица 26 прелатовъ, принадлежавшихъ къ оппозиціонному меньшинству 2).

1) Содержаніе протеста 14 епископовъ и Штросмайера отъ 10 декабря заимствовали мы изъ того же неизданнаго нами сборника проф. Фридриха, стр. 380—382.

2) Вотъ какіе прелаты подписали этотъ протестъ: кардиналъ Шварценбергъ (пражскій), архіепископъ Фюрстенбергъ (ольмюцкій), архіепископъ Шерръ (мюнхенскій), архіепископъ Дейнлейвъ (бамбергскій), архіепископъ Гайпальдъ (коночскій), епископъ Ферстеръ (бреславльскій), епископъ Динкель (аугсбургскій), епископъ Вieri, архіепископъ Вершлейскій, епископъ Легатъ, епископъ Иренъ (будвейскій), епископъ Добрица, епископъ Стеншпергъ, епископъ Боннацъ, епископъ Эбергардъ (травскій), епископъ Любусъ (гальцекскаго епископата), еп. Фогарасси (тран-

Этот документ относится ко 2 января 1870 года. Въ немъ эти прелаты, хотя и почтительно, но въ то же время внушительно напоминаютъ папѣ, что права епископовъ необходимо сохранять для того, чтобы все духовное тѣло Церкви имѣло полную жизнь. Замѣчательно то, что они ссылаются при этомъ на практику Тридентскаго собора. (Въ сущности, и въ этомъ протестѣ предлагается то же, что и въ протестѣ 10 декабря, именно: чтобы *все* члены собора имѣли право принимать участие въ обсужденіи соборныхъ вопросовъ, а не одни только избранные курии, какъ это выходило по смыслу буллы *Multiplices inter* ¹⁾.)

Какъ ни правдивы были оба упомянутые нами протеста, папа и курия не обратили на нихъ никакого вниманія, и порядокъ дѣлопроизводства остался пока тотъ же.

Очень замѣчательна и, вмѣстѣ, знаменательна та борьба, которая велась между большинствомъ и меньшинствомъ на соборѣ, уже одновременно съ первыми же засѣданіями генеральной

свальванскій), еп. Штроссмайеръ (дьяковарскій), еп. Ляповинскій (гроссарадейнскій), еп. Ковачъ (фюлфкирхенскій), еп. Форверкъ, еп. Бекманъ (оснабрюкскій), еп. Слицигеласъ, аббатъ Цейдлеръ, еп. Кеттелеръ (майнцскій), архиепископъ Кенрихъ (города Санъ-Луи въ Соединен. Штатахъ). Этотъ протестъ помѣщенъ въ цитованномъ сборникѣ Фридриха, т. II, стр. 383—384.

1) Кроме указанныхъ двухъ протестовъ, нельзя здѣсь не упомянуть еще о третьемъ протестѣ, озаглавленномъ: *de modo agendi* и относящемся ко 2 января 1870 г. Онъ былъ составленъ кардиналомъ Раушеромъ и поданъ былъ папѣ отъ лица 43-хъ германскихъ и австро-венгерскихъ епископовъ. Главныя мысли этого протеста слѣдующія: 1) для такого многочисленнаго собора, каковъ Ватиканскій, генеральная конгрегация слишкомъ недостаточна для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ быть предметомъ соборнаго обсужденія; 2) помѣщеніе, предоставленное для соборныхъ засѣданій, хотя и весьма почетное (graeclarissimus), ибо находится въ сообщеніи съ мощами св. Ап. Петра, однако крайне неудобное для рѣчей и совѣщаній; 3) желательно, чтобы отцы собора могли свободно пользоваться правомъ печатанія своихъ рѣчей на генеральныхъ конгрегацияхъ; 4) желательно также, чтобы отцамъ собора дозволено было письменно вносить на соборѣ свои иптинія; 5) слѣдовало бы, какъ можно скорѣе, предложить на обсужденіе отцовъ собора схему, касающуюся вѣры и дисциплины; 6) отцы собора должны были бы имѣть право подавать свой голосъ въ генеральныхъ конгрегацияхъ чрезъ своихъ делегатовъ.

Мы потому упоминаемъ объ этомъ протестѣ подъ строкою, что онъ не только направляетъ собственно противъ буллы *Multiplices inter* (напр. въ протестѣ говорится о помѣщеніи собора, о печатаніи рѣчей и др.). Этотъ протестъ помѣщенъ въ цитованномъ уже нами сборникѣ проф. Фридриха, I-й томъ, стр. 247—249.

конгрегации. Поводомъ къ этой борьбѣ послужила первая догматическая схема, предложенная на обсужденіе собора (*schema de fide*). Эта борьба затянулась въ теченіе всего января, а началась еще въ декабрѣ 1869 года, слѣдовательно съ первыхъ же дней Ватиканскаго собора.

Причина, почему епископы, принадлежавшіе къ меньшинству, не могли одобрить эту схему, была та, что въ этомъ документѣ слишкомъ замѣтна была авторская рука ультрамонтанскихъ богослововъ, и слишкомъ ясно проглядывало желаніе непременно придать разнымъ тезисамъ силлабуса догматическій характеръ. Особенно сильно и энергично возстали члены меньшинства противъ той мысли схемы, что протестантство есть главный источникъ всѣхъ рационалистическихъ стремлений и вѣрній въ обществѣ. Генеральная конгрегация отъ 28 декабря 1869 года тѣмъ наиболее и памятна въ исторіи Ватиканскаго собора, что здѣсь впервые послышался протестъ ^{Ватиканскій} противъ схемы, хотя на этотъ разъ болѣе противъ общаго ея содержания, а не противъ отдѣльныхъ ея частей. Пренія открылись рѣчью одного изъ самыхъ энергичныхъ вождей оппозиціи, кардинала Раушера, (который очень краснорѣчиво доказывалъ, что предложенная схема никуда не годится. Другой ораторъ, слѣпой епископъ нинбійскій (*in partibus infidelium*), Тиззани (Tizzani), очень выразительно сказалъ о схемѣ, что она не что иное, какъ одни пустыя слова и фразы (*verba, verba, et nihil nisi verba*). А галифакскій (изъ Сѣв. Америки) архиепископъ Конолли (Conolly) съострилъ, что схема до того безсодержательна, что ее остается только *съ честью предать погребенію* (*cum honore esse sepeliendum*) или по другой версіи, что эту схему слѣдовало бы не передѣлывать, а просто уничтожить (*hoc schema non esse reformandum censeo, sed delendum*). Всѣ таковыя рѣчи произвели то дѣйствіе, что подняли духъ робкой дотошъ оппозиціи, а съ другой стороны, испугали не на шутку большинство, и прежде всего іезуитовъ, которые никакъ не ожидали отъ меньшинства такихъ рѣзкихъ нападокъ на *schema de fide* ¹⁾.)

1) См. *Friedrich, Tagebuch...*, S. 44.

Не менѣ замѣчательно, чѣмъ засѣданіе отъ 28 декабря, было и слѣдующее за нимъ,—отъ 30 декабря. Здѣсь въ качествѣ рѣзкаго порицателя схемы выступилъ извѣстный уже читателямъ дьяковарскій епископъ Штроссмайеръ. Сначала онъ началъ возражать противъ начальныхъ словъ схемы: „*Pius episcopus, servus servorum Dei, sacro approbante Concilio, ad perpetuam rei memoriam*, т. е. правильнѣе, противъ словъ: *sacro approbante Concilio*. Но ему не дали говорить объ этомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что эта формула уже утверждена папой въ самомъ началѣ собора и потому не подлежитъ измѣненіямъ. Тогда эперичный оппонентъ сталъ поневолю вести рѣчь о другихъ вопросахъ, хотя, какъ увидимъ ниже, не считалъ себя и въ послѣдствіи побѣжденнымъ со стороны большинства. Мы нарочно упомянули о томъ, что большинство не дало Штроссмайеру высказать свое возраженіе, потому-что такое насиліе, сдѣланное еще въ началѣ соборныхъ засѣданій, являлось лучшимъ доказательствомъ отсутствія свободы на соборѣ. Правда, большинство извинило этотъ насильственный поступокъ тѣмъ, что дьяковарскій епископъ слишкомъ будто-бы рѣзко началъ возражать противъ схемы, такъ-что перешелъ якобы за границы приличія¹⁾. Но это извиненіе едва-ли можно считать удовлетворительнымъ, особенно если принять во вниманіе, что на древнихъ соборахъ, даже на соборѣ Тридентинскомъ, никогда не допускалось подобнаго насилія; развѣ только на соборѣ разбойничьемъ оно имѣло мѣсто, но вѣдь на то онъ былъ и разбойничьимъ...

Впрочемъ, ультрамонтанское большинство выступало въ защиту схемы и посредствомъ рѣчей, специально направленныхъ противъ нападокъ на нее со стороны меньшинства. Въ засѣданіи отъ 4 января 1870 г. особенно отличился въ этомъ отношеніи епископъ пaderборнскій, *Мартинъ*. На сколько убѣдительно были его доводы въ пользу схемы, можно судить хотя бы на основаніи того аргумента, который онъ полагалъ; можно сказать, краеугольнымъ камнемъ всѣхъ своихъ разсужденій о

¹⁾ Таково, напр. было мнѣніе регенсбургскаго епископа Сенестрея (см. *Friedrich, Tagebuch...*, S. 60.

ней. Аргументъ этотъ былъ слѣдующій: „схема предложена отцамъ собора отъ лица папы, слѣд. и возражать противъ нея никто не имѣетъ права“. Иными словами, это значило: „все зависитъ исключительно отъ воли одного лица, *непогрѣшимого папы*“. (Наиболѣе возсталъ Мартинъ противъ выраженія, которое употребилъ о схемѣ еп. Коволли: *esse delendum*.—находя, что это выраженіе крайне непочтительно по отношенію къ папѣ¹⁾). Нападки Мартина на указанное выраженіе не только не смутили представителей меньшинства, но возбудили среди нихъ еще сильнѣйшіе протесты противъ схемы. Такъ, въ томъ же засѣданіи отъ 4 января санъ-бриэкскій (города *Saint—Briex*) епископъ *Давидъ*, отвѣчая Мартину, замѣтилъ, что про схему слѣдуетъ выразиться не: *esse delendum*, но гораздо сильнѣе, именно: *si est mortuum, resurgat* („если она мертва, то пусть воскреснетъ“). Конечно, это была очень мѣткая пропія по отношенію и къ схемѣ, и къ ея защитникамъ²⁾).

Въ засѣданіи 10 января замѣчательнымъ противникомъ схемы выступилъ венгерскій архіепископъ *Гайнальдъ*. Въ своей рѣчи онъ, собственно отвѣчалъ двумъ защитникамъ ея, Мартину и *Рэссъ* (*Räss*), епископу страсбургскому. Онъ подчеркнул выраженіе *approbante Concilio*, поставленное при начальныхъ словахъ схемы *Pius episcopus...*, и замѣтилъ, что это выраженіе даетъ полное основаніе епископамъ считать себя, послѣ папы, судьями въ вопросахъ, касающихся вѣроученія³⁾.

Борьба членовъ меньшинства съ членами большинства изъ за схемы *de fide* имѣла тотъ чрезвычайно важный результатъ, что показала куріи, какіе убѣжденные и талантливые противники ея плановъ и дѣйствій находятся въ числѣ оппозиціонныхъ прелатовъ, и какъ мало поэтому надежды въ скоромъ времени провести на соборѣ и возвести на степень догмата вѣры любимое ультрамонтанское ученіе о папской непогрѣшимости. (Есть основаніе⁴⁾ для мысли, что при самомъ открытіи

¹⁾ *Friedrich, Tagebuch...*, S. 62.

²⁾ *Friedrich, Tagebuch...*, S. 63.

³⁾ *Ibidem*, S. 76.

⁴⁾ Такъ сохранялось извѣстіе, что первоначально ультрамонтанская партія предполагала провозгласить догматъ о папской непогрѣшимости уже на второмъ

собора курія и, вмѣстѣ съ нею, все ультрамонтанское большинство ожидали совсѣмъ другого отъ умѣренно-католической партіи, а именно: что она, если и будетъ противиться многому на соборѣ, тѣмъ не менѣе, наконецъ, уступитъ силѣ большинства, а—главное—давленію со стороны самого папы, и покорится. Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое,—по крайней мѣрѣ, на первыхъ засѣданіяхъ собора. Какъ бы то ни было, а по отношенію къ схемѣ *de fide* меньшинство, можно сказать, одержало нѣкоторую побѣду надъ большинствомъ. Эта побѣда выразилась въ томъ, что названная схема такъ и не прошла на соборѣ въ своей первоначальной (не одобренной меньшинствомъ) редакціи.

Но ультрамонтанское большинство не унывало. Еще въ декабрѣ 1869 года началась среди его членовъ агитація въ пользу подпесенія папѣ адреса, въ которомъ излагалась бы просьба о скорѣйшемъ провозглашеніи догмата о папской непогрѣшимости. Агитація велась съ нѣкоторою таинственностію, такъ что очень долгое время члены меньшинства не знали о ней; но еще въ началѣ январа о ней заговорили и въ рядахъ оппозиціи¹⁾. Инициаторами въ составленіи самого адреса и въ собираніи для него подписей были архіепископы Маннингъ и Дешанъ, а также *Спалдингъ* (изъ Балтимора, въ Соедин. Штатахъ). Цѣль подпесенія адреса была, конечно, та, чтобы этимъ неожиданнымъ для меньшинства дѣйствіемъ заставить членовъ послѣдняго врасплохъ и лишить ихъ на будущее время той энергіи, какую они проявили при обсужденіи схемы *de fide*. Главное основаніе, какое выставляли составители адреса для своей просьбы скорѣе провозгласить новый догматъ, было то, что современное общество особенно-де нуждается въ такого рода панацеевѣ, какъ догматизація силлабуса и папской непогрѣшимости. При этомъ аргументація ихъ имѣла такой смыслъ: „чѣмъ сильнѣе болѣзнь, тѣмъ сильнѣе должно быть и лекарство“. Подробно излагать здѣсь содержаніе всего этого адреса было бы излишнимъ для нашей задачи. Мы ограничимся тѣмъ,

публичномъ засѣданіи, бывшемъ 6 января 1870 г. (См. *Uhthorn*, Das vaticanische Concil, Stuttgart 1886, S. 304).

¹⁾ *Friedrich*, Tagebuch..., S. 87.

что отмѣтимъ нѣкоторые его пункты, которые особенно могли возбудить недоумѣніе меньшинства¹⁾. Прежде всего, въ адресѣ высказывается мысль, что непогрѣшимость папская простирается только на тѣ декреты и акты, исходящіе отъ папы, въ которыхъ онъ поучаетъ всю совокупность вѣрующихъ, составляющихъ Церковь. Но исторія Церкви противорѣчитъ этой мысли, потому-что въ продолженіе цѣлыхъ тринадцати вѣковъ папы никогда не издавали такого рода общецерковныхъ декретовъ, но ограничивались изданіемъ извѣстныхъ актовъ на имя отдѣльныхъ лицъ, иногда епископовъ отдѣльныхъ земель и городовъ. А отсюда, слѣд., выходило бы, что папы не были непогрѣшимы въ теченіе всѣхъ этихъ 13 вѣковъ²⁾.

Далѣе не малое недоумѣніе и даже соблазнъ должно было возбудить въ членахъ меньшинства то утвержденіе составителей адреса, будто-бы все церковное преданіе свидѣтельствуетъ о безапелляціонности папскихъ опредѣленій, т. е. что они не подлежатъ перерѣшенію. Достаточно было вспомнить объ отношеніи отцовъ Халкидонскаго собора къ посланію св. Льва Великаго или отцовъ пятаго всел. собора къ *constitutum'u* папы Вигилія, чтобы убѣдиться въ ложности этого утвержденія.—Не менѣе неосновательно и то утвержденіе адреса, будто-бы на второмъ Лионскомъ соборѣ (1274) и греки, и латиняне единогласно признали исповѣданіе вѣры, одобренное папой.

На самомъ дѣлѣ этого вовсе не было: исповѣданіе вѣры Лионскаго собора, если и было включено въ дѣянія этого собора и подписано посломъ императора Михаила, то единственно отъ лица этого послѣдняго, а никакъ не всей греческой церкви. Искажается въ епископскомъ адресѣ Пію IX-му и декретъ Флорентійскаго собора. Въ немъ совсѣмъ не приводятся слѣдующія слова, весьма важныя и нарочито включенныя въ декретъ по настоянію грековъ: *juxta eum modum, quo et in gestis et in*

¹⁾ Всѣ эти пункты и недоумѣнія оппозиціи, по поводу ихъ, послѣдовательно указаны въ извѣстной статьѣ Деллингера: „Einige Worte über die Unfehlbarkeits-adresse“ (*Allgem. Zeit.* 21 янв. 1870 г.). Ею мы здѣсь и руководимся.

²⁾ Деллингеръ изъ только что названной своей статьѣ говоритъ, что въ первый разъ высказала мысль о папской непогрѣшимости профессоръ богословія въ Лёвенскомъ университетѣ, *Іоаннъ Гессельс* (Hessels), притомъ только въ 1562 г.

sacris canonibus oecumenicorum conciliorum continetur (т. е. „согласно тому, какъ открывается изъ дѣяній и священныхъ правилъ вселенскихъ соборовъ“). А такое выраженіе совершенно исключаетъ всякую мысль о папской непогрѣшимости, потому-что вся исторія соборовъ до появленія на западѣ Лжеисидора не знала этого ученія. Наконецъ, епископскій адресъ съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ богословахъ, которые не признаютъ Флорентійскаго собора вселенскимъ ¹⁾. Между тѣмъ известно, что большинство германскихъ, скандинавскихъ, польскихъ, чешскихъ, французскихъ, испанскихъ и португальскихъ прелатовъ вовсе и не присутствовало на этомъ соборѣ, считая его незаконнымъ послѣ законнаго Базельскаго собора ²⁾.

Вскорѣ послѣ того, какъ въ ряды меньшинства проникла вѣсть о томъ, что большинство намѣревается поднести папѣ адресъ съ просьбою, чтобы соборъ скорѣе провозгласилъ папскую непогрѣшимость;—наиболѣе энергичные представители меньшинства начали составлять, съ своей стороны, контръ-адресы и собирались къ нимъ подписи. Въ этихъ контръ-адресахъ они просили папу не провозглашать своей непогрѣшимости на соборѣ. (Еще на международномъ частномъ засѣданіи оппозиціонныхъ епископовъ, отъ 8 января, члены меньшинства поручили составить первый контръ-адресъ Раушеру и Дарбуа ³⁾). Всѣхъ такихъ контръ-адресовъ появилось пять: отъ австро-германскихъ епископовъ (отъ 12 янв. 1870 г.), отъ французскихъ (отъ того же числа), отъ американскихъ (отъ 15 янв. 1870 г.), отъ восточныхъ (отъ 18 янв. 1870 г.) и отъ итальянскихъ (отъ того же числа).

Постараемся остановиться, хотя бы и вкратцѣ, на содержаніи каждаго изъ этихъ интересныхъ документовъ, которые всѣ вообще не длинны.

Въ первомъ контръ-адресѣ, принадлежащемъ перу Раушера мы находимъ подписи 44-хъ прелатовъ, въ томъ числѣ самого

1) „Acerbissimi catholicae doctrinae impugnatores... blaterare non erubescunt“, говорится въ адресѣ объ этихъ богословахъ (т. е. „ожесточеннѣйшіе противники католическаго ученія... не стыдятся пустословить“).

2) Döllinger, „Einige Worte über die Unfehlbarkeitsadresse“.

3) Friedrich, Tagebuch..., S. 87.

Раушера, Шверценберга, Гайнальда, Мельхера, Штроссмайера и многихъ другихъ замѣчательныхъ вождей оппозиціи. Общее содержаніе его такое. Сначала податели адреса выражаютъ удивленіе и недоумѣніе по поводу слуха о намѣреніи большинства просить папу о провозглашеніи его непогрѣшимости. (Странно“, замѣчаютъ они, „приглашать *судей веры* (fidei iudices), чтобы они подали декларацію, скрѣпленную своими подписями, относительно провозглашенія этого ученія (de sententia ferenda), еще до того, какъ указанный вопросъ рѣшенъ (ante causam dictam)“. Далѣе отмѣчаютъ они тотъ фактъ, что теперь во всемъ католическомъ мірѣ нѣтъ уже сомнѣнія относительно того, что никакой соборъ не можетъ имѣть мѣста безъ папы. Отмѣчаютъ они и то, что соборы Тридентинскій, а также и Флорентійскій, опредѣлили о почитаніи папской власти все, что нужно знать вѣрующимъ, и что опредѣленія этихъ соборовъ о папской власти могутъ-де, если на то воля Божія, служить основаніемъ для единенія между Востокомъ и Западомъ. Переходя, собственно, къ ученію о папской непогрѣшимости, составители контръ-адреса не отвергаютъ ~~его~~ ^{его} ¹⁾, но только вооружаются противъ возведенія его на степень догмата вѣры, находя такое возведеніе несвоевременнымъ ²⁾.

Второй контръ-адресъ имѣетъ 38 подписей, и въ числѣ ихъ подписи Дарбуа (автора этого контръ-адреса), Дюпаялу и многихъ другихъ,—притомъ не только французскихъ, но и швейцарскихъ, испанскихъ и португальскихъ прелатовъ. По своему содержанію, онъ почти буквально сходенъ съ первымъ, но только немного покороче.

Третій контръ-адресъ еще короче второго. Въ немъ указаны слѣдующіе мотивы, почему провозглашеніе новаго догмата о папской непогрѣшимости было бы нежелательнымъ: 1) пренія изъ-за этого вопроса обнаружатъ недостатокъ единенія между отцами собора, а слѣд. и отсутствіе среди нихъ единомыслія; 2) новый догматъ еще болѣе отдѣлитъ отъ католической церкви

1) „Insuper eruditi piique viri docent“, говорится въ адресѣ о тѣхъ, кто держится этого ученія; слѣд., говорится о нихъ съ похвалою.

2) Составители контръ-адреса замѣчаютъ, что этотъ новый догматъ дастъ невѣрующимъ новый поводъ къ нападамъ на Церковь.

Историческая
точка зрения
на этот
фактъ

тѣхъ еретиковъ, ученія которыхъ такъ свободно проповѣдуются въ Америкѣ (адресъ, разбираемый нами, составленъ американскими епископами); 3) этотъ догматъ дать поводъ ко многимъ спорамъ, которые могутъ только унижить значеніе Ватиканскаго собора въ глазахъ не-католиковъ.—Подписей подъ контръ-адресомъ американскихъ епископовъ всего 27.)

Особенной силой убѣжденія, при всей своей краткости, отличается четвертый контръ-адресъ (отъ лица восточныхъ прелатовъ). Податели его ссылаются на то, что они живутъ и дѣйствуютъ среди „схизматиковъ“ (т. е. православныхъ) и еретиковъ (т. е. несторіанъ, мельхитовъ и др.), которыхъ догматъ о папской непогрѣшимости не только не можетъ привлечь къ Риму, но, напротивъ, можетъ только отдѣлить отъ него. Епископы, податели контръ-адреса, умоляютъ папу оставить въ силѣ, по отношенію къ ученію о папскомъ приматѣ, опредѣленіе Флорентійскаго собора. Всѣхъ, подписавшихся подъ этимъ адресомъ, семнадцать человекъ.)

Что касается пятаго контръ-адреса (итальянскихъ епископовъ), то въ немъ, въ существѣ дѣла, повторяются тѣ же мысли, что и въ предыдущихъ рассмотрѣнныхъ нами, именно: не только о совершенной ненужности, но даже о вредѣ новаго догматическаго опредѣленія о папской непогрѣшимости. Подписей здѣсь всего меньше: только семь. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что вообще итальянскіе прелаты, какъ ближайшіе къ Риму, всегда почти были ультрамонтанами, такъ-что даже удивительно и то, какъ среди нихъ нашлось семь членовъ оппозиціи, и въ томъ числѣ даже архіепископы туринскій и миланскій.)

Папа и курія, вѣроятно, не ожидали со стороны оппозиціи такихъ протестовъ, и конечно, это обстоятельство было причиною, почему провозглашеніе новаго догмата было отсрочено на неопредѣленное время. Но нетрудно было усмотрѣть въ дѣйствіяхъ оппозиціонныхъ прелатовъ и признаки нѣкоторой слабости, именно въ томъ, что они подали не одинъ контръ-адресъ, а цѣлыхъ пять. Это обнаруживало, что среди нихъ нѣтъ истиннаго единодушія, но существуютъ фракціи. Какъ-бы то ни было, но папа отклонилъ, какъ адресъ ультрамонтанъ

въ пользу провозглашенія новаго догмата, такъ и всѣ пять контръ-адресовъ оппозиціи. Этимъ онъ хотѣлъ, какъ можно думать, показать свое безпристрастіе и чрезъ это нѣсколько успокоить меньшинство въ его опасеніяхъ относительно будущихъ рѣшеній собора.)

Изъ дальнѣйшихъ моментовъ борьбы между большинствомъ и меньшинствомъ на соборѣ, за январь и февраль 1870 года, можно указать на пренія изъ-за схемы, касающейся дисциплины (*schema de disciplina*), и изъ-за второй догматической схемы „о Церкви Христовой“ (*schema de Ecclesia Christi*.)

Пренія изъ-за схемы о дисциплинѣ начались въ засѣданіи 14 января. Они открылись рѣчью кардинала Шварценберга. Хотя эта рѣчь касалась больше общихъ сторонъ названной схемы, однако отличалась убѣдительною и силою. Между прочимъ, онъ высказалъ удивленіе относительно того, почему первая глава схемы прямо начинается рѣчь объ епископахъ, а не о кардиналахъ; какъ-будто бы институтъ этихъ послѣднихъ былъ на столько совершенъ, что не требуетъ никакихъ реформъ¹⁾. Послѣ Шварценберга, говорилъ кардиналъ Матье (*Mathieu*) безансонскій и также не въ благопріятномъ для схемы смыслѣ. Его возраженія коснулись главы о капитульных викаріяхъ (*vicarii generales*). Въ этой главѣ опредѣлялось, между-прочимъ, что число этихъ викаріевъ отнюдь не должно превышать трехъ. Матье находилъ, что никакъ нельзя примѣнять это правило ко всѣмъ епархіямъ безъ исключенія; и что, напримѣръ, его безансонская епархія во всякомъ случаѣ нуждается въ большемъ количествѣ генеральныхъ викаріевъ. Особенно это ощутительно, по словамъ Матье, въ томъ случаѣ, если епископъ извѣстной епархіи умретъ, а новаго еще не успѣли назначить: тогда вся тяжесть управленія епархіи ложится всецѣло на генеральнаго викарія, который, при двухъ только помощникахъ, едва-ли въ состояніи будетъ справиться съ своими обязанностями²⁾. Далѣе говорилъ въ томъ же засѣданіи патріархъ *in partibus*, римскій прелатъ *Валлерини*, но

1) *Friedrich*, Tagebuch..., S. 95.

2) *Ibidem*, S. 96.

совершенно въ другомъ духѣ, т. е. въ защиту схемы. Зато говорившій вслѣдъ за нимъ венгерскій примасъ *Симоръ* напомнилъ своею рѣчью рѣчь Шварценберга, какъ по ея краснорѣчю, такъ и по ея убѣдительности, хотя венгерскій прелатъ гораздо всестороннѣе и частнѣе коснулся схемы, чѣмъ его пражскій собратъ. Началь онъ съ того, что выразилъ удивленіе, почему въ схемѣ упоминается только объ обязанностяхъ епископовъ, но совсѣмъ не говорится объ ихъ правахъ. Затѣмъ ораторъ сталъ критиковать тѣ главы схемы, въ которыхъ идетъ рѣчь о *visitacionibus* епископами своихъ епархій (*visitationes*) и о ихъ *residentialibus* (*residentia*). Невозможно, замѣтилъ онъ, окончить объѣздъ епархій въ пять лѣтъ, какъ это опредѣляется въ схемѣ, особенно, когда епархія велика по своему пространству. Если притомъ принять во вниманіе то, что у каждаго епископа много другихъ обязанностей, кромѣ визитаціи, и что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ большая часть года занята именно этими обязанностями, которыя приковываютъ епископа къ его епархіальному городу, — то еще труднѣе будетъ согласиться съ постановленіемъ о пятилѣтнемъ срокѣ визитаціи. — Относительно вопроса о резиденціи епископа, Симоръ высказалъ мнѣніе, что главный пробѣлъ въ схемѣ о дисциплинѣ касательно его тотъ, что въ ней совсѣмъ забыто постановленіе Тридентинскаго собора о случаяхъ, при которыхъ отлучка епископа изъ его епархіальнаго города бываетъ законною. Эти случаи слѣдующіе: *christiana charitas* (т. е. когда епископъ долженъ уѣхать изъ своей резиденціи ради дѣла любви христіанской), *urgens necessitas* (т. е. крайняя необходимость по дѣламъ епархій или даже ради здоровья на время отлучиться изъ своего епархіальнаго города), *debita obedientia* (т. е. повиновеніе государственной власти той страны, гдѣ живетъ епископъ) и, наконецъ, *evidens Ecclesiae vel Reipublicae utilitas* (т. е. очевидная польза для Церкви и государства). Неужели всѣ эти случаи теперь не имѣютъ уже мѣста? Кромѣ того, Симоръ напалъ и на тотъ пунктъ постановленія о резиденціи, въ силу котораго каждый суффраганъ (или викарный епископъ) можетъ получать отпускъ не отъ своего епархіальнаго архіерея, но всякій разъ отъ самого папы. Симоръ находилъ, что въ этомъ поста-

новленіи слишкомъ унижается власть епископовъ; при томъ это постановленіе неудобно и съ той стороны, что, разъ суффраганъ уѣдетъ въ отпускъ только вслѣдствіе папскаго разрѣшенія, то епархіальному епископу остается всякій разъ нарочно справляться въ Римѣ, законно-ли отлучился его суффраганъ, или незаконно. А такія справки были-бы и затруднительны, и неудобны, такъ какъ походили бы на доносы ¹⁾. Весьма кстати привести здѣсь и мнѣніе, которое высказалъ одинъ епископъ относительно этого-же вопроса въ засѣданіи 15 января. Онъ справедливо напалъ на то, что излишняя централизація, исходящая изъ Рима, не только унижаетъ права епископовъ, но даже неудобна и въ практическомъ отношеніи. Онъ привелъ при этомъ примѣръ: какъ одинъ знакомый ему епископъ, просившій отпуска у папы, получилъ отвѣтъ *только черезъ три года* ²⁾.

Мы указали на самыя замѣчательныя возраженія противъ схемы *de disciplina*, со стороны оппозиціи. Въ общемъ, всѣ эти возраженія сводились, можно сказать, къ двумъ главнымъ, именно: что схема слишкомъ унижаетъ права епископовъ, и что въ ней совсѣмъ умолчано о реформѣ института кардиналовъ.

Не смотря на малое сравнительно число оппонентовъ противъ *schema de disciplina* (особенно малое и незначительное въ сравненіи съ числомъ сторонниковъ этой схемы), — замѣчательно, что и въ данномъ случаѣ меньшинство одержало верхъ надъ защитниками схемы, результатомъ чего было то, что на Ватиканскомъ соборѣ эта схема такъ и осталась безъ окончательной редакціи и вовсе не вошла въ составъ соборныхъ опредѣленій.

Въ засѣданіи 21 января въ первый разъ появилась на соборѣ новая (вторая) догматическая схема *de Ecclesia Christi*. Такъ какъ она касалась такого вопроса, который всего болѣе имѣлъ отношеніе къ стоявшему тогда на очереди разсужденію объ отношеніи папы къ соборной власти и къ правамъ епископовъ, то, понятнo, что появленіе новой схемы обратило на себя особенное вниманіе всѣхъ членовъ собора, преимущест-

¹⁾ *Friedrich, Tagebuch...*, Ss. 96—97.

²⁾ *Ibidem*, S. 101.

венно меньшинства, которое не без основанія опасалось съ появленіемъ этой схемы, рѣшительнаго удара своимъ убѣжденіямъ со стороны ультрамонтанскаго большинства. Но скоро оказалось, что эти опасенія были пока напрасны: хотя новал схема и носила въ себѣ всѣ признаки ультрамонтанскаго авторства и даже напоминала собою пресловутый силлабусъ, однако собственно относительно ученія о папской власти она повторяла только исповѣданіе вѣры Флорентійскаго собора.

Чтобы ближе и яснѣе раскрыть сравнительное значеніе этой схемы и вполне понять всѣ пренія, которыя имѣли мѣсто относительно ея на соборѣ, считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на ея содержаніи ¹⁾. Говоря въ I-й главѣ о томъ, что церковь есть духовное тѣло Христово, схема въ примѣчаніяхъ (*adnotaciones*) даетъ понять, что этимъ тезисомъ одинаково осуждаются и древніе, и новѣйшіе враги этой истины. При этомъ упоминается рядомъ съ Бауромъ — *Жюриэ* (*Jurieu*) авторъ сочиненія: „*Le vrai système de l'Eglise*“, въ которомъ дѣлается упрекъ католическимъ богословамъ, что они понимаютъ церковь слишкомъ внѣшнимъ образомъ, мало обращая вниманія на союзъ любви, долженствующій связывать ея членовъ. Далѣе упоминается и протестантское лжеученіе, въ силу котораго церковь есть только союзъ людей съ Богомъ, но не другъ съ другомъ (это по поводу мысли, что внѣ и безъ церкви невозможно исповѣдовать истинную религію, — о чемъ рѣчь во II-й главѣ схемы).

Особенно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ *adnotaciones* къ схемѣ осуждается, между прочимъ, ученіе извѣстнаго Пуффендорфа, по которому церковь не есть общество съ государственнымъ устройствомъ, но совершенно духовное, и въ силу чего о немъ нельзя сказать, что оно есть монархія, или аристократія, или демократія. Схема нападаетъ на это ученіе и, утверждая, что „церковь есть истинное общество (*Ecclesiam esse societatem veram*)“, тѣмъ самымъ хочетъ выразить мысль о принадлежности церкви всѣхъ свойствъ вся-

¹⁾ Т. е. на содержаніи той ея редакціи, которая въ *первой разъ* предложена была отцамъ собора, а не позднѣйшей, окончательной. См. цитов. сборникъ *Documenta ad illustrandum...*, т. II-й, стр. 85 и дал.

каго человѣческаго общества, — мысль вполне ультрамонтанскую, въ силу которой самая церковь совершенно приравняется ко всякой политической единицѣ и есть также государство, хотя и именуемое себя духовнымъ ¹⁾. Впрочемъ, вся почти первая половина схемы *de Ecclesia*, до XI-й главы, содержитъ въ себѣ ученіе о церкви и ея свойствахъ вообще, безъ отношенія къ папѣ. Зато начиная съ XI-й главы (*De Romani Pontificis primatu*), довольно подробно излагается ученіе о папскомъ главенствѣ въ церкви; но замѣчательно при этомъ то, что, какъ мы выше сказали, это ученіе совершенно тождественно съ ученіемъ объ этомъ же предметѣ собора Флорентійскаго. Во всѣхъ пяти остальныхъ главахъ (XI—XV) схемы ни слова не говорится о папской непогрѣшимости, хотя о непогрѣшимости *церкви* упоминается. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы схема *de Ecclesia* не заключала въ себѣ вовсе ничего ультрамонтанскаго въ ученіи о папѣ. Фридрихъ ²⁾ вполне справедливо замѣчаетъ, что понятіе о папѣ, какъ о *вселенскомъ епископѣ* (*episcopus, universalis*), которое мы находимъ въ схемѣ, заключало въ себѣ, въ зародышѣ, всю систему папизма въ ея дальнѣйшемъ развитіи, такъ-что люди проникательные изъ числа меньшинства не могли не усмотрѣть въ предложенной на ихъ обсужденіе схемѣ то же ультрамонтанское ученіе о папской непогрѣшимости, но только пока въ скрытомъ видѣ, какъ-бы *in nuce* (потому-что *episcopus universalis* = *papa universalis*). Особенно это должно сказать о выраженіи схемы: „*plenam potestatem—ordinariam esse et immediatam*“, т. е., что папа имѣетъ полную власть, и что эта власть вполне законная и непосредственная. Какъ ни кратки эти слова, однако они, можно сказать, наиболѣе опасныя во всей схемѣ; въ нихъ заключена вся суть ультрамонтанской системы. И Констанцскій, и Базельскій соборы, а также отчасти и Тридентскій, вооружались именно противъ того принципа, который содержитсяъ въ нихъ. Кромѣ того, и другое выраженіе схемы о папѣ: *supremus doctor*, заставляетъ невольно задуматься, такъ какъ это, въ сущности, то же что и *papa infallibilis*....

Не удивительно, въ виду этого, почему изъ-за схемы *de*

¹⁾ См. „*Documenta ad illustrandum Concilium*“... т. II-й, стр. 107.

²⁾ *Tagebuch...*, S. 141.

Ecclesia, даже и по поводу ея первоначальной и сравнительно невинной редакціи послышалось со стороны меньшинства много возраженій, число которыхъ, конечно, еще болѣе увеличилось бы, если бы на соборѣ свобода его членовъ не была стѣснена усиліями большинства. Особенно замѣчательнымъ по своей стойкости противникомъ схемы *de Ecclesia* оказался уже извѣстный намъ *Gesfelle*, епископъ роттенбургскій. Онъ обратилъ особое вниманіе на то, что въ этой схемѣ цитаты изъ исповѣданія Флорентійскаго собора приведены не по греческому (неиспорченному) тексту, но по латинскому (испорченному) ¹⁾. При этомъ онъ весьма откровенно высказалъ, что тридцать лѣтъ изучаетъ церковную исторію, но еще ни разу не находилъ въ исторіи древней церкви указанія на папскую непогрѣшимость, какъ на ученіе не только вселенской церкви, но даже и помѣстной, римской ²⁾.

Какъ ни располочены были члены большинства отстаивать тотъ порядокъ соборнаго дѣлопроизводства, который узаконялся въ буллѣ *Multiplices inter*; однако и они не могли не видѣть, что этотъ порядокъ имѣлъ много такихъ важныхъ недостатковъ и пробѣловъ, отъ которыхъ только задерживались на соборѣ не только пренія и разсужденія, но и самыя соборныя рѣшенія. Главный недостатокъ доселѣ дѣйствовавшаго порядка (не говоря уже о его крайней стѣснительности для членовъ собора, особенно для меньшинства) заключался въ томъ, что онъ давалъ возможность членамъ собора слишкомъ безгранично располагать своимъ временемъ при произношеніи рѣчей, отчего дѣло безъ всякой нужды затягивалось. На исправленіе именно этого недостатка и обращено было вниманіе куріи при введеніи новаго порядка дѣлопроизводства; хотя ниже мы увидимъ, что и новый порядокъ страдалъ другими, весьма вредными для дѣла, недостатками и пробѣлами.)

¹⁾ Т. е. съ включеніемъ весьма важныхъ словъ, включенныхъ въ самое исповѣданіе, еще на Флорентійскомъ соборѣ, по настоящію грековъ и въ переводѣ гласныхъ такъ: *juxta eum modum quo et in gestis et in sacris canonibus occumenicorum concilioium continetur*. (См. выше, именно замѣчанія Деллингера по поводу адреса вице-либлестовъ на Ватиканскомъ соборѣ).

²⁾ Такое свое убѣжденіе онъ высказалъ еще въ 1869 году, на извѣстномъ съѣздѣ германскихъ епископовъ въ Фульдѣ, чѣмъ очень иоружилъ протавъ себя ультрамонтанскихъ членовъ этого съѣзда.

ГЛАВА V.

Обозрѣніе главнѣйшихъ моментовъ борьбы между большинствомъ и меньшинствомъ на соборѣ, начиная со введенія новаго порядка дѣлопроизводства и до провозглашенія догмата о папской непогрѣшимости.

20 февраля 1870 года появился папскій декретъ, которымъ вводился на соборѣ новый порядокъ дѣлопроизводства. Въ засѣданіи отъ 22 февраля этотъ новый актъ папской церковной политики былъ объявленъ отцамъ собора.

Для того, чтобы понять, какое значеніе для дальнѣйшаго хода соборныхъ дѣлъ имѣлъ новый порядокъ, считаемъ необходимымъ остановиться на содержаніи названнаго декрета.

Въ началѣ его папа указываетъ на причину, заставившую его измѣнить прежній порядокъ, именно на слишкомъ безграничную свободу членовъ собора по отношенію къ пользованію временемъ засѣданій ¹⁾. Далѣе излагается въ декретѣ самый порядокъ, по которому отселѣ должны обсуждаться и рѣшаться вопросы, предлагаемые на соборѣ. Постараемся кратко, но возможно точнѣе передать содержаніе всего этого опредѣленія соотвѣтственно тѣмъ пунктамъ, которые мы находимъ въ декретѣ.

1) Сначала извѣстная схема раздается отцамъ собора на извѣстный опредѣленный срокъ (*congruum tempus praefigunt*)

¹⁾ „Jam vero ipse Sanctissimus Dominus (т. е. папа) propositum sibi finem facilius assequi cupiens, nec non rationem habens expostulationum, quae a plerisque Concilii Patribus haud semel exhibitae sunt ex eo, quod disceptationum conciliarium series in longum plus aequo protrahatur; ex apostolica sua sollicitudine quasdam peculiare pro Congregationum generalium discussionibus tradere normas constituit...“ (Текстъ декрета заимствованъ нами изъ сборника: *Acta et decreta sacrosancti oecumenici Concilii Vaticani...*, Romae 1872, p. 118).

на разсмотрѣніе и на составленіе, по поводу нея, своихъ замѣчаній (*animadversiones*).

2) Самыя замѣчанія должны быть дѣлаемы письменно (*scripto*), при томъ сперва такія, которыя касаются общаго содержанія (*generatim*) схемы, а потомъ такія, которыя имѣютъ отношеніе къ отдѣльнымъ частямъ ея.

3) Подавая въ письменномъ видѣ свои замѣчанія по поводу известной схемы, отцы собора должны прилагать къ этому и свои проэкты о томъ, какъ измѣнить ту или другую часть схемы, противъ которой они возражаютъ.

4) Въ такомъ видѣ названныя замѣчанія, за подписью ихъ авторовъ, подаются секретарю собора и затѣмъ доставляются специальнымъ депутациямъ епископовъ (*ad respectivas Episcoporum Deputationes transmittentur*), для разсмотрѣнія этихъ замѣчаній.

5) Послѣ того, какъ всѣ эти замѣчанія будутъ взвѣшены въ названныхъ депутацияхъ, схема снова раздается отдѣльнымъ отцамъ въ исправленномъ видѣ (*reformatum*), съ приложеніемъ къ ней общаго обзора всѣхъ поданныхъ замѣчаній.

6) Послѣ этого, кардиналы—президенты назначаютъ день генеральной конгрегаціи, въ которой имѣютъ начаться пренія (*in qua discussio inchoabitur*).

7) Сперва ведутся пренія относительно вообще всей схемы, до тѣхъ поръ, пока благоуразудится президентамъ; а по окончаніи этой, первой, половины преній, начинаютъ разсуждать объ отдѣльныхъ частяхъ схемы. Кромѣ того, ораторы должны представить письменное изложеніе тѣхъ частей схемы, противъ которыхъ они возражали, но въ той редакціи, какую они предлагали.

8) Желаящіе говорить относительно передѣлки схемы не только должны позаботиться о томъ, чтобы въ точности опредѣлить президентамъ свою тему, но должны также указать на то, будетъ-ли ихъ рѣчь касаться всего содержанія схемы, или отдѣльныхъ ея частей, а также и на то, какой именно части.

9) Вполнѣ возможно будетъ допустить (*liberum erit*), чтобы каждый изъ епископовъ, входящихъ въ составъ специальной депутации, съ позволенія президентовъ, могъ отвѣчать на недо-

умѣнія (*difficultatibus*) и замѣчанія ораторовъ. Но при этомъ у этихъ епископовъ должна быть возможность говорить или тотчасъ-же вслѣдъ за рѣчью оратора, или же отложить это до того момента, когда многіе ораторы, говорящіе объ одномъ и томъ же предметѣ, кончатъ свои рѣчи. Притомъ эти епископы могутъ отвѣчать или въ тотъ же самый день, или на другой день.

10) Рѣчи ораторовъ должны оставаться въ границахъ разрабатываемой темы (*intra fines propositi argumenti cohibeantur*). Въ случаѣ же, если бы кто-нибудь изъ отцовъ сталъ-бы уклоняться за предѣлы своей темы (*extra metas vagari*), то президенты должны направить его снова къ ихъ темѣ.

11) Въ случаѣ, если бы рядъ преній достаточно исчерпалъ обсуждаемый вопросъ, а между тѣмъ на это посвящено было времени сверхъ положеннаго (*plus aequo protrahatur*),—кардиналы—президенты, собравши письменныя требованія отъ лица, по меньшей мѣрѣ, десяти отцовъ, могутъ сдѣлать запросъ генеральной конгрегаціи, желаетъ-ли она, чтобы пренія продолжались еще долѣе. Узнавши различныя мнѣнія относительно этого вопроса, путемъ вставанія или сибѣнія отдѣльныхъ членовъ, президенты полагаютъ конецъ преніямъ, если бы такъ благоуразудилось большинству изъ находящихся на лицо отцовъ.

12) Послѣ того, какъ окончится преніе относительно одной части схемы,—прежде—чѣмъ переходить къ другой, кардиналы—президенты собираютъ мнѣнія членовъ генеральной конгрегаціи,—во-первыхъ, касательно предложенныхъ въ схемѣ измѣненій, и во-вторыхъ, касательно первоначальнаго (не измѣненнаго) текста той части схемы, которая подлежитъ обсужденію.

13) Мнѣнія, какъ относительно предложеній, такъ и относительно текста отдѣльныхъ частей схемы, должны быть подаваемы въ такомъ порядкѣ, что президенты сначала предлагаютъ вставить тѣмъ, которые соглашаются или съ предложеннымъ измѣненіемъ, или съ оригинальнымъ текстомъ схемы, а потомъ тѣмъ, которые противоположнаго мнѣнія. А въ заключеніи всего, дается перевѣсъ (*decernetur*) тому мнѣнію, котораго держится большая часть отцовъ.

14) После того, какъ предложенія отцовъ пройдутъ все указанныя фазы, кардиналы—президенты просятъ отцовъ высказать свои мнѣнія, которыя и подаются ими посредствомъ словъ *placet* или *non placet*, при томъ такъ, что, въ случаѣ какова-нибудь дополнительнаго замѣчанія, отцы должны подавать свое предложеніе письменнымъ путемъ ¹⁾).

Нельзя не сказать, что во многомъ весь этотъ новый порядокъ соборнаго дѣлопроизводства былъ значительно лучше прежняго, особенно потому, что при немъ слишкомъ продолжительныя проволочки времени уже не могли имѣть мѣста. Но мало хорошаго обѣщало то обстоятельство, что этотъ порядокъ (какъ легко можетъ усмотрѣть и самъ читатель изъ только-что представленнаго нами изложенія папскаго декрета 20 февраля) болѣе напоминалъ собою парламентъ, чѣмъ соборъ, потому-что больше обращалъ вниманія на простое большинство голосовъ, чѣмъ на моральное единодушіе всѣхъ членовъ собора. Папа какъ-бы забывалъ, что догматическія опредѣленія никакъ нельзя приравнивать къ государственнымъ законамъ, и что вселенскій соборъ не потому вселенскій, что на немъ присутствуетъ великое множество епископовъ, но потому, что они являются представителями вселенскаго православія, насколько они свидѣтельствуютъ о православныхъ вѣрованіяхъ своихъ помѣстныхъ церквей ²⁾).

Уже 1 марта, слѣд. черезъ недѣлю послѣ объявленія папскаго декрета о новомъ порядкѣ веденія дѣлъ на соборѣ, 100 прелатовъ всѣхъ націй подали кардиналамъ—президентамъ конгрегацій энергическій протестъ противъ этого порядка. Этотъ документъ настолько важенъ, что мы считаемъ необходимымъ остановиться на немъ поподробнѣе.

Все возраженія протестующихъ отцовъ изложены въ девяти главахъ, которымъ предшествуетъ небольшое введеніе. Въ этомъ послѣднемъ оппоненты высказываютъ свое главное, общее воз-

раженіе противъ новаго порядка, которое они формулируютъ такъ: „новыя правила такого рода, что многія изъ нихъ не только могутъ уменьшить свободу отцовъ собора, но и прямо уничтожить ее“ ¹⁾. *§ 3*

(Въ частности, въ I-й главѣ содержится возраженіе противъ перваго § новаго порядка, именно противъ того, что президентамъ конгрегацій предоставляется право опредѣлять извѣстный срокъ на разсмотрѣніе схемы и на составленіе отцами своихъ замѣчаній о ней. „Хорошо“, замѣчаютъ протестующіе епископы, „если на очереди будетъ вопросъ сравнительно меньшей важности, который требуетъ меньшаго срока и легче можетъ быть рѣшенъ (in rebus levioris momenti et facilis solutionis). Въ такомъ случаѣ это право президентовъ не можетъ принести особаго вреда дѣлу (parum habeat incommodi). Совсѣмъ иначе—въ томъ случаѣ, если бы пришлось обсуждать догматическіе вопросы первой важности, а слѣд., и особенно трудные, для рѣшенія которыхъ требуется тщательное изслѣдованіе Св. Писанія, твореній Св. Отцовъ, церковной исторіи, исторіи соборовъ и папскихъ опредѣленій. Въ такомъ случаѣ было бы опасно заранѣе назначать срокъ для разсужденій по поводу предложенной схемы“. Вотъ почему протестующіе епископы и предлагаютъ дать отцамъ собора право въ извѣстныхъ случаяхъ просить соборъ объ удлиненіи срока для обсужденія схемы.

Вторая глава протеста направлена противъ того § папскаго декрета 20 февраля (§ 3-го), въ которомъ опредѣляется, чтобы отцы, подающіе свои замѣчанія на схему, подавали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свои проекты, какъ измѣнить ее или въкоторыя ея части. „Правда“, говорятъ податели протеста, „это будетъ полезно дѣлать, но необходимости въ этомъ нѣтъ; тѣмъ болѣе, что могутъ быть такія замѣчанія, которыя не влекутъ за собою никакихъ измѣненій въ текстѣ схемы. Притомъ собственно для такого рода измѣненій назначены спеціальныя депутаціи“.

Въ третьей главѣ протеста епископы вооружаются противъ

¹⁾ См. цитованный нами сборникъ: *Acta et decreta...*, pp. 118—21.

²⁾ Припомнимъ, что, напр., на соборѣ II Вселенскомъ было только 180 отцовъ, между-тѣмъ, какъ, напр., на соборахъ Ефесскомъ—разбойничьемъ или на иконоборческомъ Константина Колоринна число отцовъ было почти вътрое больше. Слѣд., вселенскость собора зависитъ не отъ числа его членовъ.

¹⁾ „...illae videlicet regulae hujusmodi sint, ut in pluribus Patrum libertas inde minui, imo etiam tolli posse videatur“.

§ 5 декрета 20 февраля. „Да будет дозволено намъ сказать“, говорятъ они, „что общій обзоръ (*summaria relatio*) замѣчаній, который, въ силу этого §, прилагается къ исправленной схемѣ и раздается отцамъ,—не можетъ быть признанъ достаточнымъ по отношенію къ тѣмъ вопросамъ, которые требуютъ большаго срока для обсужденія, каковыми особенно должны быть признаны вопросы догматическіе. Важно не простое только перечисленіе замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу схемы, но указаніе и на *мотивы* того или иного замѣчанія. И это тѣмъ болѣе необходимо имѣть въ виду, что декретомъ 20 февраля вводится такой порядокъ, какого еще не было ни на одномъ соборѣ и въ силу котораго приходится отцамъ вести свои разсужденія письменно; а между-гѣмъ отцы не имѣютъ права печатать свои замѣчанія“.

Въ четвертой главѣ протеста рѣчь идетъ о § 8 папскаго декрета, гдѣ опредѣляется, чтобы отцы собора точно и подробно заранѣе объявляли президентамъ собора темы своихъ рѣчей по поводу схемы. Протестующіе прелаты справедливо возражаютъ противъ этого то, что очень трудно заранѣе требовать отъ оратора точной программы своей рѣчи, потому-что часто одна и та же рѣчь касается не одной только части схемы, но многихъ, а иногда и всей схемы вообще.

Въ пятой главѣ протеста епископы просятъ, по поводу § 9 декрета, о новомъ порядкѣ дѣлопроизводства, чтобы дозволено было тому оратору, которому захочетъ возражать одинъ изъ епископовъ,—въ свою очередь, отвѣчать на его возраженіе, или въ тотъ же самый день, или на слѣдующій. Иначе свобода ораторовъ будетъ стѣснена.

Особенно много содержится возраженій въ главѣ шестой епископскаго протеста. Здѣсь рѣчь идетъ по поводу § 11 декрета 20 февраля. Протестующіе прелаты справедливо жалуются на то, что въ этомъ § меньшинство всецѣло лишается самостоятельности и вполнѣ отдается на произволъ большинства, которое, когда хочетъ, во всякое время имѣетъ возможность заставить его представителей замолчать. „Такое лишеніе голоса большинствомъ голосовъ“, замѣчаютъ епископы, „еще могло бы быть допустимо въ парламентахъ; но на соборѣ оно

совершенно невысказано, такъ-какъ для рѣшенія вопросовъ догматическихъ парламентская система голосованія является крайне опасною“. Въ виду этого, епископы предлагаютъ слѣдующія замѣчанія по поводу § 11: 1) никогда рѣчи и пренія не должны быть искусственнымъ образомъ сокращаемы подъ тѣмъ предлогомъ, будто-бы они затянулись долѣе назначеннаго для сего срока. Напротивъ, всегда ораторы должны имѣть возможность пользоваться временемъ вполнѣ свободно, по своему усмотрѣнію. 2) Въ дѣлѣ прекращенія преній и рѣчей многое будетъ зависѣть отъ воли самыхъ президентовъ, которые, какъ сказано въ § 11, должны собрать мнѣнія. 3) Очередь ораторовъ опредѣляется, въ случаѣ, если они различныхъ мнѣній, такимъ образомъ, что одинъ за другимъ говорятъ сначала защитники одного взгляда, затѣмъ защитники другаго, противоположнаго. 4) Хотя бы потребовано было въ засѣданіи, чтобы преніе прекратилось, однако желательно, чтобы тотъ или другой отецъ могъ держать рѣчь противъ этого рода требованія и изложить мотивы своего возраженія. Это было бы вполнѣ справедливо и законно. 5) Желательно было бы, чтобы относительно вопросовъ догматическихъ (*maxime ad fidem spectantibus*), требующихъ болѣе продолжительнаго срока для обсужденія, въ томъ случаѣ нельзя было бы прекращать пренія, если бы, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ изъ отцовъ этому воспротивились.

Въ главѣ седьмой протеста говорится по поводу § 12 декрета, именно высказывается желаніе, чтобы президенты давали епископамъ время обдумать и составить свои проекты измѣненій въ схемѣ, прежде—чѣмъ требовать отъ нихъ представленія себѣ этихъ проектовъ.

Въ главѣ восьмой протеста епископы дѣлаютъ свои замѣчанія на § 13 декрета. Вотъ эти замѣчанія въ ихъ общемъ содержаніи: 1) неудобно на соборѣ выражать свои мнѣнія вставаніемъ и сидѣніемъ: это совершенно парламентскій приемъ, и никогда на прежнихъ соборахъ онъ не имѣлъ мѣста. Онъ не соответствуетъ важности соборнаго дѣла и слишкомъ стѣсняетъ свободу отцовъ. 2) Нехорошо опредѣлено въ § 13 и то, чтобы въ засѣданіяхъ говорили свои мнѣнія сначала тѣ, которые со-

гласны съ предложенной схемой, а уже потомъ тѣ, которые съ ней не согласны. Слѣдовало бы, напротивъ, сначала дать слово послѣднимъ, а затѣмъ уже первымъ, такъ какъ въ вопросахъ вѣры безопаснѣе выжидать и отсрочивать рѣшеніе, чѣмъ необдуманно идти впередъ. 3) Никогда еще ни на одномъ соборѣ не рѣшалось дѣло такъ, какъ опредѣляется въ § 13, именно на основаніи большинства голосовъ. Наконецъ, 4) на всѣхъ соборахъ догматы рѣшались не на основаніи простаго большинства голосовъ (*non majoritate numerica*), но на основаніи моральнаго единодушія (*unanimitate morali*). Такъ, на примѣръ, было и при папѣ Пин IV, на соборѣ Тридентинскомъ. Такъ именно и должно всегда быть, въ силу знаменитаго тезиса Викентія Лиринскаго: *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus*. Даже и Белларминъ приводится здѣсь въ протестѣ, въ концѣ той же 8-й главы, въ подтвержденіе всей этой мысли.

Въ послѣдней, девятой, главѣ протеста дѣлается такого рода замѣчаніе по поводу § 14 декрета: желательно было бы, чтобы въ заключеніи преній отцы говорили *placet* или *non placet* не по отношенію ко всей схемѣ *in globo* (т. е. въ ея совокупности), но относительно каждаго ея правила въ отдѣльности.)

Свой протестъ епископы заключили надеждою, что ихъ *ria desideria* будутъ приняты во вниманіе и новый порядокъ дѣлопроизводства будетъ исправленъ соотвѣтственно ихъ желаніямъ ¹⁾.

Но курія готовила имъ отвѣтъ совсѣмъ другаго рода: уже 6 марта, совершенно неожиданно для отцовъ собора, разслана была имъ, по домамъ, *дополнительная глава ко схемѣ de Ecclesia Christi*, содержащая въ себѣ ученіе о папской непогрѣшимости въ вопросахъ вѣры и нравственности (*Caput addendum decreto de Romani Pontificis primatu*). Къ этой главѣ приложена была особая замѣтка (*monitum*), подписанная секретаремъ Ватиканскаго собора, еп. Фесслеромъ, въ которой отцамъ очень недвусмысленно довалось понять, что названная глава разсы-

¹⁾ См. сборникъ: *Documenta ad illustrandum Concilium Vaticanum*, т. I, стр. 258—263.

ляется имъ, во исполненіе просьбы тѣхъ прелатовъ, которые еще въ январѣ подали папѣ адресъ о провозглашеніи новаго догмата о его непогрѣшимости. Въ концѣ того же *monitum'a* предлагалось отцамъ, согласно папскому декрету 20 февраля, сдѣлать по поводу *Caput addendum* свои замѣчанія письменно и представить ихъ секретарю собора никакъ не позднеѣ 17 марта, начиная съ 8. Итакъ, на такое важное и трудное дѣло, какъ составленіе письменныхъ замѣчаний на *Caput addendum*, давалось отцамъ собора всего *девять дней!* Очевидно, курія осталась глуха къ протесту 100 прелатовъ (противъ декрета 20 февраля и, на первыхъ же порахъ вступленія въ силу новаго порядка дѣлопроизводства, хотѣла показать протестовавшимъ, что все ихъ возраженія не произвели на нее никакого дѣйствія. вмѣстѣ съ тѣмъ, неожиданное появленіе на соборѣ *Caput addendum* имѣло то значеніе, что открыло, наконецъ, глаза не только членамъ меньшинства, но и всѣмъ тѣмъ, кто даже въ Римѣ слѣдилъ за ходомъ соборныхъ занятій, на дѣйствительныя намѣренія папы, куріи и большинства.) Теперь сдѣлалось совершенно яснымъ, что *главная цель собора есть провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости.* Слѣдовательно, все чаянія и розовыя мечты такихъ идеалистовъ изъ числа меньшинства, какимъ былъ, на примѣръ, Дюпанлу, которые чуть-ли не до 6 марта все надѣялись на то, что курія никогда не сдѣлаетъ ультрамонтанское ученіе о папской непогрѣшимости догматомъ вѣры,—все эти мечты теперь должны были сразу исчезнуть и уступить мѣсто признанію факта несомнѣннаго, необычайнаго въ лѣтописяхъ церковной исторіи,—факту обоготворенія челоуѣка... Можно сказать, что начиная съ появленія *Caput addendum*, и самая борьба между большинствомъ и меньшинствомъ на соборѣ вступила въ новую фазу и сдѣлалась какъ-то острѣе и сильнѣе. Съ одной стороны, иезуиты и ультрамонтане всѣми мѣрами начали стараться вербовать какъ можно болѣе сторонниковъ новому догмату, а также и папа, вмѣшиваясь въ борьбу, хвалилъ и благословлялъ своими *брене* и грамотами защитниковъ его непогрѣшимости, а противниковъ послѣдней чуть не проклиналъ; съ другой стороны, и меньшинство стало, по крайней мѣ-

рѣ, на первыхъ порахъ вслѣдъ за появленіемъ *Caput addendum*, какъ-будто яснѣе сознавать всю опасность своего положенія на соборѣ и чаще собираться виѣ стѣнъ соборнаго зала, въ своихъ частныхъ квартирахъ, для совѣщаній о томъ, какъ лучше вести борьбу противъ сторонниковъ теоріи порабощенія Церкви власти одного лица, облакаемаго отнынѣ совершенно Божескими свойствами¹⁾.

Авторитетный голосъ Деллингера, къ которому не безъ основанія прислушивалась весьма значительная часть не только германскихъ католиковъ, но и католиковъ другихъ странъ, — вскорѣ заявилъ серіозный протестъ противъ того же новаго порядка дѣлопроизводства на соборѣ. Брошюра, въ которой изложенъ этотъ протестъ, сравнительно не велика по своему объему, но тѣмъ не менѣе и въ ней, какъ и во всѣхъ другихъ произведеніяхъ Деллингера, слышится твердое убѣжденіе, основанное на долготѣнныхъ и добросовѣстныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Въ томъ и силенъ былъ этотъ почтенный мюнхенскій богословъ и историкъ, что для него критеріемъ для сужденія о современныхъ ему церковныхъ вопросахъ являлась всегда исторія первыхъ вѣковъ христіанской Церкви. То же находимъ мы и въ названномъ его протестѣ. Исходя изъ того общаго положенія, что на вселенскихъ соборахъ древней Церкви никогда не существовало опредѣленнаго, заранее узаконнаго порядка голосованія, но что тамъ всякій членъ собора имѣлъ право подавать свой голосъ, причемъ председатели тутъ же опредѣляли и порядокъ обмѣна мыслей и преній. — Деллингеръ находилъ, что на Ватиканскомъ соборѣ впервые допущенъ совершенно антицерковный принципъ установленія заранее узаконнаго порядка голосованія, безъ всякаго участія членовъ собора и слѣдовательно, безъ всякаго съ ихъ стороны согласія. Этого не бывало и на соборахъ Констанцскомъ, Базельскомъ и Тридентинскомъ. Въ частности, критикуя якобы исправленный порядокъ дѣлопроизводства на соборѣ Ватиканскомъ, Дел-

¹⁾ Что касается тѣхъ замѣчаній (*observaciones*), которыя сдѣланы были по поводу *Caput addendum* членами меньшинства, то мы въ своемъ мѣстѣ уже привели важнѣйшія изъ нихъ, когда дѣлали характеристику замѣчательнѣйшихъ представителей меньшинства.

лингеръ находитъ въ немъ два главныхъ недостатка, именно: 1) что все вліяніе на ходъ соборныхъ рѣшеній сосредоточено исключительно въ рукахъ председательствующихъ легатовъ и, такъ называемыхъ депутацій, почему самые члены собора являются лишенными всякаго вліянія; 2) что наиболѣе важные вопросы, — вопросы вѣрученія, — должны по этому рѣшаться на основаніи простаго численнаго большинства, путемъ вставанія и не вставанія. Немудрено, замѣчаетъ Деллингеръ, что допущенъ первый недостатокъ: всѣмъ извѣстно, что еще года за два до открытія собора, именно 1867 года, курія выработала цѣлый рядъ декретовъ и правилъ, которые должны были быть предложены собору и скрѣплены его авторитетомъ (*approbante Concilio*). Слѣдовательно, вся программа была заранее составлена для членовъ Ватиканскаго собора, — составлена безъ ихъ вѣдома и участія, по волѣ одного лица — папы, и при ближайшемъ содѣйствіи вѣрныхъ исполнителей его воли, членовъ куріи. Весьма мѣткое замѣчаніе дѣластъ Деллингеръ и по поводу самого порядка голосованія, который узаконивался папскимъ декретомъ 20 февраля 1870 года. Обыкновенно, формы парламентаризма имѣютъ въ государственныхъ учрежденіяхъ то значеніе, что охраняютъ меньшинство противъ слишкомъ легкаго перехода на сторону большинства; а на Ватиканскомъ соборѣ эти формы напротивъ, скорѣе только усиливаютъ и безъ того сильное большинство, такъ — что у меньшинства отнимается и послѣдняя возможность сохранять свою самостоятельность. Кромѣ того, замѣчаетъ Деллингеръ, если въ политическихъ собраніяхъ, гдѣ рѣшаются государственные законы, и возможно допустить, чтобы всѣ вопросы проходили чрезъ простое голосованіе, то на собраніяхъ церковныхъ или соборахъ, гдѣ дѣло касается вопросовъ догматическихъ, этотъ порядокъ вовсе не умѣстенъ; и это, конечно, потому, что догматическія постановленія соборовъ на всѣ времена неизмѣнны и неприкосновенны (*unwiderruflich und unantastbar*). Въ теченіи цѣлыхъ 1800 лѣтъ Церковь, по словамъ Деллингера, всегда держалась на соборахъ того принципа, по которому опредѣленія, касавшіяся вѣрученія, должны были основываться не на простомъ большинствѣ голосовъ, а на нравственномъ единодушіи

всѣхъ членовъ собора (*moralische Stimmeneinhelligkeit*). Эта мысль даетъ мюнхенскому богослову поводъ изложить въ краткихъ, но существенныхъ чертахъ свой взглядъ на отношеніе вселенскаго собора къ учению Церкви. Церковь, по этому взгляду (вполнѣ православному), обладаетъ изначала вѣренною ей сокровищницею (*Depositum*) Откровеннаго ученія, которое она должна охранять и всячески ограждать отъ различныхъ искаженій и поврежденій. Поэтому, имѣя такое *охранительное* служеніе, Церковь не получаетъ никакихъ новыхъ откровеній (*empfängt keine neuen Offenbarungen*), а также и не вводитъ въ преданное ей изначала ученіе новыхъ догматовъ (*macht keine neuen Glaubensartikel*). Такъ какъ вселенскій соборъ есть самое вѣрное и полное выраженіе сознанія вселенской Церкви, то также точно и онъ долженъ относиться къ ученію церковному, т. е. какъ *хранитель* и *охранитель* послѣдняго. Вселенскій соборъ есть, по весьма удачному выраженію Деллингера, *представительная инстанція* (*die Repräsentation*) Церкви или какъ-бы въ маломъ видѣ вся Церковь (*die Zusammenfassung der ganzen Kirche*). Епископы на вселенскомъ соборѣ—это какъ-бы *посланники* и *доверенныя лица* (*Geschäftsträger*) всѣхъ церквей, входящихъ въ составъ Церкви вселенской. Въ виду этого, они должны, во имя всей совокупности христіанъ, свидѣтельствовать о томъ, что думаетъ и какъ вѣруетъ вся эта совокупность вѣрующихъ относительно извѣстнаго религіознаго вопроса, и что она содержитъ, какъ преданіе. Переступать данное имъ отъ Церкви полномочіе они не могутъ: въ противномъ случаѣ Церковь не утвердитъ того ученія, которое они будутъ отъ себя, отъ своего лица, провозглашать на соборѣ. Вообще епископы на соборѣ, во-первыхъ, *свидѣтели*, по скольку они свидѣлствуютъ здѣсь о всегдашнихъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ своихъ пасомыхъ или, иначе, своей помѣстной церкви или епархіи. Во-вторыхъ, они—*судьи* въ томъ смыслѣ, что должны *истолковывать* и *выяснять* преданное Церкви изначала ученіе, но, конечно, не въ томъ смыслѣ, будто-бы они могутъ устанавливать совершенно новое ученіе, въ видѣ новыхъ догматовъ. Все это исключаетъ въ поведеніи епископовъ на соборѣ всякаго рода произволъ и субъективное сужденіе о вопросахъ

вѣроученія.] Дѣлая за тѣмъ выводъ изъ всего сказаннаго о значеніи вселенскаго собора вообще относительно, собственно, Ватиканскаго собора,—Деллингеръ выражаетъ мысль, что незаконно и совершенно противно всегдашней практикѣ древней Церкви дѣлать то, что дѣлаетъ этотъ послѣдній, мнимо—вселенскій соборъ, именно: возводить частное школьное богословское мнѣніе (о папской непогрѣшимости),—мнѣніе, которое въ продолженіе многихъ столѣтій встрѣчало всегда немало противорѣчій, а часто и совсѣмъ отрицалось,—на степень Богооткровеннаго ученія. Деллингеръ отмѣчаетъ и то обстоятельство, что на Ватиканскомъ соборѣ весьма значительная часть епископовъ высказалась противъ этого ультрамонтантскаго ученія: ясное доказательство (говоритъ Деллингеръ), что въ ихъ епархіяхъ, представителями которыхъ они явились на соборѣ, этого ученія никогда не считали за истинное ученіе церковное. Вообще, напоминаетъ тотъ же ученый, главный вопросъ на всякомъ соборѣ былъ такой: одобрены-ли вѣроопредѣленія этого собора всѣми членами послѣдняго, или нѣтъ? Даже и на Тридентинскомъ соборѣ папа Пій IV далъ своимъ легатамъ слѣдующее наставленіе: ничего не постановлять такого, что не было бы одобрено всѣми отцами, бывшими на соборѣ. Вслѣдствіе этого, на этомъ соборѣ нѣкоторые декреты цѣлыя недѣли и мѣсяцы оставались нерѣшенными. Главное же условіе всякаго вселенскаго собора есть полная *свобода* въ высказываніи своихъ взглядовъ и убѣжденій. Никому изъ членовъ собора не слѣдуетъ запрещать произносить рѣчи. Свобода слова есть какъ-бы всеоживляющій воздухъ всякаго истиннаго собора (*Lebensluft eines wahren Concils*). Для того, чтобы признать соборъ дѣйствительно вселенскимъ, для этого недостаточно одного простаго факта, что онъ многочисленный, что на немъ присутствуетъ много прелатовъ (и разбойничій соборъ 449 г., и Копронимовъ иконоборческій соборъ 754 г. были также особенно многочисленны). Онъ только тогда истинно вселенскій, когда вполнѣ правильно выражаетъ ученіе вселенской Церкви.

Мы нарочно въ главныхъ, существенныхъ чертахъ изложили здѣсь протестъ Деллингера противъ измѣненнаго порядка дѣло-

производства на соборѣ, чтобы читатели наши могли лучше уяснить себѣ, насколько этотъ новый порядокъ далекъ былъ отъ древней церковной практики, имѣвшей мѣсто на соборахъ. Нетрудно понять изъ всего сказаннаго Деллингеромъ, что и этотъ второй порядокъ былъ нисколько не лучше, чѣмъ первый, изложенный въ буллѣ *Multiplices inter*; пожалуй, онъ былъ даже еще хуже его, такъ—какъ всецѣло предоставлялъ умѣренно—католическое меньшинство произволу ультрамонтанскаго большинства и чрезъ это только ускорялъ давно задуманное ультрамонтанскою партіею провозглашеніе новаго догмата о папской непогрѣшимости.

Очень скоро послѣ появленія папскаго опредѣленія о второмъ порядкѣ соборнаго дѣлопроизводства, именно уже 6 марта 1870 года, появилось краткое *monitum* за подписью секретаря собора, епископа Фесслера (Josephi, episcopi S. Hippolyti), въ которомъ объявлялось отцамъ собора, что къ XI-й главѣ схемы *de Ecclesia* прибавлена дополнительная глава (*caput addendum*), специально посвященная вопросу о папской непогрѣшимости. Интересно для насъ то, какое побужденіе выставляется въ этомъ *monitum* для прибавленія этой новой главы. *Cum plurimi Episcopi petierint*, читаемъ мы въ началѣ *monitum*, *a Sanctissimo Domino Nostro, ut Concilio proponatur thema de infallibilitate Romani Pontificis, idemque Sanctissimus Dominus Noster..... memoratae petitioni annuere dignatus sit* 1). И такъ, вотъ единственное основаніе для неожиданнаго появленія главы о папской непогрѣшимости: желаніе *многихъ епископовъ*, чтобы вниманію собора былъ предложенъ вопросъ объ этой непогрѣшимости, на каковое желаніе папа и даетъ свое соизволеніе. Кто же эти *многіе епископы*? Конечно, это все ультрамонтанское большинство, которое, какъ мы уже знаемъ, еще съ первыхъ же засѣданій собора, весьма ясно высказывало свою надежду на то, что вопросъ о папской непогрѣшимости въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ поставленъ на

1) Т. е.: „Такъ-какъ весьма многіе епископы просили у нашего святѣйшаго отца, что-бы на обсужденіе собора былъ поставленъ вопросъ о папской непогрѣшимости, то въ виду сего св. отецъ сообразовалъ дать на это свое согласіе“.

очередь (вспомнимъ, что ультрамонтане подали даже особый адресъ папѣ съ подобною надеждою). Очевидно отсюда, что *monitum* 6 марта и нераздѣльная съ нимъ дополнительная глава (*caput addendum*)—это прямое дѣло ультрамонтанскаго большинства, желавшаго скорѣе осуществленія своего заветнаго идеала,—возведенія въ догматъ ученія о папской непогрѣшимости. 8 марта новая глава въ первый разъ обнародована была на соборѣ, и ея экземпляры розданы были отцамъ. Меньшинство такъ мало ожидало со стороны большинства этого новаго маневра, что долго не могло опомниться отъ изумленія 1).

Вся „дополнительная глава“ такъ сравнительно не велика, что мы считаемъ возможнымъ привести ее здѣсь цѣликомъ въ русскомъ переводѣ. Вотъ ея заглавіе: „Дополнительная глава къ опредѣленію о приматствѣ римскаго первосвященника. О томъ, что римскій первосвященникъ, при опредѣленіяхъ, касающихся вѣры и нравовъ, погрѣшать не можетъ“ 2). А вотъ и самый текстъ этой главы: „Святая Римская Церковь обладаетъ высшимъ и полнымъ приматствомъ и главенствомъ надъ всею католическою Церковію, и она признаетъ правдиво и со смирненіемъ, что таковую власть она во всей полнотѣ получила отъ Самого Господа, въ лицѣ князя Апостоловъ, блаженнаго Петра, котораго римскій первосвященникъ есть преемникъ. И какъ по отношенію къ тѣмъ вопросамъ, которые косвенно относятся къ вѣрѣ, онъ долженъ защищать истину вѣры, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, если бы возникли вопросы, прямо относящіеся къ вѣрѣ, то и здѣсь слѣдуетъ подчиниться его рѣшенію. И такъ—какъ не могутъ *прейти* (не исполниться) слова Господа нашего Иисуса Христа, рекшаго: „Ты еси Петръ, и на семь каменъ созижду Церковь Мою (Мат. 16, 18)“,—то они и исполняются на дѣлѣ, потому—что на Апостольской непорочной кафедрѣ всегда сохраняется католическая религія и прославляется святое ученіе. На основаніи сего, мы, съ согласія священнаго собора, учимъ и опредѣляемъ какъ догматъ

1) *Friedrich, Tagebuch...*, s. 219.

2) „*Caput addendum decreto de Romani Pontificis primatu. Romanum Pontificem in rebus fidei et morum definiendis errare non posse*“. См. *Friedrich's: Documenta ad illustrandum Concilium Vaticanum, II томъ, стр. 178.*

ихъ поражение. Мы разумѣемъ вопросъ о томъ, противъ чего, собственно, имъ нужно было бороться и чего не допускать ни подь какимъ видомъ. Мы уже неоднократно указывали на то, что съ самаго начала одни изъ членовъ меньшинства (такъ называемые, *инопортунисты*) вооружались не противъ той мысли, что учение о папской непогрѣшимости вообще не можетъ быть догматомъ вѣры, но только противъ той, что уже настала пора для возведенія этого ученія на степень догмата.

Ихъ взглядъ можно выразить въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „мы не отрицаемъ возможности признанія папской непогрѣшимости догматомъ вѣры, но находимъ только, что *еще не пришла пора* для такого признанія“. Но странное у нихъ было ослѣпленіе! Они, подобно людямъ съ завязанными глазами, не видѣли, какъ ультрамонтане искусно стали пользоваться ихъ нерѣшительностію, и какъ сами они неволью подырали до ослованія все дѣло оппозиціи. Но была въ лагерѣ умѣренно-католическомъ на соборѣ и другая фракція—прямыхъ противниковъ будущаго ультрамонтанскаго догмата; къ сожалѣнію, ихъ было гораздо меньше, чѣмъ тѣхъ членовъ оппозиціи, которыхъ знаменемъ было выраженіе: *inopportune*. Всего хуже для меньшинства было, конечно, то, что указанные двѣ фракціи его только наружно составляли одинъ лагерь, а на самомъ дѣлѣ онѣ представляли изъ себя не что иное, какъ *домъ раздѣливыйся на ся*, а такой домъ могъ ли устоять?—

Далѣе, не могло быть въ лагерѣ меньшинства единства и потому, что члены ~~его~~ принадлежали къ разнымъ націямъ. Такъ, здѣсь были и французы (Дарбуа, Дюпавлу и др.), и германцы (Мельхоръ, Кеттелеръ, Кременцъ и др.), и австро-венгерцы (Шварценбергъ, Раунеръ, Гайнольдъ, Штроссмайеръ и др.), и американцы (Кенрикъ и др.); и при всемъ этомъ разнообразіи въ составѣ меньшинства, не доставало этому послѣднему одного главнаго вождя, который могъ-бы руководить всей тактикой оппозиціи на соборѣ. Правда, были въ лагерѣ меньшинства такія крупныя величины, какъ Штроссмайеръ, Гефеле, Дарбуа, но все таки ихъ вліяніе было не настолько велико, чтобы кто-либо изъ нихъ могъ получить значеніе объединяющаго центра для всей оппозиціи) Что касается ультрамон-

танскаго лагеря на соборѣ, то онъ тѣмъ особенно и былъ силенъ и опасенъ для своихъ противниковъ, что здѣсь было самое строгое единство, самая полная централизація. Такъ, во главѣ этого лагеря стоялъ (хотя и неофициально) самъ папа; затѣмъ, всею ультрамонтанскою тактикою на соборѣ заправляли, по весьма обдуманному плану, отцы ордена Лойолы, которые были главными совѣтниками папы, какъ до собора, такъ и во все его продолженіе. А всякій, знакомый съ исторіею и дѣятельностію этого пресловутаго ордена, хорошо знаетъ, какъ умѣетъ онъ вести свои дѣла и стремиться къ разъ намѣченной цѣли, пренебрегая средствами... Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій, и происходило то, что и различіе національностей, входившихъ въ составъ большинства, нисколько не вредило его дѣлу.—

Что касается вопроса, почему второй порядокъ дѣлопроизводства на соборѣ заранѣе связывалъ меньшинство, если можно такъ выразиться, какъ-бы по рукамъ и по ногамъ и потому лишалъ ихъ всякой силы,—то, чтобы не повторяться, мы отпшемъ нашихъ читателей къ тому сужденію объ этомъ порядкѣ Деллингера, которое мы немного выше привели въ существенныхъ чертахъ. А здѣсь еще разъ замѣтимъ, что не могло быть у членовъ меньшинства свободы (столь необходимой на всякомъ соборѣ) уже по той простой причинѣ, что всѣмъ порядкомъ голосованія, и даже самыми рѣшеніями, заправляли такъ-называемыя, *депутации*, которыя исключительно состояли изъ явныхъ или тайныхъ приверженцевъ ученія о папской непогрѣшимости.—

Имѣя въ виду все сказанное о причинахъ, по которымъ меньшинство было такъ безсильно въ сравненіи съ своими противниками,—мы легко поймемъ, почему, со времени введенія на соборѣ втораго порядка дѣлопроизводства, дѣло оппозиціи довольно быстро, какъ-бы по наклонной плоскости, стало клониться къ упадку. } 55

Для нашей задачи важно не то, чтобы съ особенною подробностію прослѣдить рѣшительно весь ходъ преній на соборѣ за послѣдніе четыре мѣсяца Ватиканскаго собора (мы не историки этого собора, а только истолкователи причинъ побѣды, одержанной на немъ ультрамонтанами); но важно то, чтобы

показать читателямъ, какъ, наконецъ, завершилась та борьба между умѣренными католиками и ультрамонтанами, исторію которой въ текущемъ вѣкѣ мы поставили себѣ задачей изобразить въ своемъ изслѣдованіи.

Нельзя сказать, чтобы въ средѣ меньшинства, за послѣдніе четыре мѣсяца дѣятельности Ватиканскаго собора, совершенно отсутствовало сознание истинныхъ причинъ своей слабости: такое сознание пробуждалось неоднократно за это время и притомъ у самыхъ замѣчательныхъ и энергичныхъ представителей меньшинства. Такъ, напримѣръ, 10 апрѣля 1870 года нѣкоторые епископы французскіе, германскіе, австро-венгерскіе, итальянскіе, англійскіе, прландскіе и сѣверо-американскіе подали на соборѣ петицію, авторомъ которой былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей оппозиціоннаго меньшинства, кардиналъ Раушеръ. Въ этой петиціи оппозиціонные прелаты, по инициативѣ Раушера, обращаютъ вниманіе на то, что необходимо, при разсужденіяхъ о папской непогрѣшимости, имѣть въ виду всю опасность для католической церкви ученія Бонифація VIII въ его буллѣ *Unam Sanctam* о двухъ мечахъ; что это ученіе не только не правильно само по себѣ, но и весьма вредно, какъ для церкви, такъ и для свѣтскихъ правительствъ; такъ—какъ оно можетъ привести многихъ къ мысли, что папа—врагъ всякаго свѣтскаго правительства, и что всякій католикъ долженъ быть противникомъ государства. Раушеръ и подписавшіеся подъ его петиціей прелаты находили нужнымъ, чтобы соборъ, прежде чѣмъ приступать къ обсужденію содержанія *caput addendum*, всесторонне исчерпалъ вопросъ объ ученіи папы Бонифація VIII и выяснилъ, что это ученіе не правильно во многихъ своихъ пунктахъ¹⁾. Насколько извѣстно изъ дальнѣйшаго хода соборныхъ разсужденій и преній, петиція Раушера такъ и осталась безъ всякаго результата. Да это и не удивительно: какъ могли ультрамонтане допустить на соборѣ всестороннее обсужденіе буллы *Unam Sanctam*, когда они хорошо понимали, что такое обсужденіе можетъ привести къ тому, что ихъ ультрамонтанскій идеалъ—подчиненія госу-

¹⁾ Латинскій текстъ этой петиціи см. у Фридриха, въ его *Documenta ad Illustrandum...*, II томъ, стр. 388—391.—

дарственной власти папѣ (или, вѣрнѣе, имъ же, ультрамонтанамъ)—черезъ это возбудить противъ себя слишкомъ сильныя и вѣскія возраженія?..¹⁾ Такъ эта попытка членовъ меньшинства къ объединенію между собою и осталась безъ всякаго результата.

Изъ другихъ попытокъ въ этомъ родѣ можно отмѣтить письменный протестъ, который подали нѣкоторые французскіе епископы президентамъ собора по поводу случаевъ нарушенія нѣкоторыхъ правилъ новаго порядка дѣлопроизводства. Этотъ протестъ относится къ 4 мая 1870 года и подписанъ 24 прелатами. Онъ хотя довольно кратокъ, однако касается нѣкоторыхъ важныхъ нарушеній узаконеннаго порядка (напр. несвоевременнаго открытія и закрытія дверей въ залѣ собора, преждевременнаго голосованія относительно нѣкоторыхъ вопросовъ и невозможности для нѣкоторыхъ отцовъ собора, вследствие этого, ознакомиться съ содержаніемъ предметовъ голосованія²⁾). Но и эта попытка проявить свою самостоятельность осталась также безъ результатовъ. Дѣло въ томъ, что протестующіе прелаты никакъ не хотѣли понять, что имъ необходимо было сплотиться вмѣстѣ не противъ того или иного частнаго злоупотребленія на соборѣ, но противъ главной опасности, которая висѣла надъ ними, какъ черная туча,—противъ предстоявшаго въ скоромъ времени провозглашенія новаго догмата о папской непогрѣшимости.

Нельзя здѣсь умолчать и объ одномъ весьма энергичномъ протестѣ противъ этого провозглашенія, который появился около этого же времени, но исходилъ, въ сущности, не отъ самого меньшинства, а отъ анонимаго лица, которое сочувствовало

¹⁾ Насколько представители меньшинства на соборѣ сами были неугодными въ своихъ убѣжденіяхъ, видно, напр., изъ того факта, что нѣкоторые германскіе епископы, подписавшіе петицію Раушера и, слѣд., выразившіе свое порицаніе ученію буллы *Unam Sanctam* о двухъ мечахъ,—черезъ нѣдѣлю послѣ Ватиканскаго собора, именно въ 1871 году, рѣшительно не захотѣли остаться вѣрными своему взгляду на это ученіе и обратились къ своимъ пасомымъ съ особеннымъ пастырскимъ циркулярнымъ посланіемъ (въ г. Эйхштедтѣ, куда они для этой цѣли съѣхались), въ которомъ утверждали, что булла Бонифація VIII не содержитъ въ себѣ ничего противнаго ученію Церкви (См. *Friedrich, Tagebuch...* s. 339, подстрочное примѣчаніе).

²⁾ Латинскій текстъ этого протеста см. у Фридриха, *Documenta...* II, pp. 391—392

его дѣлу. Мы разумѣемъ сочиненіе: „*Ce qui se passe au Concile*“, изданное въ Парижѣ въ 1870 году. Оно принадлежало перу нѣкоего *Галларя (Gaillard)*, скрывшаго свою фамилію при изданіи своей книги. Въ этомъ сочиненіи съ большою убѣдительною доказывалось, что Ватиканскій соборъ не есть вселенскій и, кромѣ того, излагались нѣкоторыя весьма дѣльныя соображенія относительно роли, какую должна играть на этомъ соборѣ Франція. Какъ непріятна была куріи эта книга, это лучше всего видно изъ того, что въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій собора (какъ увидимъ ниже) она, вслѣдствіе просьбы нѣкоторыхъ легатовъ, была осуждена, какъ еретическая.

За симъ переходимъ прямо къ описанію главнѣйшихъ моментовъ борьбы между ультрамонтанами и умѣренными католиками за послѣдній мѣсяць Ватиканскаго собора (время самое для насъ интересное, какъ непосредственно предшествовавшее знаменитому, но печальному въ лѣтописяхъ западнаго христіанства дню 18 іюля 1870 года) ¹⁾.

Еще въ началѣ іюня 1870 г., на Ватиканскомъ соборѣ, въ средѣ большинства образовались двѣ отдѣльныя группы, несогласныя другъ съ другомъ въ нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ, касающихся тактики, какой слѣдуетъ держаться по отношенію къ меньшинству. Одна группа, главными представителями которой были *Миннинз* и *Дешанз*, стояла за то, чтобы дѣйствовать противъ меньшинства какъ можно рѣшительнѣе. Другая же, болѣе умѣренная группа, въ числѣ членовъ которой находились *Фесслерз*, *де-Лука* и нѣк. др., находили, что нельзя совершенно оставить безъ вниманія протестъ довольно значительнаго числа епископовъ составлявшихъ меньшинство, и что лучше поэтому не спѣшить провозглашеніемъ новаго догмата, но, если нужно, продолжить соборныя засѣданія на неопредѣленное время, пока всѣ члены собора не придутъ къ соглашенію относительно указаннаго вопроса. Впрочемъ, не слѣдуетъ представлять себѣ дѣло такъ, будто-бы образованіе указанныхъ двухъ группъ могло нарушить то единство въ общемъ, которое составляло, какъ мы уже сказали, главную силу ультрамонтанскаго лагеря: обѣ группы впол-

¹⁾ Главнымъ источникомъ при этомъ описаніи будетъ служить для насъ сочиненіе: „*Römische Briefe vom Concil*“ *Quirinusa* (Деллингера).

нѣ сходились въ своей враждѣ противъ меньшинства и въ приверженности ученію о папской непогрѣшимости.

И среди оппозиціоннаго меньшинства замѣчаются за это время нѣкоторыя разногласія и колебанія, притомъ, къ сожалѣнію, такого характера, что и безъ того несильные своею корпоративною представителями оппозиціи теперь, въ самое важное для нихъ время, когда отъ нихъ слѣдовало ожидать большей энергіи и большей твердости,—являются по отношенію къ большинству почти совсѣмъ безсильными. Такъ, одна часть представителей меньшинства, такъ или иначе, дѣлаетъ сторонникамъ папской непогрѣшимости нѣкоторыя уступки. Напр. *Ландриѳ* (*Landriot*), арх. реймскій, одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ членовъ умѣренно-католическаго лагеря, въ своей рѣчи, которую онъ держалъ въ засѣданіи 23 іюня, не постыдился высказать предъ всѣми, что онъ заранѣе покоряется всему, что папѣ угодно будетъ опредѣлять относительно схемы *de Ecclesia* и слѣд., и по вопросу о непогрѣшимости; хотя въ первой половинѣ той же своей рѣчи онъ и сказалъ, что, по его мнѣнію, необходимо тщательно изслѣдовать преданіе церковное и, уже на основаніи такого изслѣдованія, дѣлать соборное опредѣленіе ¹⁾. Другой примѣръ подобнаго колебанія и невѣрности основнымъ принципамъ меньшинства представляетъ за это время извѣстный уже читателямъ нашимъ архіепископъ майнцскій *Кеттелерз*. Когда мы выше дѣлали его характеристику, то указывали на то, какъ двуличенъ былъ его образъ дѣйствія на соборѣ. Неудивительно поэтому, что и въ послѣдній мѣсяць соборныхъ засѣданій его поведеніе отличалось такимъ же точно характеромъ. Не даромъ папа, говорятъ, какъ-то выразился о немъ за это время такъ: „Я не понимаю, чего добивается этотъ Кеттелерз; сегодня пишетъ онъ противъ меня и моей непогрѣшимости брошюры, а на другой день объявляетъ въ журнальныхъ статьяхъ, что онъ исполнилъ благоговѣнія ко мнѣ и вѣрить въ мою непогрѣшимость“. „Мнѣ кажется, что онъ не вполне въ здоровомъ умѣ“ ²⁾. И такъ отзывался о Кеттелерѣ тотъ, ради „непогрѣшимости“ котораго майнцскій прелатъ въ самомъ

¹⁾ *Römische Briefe vom Concil von Quirinusa*, s. 577.

²⁾ *Ibidem*, s. 569.

непродолжительномъ времени такъ постыдно порвалъ съ умѣреннно-католическимъ лагеремъ (въ которомъ онъ, правда, всегда былъ весьма подозрительнымъ членомъ) и всецѣло сдѣлался защитникомъ ультрамонтанскихъ тенденцій! Впрочемъ, нельзя не сказать, что папа вполне вѣрно изобразилъ въ приведенныхъ нами словахъ Кеттелера, о которомъ среди меньшинства уже давно ходили слухи, что онъ находится подъ вліяніемъ іезуитовъ; а который, между—тѣмъ. еще въ засѣданіи 25 іюня въ своей рѣчи очень рѣзко нападалъ на папскую непогрѣшимость, выражая мысль, что это ученіе не имѣетъ за себя основаній ни въ св. Писаніи, ни въ Преданіи церковномъ¹⁾. Невольно приходитъ на мысль, нельзя-ли объяснить такую его двуличность тѣмъ, что онъ слѣдовалъ совѣтамъ своихъ учителей—іезуитовъ, у которыхъ часто употребляется приемъ такой казущейся двуличности для достиженія цѣлей имъ однимъ извѣстныхъ. Странно только въ такомъ случаѣ то, какъ самъ папа не проникалъ въ истинное значеніе поступковъ майницкаго архіепископа и подозрѣвалъ его даже въ ненормальности умственныхъ способностей...

Если, съ одной стороны, среди оппозиціоннаго меньшинства находились лица, подобныя *Ланаріо* и *Кеттелеру*, то, съ другой стороны, среди того же меньшинства, за послѣдній мѣсяць соборныхъ засѣданій, можно отмѣтить и такихъ прелатовъ, которые очень смѣло и открыто выступали защитниками своего дѣла, чѣмъ немало смущали своихъ противниковъ—ультрамонтанъ. Въ такимъ замѣчательнымъ личностямъ слѣдуетъ отнести: *Марэ* (*Maret*), епископа *in partibus*; *Веро* (*Verot*), еп. Саванны въ Сѣв. Америкѣ; кардинала *Гайди* (*Guidi*); *Преметца*, еп. эрмеландскаго; *Раушера*, кардинала и архіепископа вѣнскаго; *Кѣтрика*, архіепископа Савъ-Луи въ Сѣв. Америкѣ; *Коттальми*, еп. галифакесскаго; *Жинюльиак* (*Genoulhiac*), еп. ліонскаго; *Давида*, еп. сенъ-брійкскаго и нѣк. другихъ, не говоря уже о *Шпротсмайеръ*.

Остановимъ вниманіе нашихъ читателей на перечисленныхъ прелатахъ и постараемся, насколько можно, характернѣе и рельефнѣе изобразить ихъ взгляды на папскую непогрѣшимость,

¹⁾ *Quirinus*, s. 578.

на основаніи ихъ рѣчей и заявленій, относящихся къ послѣднему мѣсяцу Ватиканскаго собора.

Марэ произнесъ въ засѣданіи 3 іюня очень смѣлую рѣчь, въ которой обратилъ вниманіе членовъ собора на то внутреннее противорѣчіе, въ какое впадаетъ ультрамонтанское большинство, когда всѣми мѣрами старается возвести ученіе о папской непогрѣшимости на степень догмата вѣры. Выходить чрезъ это, по мнѣнію *Марэ*, такого рода дилемма: или соборъ Ватиканскій долженъ даровать папѣ непогрѣшимость, которой онъ еще не имѣетъ; въ такомъ случаѣ въ роли дающаго является соборъ, который, слѣдовательно, выше того, кому даетъ (т. е. выше папы), и притомъ выше въ силу Божественнаго права. Или же самъ папа можетъ дать самому себѣ свойство непогрѣшимости, котораго онъ раньше не имѣлъ; въ такомъ случаѣ онъ, слѣдовательно, имѣетъ власть по собственной инициативѣ примѣнять Богоучрежденный порядокъ въ Церкви. А если такъ, то къ чему тогда созваніе собора, и какое значеніе соборнаго опредѣленія¹⁾? (Въ этихъ словахъ *Марэ* настолько правдиво указывалъ на всю внутреннюю несостоятельность ученія о папской непогрѣшимости и на прямое его противорѣчіе древне-православному ученію о власти соборовъ, что, конечно, его рѣчь не могла понравиться большинству. Неудивительно поэтому, что председатель, кардиналъ *Биліо*, съ гнѣвомъ прервалъ его и не постыдился при всемъ соборѣ закричать ему такіа обидныя слова: *tu non nosti prima verba fidei* (т. е. ты не знаешь основныхъ истинъ вѣры)! Такое замѣчаніе было тѣмъ обиднѣе по отношенію къ *Марэ*, что, вѣдь, опъ, какъ мы уже знаемъ, былъ извѣстенъ всему католическому міру многими своими учеными богословскими трактатами и особенно своимъ капитальнымъ сочиненіемъ „о вселенскомъ соборѣ“ (*du Concile général...*). Не смотря на страшный шумъ, какой подняло большинство, вслѣдъ за сигналомъ, даннымъ *Биліо*, *Марэ* не смутился, но съ большимъ самообладаніемъ и достоинствомъ спросилъ председателя: „можно-ли свободно продолжать рѣчь?“—и затѣмъ, дѣйствительно, сталъ

¹⁾ *Quirinus*, s. 515.

говорить далѣе до конца ¹⁾. Нѣсколько позднѣе, именно въ за-сѣданіи 1 іюля, Марэ выступилъ на соборѣ съ другою рѣчью, не менѣе замѣчательною, въ которой онъ очень откровенно высказалъ, что новый догматъ о папской непогрѣшимости приведетъ Церковь въ состояніе духовнаго рабства, причемъ епископы совершенно лишатся своей самостоятельности и сдѣлаются орудіями куріи ²⁾.

Личность епископа *Веро* не менѣе симпатична, чѣмъ личность Марэ. И онъ, какъ и французскій его собратъ, очень смѣло высказался противъ ученія о папской непогрѣшимости въ присутствіи многочисленнаго собранія, въ за сѣданіи 6 іюня. Его замѣчанія направлены были, собственно, противъ выраженія, употребленнаго въ предисловіи къ схемѣ *de Romani pontificis primatu: „juxta communem et universalem doctrinam“*, т. е. „согласно общему и вселенскому ученію“. Въ этомъ выраженіи утверждалось, будто папская непогрѣшимость была во все времена общецерковнымъ ученіемъ. Веро категорически это отрицаетъ и прямо говоритъ, что названное ученіе есть не что иное, какъ доктрина извѣстной школы—ультрамонтанской ³⁾. Высказать такое положеніе было дѣломъ великаго мужества, такъ-какъ слушателями рѣчи Веро были, по большей части, именно ультрамонтане, за которыми стоялъ самъ папа.

Если мы съ невольнымъ уваженіемъ останавливаемся на именахъ тѣхъ представителей оппозиціи, которые такъ смѣло и безбоязненно выступали съ своими рѣчами противъ ультрамонтанъ; то тѣмъ болѣе должны мы воздать особенную дань живѣйшей симпатіи одному замѣчательному прелату, который, не смотря на свою принадлежность къ большинству, тѣмъ не менѣе заявилъ себя, и совершенно неожиданно, правдивѣйшимъ ораторомъ противъ ученія о папской непогрѣшимости. Это былъ кардиналъ *Гвиди* (*Guidi*). Курія и весь ультрамонтанскій лагерь никакъ не могли ожидать, что кардиналъ, притомъ римскій, выступитъ поборникомъ возрѣній меньшинства; поэтому, чѣмъ неожиданнѣе былъ ударъ, который нанесъ имъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ *Quirinus*, s. 594.

³⁾ Ibidem, s. 516.

Гвиди. тѣмъ онъ былъ для нихъ чувствительнѣе и рѣзче. Личность Гвиди замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего это былъ одинъ изъ самыхъ ученыхъ богослововъ; одно время онъ слушалъ лекціи богословія въ Вѣнскомъ университетѣ и затѣмъ, по возвращеніи въ Италію, усердно продолжалъ заниматься богословскими науками. Принадлежность его къ ордену доминиканцевъ дѣлала его всегда нѣсколько подозрительнымъ въ глазахъ іезуитовъ, такъ-какъ извѣстно, что доминиканцы очень часто отличались самостоятельностью своихъ богословскихъ возрѣній и своими независимыми взглядами по отношенію къ куріи. Впрочемъ, папа долгое время благоволилъ къ кардиналу Гвиди, считая его вполне благонадежнымъ ученымъ въ римскомъ (ультрамонтанскомъ) смыслѣ. Но очень скоро до Пія дошли слухи о „либеральныхъ“ взглядахъ его любимца и, вслѣдъ за симъ, онъ охладѣлъ къ послѣднему ¹⁾. И вотъ этотъ-то бывшій любимецъ папскій, а потомъ опальный кардиналъ, показалъ въ за сѣданіи 8 іюня такое мужество, примѣры котораго рѣдко встрѣчались на Ватиканскомъ соборѣ даже въ средѣ представителей меньшинства. Онъ произнесъ рѣчь, которая навсегда будетъ памятна въ лѣтописяхъ западной церкви. Уже самое начало этой замѣчательной рѣчи должно было сильно раздражить все ультрамонтанское большинство: Гвиди прямо заявилъ, что ученіе о непогрѣшимости одного лишь папы (въ отдѣльности отъ епископа) есть ученіе позднѣйшее, получившее свое начало только въ 14-мъ столѣтіи: и что, слѣдовательно, вся христіанская древность его не знала.

Что касается, собственно, термина *непогрѣшимый* то онъ, по словамъ Гвиди, приложимъ только къ извѣстнымъ актамъ, а никакъ не къ личностямъ. А всякій непогрѣшимый актъ церковный исходитъ отъ лица вселенской церкви, и именно двоякимъ путемъ: или *per consilium Ecclesiae sparsae* (т. е. чрезъ совѣщаніе представителей церкви, находящейся въ разсѣяніи), или *per Consilium* (т. е. чрезъ вселенскій соборъ). Далѣе Гвиди доказывалъ мысль, что въ опредѣленіи догматовъ папы никогда не дѣйствовали единолично и никогда не осу-

¹⁾ Хотя, до своей знаменитой рѣчи, Гвиди считался на соборѣ членомъ большинства.

ждали ереси своею собственною властію, безъ участія церкви ¹⁾. Лишь только онъ высказалъ эту мысль, въ засѣданіи поднялся страшный шумъ, среди котораго нѣкоторые прелаты дозволили себѣ самыя неприличныя выходки. Такъ, они кричали по адресу смѣлаго оратора: „birbante“ (что значитъ по русски *негодный*), „brigantino“ (т. е. *разбойникъ*). Но Гвиди не смутился, обличилъ своихъ фанатическихъ оппонентовъ въ нарушеніи правилъ, опредѣленныхъ самимъ папой для порядка соборнаго дѣлопроизводства, и спокойно продолжалъ, послѣ нѣкотораго перерыва, свою рѣчь. Возвратившись снова къ любимому своему тезису, что папа всегда все долженъ рѣшать сообща съ епископами, онъ предложилъ собору слѣдующія правила: 1) Si quis dixerit decreta seu constitutiones a Petri successore editas, continentis quandam fidei vel morum veritatem Ecclesiae universae ab ipso pro suprema sua et apostolica auctoritate propositas non esse ex templo omnimodo venerandas et toto corde credendas vel posse reformari—anathema sit. 2) Si quis dixerit Pontificem, cum talia edit decreta, posse agere arbitrio et ex se solo, non autem ex consilio episcoporum traditionem Ecclesiarum exhibentium—anathema sit ²⁾. Такимъ образомъ эти два правила представляли въ сжатомъ видѣ всю суть воззрѣній Гвиди на папскую власть и весьма напоминали собою тезисы Герсона во время Констанцскаго собора, тезисы, сдѣлавшіеся впоследствии главными пунктами галликанскаго воззрѣнія на папскую власть.

Рѣчь Гвиди произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ чле-

¹⁾ „In definiendis dogmatibus Papas nunquam ex se solis egisse, nunquam haeresim per se solos condemnasse“.

²⁾ 1. Если кто станетъ утверждать, что декреты и постановленія, исходящія отъ лица преемника Ап. Петра, содержащія въ себѣ какую-нибудь догматическую или нравственную истину и предложенныя всей церкви самимъ папой, въ силу его и апостольскаго авторитета,—не слѣдуетъ тотчасъ же и всецѣло почитать и всѣмъ сердцемъ съ вѣрою воспринимать, или же что ихъ можно измѣнять;—такой человекъ да будетъ отлученъ.

2. Если кто станетъ утверждать, что папа, когда онъ издастъ таковыя декреты, можетъ дѣйствовать произвольно и вполнѣ единолично, а не на основаніи совѣщанія съ епископами, которые являются представителями преданія церковнаго; такой человекъ да будетъ отлученъ.

Эти тезисы очень напоминаютъ собою также теорію епископа *Марэ* въ его сочиненіи: „Du Concil general“...

новъ собора, хотя каждая изъ двухъ сторонъ отнеслась при этомъ къ смѣлому оратору по своему, съ своей точки зрѣнія: ультрамонтане крайне на него озлобились, а оппозиція, напротивъ, наградила его самыми искренними выраженіями одобренія ¹⁾. Интереснѣе всего, какъ показалъ себя по отношенію къ Гвиди самъ папа. Вотъ какой разговоръ имѣлъ онъ съ „либеральнымъ“ кардиналомъ ²⁾. „Вы мой врагъ“, съ такими словами встрѣтилъ онъ провинившагося противъ него оратора: „вы глава моихъ противниковъ, вы не благодарны по отношенію ко мнѣ; вы изложили въ своей рѣчи еретическое ученіе“. На это Гвиди спокойно и почтительно отвѣтилъ: „моя рѣчь находится въ рукахъ президентовъ; пусть Ваше Святѣйшество изволитъ прочесть ее и указать въ ней то, что является ересію“.... Папа возразилъ: „Вы очень соблазнили соборное большинство; всѣ пять президентовъ вооружены противъ васъ и не довольны“. „Быть—можетъ“, отвѣчала опальный кардиналъ, „въ моей рѣчи и есть какое-либо заблужденіе чисто матеріальнаго характера, но никакъ не формальнаго. Я, вѣдь, только изъяснилъ ученіе, основанное на преданіи и на словахъ св. *Томы Аквината*“. Тутъ Пій IX неожиданно произнесъ слова, которыя навсегда стали знаменитыми въ исторіи не только *Вѣтиканскаго собора*, но и вообще папства. „*La tradizione son' io*“, т. е. „*преданіе—это я*“. Какъ ни лаконично это выраженіе, однако оно удивительно вѣрно и мѣтко характеризуетъ собою всю систему папства, идеаль котораго, начиная, можно сказать, еще съ *Григорія VII*, заключался именно въ томъ, чтобы поставить себя не только выше церковнаго преданія, но даже и совершенно отождествить себя съ этимъ послѣднимъ. Уже въ средніе вѣка папы дерзнули совершить первый изъ этихъ двухъ антицерковныхъ актовъ,—подчинили себѣ почти всецѣло церковное преданіе, хотя и встрѣчали не мало противодѣйствія со стороны не только многихъ отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ соборовъ. На *Ватиканскомъ соборѣ* долженъ былъ совершиться второй антицерковный актъ,—совершенное отождествленіе папской власти съ церков-

¹⁾ *Quirinus*, s. 525. 527.

²⁾ *Ibidem*, 555.

нымъ преданіемъ, что было вполне равносильно смертному приговору надъ властію соборовъ и епископовъ.

Къ сожалѣнію, Гвиди не устоялъ до конца въ своей твердости и вѣрности дѣлу оппозиціи: въ засѣданіи 11 іюля онъ совершенно перешелъ на сторону ультрамонтанъ,—подалъ свой голосъ въ пользу третьей главы схемы о папствѣ (— главы, въ которой находилось, между прочимъ, правило съ теоріей о *вселенскомъ епископствѣ* папы) ¹⁾.

Кременцъ армеландскій уже знакомъ нашимъ читателямъ изъ той характеристики, которую мы сдѣлали раньше въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь упомянемъ объ одной его замѣчательной рѣчи, въ которой онъ высказалъ совершенно православный взглядъ на ученіе объ основаніи Церкви. Если строго слѣдовать Св. Писанію, то по его словамъ, не только нельзя считать папу таковымъ основаніемъ, но даже и самыхъ Апостоловъ и Пророковъ слѣдуетъ именовать лишь второстепенными основаніями Церкви („названы суще на основаніи Апостоль и Пророкъ, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу“—Ефес. 2, 20), у которой главное основаніе одно,—Самъ Господь Иисусъ Христосъ. Какъ католикъ, Кременцъ, только ту допускаетъ неправославную мысль, что считаетъ и самого папу какъ-бы нѣкоторымъ камнемъ въ основаніи церковномъ, хотя менѣе, чѣмъ второстепеннымъ, такъ—какъ онъ только преемникъ Ап. Петра. Рѣчь эту Кременцъ произнесъ въ засѣданіи 14 іюня ²⁾.

Весьма достойна вниманія всякаго православнаго богослова и та рѣчь, которую держалъ кардиналъ *Раунеръ* въ томъ же засѣданіи по поводу вопроса о личной папской непогрѣшимости. Ученый ораторъ сталъ при этомъ на почву церковно-историческую, которая была въ данномъ вопросѣ самымъ вѣрнымъ пробнымъ камнемъ для отвѣта на то, православно-ли ученіе о папской непогрѣшимости или нѣтъ ³⁾. Привелъ онъ изъ исторіи папства краснорѣчивые примѣры двоедушія Вигилія (во время спора о трехъ главахъ), ереси Гонорія, конфликта между папами Николаемъ III и Іоанномъ XXII и вывелъ изъ всего

¹⁾ *Quirinus*, s. 618.

²⁾ *Quirinus*, s. 531.

³⁾ *Ibidem*, s. 532—533.

этого ту мысль, что во все времена сами папы своими поступками и распоряженіями въ области догматической и канонической, какъ нельзя болѣе ясно обнаруживали отсутствіе у нихъ свойства непогрѣшимости. Вооружаясь противъ ученія инфалиблистовъ, маститый кардиналъ предложилъ для соглашенія между членами собора слѣдующую формулу *Антонина Флорентійскаго*: что папа лишь тогда непогрѣшимъ, когда онъ внимаютъ рѣшенію вселенской Церкви (*utens consilio universalis Ecclesiae*) ¹⁾. Предложить эту формулу было со стороны Раунера актомъ большой смѣлости, такъ-какъ указанный флорентійскій прелатъ, авторъ названной формулы, былъ однимъ изъ отцовъ того ненавистнаго для ультрамонтанъ направленія, которое извѣстно подъ именемъ галликанства.

Среди представителей меньшинства звѣздою первой величины можетъ быть названъ и архіепископъ Сень-Луи въ Сѣв. Америкѣ,—*Кенрикъ*, которому также принадлежатъ за послѣдній мѣсяцъ Ватиканскаго собора очень замѣчательныя заявленія. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, написанныхъ по поводу собора, которое ходило по рукамъ засѣдавшихъ здѣсь прелатовъ,—*Кенрикъ*, между-прочимъ, высказываетъ такія замѣчательныя мысли. „Епископы“, говоритъ онъ „всегда имѣли значеніе судей по дѣламъ вѣры. Если же признать, что папа самъ по себѣ непогрѣшимъ, то тогда епископы будутъ имѣть возможность подтверждать его рѣшеніе, но на дѣлѣ не будутъ вовсе являться судьями въ вопросахъ, касающихся вѣры, и слѣдовательно не будутъ пользоваться тѣмъ правомъ, которое неотъемлемо отъ ихъ епископскаго званія. А лишиться этого права, хотя бы они и очень этого желали, епископы не въ состояніи, потому—что Самъ Господь сдѣлалъ его непремѣнною принадлежностію епископскаго сана“. А вотъ, что замѣчаетъ американскій прелатъ по поводу самого ученія о папской непогрѣшимости. „Ссылаются обыкновенно, въ подтвержденіе этого ученія на множество богослововъ, которые въ

¹⁾ *Антонинъ, Флорентійскій араіенскій епископъ*, скончался въ 1459 году. Присутствовалъ на Флорентійскомъ соборѣ, когда еще онъ былъ доминиканскимъ монахомъ. Ему принадлежатъ, между прочими твореніями, *Summa theologica*, откуда и взята приведенная формула.

разные вѣка высказывались въ его пользу. Но, чрезъ это, названное ученіе все таки не становится догматомъ вѣры. Божественное Провидѣніе не допускаетъ, чтобы подобныя мнѣнія, когда они лишены истиннаго основанія или противорѣчатъ основнымъ истинамъ вѣры, получали силу и значеніе догматовъ вѣры...“ Нельзя православному не восхититься при чтеніи и слѣдующаго заявленія того же архіепископа: „...Нѣкоторые мужи, память о которыхъ всегда будетъ сохраняться съ благоговѣніемъ, поднимали свой голосъ въ защиту той мысли, что въ вопросахъ, касающихся вѣры, не можетъ быть допущено никакого новшества¹⁾; что папская непогрѣшимость, взятая отдѣльно отъ непогрѣшимости Церкви, не имѣетъ за себя свидѣтельствъ ни изъ Писанія, ни изъ Преданія; что соборы имѣютъ своимъ назначеніемъ не простое подтвержденіе папскихъ рѣшеній, но изслѣдованіе ученія на основаніи Писанія и Преданія²⁾. Всѣ приведенныя нами мысли архіепископа Генрика настолько вѣрны и весьма во многомъ согласны со взглядами православныхъ богослововъ, что нельзя не отнестись къ нимъ съ самою искреннею и полною симпатіею. Невольно думается при чтеніи ихъ, что будь побольше такихъ членовъ оппозиціоннаго меньшинства, какимъ былъ Генрикъ, то, по всей вѣроятности, дѣло оппозиціи ни какъ не было бы потеряно...

Вполнѣ сроднымъ по духу съ архіепископомъ Генрикомъ оказался еще другой американскій прелатъ, *Конолли* (Connolly), епископъ галифаксскій (изъ Новой Шотландіи). Его смѣлая и эперичная рѣчь навсегда будетъ однимъ изъ немногихъ славныхъ памятниковъ стойкости нѣкоторыхъ (увы, весьма многочисленныхъ) членовъ умѣренно-католической партіи на Ватиканскомъ соборѣ; и эту рѣчь вполнѣ достойно поставить рядомъ съ знаменитой рѣчью еп. Штроссмайера, о которой мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. „Три раза“ сказалъ Конолли, „я уже настоятельно просилъ, чтобы мнѣ доказали, на основаніи правильнаго истолкованія библейскихъ мѣстъ, а также и свидѣтельствъ изъ области Преданія и изъ дѣяній соборовъ, что епископы католической церкви не имѣютъ права прини-

¹⁾ *Quirinus*, s. 548. 550. Куршевъ нашъ.

²⁾ *Ibidem*, s. 550.

мать участія въ опредѣленіи догматовъ вѣры. Но моя просьба не уважена, и поэтому я прошу васъ теперь, какъ іерихонскій слѣпецъ (Лук. 18, 35), сдѣлайте насъ зрячими, и вѣрующими. Вѣдь, въ прежнія времена всегда держался тотъ порядокъ, чтобы папы сначала узнавали мнѣніе Церкви чрезъ созваніе соборовъ и чрезъ энциклики. До сихъ поръ мы находили самое сильное побужденіе для признанія извѣстнаго ученія за истинно вселенское въ томъ, что вся церковь, въ лицѣ совокупности всѣхъ епископовъ своихъ, соглашалась относительно этого ученія. И этотъ щитъ мы всегда противопоставляли всѣмъ врагамъ Церкви, и въ то же время привлекали имъ, какъ магнитомъ, въ лоно Церкви великое множество людей. И теперь это чудное, несокрушимое наше орудіе должно быть сломано и брошено къ нашимъ ногамъ! Тысячеголовый епископъ вмѣстѣ съ милліонами вѣрующихъ, съ нимъ нераздѣльныхъ, долженъ отселѣ выразиться въ голосъ, въ свидѣтельство одного человѣка! Пусть соборная депутація намъ докажетъ, что, дѣйствительно, и прежде, и во всѣ времена въ Церкви была та практика, въ силу которой папа былъ *все*, а епископы—*ничто*. На соборѣ Іерусалимскомъ принята была формула не Ап. Петра, но говорившаго послѣ него Ап. Іакова. И въ символѣ Апостольскомъ не написано: „Вѣрую въ Ап. Петра и въ его преемниковъ (Credo in Petrum et successores)“, но сказано такъ: *спрую во единую Церковь католическую (Credo in unam Ecclesiam catholicam)*. Мы, епископы, не имѣемъ права отказать для себя и для своихъ преемниковъ отъ древнихъ преимуществъ епископскаго званія и оставлять безъ вниманія обѣтованіе Христово: „Азъ есмь съ вами во вся дни до скончанія вѣка“. А теперь насъ хотятъ превратить въ ничто, намѣреваются выломать изъ первосвященническаго нагрудника епископовъ самый драгоценный камень, отнять изъ ихъ правъ самую почетную прерогативу; такъ что вся Церковь и епископы вмѣстѣ съ нею должны быть, вслѣдствіе сего, превращены въ толпу слѣпцовъ, среди которыхъ находится будетъ одинъ зрячій; что онъ имъ скажетъ, тому они и вѣрить должны...“¹⁾. Такова наиболѣе характер-

¹⁾ *Quirinus*, s. 564—565.

ная выдержка изъ рѣчи еп. Конолли. Думаемъ, что она настолько краснорѣчиво обличаетъ всю незаконность ультрамонтанскихъ стремленій возвести ученіе о папской непогрѣшимости на степень догмата вѣры,—что въ особенныхъ комментаріяхъ съ нашей стороны не нуждается.

Въ засѣданіи 28 іюня держалъ, между прочими ораторами, рѣчь *Жинульякъ*, епископъ ліонскій, очень ученый и умный представитель французской церкви. Онъ сослался на примѣры нѣкоторыхъ прежнихъ папъ (напр. на Целестина I, жившаго во время появленія Несторіевой ереси), которые, по его словамъ, никогда не считали себя господами или владыками въ вопросахъ вѣры, но только охранителями откровеннаго ученія, и притомъ не въ отдѣльности отъ всѣхъ другихъ помѣстныхъ церквей и ихъ епископовъ. Самъ папа Пій VI, по словамъ Жинульяка, не смотря на сильный гнетъ, который проявлялъ по отношенію къ нему Наполеонъ I, не скоро согласился обнародовать свой декретъ противъ *гражданской конституціи французскаго духовенства* (*Constitution civile du clergé*), но послѣ долгаго обдумыванія того обстоятельства, какъ примутъ этотъ декретъ всѣ члены французской церкви ¹⁾.

Еще замѣчательнѣе была рѣчь другаго французскаго же прелата, епископа сень-бріакскаго *Давида*, въ засѣданіи 1 іюня. По его словамъ, ученіе о папской непогрѣшимости появилось не ранѣе 15-го вѣка. Если бы оно, дѣйствительно, было всегдашнимъ, слѣд. древне-церковнымъ ученіемъ, то можно было бы найти и ранѣе 15-го вѣка ясную его формулировку. Далѣе Давидъ не убоился выступить въ защиту галликанства и очень убѣдительно доказывалъ, что прежде многіе папы относились къ нему весьма благосклонно ²⁾.

Таковы были наиболѣе выдающіеся защитники умѣренно-католическихъ воззрѣній въ послѣдній періодъ Ватиканскаго собора. Многое, очень многое могли бы они сдѣлать, если бы въ ихъ лагерѣ было болѣе единства, и если бы они всѣ одинаково ясно сознавали, какой именно тактики необходимо имъ было держаться по отношенію къ противному имъ лагерю.

¹⁾ *Quirinus*, s. 581.

²⁾ *Ibidem*, s. 594.

Но, какъ мы уже сказали, именно этого-то у нихъ и не доставало. Кроме того, многіе изъ нихъ, даже самые энергичные борцы противъ ультрамонтанскихъ стремленій, во все время собора едва-ли думали о томъ, какъ должны они поступить въ томъ случаѣ, если на соборѣ, наконецъ, восторжествуетъ большинство, и пресловутое ученіе о непогрѣшимости папы будетъ возведено на степень догмата. На нихъ пало отвосительно этого вопроса удивительное ослѣпленіе, которое можно объяснить только тѣмъ, что они долго не могли вполне проникнуть во всѣ тонкости іезуитско-ультрамонтанской тактики. Важнымъ основаніемъ для нерѣшительности меньшинства, можетъ—быть, было и то, что почти всѣ его представители боялись, какъ огня, раскола: мысль, что, въ случаѣ побѣды большинства, ихъ собственный протестъ противъ новаго догмата можетъ подвергнуть ихъ самихъ папскому отлученію,—пугала ихъ въ высшей степени и парализовала всѣ ихъ попытки такъ или иначе проявить свою самостоятельность. Даже такой энергичный борецъ за дѣло меньшинства, какъ кардиналъ Раушеръ, однажды такъ отѣбтилъ на вопросъ профессора Фридриха, что онъ намѣренъ дѣлать въ случаѣ, если бы провозглашенъ былъ новый ультрамонтанскій догматъ: „Да я и самъ, право, не знаю. Одно могу только сказать,—*что я лично никогда не произведу раскола*“ ¹⁾. Очень вѣрно и мѣтко замѣчаетъ по этому поводу Фридрихъ, что эта фраза ясно обнаруживала слабое мѣсто меньшинства, и что въ этомъ „нежеланіи раскола“ зсжала главная причина его будущаго скорого пораженія ²⁾. А это пораженіе не заставило себя долго ждать: извѣстно, какъ печально для меньшинства окончилось засѣданіе 18 іюня. Незадолго до этого памятнаго дня, именно 13 іюня, умѣренно-католическая оппозиція сдѣлала, можно сказать, послѣднюю отчаянную попытку соединить свои разрозненные силы противъ общаго врага,—ультрамонтанскаго большинства; такъ, рѣшительно не одобрило папской схемы *85 челонокъ*, (въ томъ числѣ такіа крупныя личности, какъ кардиналы Шварценбергъ и Раушеръ, архіепископы Симоръ, Жи-

¹⁾ *Tagbuch...* von Friedrich, s. 233.

²⁾ *Ibidem*.

пулякъ, Гайнольдъ, Дарбуа, Марэ, Штроссмайеръ и мн. др.)
 Всѣ они прямо подписались въ смыслѣ: *non placet*. Не вполнѣ
 рѣшительный отзывъ (*placet juxta modum*, т. е. „согласны, по
 съ условіемъ“) принадлежитъ 61 лицу. Кроме того, 90 или
 около этого мы находимъ совершенно не подписавшимися подъ
 схемой, за отсутствіемъ или по болѣзни (хотя бы и фиктив-
 ной), или по другимъ причинамъ. Казалось, что, послѣ этого,
 у меньшинства могла еще блеснуть надежда на успѣхъ своего
 дѣла. Но на самомъ дѣлѣ вышло совершенно противоположное, какъ
 сейчасъ увидимъ.)

За три дня до роковаго 18-го числа іюля, именно 15-го ве-
 черомъ, къ папѣ явилась депутація отъ меньшинства, въ со-
 ставѣ которой вошли слѣдующія лица: примаъ Венгріи—Си-
 моръ, Шонекій архіепископъ Жинуаѣкъ парижскій—Дарбуа,
 мюнхенскій—Шерръ, майнцскій—Кеттелеръ и Ривэ (Rivet),
 епископъ дижонскій. Они просили папу, чтобы онъ согласился
 на вставку въ схему о его непогрѣшимости слѣдующихъ словъ:
 „*inmixtus testimonio ecclesiarum*“. Это означало, что только тѣ
 опредѣленія папы непогрѣшимы, которыя онъ дѣлаетъ, *опи-
 раясь на свидѣтельство церквей*. Папа сначала какъ-будто обна-
 дежилъ просителей, сказавъ, что онъ постарается, чѣмъ мо-
 жетъ, удовлетворить ихъ желаніе; но затѣмъ при нихъ же за-
 мѣтилъ, что, вѣдь, вся Церковь во все время учила о его
 непогрѣшимости (!). Вдругъ изъ депутаціи выступилъ Кетте-
 леръ и палъ на колѣна передъ папой, умоляя его не настаи-
 вать на провозглашеніи своей непогрѣшимости и чрезъ то со-
 хранить единство католической церкви въ томъ видѣ, въ ка-
 комъ оно было до начала собора. Странно и даже какъ-то дико
 было, вѣроятно, видѣть гордаго майнцакаго прелата, отрасль
 древняго рыцарскаго рода, у ногъ того, кого вскорѣ онъ же
 самъ призналъ „непогрѣшимымъ“,—особенно если принять во
 вниманіе цѣль этого необычнаго колѣнопреклоненія... Какъ бы
 то ни было, но Пій IX сначала какъ-будто былъ озадаченъ
 этимъ неожиданнымъ событіемъ, и поэтому, когда отпущала
 депутацію, то, казалось, былъ не далеко отъ того, чтобы усту-
 пить ея просьбѣ. Но большинство не дремало. Немедленно яви-
 лись къ папѣ два представителя его, Маннини (кардиналь—

архіепископъ каттерберійскій) и Сенестрей (архіепископъ ре-
 генсбургскій), и уговорили колеблющагося Пія ни за что не
 уступать меньшинству ¹⁾.

Такъ и совершилась прелюдія событія 18 іюля... Наступи-
 ло, наконецъ, и это роковое число. И вотъ, оказалось, что на
 засѣданіи этого дня почти всѣ представители оппозиціи отсут-
 ствовали (очевидно, потерявъ надежду побѣдить большинство!)
 Что же удивительнаго, если въ результатѣ голосованія 18 іюля
 только два голоса оказались съ рѣшительнымъ отрицаніемъ но-
 ваго догмата (конечно, рѣшительнымъ лишь въ данную минуту)?
 Исторія обязана навсегда сдѣлать ихъ имена памятными: это
 были—епископъ г. Кайаццо—*Riccio* (Riccio) и американскій
 епископъ (г. Little Rock)—*Фитц-Джеральдъ* (Fitz-Gerald). Если
 бы они, подобно Деллингеру и старокатоликамъ, остались вѣр-
 ными своему протесту, то ихъ имена сдѣлались бы, конечно,
 болѣе, чѣмъ памятными,—пожалуй, безсмертными, по увѣ! под-
 вигъ исповѣдничества былъ не по ихъ силамъ, какъ, это вско-
 рѣ оказалось, и они преспокойно признали, вмѣстѣ съ други-
 ми, новый догматъ. Но такому же позорному пути пошли и
 всѣ оппозиціонные прелаты, которые не присутствовали на
 засѣданіи 18 іюля: одни изъ нихъ раньше, другіе позднѣ
 (къ послѣднимъ принадлежали даже Гефеле и Штроссмайеръ!)
 покорились безпрекословно опредѣленію 18 іюля 1870 года,
 которымъ подписанъ былъ, поистинѣ, смертный приговоръ церкви
 на западъ!...

Заключеніе.

Итакъ, великая, вопіющая къ небу неправда совершилась
 18 іюля 1870 года! Вѣковая гордость римскихъ первосвящен-
 никовъ привела, наконецъ, къ апогею своего безумія: папа
 объявилъ себя обладателемъ того Божественнаго свойства, ко-
 торое, по непреложному обѣтованію Спасителя, принадлежитъ
 Его святой Церкви, и въ силу котораго она до скончанія вѣ-
 ка должна пребыть неодолимою вратами адавыми (Мат. 16.
 18). Иными словами: папа не только поставилъ самаго себя
 какъ-бы на мѣсто единой Главы церковной, Христа, но и впол-

¹⁾ *Quirinus*, s. 624—627.

нѣ отождествилъ себя и съ Его духовнымъ тѣломъ, Церковію. Однимъ словомъ, съ Ватиканскаго опредѣленія нѣтъ уже, строго говоря, на западѣ даже того остатка истинной Церкви, который такъ или иначе напоминалъ намъ, православнымъ, что между нашею истинно-древнею православною Церковію и западною „римско-католическою“ еще есть многое общее... Съ 1870 года между православіемъ и латинствомъ „пропасть велика утвердися“, которая не иначе можетъ уничтожиться, какъ если папа торжественно признаетъ себя снова (конечно, не на словахъ только, но и на дѣлѣ) тѣмъ, чѣмъ признавалъ себя великій римскій святитель, св. Григорій Великій (Двоесловъ), именно: „рабомъ рабовъ Божіихъ (servus servorum Dei)“, составляющимъ только одно изъ орудій, чрезъ которыя благодать Божія дѣйствуетъ на вѣрующихъ, но никакъ не *замѣстителемъ* Христа на землѣ ¹⁾. *Замѣстительство* Христа—это хула, которая справедливо всегда ужасала, ужасаетъ и будетъ ужасать нашу св. православную Церковь. Вотъ почему до тѣхъ поръ, пока римскій епископъ не покается въ своемъ великомъ грѣхѣ противъ Господа и Спасителя нашего единого истиннаго Главы Своей Церкви, и не возвратится къ духу смиренія и любви, какимъ всегда отличалась истинная Христова Церковь, наша Церковь не можетъ и думать объ общеніи съ Римомъ. Такое общеніе уже по той причинѣ было бы совершенно немислимымъ, что это означало бы для нашей Церкви отреченіе отъ того великаго сокровища, которое хранится въ ея нѣдрахъ,—отъ святаго Богопреданнаго ей ученія вѣры, которое она приняла отъ Самого Спасителя, чрезъ Его святыхъ Апостоловъ. Тогда она лишилась бы наименованія *Апостольской* и сдѣлалась бы, подобно Церкви западной, не болѣе, какъ церковію *римскою, ультрамонтанскою*. Напрасно, слѣдовательно нынѣшній папа Левъ XIII усиленно старается привлечь къ себѣ восточныхъ христіанъ, повторяя имъ въ разныхъ видахъ одну и ту же мысль,—будто-бы лишь при условіи единенія съ римскимъ престоломъ возможно осуществленіе

¹⁾ Известно, что и до сихъ поръ папа именуется себя „Servus servorum Dei“, но теперь это не болѣе, какъ простой титулъ, лишенный внутренняго смысла и значенія.

словъ Спасителя: *и будетъ едино стадо и единъ Пастырь* (Іоан. 10, 16). Нѣтъ, глубоко ошибается „непогрѣшимый“ римскій владыка: не онъ есть тотъ Пастырь, о которомъ говоритъ здѣсь Христосъ, но сей Пастырь есть Самъ Говорящій, Который неотступно пребываетъ съ Своею Церковію и никому не уступаетъ Своего главенства надъ ней. Помолимся Ему, чтобы Онъ, *ими же вѣсть судьбами*, и когда Ему угодно, совершилъ сіе единеніе между вѣрующими во имя Его, *да вси едино будутъ* (Іоан. 17, 21) и дабы *едиными усты и единымъ сердцемъ славилось и востъвалось* по всей вселенной *пречестное и великолѣпное имя Божіе, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.*